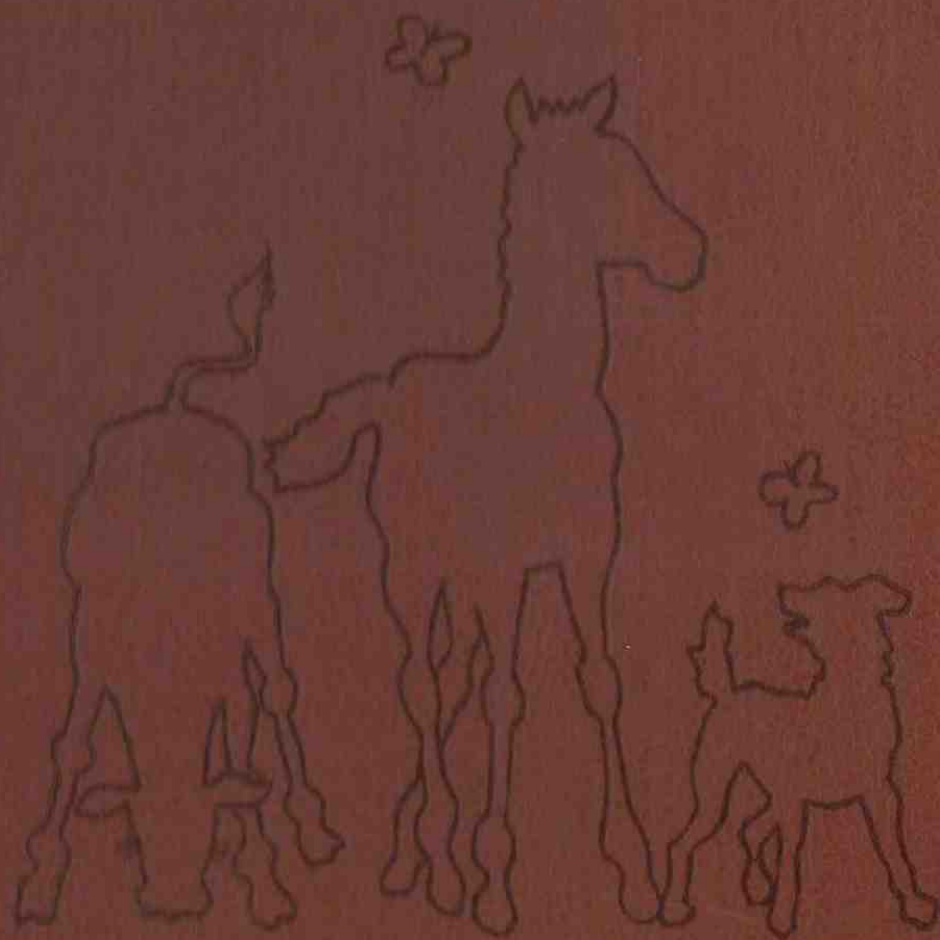

Джеймс Хэрриот

Джеймс Хэрриот И ВСЕ ОНИ- СОЗДАНИЯ ПРИРОДЫ

Издательство «Мир»

James Herriot
THE LORD GOD
MADE THEM ALL

Pan Books
London and Sydney

Джеймс Хэрриот И ВСЕ ОНИ- СОЗДАНИЯ ПРИРОДЫ

Перевод с английского
И. Гуровой

под редакцией
д-ра биол. наук, проф. Д. Ф. Осидзе

Москва «Мир» 1989

ББК 48
Х99
УДК 619:636

Хэрриот Дж.

Х99 И все они — создания природы: Пер. с англ./Под ред.
Д. Ф. Осидзе.— М.: Мир, 1989.— 260 с., ил.

ISBN 5-03-000518-8

Научно-художественная книга английского писателя, уже известного советскому читателю по книгам «О всех созданиях — больших и малых» («Мир», 1985) и «О всех созданиях — прекрасных и удивительных» («Мир», 1987), завершает серию очерков ветеринарного врача о животных и их владельцах, с которыми ему приходилось встречаться за время своей многолетней практики.

Для любителей литературы о животных.

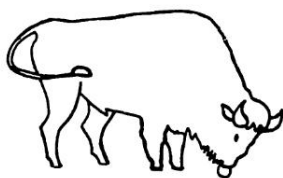
X $\frac{1907000000-258}{041(01)-89}$ 104—89

ББК 48

Редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы

ISBN 5-03-000518-8 (русск.)
ISBN 0-330-26763-9 (англ.)

© James Herriot 1981
© перевод на русский язык,
«Мир», 1989

Когда на меня упали ворота, я всем своим существом понял, что действительно вернулся домой.

Мои мысли без труда перенеслись через недолгий срок службы в авиации к тому дню, когда я последний раз приезжал на ферму мистера Рипли — «поши-

пать пару-другую теляток», как выразился он по телефону, а точнее, охолостить их бескровным способом. Прощай утро!

Поездки в Ансон-Холл всегда напоминали охотничьи экспедиции в африканских дебрях. К старому дому вел разбитый проселок, состоявший из одних рытвин и ухабов. Он петлял по лугам от ворот к воротам — всего их было семь.

Ворота — одно из тягчайших проклятий в жизни сельского ветеринара, и до появления горизонтальных металлических решеток, для скота непроходимых, мы в йоркширских холмах особенно от них страдали. На фермах их обычно бывало не больше трех, и мы кое-как терпели. Но семь! А на ферме Рипли дело было даже не в числе ворот, но в их коварности.

Первые, преграждавшие съезд на узкий проселок с шоссе, вели себя более или менее прилично, хотя за древностию лет сильно проржавели. Когда я сбросил крюк, они, побряхтывая и постанывая, сами повернулись на петлях. Спасибо хоть на этом. Остальные шесть, не железные, а деревянные, принадлежали к тому типу, который в Йоркшире называют «плечевыми воротами». «Меткое название!» — думал я, приподнимая очередную створку, поддевая плечом верхнюю перекладину и описывая полукруг, чтобы открыть путь машине. Эти ворота состояли из одной створки без петель, попросту привязанной к столбу веревкой у одного конца сверху и снизу.

Даже с обычными воротами хлопот выпадало предостаточно. Останови машину, вылезь, открой ворота, влезь в машину, минуй ворота, снова останови машину, вылезь, закрой за собой ворота. Но поездка в Ансон-Холл требовала поистине каторжного труда. Чем ближе к дому, тем более ветхими становились эти адские изобретения, и, подпрыгивая на колдобинах, я приближался к седьмым, весь красный от работы, которую мне задали шестые.

Но вот они — последние и самые грозные. Характер у них был преподлый и очень злобный. За многие-многое годы их столько

раз латали и подправляли, жалея на них новые жерди, что, по всей вероятности, от первозданного материала не осталось ничего. И тем они были опасней.

Я вылез из машины и сделал несколько шагов вперед. С этими воротами у нас были старые счеты, и несколько секунд мы молча взирали друг на друга. В прошлом нам довелось провести несколько напряженных раундов, и в счете, бесспорно, вели они.

Кое-как сбита, разболтанная створка к тому же висела на одной-единственной веревочной петле, расположенной посредине, а потому поворачивалась на весьма ненадежной оси с поистине сокрушающим эффектом.

Я осторожно приблизился к правой ее стороне и начал развязывать веревку, с горечью заметив, что она, как и все предыдущие, была аккуратно завязана бантом. Едва я дернул за конец, как створка высвободилась, и я поспешно вскинул руки к верхней перекладине. Но опоздал. Нижняя перекладина, будто живая, ловко и очень больно хлопнула меня по голени, а когда я попытался уравновесить створку, верхняя врезала мне по груди.

Всякий раз одно и то же! Я шажочек за шажочком повел створку по дуге, а перекладины лупили меня сверху и внизу. Да, поединок выходил неравный.

Без всякого удовольствия я заметил, что с крыльца дома за моими эволюциями благодушно наблюдает мистер Рипли. Все время, пока я боролся со створкой, он со вкусом попыхивал трубкой и не сдвинулся с места, пока я не подковылял по траве к крыльцу.

— А, мистер Хэрриот! Приехали пощипать моих теляток? — Шетинистые щеки пошли складками от широкой дружеской улыбки. (Брился мистер Рипли раз в неделю — в базарный день, — логично полагая, что в прочие шесть дней скрести лицо по утрам бритвой самое пустое дело. Кто же его видит-то, кроме жены и скотины?)

Я нагнулся и потер синяки на ногах.

— Мистер Рипли! Уж эти ваши ворота! Помните, в последний раз, когда я приезжал, вы мне свято обещали, что почините их? Вы, собственно, сказали, что поставите новые — уж давно пора! Ведь так?

— Что верно, то верно, молодой человек, — ответил мистер Рипли, согласно кивая. — Говорил я, как не говорить. Да ведь до таких мелочей руки все никак не доходят. — Он виновато усмехнулся, но тут же его лицо приняло выражение сочувственной озабоченности — я вздернул штанину и показал широкую ссадину на голени.

— Ой-ой-ой-ой! Ну — конец! На следующей неделе будут тут стоять новые ворота. Уж ручаюсь вам.

— Но, мистер Рипли, вы слово в слово то же сказали, когда в тот раз увидели, что у меня колено все в крови. «Ручаюсь вам!» Я хорошо помню...

— Да знаю я, знаю.— Фермер прижал большим пальцем табак в чашечке и вновь запыхтел трубкой.— Хозяйка меня каждый день точит, что голова у меня дырявая, но вы не сомневайтесь, мистер Хэрриот, это мне хорошим уроком послужит. За ногу я у вас прощения прошу, а от ворот вам никакой больше досады не будет. Уж ручаюсь вам.

— Ну, хорошо,— сказал я и захромал к машине за эмаскулятором*.— А где телята?

Мистер Рипли неторопливо пересек двор и открыл нижнюю дверь стойла.

— Тут они.

Над бревнами перегородки ряд могучих косматых голов равнодушно взирал в мою сторону. Я прирос к земле, а потому указал на них дрожащим пальцем:

— Вы вот про этих?..

— Они самые и есть,— весело закивал фермер.

Я подошел поближе и заглянул в стойло. Их было там восемь — крепких годовалых бычков. Одни покосились на меня с легким интересом, другие продолжали взбрыкивать ногами, раскидывая солому.

Я повернулся к фермеру.

— Опять вы...

— А?

— Вы меня вызвали пощипать теляток. А это не телята, а взрослые быки! Помните, какие чудовища стояли у вас тут в прошлый раз? Я чуть грыжи не нажил, так пришлось давить на щипца, и вы сказали, что в следующий раз охолостите их в три месяца. Сказали, что ручаетесь...

Фермер торжественно покивал. Он соглашался со всем без исключения, что бы я ни говорил.

— Верно, мистер Хэрриот, это самое я и сказал.

— Но им-то никак не меньше года!

Мистер Рипли пожал плечами и одарил меня бесконечно утомленной улыбкой.

— За временем-то разве уследишь? Так и летит, так и летит.

Я поплелся к машине за обезболивающим для местной анестезии.

— Ну, ладно,— буркнул я, наполняя шприц.— Если сумеете их изловить, попробую что-нибудь сделать.

Фермер снял со стены веревочную петлю и направился к дюжему бычку, что-то успокоительно бормоча. Бычок хотел было проскочить мимо, но петля на удивление ловко затянулась у него на морде и роге в точно выбранный момент. Мистер Рипли пропустил веревку сквозь кольцо в стене и туго ее натянул.

— Ну, вот, мистер Хэрриот. Быстренько и без неприятностей, верно?

---

* Эмаскулятор (от латинского *emasculo* — оскопляю, кастрирую) — хирургический инструмент, используемый для кастрации животных.— *Прим. ред.*

Я промолчал. Все неприятности предстояли мне. Я ведь работал в опасном тылу совсем рядом с копытами, которые, конечно, взметнутся вверх, если моему пациенту придется не по вкусу укол в семенник.

Но куда деваться? Вновь и вновь я анестезировал область мошонки, а копыта нет-нет да барабанили по моим рукам и ногам. Затем я приступил к самой операции — к бескровному разрушению семенного канатика без повреждения кожи. Бесспорно, это много удобнее старого способа с применением скальпеля, и на молоденького теленка тратятся какие-то секунды.

Другое дело — такие великаны. Чтобы захватить большую мясистую мошонку, эмаскулятор приходилось разводить чуть ли не в горизонтальное положение, а потом сжимать — из такой-то позиции! Тут и началось веселье.

После местной анестезии бычок ничего не чувствовал — или почти ничего, но я, отчаянно стараясь свести ручки эмаскулятора, испытывал холодное отчаяние: задача казалась непосильной. Однако человеческие мышцы, если хорошенько поднапрячься, творят чудеса. По моему носу ползли капли пота, я пыхтел, жал из последних сил, металлические ручки мало-помалу сближались и наконец щипцы с щелчком сомкнулись.

Я всегда накладываю их дважды с каждой стороны и, передохнув, повторил всю процедуру чуть ниже. Когда же было покончено и со второй стороной, я привалился к стене, ловя ртом воздух и стараясь не думать, что это только первый, что остается еще семь...

Прошло много, очень много времени, прежде чем наконец наступила очередь последнего. Глаза у меня вылезли на лоб, рот уже не закрывался, и тут меня осенило. Я выпрямился, встал сбоку от бычка и сказал сипло:

— Мистер Рипли, а почему бы вам самому не попробовать?

— А? — Все это время фермер невозмутимо наблюдал мои потуги, неторопливо выпуская изо рта сизые клубы табачного дыма, но такое предложение явно выбило его из колеи. — Как так?

— Видите ли, это последний, и мне хотелось бы, чтобы вы на опыте поняли, о чем я вам всегда говорил. Вот попробуйте сомкнуть щипцы.

Он немного поразмыслил.

— Так-то так, а кто будет скотину держать?

— Ерунда, — ответил я. — Привяжем его потуже к кольцу, я все подготовлю, и посмотрим, как получится у вас.

На лице фермера было написано легкое сомнение, но я решил настоять на своем и подвел его к хвосту бычка. Потом наложил эмаскулятор и прижал пальцы мистера Рипли к ручкам аппарата.

— Отлично, — сказал я. — Давайте!

Фермер набрал в легкие побольше воздуха, напряг плечи и начал давить на ручки. Ни малейшего эффекта.

Несколько минут я смотрел, как его лицо наливается кровью

и из красного становится лиловым. Глаза у него выпучились по-чище моих, а вены на лбу рельефно вздулись. Вдруг он застонал и повалился на колени.

— Нет, милоч, ничего у меня не получится. Зря старался.

— А ведь, мистер Рипли,— я положил руку ему на плечо и ласково улыбнулся,— вы от меня требуете именно этого!

Он покорно кивнул.

— Ну, ничего,— сказал я.— Теперь вы поняли, о чем я говорил. Простая, легкая работа превратилась в очень трудную, только потому, что телята успели вырасти. Если бы вы меня вызвали, когда им было три месяца, я бы справился с делом в один момент, ведь так?

— Что верно, то верно, мистер Хэрриот. Ваша правда. Я дурака сваял и уж больше такого не допущу.

Я про себя возгордился. Особой изобретательностью я не блещу, но во мне крепло убеждение, что я нашел-таки способ пронять мистера Рипли.

От восторга силы мои удесятились, и я благополучно закончил операцию. Шагая к машине, я упивался собственной находчивостью и совсем уж захлебнулся самодовольством, включив мотор, потому что фермер наклонился к окошку.

— Спасибо вам, мистер Хэрриот,— сказал он.— Вы меня нынче утром кое-чему научили. Когда приедете в следующий раз, будут вам новенькие ворота, и к таким зверюгам я вас тоже больше звать не буду. Уж ручаюсь вам.

Сколько же времени прошло с того утра? Ведь было это еще до моего ухода в армию. Но теперь я вновь свыкался с гражданской жизнью и вновь ощутил вкус многого, казалось бы, прочно забытого. Впрочем, когда затрезвонил телефон, я ощущал вкус, которого никогда не забывал,— дивный вкус обеда, приготовленного Хелен.

Воскресный обед включал традиционный ростбиф и йоркширский пудинг. Жена как раз положила на мою тарелку солидный ломоть пудинга и теперь поливала его мясным соусом неописуемого аромата. После типичного для ветеринара воскресного утра, занятого метаниями с фермы на ферму, я готов был съесть быка, и мне пришло в голову, как приходило уже не раз, что, доведись мне знакомить какого-нибудь иностранного гурмана с достоинствами английской кухни, я бы непременно угостил его йоркширским пудингом.

Бережливые фермеры в самом начале обеда набивали животы своих чад и домочадцев ломтями йоркширского пудинга под мясным соусом, пуская в ход лукавую прибаутку: «Кто больше пудинга съедает, тот больше мяса получает!» Последнее не вполне соответствовало истине, но само блюдо — божественно. Положив в рот первый кусочек, я предвкушал, как Хелен, когда я очищу

тарелку, вновь ее наполнит говядиной, картошкой и утром сорванными у нас на огороде горохом и красной фасолью.

И вот тут в мои блаженные размышления врезался пронзительный звук телефона. Нет, сказал я себе твердо, обеда мне ничто не испортит. Самый неотложный случай в ветеринарной практике как-нибудь да подождет, пока я не покончу со вторым блюдом.

Тем не менее трубку я взял трепетной рукой, а раздавшийся в ней голос вверх меня в мучительную тревогу. Мистер Рипли! О господи, только не это! Только не в Ансон-Холл по ухабам и рытвинам! Ведь сегодня все-таки воскресенье.

А голос гремел мне в ухо. Мистер Рипли принадлежал к тем, кто был убежден, что по телефону обязательно надо кричать, иначе на таком расстоянии могут и не услышать.

— Ветеринар, что ли?

— Да. Хэрриот слушает.

— Так вы что, с войны вернулись?

— Вернулся.

— Ну, так вы мне сию минуту требуется. Одна моя корова совсем плоха.

— А что с ней? Что-нибудь срочное?

— Да уж! Ногу сломала, не иначе.

Я отодвинул трубку от уха: мистер Рипли еще повысил мощность звука, и голова у меня гудела.

— Но почему вы так думаете? — спросил я, чувствуя неприятную сухость во рту.

— Так она же на трех ногах стоит, — проревел фермер. — А четвертая болтается вроде.

Черт, симптом самый зловеющий. Я печально взглянул через стол на мою полную тарелку.

— Хорошо, мистер Рипли, я приеду.

— Сию минуту, а? Тянуть не будете?

— Нет. Сейчас и выезжаю.

Я положил трубку, потер ухо и повернулся к Хелен.

Она подняла голову, и я увидел страдальческое лицо женщины, которая живо рисует в воображении, как ее йоркширский пудинг оседает, превращается в бесформенные руины.

— Но на несколько минут ты ведь можешь задержаться?

— Прости, Хелен, только тут и секунды играют роль! — У меня перед глазами возникла корова, которая мечется от боли и еще больше повреждает сломанную ногу. — Да и он места себе не находит. Нет, нужно ехать немедленно!

У моей жены задрожали губы.

— Ничего. Поставлю его в духовку до твоего возвращения.

Выходя, я увидел, как Хелен взяла мою тарелку и повернулась к двери на кухню. Но мы оба знали, что это конец. Никакой йоркширский пудинг не продержался бы до моего возвращения. Ведь я ехал в Ансон-Холл.

Я вырулил на улицу и прибавил газу. Рыночная площадь мир-

но дремала в воскресном покое, и солнце щедро лило свои лучи на булыжник, которого еще не касалась ничья нога. Все обитатели Дарроуби уписывали за закрытыми дверями свои праздничные обеды. Начались луга, и я вжал педаль газа в пол, так что каменные стенки только мелькали мимо, но вот уже пора сворачивать на проселок, и тут началось...

После демобилизации я ехал этой дорогой впервые и, видимо, сам того не сознавая, ожидал каких-то перемен. Однако железные ворота остались почти прежними, только ржавчины на них заметно прибавилось. С нарастающим ощущением обреченности я проезжал деревянные ворота, развязывая веревки и перетаскивая створку на плече по дуге, пока не добрался до седьмых.

Эти последние, самые страшные ворота поджидали меня во всей своей прежней ветхости и несуразности. Подходя к ним почти на цыпочках, я отказывался верить глазам. С тех пор, как я в последний раз созерцал эти ворота, мне довелось изведать много всего. Я обитал в совсем ином мире строевой подготовки, постижения штурманских премудростей и под конец — даже учебных полетов. А эта скрипучая махина стояла тут и в ус себе не дула.

Я внимательно осмотрел створку. Криво сбитые разболтанные перекладины остались прежними, как и единственная веревочная петля. Даже веревка, наверное, была той же. Невероятно! Но тут я заметил кое-какую перемену: мистер Рипли, видимо, опасаясь, как бы скот не завел привычку почесывать бока об этот древний бастион и не повредил его, позаботился украсить створку фестонами колючей проволоки.

Но, может быть, время смягчило их натуру? Уж наверное, они не сохранили всей своей былой злобности! Я осторожно ослабил нижнюю веревку с правой стороны и с бесконечным тщанием развязал бант наверху. Уф! Кажется, обошлось! Но тут веревка упала, и створка размахнулась на левой петле со всей своей былой свирепостью.

Она ударила меня в грудь и сразу же хлопнула по ногам, но я почувствовал и кое-что новенькое: мне в ногу сквозь брючину впились железные колючки. Я отчаянно отбивался от створки, но она молотила меня то сверху, то снизу. Я откинулся, оберегая грудную клетку, ноги у меня подкосились, и я рухнул навзничь. Не успела моя спина соприкоснуться с грунтом, как створка лихо придавила меня сверху.

В прошлом я несколько раз чуть было не оказывался под ней, но успевал увернуться, и вот теперь ей наконец удалось меня накрыть. Я попытался выползти на свободу, но колючая проволока надежно меня удерживала. Я оказался в ловушке.

Мучительно выгнув шею, я поглядел поверх створки. До фермы было не больше сорока шагов, но там все словно вымерло. Странно! Где измученный тревогой хозяин? Я-то думал, что он мечется по двору, ломая руки! И вот нигде ни души.

Позвать на помощь? Но я тут же отказался от этой мысли: уж

очень глупо все получилось. Оставалось одно... Я схватил верхнюю перекладину обеими руками и рывком приподнял ее, стараясь не слышать треска рвущейся одежды, а потом очень медленно выбрался из-под створки.

Ее я оставил валяться на земле. Обычно я с особым тщанием закрываю за собой все ворота, но на лугах не было скота, да и вообще меня не тянуло вступать со створкой в новое единоборство.

В ответ на мой стук дверь отворилась.

— А, мистер Хэрриот! Погодка-то какая! — сказала миссис Рипли, продолжая вытирать тарелку и одновременно пытаюсь одернуть передник на обширных бедрах, с беззаботной улыбкой (совсем такой же, как у ее мужа, — вспомнилось мне).

— Да-да, отличная... Меня вызвали посмотреть вашу корову. Ваш муж дома?

Она покачала головой.

— Нету его. Еще не вернулся из «Лисы с гончими».

— Что!? — Я растерянно уставился на нее. — Это же трактир в Дайвертоне, верно? Но, насколько я понял, речь шла о чем-то неотложном...

— Так ведь он же пошел туда, чтобы вам позвонить. Телефона-то у нас нету. — Ее улыбка стала еще шире.

— Но... но ведь почти час миновал! Ему давно пора вернуться.

— Так-то так, — ответила она, согласно кивая. — Только ведь там он дружков-приятелей повстречал, не иначе. В воскресное-то утро они там все собираются.

Я запустил пятерню в волосы.

— Миссис Рипли, я из-за стола встал, чтобы добраться сюда побыстрее!

— Ну, мы-то уж отобедали, — ответила она мне в утешение. Впрочем, она могла бы мне этого и не объяснять: из кухни веяло аппетитным запахом жаркого, которому, конечно же, предшествовал йоркширский пудинг.

Я немного помолчал, а потом, глубоко вздохнув, буркнул:

— Так, может, я пока посмотрю корову. Скажите, будьте добры, где она?

— А вон! — Миссис Рипли показала на стойло в дальнем углу двора. — Пойдите поглядите на нее. Он скоренько вернется.

Меня словно кнутом ожгло. Жуткое слово! «Скоренько» в Йоркшире — выражение весьма употребительное и может означать любой промежуток времени вплоть до двух часов.

Я открыл верхнюю створку двери и посмотрел на корову. Она, безусловно, охромела, но когда я приблизился к ней, запрыгала по подстилке, тыча поврежденной ногой в пол.

Ну, кажется, обошлось без перелома. Правда, на ногу она не опиралась, но, с другой стороны, будь нога сломана, то болталась бы, а этого нет. Я даже вздохнул от облегчения. У крупных животных перелом почти всегда равносильен смертному приговору, потому что никакой гипс не способен выдержать подобное давление.

Видимо, болезненным было копыто, но осмотреть приплясывающую корову в одиночку я не мог. Оставалось ждать мистера Рипли.

Я вышел на яркий солнечный свет и поглядел туда, где из деревьев над пологим склоном поднималась дайвертонская колокольня. На лугах не виднелось ни единой человеческой фигуры, и я уныло побрел на траву за службами, чтобы оттуда, хорошенько набравшись терпения, высматривать мистера Рипли.

Обернувшись, я взглянул на дом, и, несмотря на мое раздражение, на меня повеяло миром и покоем. Подобно многим другим старым фермам, Ансон-Холл был когда-то господским домом в дворянском имении. Несколько сотен лет назад какая-то титулованная особа построила себе жилище в на редкость красивом месте. Пусть крыша грозила вот-вот провалиться, а одна из высоких печных труб пьяно клонилась набок, окна в частых переплетах, изящная арка над дверью и благородные пропорции всего здания восхищали взгляд, как и пастбища, уходящие все выше и выше к зеленым вершинам холмов.

А эта очаровательная садовая стена! В былые дни ее залитые солнцем камни оберегали бы подстриженный газон, весь в ярких цветах, но теперь там буйствовала крапива. Ее густая чаша, высотой по пояс рослому мужчине, заполняла все свободное пространство между стеной и домом. Конечно, фермеры — из рук вон плохие садовники, но мистер Рипли был единственным в своем роде.

Мои размышления прервал голос хозяйки дома.

— Идет он, идет, мистер Хэрриот. Я его из окошка углядела! — Она выбежала на крыльцо и махнула рукой в сторону Дайвертона.

Да, она не ошиблась, ее муж действительно направлялся домой — по лугам медленно ползло крохотное черное пятнышко. Мы наблюдали за продвижением мистера Рипли минут пятнадцать, но вот наконец он протиснулся сквозь пролом в стене и направился к нам в колышущемся ореоле табачного дыма.

Я сразу перешел в нападение:

— Мистер Рипли. Право же, я жду очень долго. Вы ведь просили меня не терять ни минуты!

— Да знаю я, знаю. Только нельзя ж по телефончику поговорить и не взять кружку пива, а? — Он наклонил голову и озарил меня улыбкой из неприступной твердыни своей правоты.

Я открыл было рот, но он меня опередил:

— А потом Дик Хендерсон угостил меня кружечкой, ну и мне пришлось его угостить, и только собрался уйти, как Бобби Толбот возьми и заговори про свинок, которых он купил на той неделе.

— Уж этот мне Бобби Толбот! — живо вмешалась его супруга. — Так, значит, и нынче он там сидит? Прилепился к трактиру, точно муха какая. И как только его хозяйка такое терпит!

— Ну да, и Бобби тоже там сидел. Он ведь оттуда, кажись, и не выходит.— Мистер Рипли задумчиво улыбнулся, выбил трубку о каблук и принялся снова уминать табак в чашечке.— А знаешь, кого еще я там видел? Дэна Томпсона, вот кого! Впервой после его операции. Ну и отощал он! Можно сказать — вдвое. Ему пару-две пива выпить — самое разлюбезное дело.

— Дэн, говоришь? — Миссис Рипли оживилась еще больше.— До чего я рада-то! А говорили, что ему из больницы живым не выйти...

— Извините...— перебил я.

— Да нет, так попусту языками мололи,— продолжал мистер Рипли.— Камень в почке, всего и делов-то. Дэн уже совсем оклемался. Вот он мне, значит, сказал...

Я протестующе поднял ладонь.

— Мистер Рипли, могу ли я осмотреть корову? Я еще не обедал. Когда вы позвонили, жена убрала все в духовку.

— А я вот перво-наперво пообедал, и уж потом туда пошел.— Мистер Рипли ободряюще мне улыбнулся, а его супруга закивала со смехом, чтобы окончательно меня успокоить.

— Чудесно! — сказал я ледяным тоном.— Я в восторге.

Но сарказм пропал втуне: они приняли мои слова за чистую монету!

Когда мистер Рипли наконец привязал корову, я приподнял больную ногу, положил к себе на колено, копытным ножом счистил грязь, и в косом солнечном луче тускло блеснул виновник беды. Я зажал его шляпку щипцами, выдернул и показал фермеру. Он поморгал, а потом его плечи затряслись.

— Так это же гвоздь из моего сапога! Как же оно так приключилось? На булыжнике, видать поскользнулся, а он и выдернулся. Булыжник-то здесь склизкий. Раза два я чуть через задницу не перекувырнулся. Я уж и хозяйке говорил...

— Мне пора, мистер Рипли,— перебил я.— Как-никак я еще не обедал, вы помните? Только схожу к машине за антистолбнячной сывороткой и сделаю корове укол.

Укол я ей сделал, сунул шприц в карман и пошел было через двор назад к машине, но тут фермер меня окликнул:

— Щипчики-то у вас с собой, мистер Хэрриот?

— Щипчики?...— Я остановился и обернулся к нему, не веря своим ушам.— Да, конечно, но неужели нельзя выбрать другое время?

Фермер щелкнул старой медной зажигалкой и направил длинный столбик пламени на табак в трубке.

— Так всего один теленочек, мистер Хэрриот! Минута — и всех делов-то.

Ну, ладно, подумал я, открыл багажник и выудил эмаскулятор из-под комбинезона, в который облачался при отелах. Какое это теперь имеет значение! Все равно мой йоркширский пудинг давно уже пересох, а говядина и дивные свежие овощи разве что не

совсем обуглились. Все потеряно, и теленком больше, теленком меньше — какая разница!

Я зашагал назад, как вдруг в глубине двора распахнулись две створки, огромное черное чудовище галопом вылетело наружу и, ослепленное ярким солнцем, резко остановилось, настороженно оглядываясь, роя землю копытами и сердито хлеща себя хвостом по бокам. Я устоял на широкий разлет рогов, на могучие мышцы, бугрящиеся на плечах, на холодно посверкивающие глаза. Не хватало только фанфар да песка под ногами вместо булыжника, а то я вообразил бы, что вдруг очутился на Пласа-де-Торос в Мадриде.

— Это что — теленок? — спросил я.

Фермер весело кивнул.

— Он самый. Я вот решил перегнать его в коровник, там его сподручней привязать за шею.

Меня захлестнула жаркая волна гнева. Вот я сейчас на него накричу! И тут, как ни странно, волна схлынула, оставив после себя только безнадежную усталость.

Я подошел к фермеру, придвинул лицо к его физиономии и сказал негромко:

— Мистер Рипли, мы с вами давно не виделись, и у вас было достаточно времени выполнить обещание, которое вы мне дали. Помните? Что телят надо оперировать, когда им месяца три, не больше, и что вы замените эти ворота. А теперь поглядите на своего бычищу и поглядите, во что ваши ворота превратили мой костюм.

Фермер с искренним огорчением оглядел прорехи, украсившие мои брюки, и даже потрогал пальцем большой лоскут, свисавший с рукава у локтя.

— Да-а, нехорошо получилось, вы уж извините.— Он посмотрел на быка.— Да и этот, конечно, великоват маленько.

Я промолчал. Несколько секунд спустя мистер Рипли откинул голову и с твердой решимостью посмотрел мне прямо в глаза.

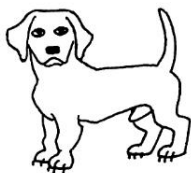
— Что плохо, то плохо,— сказал он.— Но знаете, что? Этого вы уж сегодня ущипните, а я послежу, чтоб впредь такого больше не случилось!

Я погрозил ему пальцем.

— Вы ведь уже мне говорили то же самое. Но теперь я могу положиться на ваше обещание?

Он с жаром закивал.

— Уж ручаюсь вам.

— О-о-х, о-о-о!

Надрывные рыдания в трубке мигом прогнали мой сон. Был час ночи, и, когда меня разбудило назойливое бречание телефона, я ожидал услышать хриплый голос какого-нибудь фермера, чья корова никак не могла растелиться.

— Кто это? — спросил я с легким испугом. — Что случилось?

Ответом мне было горькое всхлипывание, а затем мужской голос произнес между двумя рыданиями:

— Хамфри Кобб говорит. Ради всего святого, поскорей приезжайте. Мертл, по-моему, умирает!

— Мертл?

— Ну, да. Собачка моя! До чего же ей плохо, о-о-о-х, о-хо-о!

— Но что с ней?

— Пыхтит, хрипит. По-моему, вот-вот дух испустит. Приезжайте побыстрее.

— Где вы живете?

— Седр-Хаус. В конце Хилл-стрит.

— Знаю. Сейчас буду у вас.

— Вот спасибо! Мертл долго не протянет. Поторопитесь, а?

Я спрыгнул с кровати, схватил плисовые рабочие брюки со спинки стула у стены, в спешке сунул обе ноги в одну штанину и растянулся во всю длину на полу.

Хелен привыкла к ночным звонкам и обычно тут же снова засыпала. Тем более что я одевался, не зажигая света, чтобы ее не тревожить. Мне хватало ночника, который всю ночь горел на лестничной площадке ради Джимми, тогда совсем маленького.

Однако на этот раз система не сработала, и грохот моего падения заставил Хелен привскочить на постели.

— Джим, что это? Что с тобой?

Я кое-как поднялся с пола.

— Ничего, Хелен. Просто я споткнулся, — сказал я, сдерживая со стула рубашку.

— Но что за спешка?

— Абсолютно неотложный случай. Мне надо торопиться.

— Я понимаю, Джим, но ты же сам себя задерживаешь. Собирайся спокойнее.

Разумеется, она была совершенно права. Я всегда завидовал тем моим коллегам, которые сохраняют невозмутимость даже в крайне критических обстоятельствах. Но сам я из другого теста.

Я скатился по лестнице и галопом промчался через темный сад в гараж. Ехать мне было меньше мили, и времени на обдумывание симптомов не оставалось, но я уже не сомневался, что столь резкое нарушение дыхания указывало на сердечный приступ или внезапную аллергическую реакцию.

Не успел я позвонить, как на крыльце вспыхнул свет и передо мной возник Хамфри Кобб, невысокий толстячок лет шестидесяти. Сияющая лысина еще больше придавала ему комическое сходство с огромным яйцом.

— Мистер Хэрриот! Входите же, входите! — произнес он прерывающимся голосом, а по его щекам струились слезы. — Я так вам благодарен, что вы среди ночи встали, чтобы помочь моей беденькой Мертл.

С каждым его словом мне в нос ударял такой крепкий запах виски, что у меня закружилась голова, а когда он повел меня по коридору, я заметил, что походка у него не слишком твердая.

Моя пациентка лежала в корзинке возле новой электрической плиты в отлично оборудованной кухне. Так она же бигль, как мой Сэм! И я опустился на колени с самой горячей симпатией. Пасть Мертл была полуоткрыта, язык свисал наружу, но никаких признаков агонии я не обнаружил. А когда погладил ее по голове, хвост весело застучал по подстилке.

И тотчас у меня в ушах зазвенело от пронзительного вопля:

— Так что с ней, мистер Хэрриот?! Сердце, да? О, Мертл, Мертл!

— Знаете, мистер Кобб, — сказал я. — По-моему, она вовсе не так уж плоха. Не надо волноваться. Просто разрешите мне ее осмотреть.

Я прижал стетоскоп к ребрам и услышал ровное биение на редкость здорового сердца. Температура оказалась нормальной, но когда я начал ощупывать живот, мистер Кобб не выдержал:

— Это все моя вина! — простонал он. — Я совсем забросил бедную собачку.

— Простите, я не понял?

— Так я же весь день проболтался на скачках в Каттерике, ставил на лошадей, пьянствовал, а про несчастное животное и думать забыл!

— И она все время была тут одна взаперти?

— Да что вы! Жена за ней присматривала.

— Так, наверное, она и покормила Мертл и погулять в сад выпускала? — предположил я, совсем сбивший с толку.

— Ну и что? — Он заломил руки. — Только я-то ведь не должен был ее бросать. Она же меня так любит!

Я почувствовал, что одна щека у меня начинает подозрительно гореть, и тотчас пришла разгадка.

— Вы поставили корзинку слишком близко к плите, и пыхтит она, потому что ей жарко.

Он бросил на меня недоверчивый взгляд.

— Мы ее корзинку сюда поставили только нынче. Полы перестилили.

— Вот именно, — сказал я. — Поставьте корзинку на прежнее место, и все будет в полном порядке.

— Это как же, мистер Хэрриот?— Его губы снова задрожали.— Наверняка другая причина есть. Она же страдает! Вы ей в глаза поглядите!

Я поглядел. У Мертл были типичные глаза ее породы — большие, темные, и она умела ими пользоваться. Многие считают, что пальма первенства по части задушевной грусти во взоре принадлежит спаниелям, но лично я считаю, что тут они биглям и в подметки не годятся. А Мертл, как видно, была чемпионкой.

— Это пусть вас не тревожит, мистер Кобб,— ответил я.— Уверю вас, все будет в порядке.

Но его лицо не посветлело.

— Вы что же, совсем ее не полечите?

И я оказался перед одной из критических дилемм ветеринарной практики. Владельцы наших пациентов чувствуют себя обманутыми, если мы не «полечим» животное. А мистер Кобб нуждался в лечении куда больше своей любимицы. Тем не менее я не собирался тыкать в Мертл иглой только ради его спокойствия, а потому извлек из чемоданчика витаминную таблетку и затолкнул ее собачке в глотку.

— Ну, вот,— объявил я.— Думаю, это пойдет ей на пользу.— А про себя решил, что не такой уж я и шарлатан: вреда от витаминов ей во всяком случае не будет.

Мистер Кобб приободрился.

— Расчудесно! Очень вы меня успокоили.— Он проследовал впереди меня в роскошно обставленную гостиную и зигзагами направился к домашнему бару.— Выпьете на дорожку?

— Нет, спасибо,— ответил я.— Лучше не стоит.

— Ну, а я капелюшечку выпью. Надо нервишки в порядок привести, а то уж очень я расстроился.— Он плеснул в стопку порядочную порцию виски и кивнул мне на кресло.

У меня перед глазами маячила постель, но все-таки я сел и смотрел, как он прихлебывает свое виски. Мало-помалу я узнал, что он букмекер, но удалился от дел и месяц назад переехал в Дарроуби из Уэст-Райдинга. Только скачки у него все равно в крови, и он посещает на севере Англии их все, но только уже как зритель.

— Всегда такси беру и денек провожу преотлично! — Мистер Кобб весь просиял при воспоминании об этих отличных деньках. Но тут же его щеки затряслись, и лицо вновь приняло страдальческое выражение.

— Только вот собачку мою бросаю. Дома ее оставляю.

— Ерунда! — сказал я.— Ведь я вас часто вижу на лугах. Вы же с ней много гуляете?

— Ну, да. Каждый день и подолгу.

— Следовательно, живется ей очень хорошо. И выбросите из головы эти глупости.

Он осиял меня улыбкой и плеснул в стопку новую порцию виски, пальца на три.

— А вы славный парень! Дайте-ка, я вам все-таки налью одну на дорожку.

— Ну, хорошо. Только поменьше.

Пока мы пили, он совсем разомлел и смотрел на меня уже почти с обожанием.

— Джеймс Хэрриот,— произнес он заплетающимся языком.— Джим, значит?

— Ну-у, да.

— Так я вас буду звать Джимом, а вы зовите меня Хамфри.

— Ладно, Хамфри,— сказал я и допил свою стопку.— А теперь мне пора.

Проводив меня на крыльцо, он положил руку мне на плечо, и лицо его вновь посерьезнело.

— Спасибо тебе, Джим. Мертл ведь очень худо было, так я тебе ну так благодарен, что и сказать нельзя.

Только развернув машину, я сообразил, что не сумел его переубедить, и он по-прежнему считает, будто собачка была на грани смерти и я спас ей жизнь. Визит был странноватый, желудок у меня горел от виски, проглоченного в третьем часу ночи, но я решил, что Хамфри Кобб очень забавный человечек. И он мне понравился.

После этой ночи я часто встречался с ним в лугах, где он прогуливал свою собачку. Его почти сферическая фигура, казалось, подпрыгивала на траве, точно мячик, но держался он всегда спокойно и рассудительно, хотя и не переставал благодарить меня за то, что я вырвал его собачку из лап смерти.

Затем — бац! Все началось сначала. Телефон зазвонил в первом часу ночи, и в ухо мне ударили отчаянные рыдания даже прежде, чем я успел толком взять трубку.

— О-о-ох... О-о-ох! Джим, Джим, Мертл совсем худо. Ты приедешь?

— А... А что с ней на этот раз?

— Дергается.

— Дергается?

— Ну да. Смотреть страшно. Джим, давай приезжай, а? Не то я не выдержу. Сил никаких нет ждать. Чума у нее, не иначе.— И он разрыдался.

В голове у меня гудело.

— Чумы у нее быть не может, Хамфри. Так сразу чумой не заболевают.

— Ну, прошу тебя, Джим,— продолжал он, словно не слыша.— Будь другом, приезжай, посмотри Мертл.

— Ну, хорошо,— сказал я устало.— Через несколько минут буду.

— Ты настоящий друг, Джим, настоящий...— Голос смолк, потому что я повесил трубку.

Одевался я в обычном темпе, не паникуя, как прежде. Видимо, что-то в том же роде. Но почему снова за полночь? По пути в Седр-

Хаус я уже не сомневался, что тревога опять окажется ложной. И все-таки, как знать?

На крыльце меня опять обдала невидимая волна алкогольных паров. По пути в кухню Хамфри, стена и причитая, раза два повисал на мне, чтобы удержаться на ногах. Он указал пальцем на корзину в углу.

— Она там,— объявил он, утирая глаза.— Я только вернулся из Рипона — и на тебе!

— Со скачек, э?

— Угу. На лошадей ставил, виски пил, а бедная моя собачка тут без меня помирала. Последняя я тварь, Джим, самая последняя!

— Чушь, Хамфри. Я вам уже говорил. От того, что вы на день уедете, ей никакого вреда быть не может. Потом вы сказали, что она дергается, но я что-то не замечаю...

— Ага, она сейчас не дергается. А вот когда я только вошел, задняя нога у нее ну просто ходуном ходила. Вот так.— И он подергал кистью.

Я беззвучно застонал.

— Может быть, она просто чесалась или муху отгоняла.

— Ну уж нет. Ей же больно. Да ты только погляди на ее глазки.

Я его вполне понимал. Глаза Мертл были двумя озерами глубоких чувств, и в них без труда читался кроткий упрек.

Стиснув зубы, я ее осмотрел, заранее зная, что не найду ничего ненормального. Но втолковать это толстячку мне не удалось.

— Ну, дай ей еще одну чудотворную таблеточку,— взмолился он.— В тот раз ей мигом полегчало.

Спорить с ним у меня не было сил, и Мертл снова навитаминилась.

С огромным облегчением Хамфри неверным шагом направился в гостиную к заветной бутылке.

— После таких переживаний не грех немножко взбодриться,— сказал он.— Выпей рюмочку, Джим, не артачься, а?

Следующие несколько месяцев эта сцена повторялась вновь и вновь — всегда после скачек и всегда между полуночью и часом. У меня было достаточно возможностей проанализировать ситуацию, и вывод просто напрашивался.

Большую часть времени Хамфри оставался в меру заботливым владельцем собаки, но под влиянием алкоголя привязанность к Мертл преображалась в сентиментальное обожание и ощущение вины перед ней. Я покорно приезжал по его вызовам, понимая, как его потрясет мой отказ. Лечил я Хамфри, а не Мертл.

Меня забавляло упрямство, с каким он отмахивался от любых моих уверений, что приезжал я совершенно зря. Он был глубоко убежден, что его любимица осталась в живых только благодаря волшебной таблетке.

Нет-нет, я вовсе не отвергаю возможность, что Мертл действи-

тельно обращала на него свои томные очи с горьким упреком. Собаки вполне способны чувствовать и выражать неодобрение. Моего Сэма я брал с собой почти повсюду, но если иногда оставлял его дома, чтобы свозить Хелен в кино, он забирался под кровать, долго там дулся, а вылезши, еще час старательно нас не замечал.

Меня пробил холодный пот, когда Хамфри сообщил мне о своем решении повязать Мертл. Ее беременность не сулила мне ничего хорошего.

Так оно и вышло. Толстячок то и дело впадал в пьяненькую панику, всякий раз совершенно без причин и на протяжении девяти недель через правильные промежутки времени обнаруживал у Мертл то одни, то другие, но всегда воображаемые симптомы.

Наконец, к огромному моему облегчению, Мертл произвела на свет пятерых здоровых щенков. Ну уж теперь-то я передохну! По правде говоря, я по горло был сыт полуночными звонками Хамфри. Я всегда считал себя обязанным ехать, когда мне звонили ночью, однако Хамфри довел меня до белого каления. Принципы принципами, но я чувствовал, что в одну прекрасную ночь я ему все выскажу.

Кризис наступил недели две спустя. День у меня выдался жуткий. Выпадение матки у коровы в пять утра, потом бесконечная тряска по дорогам туда-сюда практически без завтрака и обеда, а на сон грядущий — схватка с министерскими анкетами. (Я сильно подозревал, что безбожно напутал в графах.)

От своей бюрократической бездарности я всегда приходил в бессильную ярость, и когда наконец заполз под одеяло, перед моими глазами продолжали кружить эти пыточные анкеты, так что сон ко мне пришел только глубокой ночью.

Я знаю, что это глупо, но во мне живет суеверное чувство, будто судьба злорадно выжидает, когда мне особенно захочется выспаться, и тут она, похихикивая, подстраивает очередной вызов. А потому, когда у меня над ухом взорвался телефонный звонок, принял я его как должное, апатично протянул руку к трубке и увидел, что стрелки на светящемся циферблате будильника показывают четверть второго.

— Алло! — пробурчал я.

— О-о... о-о.... о-о-о-х! — Знакомое, знакомое вступление! Я скрипнул зубами. Только об этом я сейчас и мечтал!

— Хамфри! Ну, что на сей раз?

— Ох, Джим, Мертл и вправду помирает. Я всем нутром чую. Приезжай побыстрее, а?

— Помирает?— Я хрипло перевел дух.— Это почему же?

— Ну... вытянулась на боку и вся дрожит.

— Еще что-нибудь?

— Ага. Хозяйка говорила, что Мертл, когда она ее в сад выпустила, какая-то тревожная была, и ноги у нее словно бы не гнулись. Я ведь только-только из Редкара вернулся, понимаешь?

— Так вы на скачках были, э?

— Это точно... А свою собачку бросил. Скотина я последняя!

Я закрыл глаза. И когда только Хамфри надоест придумывать симптомы! Ну что на этот раз? Дрожит, тревожится, ноги не гнутся. А раньше — пыхтела, дергалась, головой трясла, уши мелко дрожали, — что он в следующий раз углядит?

Но хорошенького понемножку.

— Вот что, Хамфри, — сказал я. — Ничего у вашей собаки нет. Сколько раз мне вам повторять...

— Ох, Джим, милый, поторопись! О-о-о! О-о-о-х!

— Я не приеду, Хамфри.

— Да ты что? Ей же все хуже становится, понимаешь?

— Я говорю совершенно серьезно. Это просто напрасная трагедия моего времени и ваших денег. А потому ложитесь-ка спать. И за Мертл не тревожьтесь.

Стараясь устроиться поудобнее под одеялом, я подумал, что отказываться поехать на вызов — дело очень нелегкое. Конечно, мне было бы проще встать и принять участие в еще одном спектакле в Седр-Хаусе, чем впервые в жизни сказать «нет», но так продолжаться не могло. Надо же когда-нибудь и твердость проявить.

Терзаемый раскаянием, я кое-как задремал, но, к счастью, подсознание продолжает работать и во сне, потому что я вдруг проснулся. Будильник показывал половину третьего.

— Господи! — вскрикнул я, глядя в темный потолок. — У Мертл же эклампсия*.

Я слетел с кровати и начал торопливо одеваться. Видимо, я нашумел, потому что Хелен спросила сонным голосом:

— Что такое? Что случилось?

— Хамфри Кобб, — просипел я, завязывая шнурок.

— Хамфри... Но ты же говорил, что к нему торопиться не зачем...

— Только не сейчас. Его собака умирает! — Я злобно посмотрел на будильник. — Может быть, вообще уже поздно. — Машинально взяв галстук, я швырнул его в стену: — Уж без тебя я обойдусь, черт побери! — И пулей вылетел на лестницу.

Через бесконечный сад — и в машину, а в голове развертывалась стройная история болезни, которой снабдил меня Хамфри. Маленькая сука кормит пятерых щенят, тревожность, скованная походка, а теперь вытянутая поза и дрожь... Классическая послеродовая эклампсия. Без лечения — быстрый летальный исход. А после его звонка прошло почти полтора часа. От этой мысли у меня сжалось сердце.

Хамфри так и не лег. Видимо, он утешался в обществе бутылки, потому что еле держался на ногах.

* Поздний токсикоз беременных, выражающийся в судорогах мышц всего тела и потере сознания. Опасен для жизни матери и плода. Эклампсия возможна и после родов. — *Прим. ред.*

- Приехал, значит, Джим, милок,— бормотал он, моргая.
- Да. Как она?
- Никак...

Сжимая в руке кальций и шприц для внутривенных вливаний, я кинулся мимо него на кухню.

Гладенькое тельце Мертл вытянулось в судороге. Она задыхалась, вся дрожала, а из пасти у нее капала пена. Глаза утратили всякую выразительность и застыли в неподвижности. Выглядела она страшно, но она была жива... она была жива!

Я переложил пищавших щенков на коврик, быстро выстриг участочек над лучевой веной и протер кожу спиртом. Потом ввел иглу и начал медленно-медленно, осторожно-осторожно нажимать на плунжер. Кальций в этих случаях несет исцеление, но быстрое его поступление в кровь убивает пациента.

Шприц опустел только через несколько минут, и, сидя на корточках, я вглядывался в Мертл. Иногда к кальцию необходимо добавить наркотизирующее средство, и у меня наготове были нембутал и морфий. Но дыхание Мертл мало-помалу стало спокойнее, напряжение мышц ослабло. Когда она начала сглатывать слюну и поглядывать на меня, я понял, что она будет жить.

Я выжидал, пока ее ноги совсем не перестанут дрожать, но тут меня дернули за плечо. Я оглянулся и увидел Хамфри с бутылкой в руке.

— Выпьешь, рюмочку, а Джим?

Уговаривать меня особенно не пришлось. Сознание, что я чуть было не обрек Мертл на смерть, ввергло меня в почти шоковое состояние.

Я взял рюмку неверными пальцами, но не успел отхлебнуть, как собачка выбралась из корзинки и направилась к щенкам. Иногда эклампсия поддается не сразу, в других же случаях проходит почти мгновенно, и я порадовался, что на сей раз оказалось именно так.

Собственно говоря, оправилась Мертл даже как-то слишком быстро — обнюхав свое потомство, она подошла к столу, чтобы поздороваться со мной. Ее глаза переполняло дружелюбие, а хвост реял в воздухе, как это принято у биглей.

Я начал поглаживать ей уши, и тут Хамфри испустил сиплый смешок.

— А знаешь, Джим, нынче я кое-что усек.— Голос у него был тягучим, но ясность мысли он как будто сохранил.

— Что именно, Хамфри?

— А усек я... хе-хех-хе... усек я, что все это время здорового дурака валял.

— Я что-то не понял.

Он назидательно покачал указательным пальцем.

— Так ты же мне только и твердил, что я тебя зря с постели стаскиваю, и что мне все только мерещится, а собачка моя совсем здорова.

— Что было, то было,— ответил я.

— А я тебе никак не верил, а? Слушать ничего не желал. Так вот, теперь я знаю, что ты дело говорил. А я дураком был, так ты уж извини, что я тебе покоя по ночам не давал.

— Ну, об этом и говорить не стоит, Хамфри.

— А все-таки нехорошо.— Он указал на свою бодрую собачку, на ее приветливо машущий хвост.— Ты только погляди на нее. Сразу же видно, что уж сегодня-то Мертил совсем здорова была!

3

У вершины дорога огорожена не была, и колеса моей машины спокойно съехали с асфальта на траву, ошипанную овцами до бархатного ворса. Я выключил мотор, вылез и посмотрел вокруг.

Шоссе четкой полосой тянулось в траве и вереске, а потом круто уходило в долину. Одно из моих любимых мест, откуда мне открывался вид сразу на две долины — впереди и позади. У моих ног расстился весь край: нежная зелень лугов, пасущийся скот, речки, бегущие то по галечным отмелям, то в густой бахrome деревьев.

По склонам тянулись изумрудные пастбища, резко контрастируя с пятнами вереска и грубой травы у вершин. И только нескончаемый узор каменных стенок захватывал и их, скрываясь за голыми гребнями — границей нетронутой земли.

Я прислонился к машине, купаясь в холодном свежем ветре. Со времени моего возвращения к гражданской жизни прошло лишь несколько недель. Все время моей службы в авиации я вспоминал Йоркшир и все-таки забыл, до чего он прекрасен. Вдалеке нельзя было воскресить ощущение того покоя, безлюдия и близости дикой природы, которое придает холмам таинственность и делает их источником душевных сил. В затхлом воздухе унылых городов среди вечной толпы мне не верилось, что я могу стоять совсем один на зеленой кровле Англии, где каждый глоток воздуха напоен благоуханием трав.

Утро оставило у меня тягостное впечатление. Повсюду что-то настойчиво напоминало мне, что вернулся я в стремительно меняющийся мир, а мне перемены не нравятся. Старик фермер вдруг сказал, когда я сделал инъекцию его корове:

— Нынче, мистер Хэрриот, одни только иголки да иголки!

И я с каким-то изумлением посмотрел на шприц в моей руке, вдруг осознав, что действительно уколы стали главным моим занятием.

Мне был понятен ход его мысли. Всего год-два назад я бы

«промыл» его корову — ухватил бы ее за нос и влил бы ей в глотку пинту лекарства.

Мы все еще возили с собой специально для этой операции обыкновенную винную бутылку, потому что ее было легко держать, да и жидкость лилась из нее свободно. Часто мы примешивали к лекарству патоку из бочонка, который стоял почти во всех коровниках.

Теперь все это уходило в прошлое, и «иголки да иголки» еще раз заставили меня осознать, что ничто уже никогда прежним не будет.

Началась революция и в сельском хозяйстве, и в практической ветеринарии. Обработка земли и скотоводство все больше строились на научной основе, а понятия, передававшиеся из поколения в поколение, опровергались и забывались. Ветеринарную же практику все больше захлестывали волны надвигающегося урагана важнейших открытий.

Производились неслыханные прежде операции, сульфаниламиды уже нашли широчайшее применение, а главное — война, требовавшая действенного лечения ран, дала мощнейший толчок для стремительного развития и усовершенствования открытия Александра Флеминга, установившего антибактериальные свойства пенициллина. Первый из антибиотиков пока еще не был на вооружении у ветеринаров, если не считать лечения маститов, где он применялся в виде свечек для введения в молочную железу. Но он пролагал дорогу армии лекарственных средств, которая вскоре уничтожила даже память о наших былых панацеях.

И становилось все яснее, что дни мелких фермеров сочтены. Именно они, владельцы полудюжины коров, небольшой свинарни и курятника, составляли костяк нашей практики. Но они же все чаще задумывались, удастся ли им и дальше сводить концы с концами, а некоторые продавали свои фермы более крупным хозяевам. Теперь, в восьмидесятых годах, среди наших клиентов мелких фермеров практически нет. Я могу их по пальцам пересчитать — стариков, которые упрямо продолжают делать то, что делали, только потому, что всегда это делали. Последние из дорогих моему сердцу людей, которые жили по старинным заветам и говорили на старинном йоркширском наречии, совсем уже погубленным радио и телевидением.

Я еще раз вздохнул полной грудью и сел за руль. Томительное ощущение перемен по-прежнему тяготело надо мной, но я поглядел сквозь ветровое стекло на величавые холмы, возносящие лысые вершины к облакам, ярус за ярусом, не подвластные времени, несокрушимые, царящие над всем великолепием долин, и мне сразу стало легче. Йоркширские холмы остались прежними.

Я заехал еще на одну ферму и вернулся домой в Склдейл-Хаус справиться, нет ли новых вызовов.

Там тоже все переменялось. Зигфрид, мой партнер, женился и жил теперь в нескольких милях от Дарроуби, а в доме, где по-

мещалась приемная, остались только мы с Хелен и малыш Джими, наш сын. Вылезая из машины, я проследил взглядом глицинию, взбирающуюся по старинному кирпичу к окошечкам, которые из-под самой черепичной крыши смотрели на холмы. Семейную жизнь мы с Хелен начали там, в двух тесных комнатках, а теперь в нашем распоряжении оказался весь дом. Конечно, для нас он был слишком велик, но мы радовались, потому что любили этот старинный просторный особняк, дышавший изяществом восемнадцатого века.

Снаружи он выглядел таким же, каким я его увидел в первый раз столько лет назад. Исчезла только металлическая решетка, которую реквизировали в дни войны на нужды промышленности, и наши с Зигфридом дощечки висели теперь на стене.

Спальню мы с Хелен устроили в большой комнате, где я жил холостяком, а Джими помещался в бывшей гардеробной, в свое время служившей и приютом младшего брата Зигфрида, Тристана, в дни его студенчества. Тристан, увы, нас покинул. Войну он окончил в чине капитана ветеринарной службы. Затем капитан Фарнон женился и ушел в министерство сельского хозяйства, где занимался вопросами плодovitости скота. Нам очень его не хватало, но, к счастью, мы довольно часто виделись с ним и его женой.

Я отворил дверь, и в ноздри мне ударил аромат душистого порошка, который мы подмешивали к лекарствам. Он неизменно бодрил меня — запах нашей профессии, никогда полностью не выветривавшийся из дома.

В середине коридора я миновал дверь в длинный сад, огороженный высокой кирпичной стеной, и вошел в аптеку. Важность этого помещения уже шла на убыль. С полки на меня глядели банки благородных пропорций с выгравированными на стенках латинскими надписями *Spiritus Aetheris Nitrosi*, *Liquor Ammonii Acetatis Fortis*, *Potassii Nitratis*, *Sodii Salicylas*. Какие величественные названия! Мой мозг был напигован ими. Я знал назубок их свойства, действие, рекомендованное применение, дозы для лошадей, крупного рогатого скота, овец, свиней, собак и кошек. Но скоро, скоро мне надо будет выкинуть все это из головы и помнить только дозировку новейших антибиотиков и стероидных препаратов.

Стероиды вышли на сцену несколько лет спустя, но и они произвели небольшую революцию.

Выходя из аптеки, я чуть было не стукнулся лбом о Зигфрида, который вихрем несся по коридору. Он взволнованно вцепился мне в плечо.

— А, Джеймс! Вас-то мне и надо! Нынче утром я бог знает что пережил. На чертовом проселке в Хай-Листон у меня отвалился глушитель, и теперь мне не на чем ездить. В мастерской послали за новым глушителем, но пока его пришлют, да пока его установят, у меня нет машины. Черт знает, что за положение!

— Ничего, Зигфрид. Я съезжу по вашим вызовам.

— Нет, нет, Джеймс. Очень мило с вашей стороны, но поймите же, это не в первый раз и не в последний. Вот о чем я и хочу с вами поговорить. Нам нужна запасная машина.

— Запасная?

— Ну, да. Без «роллс-ройса» мы обойдемся. Что-нибудь поскромнее на такой вот случай. Собственно говоря, я уже позвонил Хаммонду в гараж, чтобы он пригнал сюда что-нибудь подходящее. По-моему, это он подъехал.

Мой партнер всегда принимает мгновенные решения, и я покорно побрел за ним к входной двери. Мистер Хаммонд действительно уже ждал нас там с автомобилем. Это был «моррис-оксфорд» выпуска 1933 года. Зигфрид стремительно сбежал по ступенькам.

— Вы сказали — сто фунтов, э, мистер Хаммонд? — Он несколько раз обошел машину, поскоблил кое-где ржавчину, проступившую сквозь черную краску, открыл по очереди все дверцы, оглядел обивку. — Ну что же, старичок выдывал лучшие дни, но внешний вид не так уж важен, была бы ходовая часть в порядке.

— Очень недурная машинка, мистер Фарнон, — подхватил хозяин мастерской. — После переборки мотора прошла только две тысячи миль и, можно сказать, масла не жрет вовсе. Аккумулятор новый, а протектор на всех покрышках сносился самую чуточку. — Он поправил очки на длинном носу, расправил тощие плечи и придал физиономии самое деловое выражение.

— М-м-м-м, — Зигфрид несколько раз нажал ногой на задний бампер, и старые пружины застонали. — А тормоза? В холмистой местности, знаете ли...

— Отличные, мистер Фарнон. Первоклассные.

Мой коллега медленно наклонил голову.

— Очень хорошо. Вы позволите мне прокатиться вокруг квартала?

— Конечно, конечно, — ответил мистер Хаммонд. — Проверьте ее на всех передачах. — Он гордился своей уравновешенностью и солидно сел рядом с Зигфридом, который уже водворился за руль.

— Джеймс, да влезайте же! — скомандовал мой партнер, и я устроился позади мистера Хаммонда на заднем сиденье душной машины.

Зигфрид рванул с места под рев мотора и старческое скрипение кузова, и мы помчались по улице Тренгейт. Уравновешенность уравновешенностью, но я заметил, что над синим пиджаком владельца мастерской внезапно дюйма на два вылезла белая полоска воротничка.

Тут Зигфрид притормозил возле церкви перед левым поворотом, и воротничок опустился почти до законного уровня, но только для того, чтобы возникать вновь и вновь, пока мы на предельной скорости брали крутые повороты.

На длинной прямой улице мистер Хаммонд заметно приободрился, но когда Зигфрид вжал педаль газа в пол и с громом похвез вперед, вспугивая птиц с деревьев, я вновх узрел воротничок во всей его красе.

В конце улицы, поворачивая машину, Зигфрид почти остановил ее.

— Попробуем испытать тормоза, мистер Хаммонд,— объявил он весело и бросил машину вперед, явно намереваясь произвести проверку тормозов по всем правилам. Рык древнего мотора перешел в вой, поворот на нашу улицу приближался с ужасающей быстротой, и воротничок весь вылез наружу, а за ним и верхняя часть рубашки.

Зигфрид нажал на тормоза, машину резко занесло вправо, и, когда мы по-крабьи боком влетели на Тренгейт, макушка мистера Хаммонда уперлась в крышу, а мне выпал редкий случай полюбоваться практически всей его рубашкой. Когда же мы остановились, он медленно сполз на сиденье, и пиджак занял положенное ему место. Но мистер Хаммонд ни разу не нарушил молчания и, если не считать его движений по вертикали, не проявил никаких признаков волнения.

Мы вылезли, и мой партнер потер подбородок с некоторым сомнением.

— При торможении она немножко тянет вправо, мистер Хаммонд. Надо бы отрегулировать тормоза. А может быть, у вас найдется еще какая-нибудь машина?

Владелец мастерской ответил не сразу. Очки его перекозились на носу, щеки побелели, как бумага.

— Д-да... да,— ответил он дрожащим голосом.— У меня есть еще одна недурная машинка. Думаю, она вам подойдет.

— Великолепно! — Зигфрид потер руки.— Вы не подъехали бы после обеда? Мы тут же ее и опробуем.

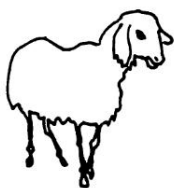
Глаза мистера Хаммонда стали заметно шире, и он несколько раз сглотнул.

— Хорошо... хорошо, мистер Фарнон. Но после обеда у меня дела, так я пришлю кого-нибудь из механиков.

Мы попросились с ним и вошли в дом. Мой партнер обнял меня за плечи.

— Ну что же, Джеймс, еще один шаг на пути повышения эффективности. Да и вообще...— Он улыбнулся и насвистел какой-то мотивчик.— Я получаю большое удовольствие от подобных интервью.

У меня вдруг стало удивительно легко на душе. Пусть и то, и другое, и третье изменилось до неузнаваемости. Холмы остались прежними. И Зигфрид тоже.

— В Россию? — Я с завистью уставился на Джона Крукса.

Первые послевоенные годы мы с Зигфридом работали вдвоем — и пишу я в этой книге именно о них. Джон Крукс стал нашим помощником в 1951 году, а три года спустя открыл собственную практику в Беверли. На прощание он сделал нам очень лестный комплимент — «набрал» в бутылку воздух Скелдейл-Хауса, обещая откупорить ее в своей новой приемной, чтобы там была частица нашей атмосферы. Когда-нибудь я напишу и о том времени, но пока мне хочется перескочить в 1961 год и на протяжении всей книги вставлять отрывки из дневника, который я вел, когда плавал в Россию.

Устроил все Джон. Хотя он больше у нас не работал, но часто приезжал в гости и рассказывал о всяких приключениях, случавшихся с ним, когда он сопровождал партии скота, экспортировавшиеся из Гуллы. Так он побывал во многих странах, но мое воображение воспламенилось при слове «Россия».

— Наверное, было очень интересно! — вздохнул я.

Джон улыбнулся.

— Очень и очень. Я побывал там уже не один раз и видел подлинную Россию, какая она есть. Это ведь не туристическая экскурсия для осмотра достопримечательностей. Видишь страну глазами моряка, встречаешься с простыми русскими — с теми, кто торгует, кто работает.

— Замечательно!

— И тебе за это еще и платят, — добавил Джон. — Чего уж лучше!

— Счастливчик! — Я снова вздохнул. — И часто бывают такие поездки?

— Достаточно. — Он посмотрел на меня повнимательнее и, наверное, уловил зависть в моих глазах. — А почему бы и вам не съездить?

— Вы серьезно?

— Конечно. Скажите слово — и следующая поездка ваша. Я хлопнул кулаком по ладони.

— Договорились, Джон. Нет, я вам от души благодарен. Сельская практика — чудесная вещь, но иногда все-таки возникает ощущение, что ты тащишься по накатанной колее. Сплавать в Россию! Именно это мне и требуется.

— Вот и хорошо. — Джон встал. — Подробности я вам сообщу позже, но, скорее всего, вы отправитесь со стадом элитных овец, купленных на племя. Страховая компания безусловно потребует, чтобы их сопровождал ветеринар.

Начались недели радостного предвкушения. Однако мой энтузиазм разделяли далеко не все.

Один пастух, прищурившись, изрек:

— Я бы туда ни ногой, хоть ты меня озолоти! Словечко не так скажешь, и угодишь в тартарары до скончания века.

Он был не оригинален. В то время температура отношений между Востоком и Западом упала очень низко, и мне уже несколько приелись заверения моих клиентов, что куда-куда, но уж в Россию они ни за какие коврижки не поехали бы. А когда я, перед самым отъездом проверяя на туберкулез коров полковника Смоллвуда, рассказал ему, какая мне выпала удача, он поднял брови и смерил меня ледяным взглядом.

— Ну, что же, рад, что имел удовольствие знать вас,— процидил он.

Но в жилах у меня струилась кровь мореходов, и я был полон только самых приятных надежд.

28 октября 1961 года

Первый день наступил и кончился. Когда я вышел на причал в Гулле, то прямо перед собой увидел «Ирис Клоусен», датское судно, на котором мне предстояло плыть, водоизмещением в триста тонн... И несколько опешил — таким маленьким оно мне показалось. Я как-то не предполагал, что отправлюсь в плавание по морям на такой скорлупке. Но тут же с облегчением сообразил, что вижу только нос и часть палубы, действительно крохотную, а высокая надстройка, естественно, заслоняет от меня внушительное ее продолжение. Я прошел за надстройку, и у меня неприятно закололо под лопаткой: судно на этом кончилось. Надстройка, а за ней — ничего.

На мой неискушенный взгляд «Ирис Клоусен» выглядела совсем игрушечной, и я просто был не в силах представить себе, что эта посудинка пересекает океаны и борется с штормами.

Овец только-только погрузили, и на палубе валялась солома. Я вошел в маленький салон. За столом сидели капитан, чья фамилия была Расмуссен, представители экспортной компании и двое русских ветеринаров, проводившие осмотр овец. Сам стол поражал обилием разнообразнейших датских бутербродов, всяческих бутылок с пивом, виски, шнапсом и другими напитками, а также документов, на которых все они расписывались, расписывались, расписывались с деловитой торопливостью.

Низенький русский в очках, видимо, догадался, кто я такой,— он встал мне навстречу, с улыбкой сказал «ветеринар» и дружелюбно пожал мою руку. Его товарищ, высокий и худой, продолжал сосредоточенно читать документы.

Старший представитель экспортной компании сообщил мне, что я обязан буду не только окружать врачебными заботами триста восемьдесят три элитных овцы породы ромни-марш и линкольн, но еще и сдать их русским в Клайпеде, порту нашего назначения, и привезти назад пять накладных, скрепленных под-

писями русских и моей собственной,— без этого компания своих денег не получит.

— А сколько стоят эти овцы? — спросил я.

У него чуть дернулся уголок рта.

— Двадцать тысяч фунтов.

У меня екнуло сердце. Я и не подозревал, какую ответственность на себя взваливаю.

Наконец все ушли, и мы остались в каюте вдвоем с капитаном. Он мило мне представился, и меня сразу покорила мягкость его манер. Невысокий рост, серебряная шевелюра, отличный английский язык. Капитан указал мне на стул рядом с собой и сказал:

— Садитесь, мистер Хэрриот, поболтаем.

Мы поговорили о наших семьях и перешли к нашим общим делам.

— Судно это дизельное,— объяснил он.— Специально построенное для перевозки животных. На двух нижних палубах размещены загонь для овец. Не хотите ли взглянуть на ваших подопечных?

Когда мы выходили из каюты, я заметил, что капитан прихрамывает. Он проследил направление моего взгляда и сказал с улыбкой:

— Да, полгода назад я сломал лодыжку. Слетел с трапа во время шторма. Никак не ожидал от себя такой глупости!

Мне пришло в голову, что в ближайшие недели я от таких глупостей совсем не застрахован. Мы прошлись по нижним палубам. Овцы были просто великолепны — все без исключения, и размещены очень удобно: отличные соломенные подстилки, а душистого сена хоть отбавляй.

Я расстался с капитаном у дверей моей каюты, вид которой меня приятно удивил. Вероятно, пассажиры первого класса океанских лайнеров привыкли к большей роскоши, но койка с белоснежными простынями и наволочками, письменный столик, кресло, умывальник, стенной шкаф, два комода со множеством ящиков и светлые дубовые панели по стенам меня более чем удовлетворили. Короче говоря, это временное жилище привело меня в восторг.

Я открыл чемодан. Личные вещи занимали в нем совсем немного места, набит же он был всем, что мне, по моему мнению, могло вдруг понадобиться. Рабочий хлорвиниловый плащ черного цвета, флаконы с кальцием, антибиотики, стероидные препараты, скальпели, ножницы, шовный материал, бинты, вата и шприцы.

Я обвел свои по необходимости скудные запасы тревожным взглядом. Не потребуется ли мне что-нибудь сверх этого? Или вообще ничего не понадобится? Ну, поживем — увидим.

Лоцмана мы взяли в восемь вечера, а в девять за иллюминатором послышалась какая-то возня. Я обернулся и увидел, что двое матросов крутят что-то, поднимая якорь.

Я вышел на палубу посмотреть, как мы будем отплывать. Вечер был очень темный, на причале — ни души. В круге света, отбрасываемого фонарем, вдруг мелькнула кошка — и только. Тут взревела наша сирена, и я заметил, что мы медленно-медленно отодвигаемся от причала. Скользнули в узкий выход из порта, а затем с довольно большой скоростью направились к устью Хамбера, до которого было две мили.

Впрочем, не мы одни воспользовались вечерним приливом: слева и справа я увидел несколько судов, два-три совсем близко от нас разрезали носами воду — зрелище удивительно красивое и волнующее.

За кормой быстро уходили во тьму огни Гулля. Я смотрел на их мерцающие отблески за полосой черноты, но тут кто-то тронул меня за локоть.

Я обернулся. Мне весело улыбался молодой матрос.

— Доктор, — сказал он. — Вы мне покажете, как кормить овец?

Вероятно, мое лицо выразило некоторое недоумение, потому что улыбка его стала еще шире. Он объяснил:

— Я много раз плавал с коровами и свиньями, а вот с овцами — нет.

Тут я понял и сделал пригласительный жест рукой. Вся команда состояла из датчан, и он тоже был типичным скандинавом — высокий, белокурый, широкоплечий. Его широкая спина указывала мне дорогу. Возле загонов он внимательно выслушал мои наставления, как кормить и поить овец и главное, сколько давать им концентратов. Я с большим удовольствием обнаружил, что кроме первосортного сена было еще внушительное число бу- мажных мешков с орехами для овец — тоже высшего качества.

Матрос приступил к делу, а я следил за моими новыми подопечными. В большинстве это были ромни-марш, и я вновь подумал, до чего они симпатичны. Ну просто плюшевые мишки! Стучали машины, палуба вибрировала под моими подошвами, а я смотрел на крупные мохнатые головы, на кроткие глаза, отвечавшие мне невозмутимыми взглядами. Одни овцы лежали на подстилках, другие, стоя, пережевывали корм.

Пора было отправляться спать, но мной овладело неудержимое желание опять подняться на верхнюю палубу. Среди моих родственников имелись морские капитаны, а один из прадедов был лоцманом. Море всегда влекло меня.

Я прошелся по палубе в темноте. Это оказалось не так-то просто: все свободное пространство ограничивалось двумя узкими полосками по обоим бортам длиной шагов в двадцать.

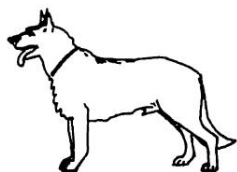
Взошла луна и осветила воду эстуария холодным бледным светом. Вдали по правому борту мерцала длинная цепочка огней — возможно, Гримсби. По левому борту, примерно в трехстах ярдах от нас бесшумно скользило какое-то судно, держась точно вровень с нами. Я долго смотрел на него, но, когда наконец отправился

спать, оно ни на йоту не изменило своего положения относительно нас.

Моя каюта теперь содрогалась, откуда-то доносились непонятные стуки, полязгивание и стоны. Я сел писать дневник и вскоре ощутил, что мы, несомненно, вышли в море — качка оказалась весьма чувствительной.

Я попробовал лечь на койку — качка стала еще чувствительней. От борта к борту, от борта к борту, опять, и опять, и опять. Одно время мы взвешивали, нельзя ли Хелен отправиться со мной в это путешествие, и теперь я невольно улыбнулся. Нет, ей тут не понравилось бы. Ее ведь укачивает даже на заднем сиденье автомобиля. Меня же это мерное движение только убаюкивало, точно я лежал в колыбели, и сон не заставил себя ждать.

5

— Э-э-эй! — закричал я.

— Э-э-эй! — пропищал у меня за спиной Джимми.

Я обернулся и посмотрел на сына. Ему шел пятый год, а по вызовам он ездил со мной с трех лет. И уж, конечно, считал себя великим знатоком скот-

ных дворов, ветераном, искусственным во всех тонкостях сельского хозяйства.

Ну, а кричать «э-э-эй!» мне приходилось частенько. Просто поразительно, как иногда трудно, приехав на ферму, обнаружить хозяина. Может, вон то пятнышко на тракторе за тремя лугами? Порой он оказывался у себя на кухне. Однако меня не оставляла надежда найти его где-нибудь среди служб, и я всякий раз верил, что он тотчас откликнется на мой призывный вопль.

Некоторые фермы по неведомой причине обязательно встречали нас полным безлюдием и запертой дверью дома. Мы рыскали между сараями, коровниками и загонами, но на наши бодрые крики отвечало только эхо, отраженное равнодушными стенами. У нас с Зигфридом для таких ферм существовало собственное определение — «хожу не нахожу», и они обходились нам в бесчетные напрасно потерянные минуты.

Джимми очень быстро разобрался в этой ситуации и теперь откровенно радовался случаю поупражнять легкие. Я следил, как он разгуливает по булыжнику и кричит, дополнительно — и совершенно зря — топоча новыми сапожками.

Ах, как он ими гордился! Ведь сапожки знаменовали, что его статус помощника ветеринара признан официально! Вначале, когда я только начал брать его с собой, он просто, как всякий

ребенок, радовался, глядя на обитателей скотного двора и, конечно, на их потомство — ягнят, жеребят, поросят, телят, уж не говоря о мгновениях неистового восторга, когда он вдруг обнаруживал в сене спящих котят или натыкался в пустом стойле на собаку с щенками.

Но потом ему стало этого мало. Он захотел сам что-то делать и вскоре знал содержимое моего багажника не хуже, чем содержимое ящика со своими игрушками. Ему страшно нравилось доставать для меня жестянки с желудочным порошком, электуарий и пластыри, белую примочку и все еще почитаемые длинные картонки с «универсальным лекарством для рогатого скота». А едва увидев корову, лежащую в характерной позе, он мчался к машине за кальцием и насосом, не дожидаясь моей просьбы. Он уже научился ставить диагнозы самостоятельно.

По-моему, особенно он любил сопровождать меня на вечерних вызовах, если Хелен в виде исключения разрешала ему лечь спать попозже. Он блаженствовал, уезжая за город в темноте, направляя луч фонарика на коровий сосок, пока я его зашивал.

Фермеры всегда ласковы с детьми, и даже самые угрюмые буркали: «А, так вы помощником обзавелись!», едва мы вылезали из машины.

К тому же, фермеры были счастливыми обладателями вожделенной мечты Джимми — больших сапог, подбитых гвоздями. Фермеры вообще вызывали у него неумное восхищение — сильные, закаленные мужчины, которые почти все время проводили под открытым небом, бесстрашно расхаживали в гуще коровьего стада и небрежно хлопали по крупу могучих битогов. Я видел, какими сияющими глазами он смотрел, как они — порой невысокие и жилистые — влезали по амбарной лестнице с огромными мешками на спине или ловко повисали на морде тяжеловесного вола, небрежно сжимая в зубах вечную сигарету, а их сапоги волоклись по полу.

Вот эти-то сапоги совершенно пленили Джимми. Крепкие, не знающие сноса, они словно символизировали для него тех, кто их носил.

Вопрос встал ребром, когда мы как-то раз вели в машине один из наших обычных разговоров. То есть вел его мой сын, засыпая меня бесчисленными вопросами, на которые я отвечал несколько наобум, потому что думал о своих пациентах. Вопросы эти сыпались практически без остановки каждый день, следуя уже испытанному порядку.

— А какой поезд быстрее — «Голубой Питер» или «Летучий шотландец»?

— Ну-у... право, не знаю. Пожалуй, «Питер».

Затем следовал вопрос похитрее:

— А экспресс быстрее гоночного автомобиля?

— Да как сказать... Надо подумать. Наверное, гоночный автомобиль быстрее.

Джимми внезапно менял направление.

— А хозяин на той ферме очень большой, правда?

— Очень.

— Больше мистера Робинсона?

Начиналась его любимая игра в «больших людей», и я прекрасно знал, чем она кончится, но честно подавал требуемые реплики.

— Конечно.

— Больше мистера Лиминга?

— Несомненно.

— Больше мистера Керкли?

— Еще бы!

Джимми поглядел на меня искоса, и я понял, что он сейчас пустит в ход два своих козыря.

— Больше, чем газовщик?

Великан, являвшийся в Скелдейл-Хаус снимать показания газовых счетчиков, покорило воображение моего сына, и я должен был внимательно обдумать ответ.

— Ну-у... Знаешь ли, мне кажется, он все-таки больше.

— А! Только...— Тут у Джимми лукаво вздернулся уголок рта.— Мистера Тэкри он тоже больше?

Это был нокаут. Кто мог быть больше мистера Тэкри, взиравшего сверху вниз на всех обитателей Дарроуби с высоты своих шести футов семи дюймов?

Я покорно пожал плечами.

— Нет. Должен сознаться, что мистер Тэкри больше.

Джимми просиял и победно кивнул. Потом начал что-то напевать, барабана пальцами по приборной доске. Вскоре стало ясно, что он запутался и никак не может вспомнить, как там дальше. Терпение не входило в число его добродетелей: он начинал, снова путался, снова начинал, и было видно, что гневной вспышки не избежать.

После того, как мы спустились по крутому склону в деревушку и очередная порция «там-ти, там-ти» резко оборвалась, Джимми воинственно повернулся ко мне.

— Знаешь,— сердито буркнул он,— надоело мне это хуже горькой редьки!

— Ну, что же, старик, очень жаль.— Я призадумался.— Ты же, по-моему, поешь «Лиллибурлеро».— И я быстро напел мотив.

— Ага! — Джимми хлопнул себя по коленям, несколько раз во все горло пропел мелодию и пришел в такое отличное настроение, что высказал свое, видимо, довольно давнее желание:

— Папа! Ты мне сапоги не купишь?

— Сапоги? Так ты же в сапогах! — И я кивнул на резиновые сапожки, в которые Хелен всегда его обряжала перед визитом на ферму.

Он печально поглядел на них, а потом сказал:

— Я знаю. Только я хочу такие сапоги, как у фермеров.

Я растерялся. Что тут было ответить?

— Видишь ли, Джим, маленькие мальчики в таких сапогах не ходят. Вот когда ты подрастешь, то, может быть...

— Так они мне сейчас нужны,— произнес он горестно.— Мне нужны настоящие сапоги!

Я решил, что это случайный каприз, но он продолжал вести планомерную кампанию день за днем, с невыразимым отвращением глядя на резиновые сапожки, когда Хелен натягивала их ему на ноги, и скорбно опуская плечи, чтобы показать, насколько мало подобная обувь подходит такому мужчине, как он.

В конце концов как-то вечером, уложив его спать, мы обсудили положение.

— Подбитых сапог его размера вообще, наверное, не бывает,— сказал я.

Хелен покачала головой.

— Думаю, что нет. Но на всякий случай я погляжу.

Вскоре выяснилось, что Джимми был отнюдь не единственным мальчиком, мечтавшим о таких сапогах: неделю спустя моя жена вернулась домой, порозовевшая от оживления, и показала мне пару крохотных фермерских сапог — никогда в жизни мне не доводилось видеть ничего подобного.

Я невольно расхохотался: такие миниатюрные и такие настоящие, верные в каждой детальке они были! Толстые подошвы на гвоздях, солидные голенища и вертикальный ряд металлических дырочек для шнурков.

Джимми, увидев их, не засмеялся. Он взял их в руки с благоговением, а когда надел, в его манере держаться произошла разительная перемена. Бойкий коренастый мальчуган, он расхаживал в своих плисовых гетрах и новых сапожках, точно все тут принадлежало ему. Он притоптывал, стучал каблуками, плечи расправил, как мог шире, а в его «э-э-эй» слышались властные ноты.

Озорником я Джимми не назвал бы, и уж, конечно, в нем не было ни жестокости, ни страсти к бессмысленным разрушениям, однако сидел в нем бесенок, как, по-моему, и положено мальчишкам. Ему нравилось поступать по-своему, и он любил меня дразнить, хотя, вероятно, сам того не сознавал.

Если я говорил: «Этого не трогай!», он старался держаться от указанного предмета подальше, но позже слегка проводил по нему кончиками пальцев. Назвать его непослушным в подобном случае было все-таки нельзя, и тем не менее он доказывал себе и нам свою независимость.

Так, он не упускал случая воспользоваться моментом, если я оказывался в стесненном положении. Вот, например, в тот день, когда мистер Гарретт привел свою овчарку. Пес сильно хромал. Я водворил его на стол, и тут в окне, выходящем в залитый солнцем сад, возникла круглая головенка.

Я ничего против не имел: Джимми часто наблюдал, как я ра-

ботал с мелкими животными, и мне даже показалось немного странным, что он не прибежал в операционную.

Далеко не всегда легко установить, почему собака охромела, но на этот раз я обнаружил причину почти мгновенно. Когда мои пальцы слегка сжали внешнюю подушечку левой лапы, пес дернулся, а на черной поверхности проступила капелька лимфы.

— У него тут сидит какая-то заноза, мистер Гарретт,— сказал я.— Возможно, колючка. Сейчас я сделаю местную анестезию и доберусь до нее.

Я начал наполнять шприц, и вдруг заметил в углу окна коленку. «Нет, Джимми, конечно, не станет карабкаться по глицинии!» — успокоил я себя, подавляя раздражение. Забава эта была опасной, и я строго-настрого запретил ему лазить по стеблям этого красивого растения, обвившего дом со стороны сада. Хотя у земли стебли были толщиной в ногу взрослого мужчины, выше, поднимаясь к окошку ванной и дальше к черепичной крыше, они становились совсем тонкими.

Ну, конечно, он себе ничего такого не позволит! И я сделал укол в лапу. Современные анестезирующие средства действуют стремительно, и уже на второй минуте пес не ощутил ни малейшей боли, когда я сжал пострадавшую лапу.

— Поднимите его ногу и крепко ее держите,— распорядился я, беря скальпель.

Мистер Гарретт кивнул и озабоченно поджал губы. Он вообще был человеком серьезным, и явно глубоко переживал за своего четвероногого друга. Едва я занес скальпель над роковой капелькой, его глаза тревожно прищурились.

А я радостно сосредоточился. Если я обнаружу и уберу занозу, пес сразу же забудет про недавние страдания. Такие операции я проделывал несчетное число раз, и при всей своей легкости они приносили большое удовлетворение.

Кончиком лезвия я сделал крохотный разрез в плотной ткани подушечки, и... из окна на меня упала тень. Я поднял глаза. Джимми! В другом углу окна. Только теперь — его мордашка, ухмыляющаяся за стеклом по пути к крыше.

Поросенок! Влез-таки на глицинию, когда я только и могу, что потнуть в него свирепый взгляд. Я углубил надрез, нажал, но из ранки ничего не появилось. Мне не хотелось ее расширять, однако другого выхода не оставалось. Я провел скальпелем под прямым углом к первому надрезу, и тут уголком глаза заметил две маленькие ноги, болтающиеся у верхнего края окна. Я попытался заняться своим делом, но ноги покачивались и брыкались, совершенно очевидно в пику мне. Наконец они скрылись из виду, что могло означать лишь одно: Джимми не спускался, а карабкался выше по все более ненадежным стеблям. Я углубил разрез и осушил его тампоном.

Ага! Что-то там есть... Но как же глубоко засела эта дрянь! Видимо, колючка переломилась и остался один только кончик.

С охотничьим азартом я протянул руку за пинцетом... и тут в окне опять возникла голова, но теперь подбородком вверх.

Господи! Он же висит, зацепившись ногами! Физиономия меж тем ухмылялась до ушей. Из уважения к клиенту я старательно не замечал этой пантомимы за окном, но всему есть мера! Подскочив к окну, я гневно погрозил кулаком. По-видимому, мое бешенство смутило верхолаза, — во всяком случае физиономия тотчас исчезла, и я различил царапанье подошв по стене снаружи, явно поднимавшихся все выше.

Утешение ниже среднего. Стебли там могли не выдержать веса и такого малыша... Я заставил себя вернуться к столу.

— Извините, мистер Гарретт, — сказал я. — Подержите ногу еще, будьте добры.

Он сухо улыбнулся, и я погрузил пинцет в ранку. Кончики заделали что-то твердое. Я сжал их, осторожно потянул и — как чудесно! — извлек острый, влажно поблескивающий обломок колючки. Уф-ф!

Одна из тех победных минут, которые скрашивают жизнь ветеринара, — я улыбнулся мистеру Гарретту, поглаживая пса по голове, и тут снаружи послышался треск. Затем донесся вопль отчаянного ужаса, за стеклом мелькнула маленькая фигурка, и раздался глухой удар о землю.

Я бросил пинцет, выскочил в коридор и через боковую дверь вылетел в сад. Джимми уже успел сесть среди мальв, и от облегчения я даже забыл рассердиться.

— Больно ушибся? — еле выговорил я, но он помотал головой.

Я поднял его, поставил на ноги. Действительно, он как будто остался цел и невредим. Я тщательно его ощупал, не обнаружил никаких повреждений и отвел в дом, приказав:

— Беги-ка к маме!

А сам вернулся в операционную.

Вероятно, я был очень бледен, потому что мистер Гарретт испуганно спросил:

— Он не расшибся?

— Нет-нет. По-видимому, все обошлось. Прошу прощения, что я убежал. Мне следовало бы...

Мистер Гарретт погладил меня ладонью по плечу.

— Ну, что вы, мистер Хэрриот! У меня же у самого есть дети. — И тут он произнес слова, навеки запечатлевшиеся в моем сердце: — Чтоб быть родителем, нужно иметь железные нервы.

За чаем я наблюдал, как мой сын, кончив уписывать яичницу на поджаренном хлебце, принялся щедро намазывать солидный ломоть сливовым джемом. Ну, слава богу, его выходка обошлась без печальных последствий, но прочесть ему нотацию я был обязан.

— Вот, что, молодой человек, — начал я, — ты ведешь себя очень плохо. Сколько раз я повторял тебе, чтобы ты не смел лазить по глицинии...

Джимми вгрызся в хлеб с джемом, глядя на меня без тени раскаяния или смущения. Бесспорно, в моей натуре есть что-то от старой наседки, и за многие годы они с Розы — моей дочкой, когда она достаточно подросла, — прекрасно это уловили и завели обескураживающую привычку непочтительно квохтать в ответ на мои заботливые наставления. И тогда за чаем я понял, что Джимми никакими самыми убедительными тирадами не пронять.

— Если ты и дальше будешь так шалить, — продолжал я, — то я не стану брать тебя с собой на фермы. Придется мне найти другого мальчика в помощники.

Он перестал жевать, и я старался уловить, как подействовали мои слова на маленького человечка, которому позже предстояло вырасти в ветеринарного врача, до которого я во всех отношениях не мог и рукой дотянуться. Как тридцать пять лет спустя выразился мой однокашник по ветеринарному колледжу, суховатый шотландец, предпочитавший говорить без обиняков: «Просто черт знает, насколько он лучше своего папашки!»

Хлеб с джемом шлепнулся на тарелку.

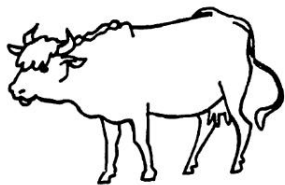
— Другого мальчика? — переспросил Джимми.

— Вот именно. Шалунов я с собой брать не могу. И мне придется поискать кого-нибудь другого.

Джимми погрузился в раздумье, потом пожал плечами, видимо, решив отнестись к моим словам философски, и снова взял надкусанный ломоть. Но внезапно невозмутимость его покинула, он поперхнулся и поглядел на меня круглыми от испуга глазами.

— И ты... — произнес он дрожащим голосом, — ты отдашь ему мои сапоги?

6

да и обжегся чаем.

За стеклом маячила грузная фигура в восточном халате. С изрытого оспой лица на нас зловеще смотрели раскосые глаза-ще-

— Ох, черт! Так это же доктор Фу-Манчу * собственной персоной!

Масляная лепешка выпала из пальцев фермера на тарелку, и он с ужасом уставился в окно кухни, где мы расположились перекусить.

Я проследил направление его взгля-

---

* Персонаж серии приключенческих романов, всемогущий и таинственный восточный ученый, строящий всякие козни против положительных героев. — *Прим. перев.*

лочки, левую щеку от уха до подбородка пересекал уродливый шрам, но особенно жутким был единственный черный сальный ус, свисавший с верхней губы почти до ключицы. Экзотически пестрый халат ниспадал с его плеч свободными складками, а скрещенные на животе руки были глубоко засунуты в рукава.

Супруга фермера взвизгнула и отпрянула от стола. А я смотрел, не в силах шевельнуться, и не верил собственным глазам. Откуда взялось это леденящее кровь видение на фоне сараев и лугов йоркширской фермы?

Вопли фермерши становились все пронзительней, переходя в истерический хохот, но внезапно она умолкла и медленно направилась к окну. Страшное лицо расплылось в дружеской ухмылке, «Фу-Манчу» выпростал руку из рукава и растопырил пальцы.

— Так это же Игорь! — ахнула фермерша и грозно повернулась к мужу. — И в моем праздничном халате! Это ты его подучил, черт паршивый!

Фермер захлебывался смехом, обмякнув в кресле, — его шуточка удалась как нельзя лучше.

Игорь был одним из военнопленных, недавно водворившихся на ферме. В конце войны их сотнями отправляли трудиться на земле, что устраивало всех: фермеры получали вдоволь рабочей силы, а пленные только радовались возможности дожидаться репатриации, проводя много времени на свежем воздухе и питаясь — если учесть жесткое rationирование и карточки — прямо-таки по-царски. И даже я получил некоторую передышку от вечной необходимости одному справляться с задачей, требовавшей нескольких рук. Помощников у меня теперь появилось хоть отбавляй: они всегда были рады поразмяться, возясь с коровой или лошастью. Все-таки развлечение.

Естественно, подавляющую часть военнопленных составляли немцы, но на фермах работали еще итальянцы и, как ни странно, русские. Я даже растерялся, когда на станции вдруг увидел, что из вагонов выходят сотни, как мне показалось, китайцев в немецких шинелях. Потом я узнал, что это были татары, завербованные немцами и попавшие в английский плен. Игорь был одним из них.

Я знаю немало фермерских семей в наших краях, которые и по сей день ездят погостить у немцев и итальянцев, которых пригтели в ту пору.

Меня все еще душил смех, а фермерша все еще разделявала мужа под орех, когда я сел в машину и справился со списком вызовов.

«Престон, Скарт-Лодж, — значилось там. — Хромая корова». Езды было минут двадцать, и я, как обычно, перебирал в уме всякие возможности. Нагноение? А может быть, придется пустить в ход копытный нож. Или просто растяжение... Ну, увидим!

Хэл Престон как раз гнал с луга мою пациентку, и диагноз я поставил прямо в машине. Никакой радости он у меня не вызвал.

Корова еле брела — правая задняя словно укоротившаяся нога только чуть касалась земли, свисая почти под животом. А огромная шишка в области таза, несомненно, была выпирающей из-под кожи головкой бедра. Вертикальное смещение. Типичное — дальше некуда.

— Утром это с ней приключилось, — сказал фермер. — Вечером все вроде в порядке было. Ума не приложу...

— Все понятно, мистер Престон, — перебил я. — Вывих бедра.

— А это серьезно?

— Да. И очень. Видите ли, чтобы водворить головку кости назад во впадину, требуется огромное усилие. Даже с собакой бывает много возни, а уж с рогатым скотом положение иногда оказывается совсем безвыходным.

Фермер помрачнел.

— А, прах его возьми! Корова-то отличная. Такой удойной поискать! Ну, а вправить не сможете, что тогда?

— Боюсь, она так калекой и останется. У собак иногда образуется надежный ложный сустав. Но не у коров. По правде говоря, многие хозяева сразу решают, чем возиться, тут же прирезать беднягу.

— Черт! Этого я не хочу! — Хэл Престон энергично потер подбородок. — Попробуем, а?

— Отлично. Мне это тоже больше по душе. — Я повернулся к машине. — Сейчас съезжу за намордником для хлороформа, а вы пока не заглянули бы к соседям позвать парней покрепче? Влишим никто не будет.

Фермер обвел взглядом зеленые просторы холмов, где не видно было никаких признаков жилья.

— До моих соседей далековато будет. Да только нынче и без них обойдемся. Вот посмотрите!

Он повел меня на кухню, полную аппетитного благоухания жареной колбасы. Вокруг стола сидели четверо дюжих немцев. Перед каждым стояла тарелка с грудой картошки, капусты, грудинки и колбасы.

— Их прислали помочь мне с сенокосом, — объяснил мистер Престон. — По виду судя, толк от них будет!

— Вы правы. — Я улыбнулся и приветственно поднял ладонь. Пленные повскакали из-за стола и наклонили головы.

— Чудесно, — сказал я фермеру. — Вы пока обедайте. Я вернусь через полчаса.

Когда я вернулся, мы отвели корову на лужок с мягкой травой. Она с трудом ковыляла, волоча почти бесполезную заднюю ногу.

Я пристегнул намордник к рогам и накапал хлороформа на губку. Корова вдохнула невидимые пары, широко открыла глаза от изумления, шагнула вперед и опустилась на траву.

Я просунул ей под ногу круглый кол, поставил у его концов двух самых дюжих пленных, обвязал ногу веревкой чуть выше

плюсны, а конец веревки вручил мистеру Престону и двум оставшимся немцам.

Завершив приготовления, я согнулся над крестцом и уперся обеими ладонями в головку бедренной кости. Останется ли она упрямо в этом положении или я почувствую, как она заскользит вверх по краю впадины на свое законное место?

Ну, будь что будет! Глубоко вздохнув, я крикнул «тяните!». Троица изо всех сил потянула веревку, и на мощных загорелых руках справа и слева от меня вздулись бугры напряженных мышц.

Несомненно, такое перетягивание каната с коровой посередке — зрелище не из самых величественных. А уж научности — ни малейшей. Но в сельской практике так оно чаще и бывает.

Впрочем, мне было не до теоретических рассуждений: все мои мысли сосредоточились на шишке у меня под ладонями.

— Тяните! — вновь завопил я и вновь услышал натужные покряхтывания.

Я стиснул зубы. Проклятая головка не шелохнулась. Неужто и эти усилия не возымеют действия? Однако кость сохраняла каменную неподвижность.

Я уже готов был признать себя побежденным, как вдруг ощутил под пальцами легкое движение. Остальное заняло несколько секунд. Под моим отчаянным нажимом головка приподнялась и с громким щелчком вошла во впадину. Победа осталась за нами!

Я даже руками замахал от восторга.

— Отлично! Бросайте веревку! — И, на четвереньках перебравшись к голове коровы, снял намордник.

Потом мы все вместе перекатили ее на грудь, и вскоре она уже моргала и встряхивала головой, освобождаясь от дурмана. А я с жадным нетерпением ждал одного из самых дорогих для ветеринара мгновений. И вот корова встала и пошла по лугу, твердо ступая на все четыре ноги. Пять потных физиономий, блестящих в солнечных лучах, озарились еще и радостным изумлением, а я, хотя видел это далеко не впервые, тоже испытал ликующее торжество, которое не может приестся.

Я угостил пленных сигаретами и на прощание поделился с ними чуть ли не половиной моего скудного запаса немецких слов:

— Данке шён,— произнес я от всей души.

— Битте, битте,— закивали они, расплываясь в улыбках. Операция явно доставила им большое удовольствие, и я подумал, что, вернувшись домой, они непременно будут про нее рассказывать.

Несколько дней спустя мы с Зигфридом вылезли из машины на ферме под Харфордом. Вместе мы туда отправились потому, что наш будущий пациент (вол редполлской породы) отличался, как нас предупредили, на редкость дурным нравом, а две пары рук всегда лучше, чем одна.

Фермер проводил нас в загон, где двадцать рогатых голов

склонялись над кормушками с турнепсом.

— Вот он! — Указательный палец ткнул в сторону огромного раскормленного вола. — А вон штуковина, про которую я вам толковал. — Теперь палец указывал на болтающуюся под брюхом опухоль, величиной с футбольный мяч.

Зигфрид впери́л в фермера суровый взгляд.

— Послушайте, мистер Гаррисон, почему вы нам раньше не позвонили? Почему допустили, чтобы она так разрослась?

Фермер стащил шляпу с головы и неторопливо поскреб лысую макушку.

— Так вы же знаете, как оно бывает. Я-то давно думал позвонить, только руки все не доходили. Ну, время и прошло.

— А теперь она вон какая!

— Да знаю я, знаю. Только я думал, может, она сама собой отвалится. Уж очень норов у него подлый. Не знаешь, как и подступиться.

— Ну, хорошо. — Зигфрид пожал плечами. — Принесите аркан. Отведем его вон в то стойло. А знаете, Джеймс, — продолжал мой партнер, едва фермер отошел, — вовсе она не такая уж страшная, как кажется на первый взгляд. Ножка отличная, и если мы сумеем сделать местную анестезию, то наложим лигатуру и удалим ее в один момент.

Фермер вернулся с арканом. Его сопровождал теперь невысокий брюнет в синем холщовом комбинезоне.

— Это Луиджи, — объяснил фермер. — Итальянец пленный. По-нашему он ни тпру, ни ну, зато подмога от него большая, куда ни поставь.

Последнему я поверил легко: рост ростом, но широкие плечи и мускулистые руки говорили о недюжинной силе.

Мы поздоровались. Итальянец в ответ кивнул и неторопливо улыбнулся. Он был исполнен достоинства и уверенности в себе.

Изрядно побегав по загону, мы кое-как сумели водворить нашего пациента в стойло, но тут же поняли, что это только начало.

Редполлы — крупная порода, и при их подлом норове сладить с ними бывает трудно. Глазки этой жирной скотины злобно поблескивали, и все наши попытки заарканить его завершались фиаско. Он увертывался от веревки, грозно опускал рога и потряхивал головой. Один раз, когда он тяжело пробежал мимо, я умудрился запустить пальцы ему в ноздри, но он отмахнулся от меня, как от мухи, и, брыкнув задней ногой, больно задел по бедру.

— Сущий слон! — охнул я. — Одному богу известно, как с ним сладить.

Транквилизаторы, чтобы обездвиживать таких великанов, и металлические станки были еще делом будущего. Мы с Зигфридом устались на вола в некотором унынии, и тут заговорил Луиджи. Его итальянскую тираду никто не понял, но мы разобрались, чего он хочет, когда он вежливо оттеснил нас к стене. Явно, он собирался что-то предпринять, но что?

А Луиджи осторожно подкрался к волу и молниеносно ухватил его за ухо обеими руками. Вол ринулся вперед, но уже не столь самозабвенно, как раньше. Луиджи закрутил ухо, и это, видимо, сыграло роль тормоза: во всяком случае, вол остановился и поглядел на маленького итальянца снизу вверх очень жалобным взглядом.

Я чуть было не расхохотался, но время предаваться веселью не было — Луиджи мотнул головой в сторону болтающейся опухоли.

Мы с Зигфридом кинулись к волу. В первый раз мы видели, чтобы скотину ловили за ухо, но пускаться в обсуждение было некогда.

Я приподнял опухоль на ладонях, и Зигфрид мгновенно анестезировал ножку. Едва игла погрузилась в кожу, волосатая ножища дернулась, и при обычных обстоятельствах могучий удар заднего копыта вышвырнул бы нас обоих из стойла. Но Луиджи крутанул ухо и убедительно произнес по-итальянски что-то весьма назидательное. Вол сразу присмирел и до конца операции хранил полную неподвижность.

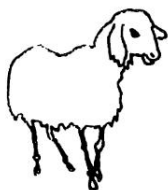
Зигфрид наложил лигатуру и петлей бескровно перерезал ножку. Опухоль плюхнулась на солому. Вот и все.

Луиджи выпустил ухо и принял наши поздравления, любезно кивая и чуть-чуть улыбаясь. Нет, он действительно, держался с неподражаемым достоинством.

И теперь, тридцать лет спустя, мы с Зигфридом часто его вспоминаем. Мы оба пытались хватать быков и волов за уши, но без малейшего успеха. Кто же был Луиджи? Дилетант с железными руками или же потомственный крестьянин, применивший какой-то итальянский прием, который освоил еще в детстве? Ответа на этот вопрос мы так и не знаем.

7

29 октября 1961 года

— Завтрак, мистер Хэрриот.

Я услышал голос юнги и стук в дверь каюты. Это был первый, утренний призыв. А за ним через соответствующие промежутки последовали: «обед, мистер Хэрриот», «кофе, мистер Хэрриот», «ужин, мистер Хэрриот». Этот семнадцатилетний паренек

с румяным свежим лицом очень старался, чтобы я ничего не пропустил.

Я поспешил в салон. К моему удивлению он был пуст, но на столе стоял огромный кофейник, возле которого расположились пирамида из ломтей ржаного хлеба и блюда со всевозможными мясными и рыбными закусками — не меньше десяти.

Такие завтраки мне были не слишком привычны, но голод не тетка, и я немедленно принялся за еду. Кофе оказался превосходным, я с наслаждением запивал чудесную селедку с луком, ветчину и удивительно вкусный мясной рулет, как вдруг откуда-то возник юнга и, улыбаясь, поставил передо мной яичницу из двух яиц с грудинкой.

Я удивился, но не испугался и, поглощая яичницу, возрадовался, что у меня никогда не бывает морской болезни — судно довольно заметно кренилось то на левый, то на правый борт.

Вскоре ко мне присоединился помощник капитана, коренастый толстячок, тоже Расмуссен, как и капитан, а затем Хансен, механик, смуглый брюнет с насмешливым лицом. Английский они знали плохо, но мы сумели побеседовать на самые разные темы, включая футбольную лотерею — оба при каждом удобном случае заполняли бланки прогнозов, но всегда безуспешно.

После завтрака я спустился к овцам. На первый взгляд все они выглядели прекрасно, но тут я заметил, что одна подходит к кормушке, сильно прихрамывая. Я осмотрел копыто и обнаружил небольшое загнивание. Мне говорили, что русские ветеринары проводят осмотр с огромным тщанием, но это копытце они проглядели. Я обработал больное место тетрациклиновым аэрозолем, не сомневаясь, что к тому времени, когда мы приедем в Клайпеду, овца будет совсем здорова. Просто надо повторить эту процедуру еще несколько раз.

Затем я увидел овцу с воспаленными слезящимися глазами. Одну-единственную. Скорее всего, она по дороге в Гульль чем-то их засорила. Я выдавил на глазные яблоки немножечко хлорамфениколовой мази, решив, что смажу их еще раз днем, а потом и вечером.

Осмотр я закончил с приятной мыслью, что моей аптечки пока оказалось вполне достаточно.

Когда настало время обедать, я по дороге в салон прошел мимо камбуза — крохотного закутка, еле вмещавшего кухонную утварь, плиту, духовку и съестные припасы. Ну как можно готовить приличную еду в такой каморке? И тут меня осенило: потому-то завтраки и был столь обильным, что с этих пор нам предстоит питаться бог знает чем, да к тому же состряпанным на скорую руку. Приходилось смириться с мыслью, что до возвращения домой я буду жить впроголодь.

Мы расселись вокруг стола в маленьком салоне, и нам принесли первое — восхитительный суп из спаржи с фрикадельками. На второе подали телячьи отбивные со свиными шкварками, пореем, пряностями и анчоусами. На десерт мы получили пудинг из саго, начиненный персиками и щедро обсыпанный корицей. Попивая кофе и покусывая чудесный датский сыр, я не мог отделаться от ощущения, будто только что отобедал в самом дорогом лондонском ресторане.

Тут в дверь просунулась голова Нильсена, кока,— крупного мужчины в белоснежном фартуке. Я тотчас сказал ему, что готовит он великолепно. Это чрезвычайно ему польстило, хотя и несколько удивило, поскольку все остальные словно ничего другого и не ожидали.

Улыбнувшись еще шире, он быстро закивал: «Спасибо, спасибо, спасибо!» Его глаза, казалось, говорили, что он всю жизнь искал и ждал кого-нибудь вроде меня, и я почувствовал, что теперь на судне у меня есть по крайней мере один друг.

После обеда я вновь отправился на нижнюю палубу, но несколько минут простоял у поручня, вдыхая удивительно свежий воздух. Кругом, насколько хватал глаз, плясали волны, и качка не позволяла даже стоять прямо.

Спустившись вниз, я внимательно осмотрел овец. Меня угнетало неясное подозрение. С самого начала я несколько раз слышал кашель, но не обращал на него особого внимания — все овцы иногда покашливают. Но теперь он раздавался чаще, и в нем различалось такое знакомое мне хрипение!

На этот раз я выяснил, откуда он доносится, и забрался в загон с линкольнами. Я их немного погонял, и спустя несколько секунд они все дружно закашляли. Теперь я знал причину: диктиокаулез.

Я поставил термометр трем-четырем, каждый раз прислоняясь к качающейся стенке, чтобы разглядеть, что он показывает. Впрочем, было ясно, что это не вторичная инфекция, но паразитарный бронхит. А в моем чемодане для его лечения не было ничего.

Правда, когда позднее я сел у себя в каюте писать мои заметки, то пришел к выводу, что заражение невелико и должно пройти само собой, так как овцы были в прекрасном состоянии, получали вдосталь отличного корма и больше не паслись на зараженных лугах. Все равно, мне это не нравилось. В Гулле ветеринары не заметили кашля, но в Клайпеде заметят, а мне очень хотелось сдать им абсолютно здоровых животных.

Потом я провел удивительно интересный час на капитанском мостике. Капитан объяснил мне устройство радара и других приборов и показал наше место на карте. Мы шли вдоль голландского побережья, но на таком расстоянии, что суши видно не было.

Меня поразили морские карты. Море выглядело сложным лабиринтом всяческих линий, цифр и надписей, а суша представляла собой сплошное белое пятно.

В шесть тридцать я опять пошел в салон умерщвлять свою плоть. На столе громоздились горы жареных цыплят с острой начинкой, совсем мне незнакомой, и маринованными огурцами. Затем подали фрукты. Я уж не упоминаю о неизменных блюдах с селедкой, помидорами, саями, солониной, свиной, ветчиной, грудинкой и всяческими датскими колбасами и сырами, нарезанными ломтиками. И еще я забыл упомянуть печеночный паштет и перетопленное сало, которые пользовались особой любовью

моих сотрапезников. Сало они намазывали на ржаной хлеб и таким бутербродом завершали каждую еду.

После ужина мы устроились поудобнее и курили часа два, болтая за шнапсом и пивом. Насколько я понял, так они проводили почти все вечера. Мне было очень интересно слушать морские рассказы о разных странах и народах, не говоря уж о всяческих приключениях, выпадавших на их собственную долю.

— Это Хемингуэй сказал, верно?

Норман Бомонт покачал головой.

— Нет! Скотт Фицджеральд.

Я не стал спорить. Норман редко ошибался в таких вещах. Собственно, это и было в нем особенно привлекательным.

Мне очень нравилось, когда студенты ветеринарных колледжей проходили у нас практику. Они приносили, они подавали, они открывали ворота и скрашивали долгие поездки. Взамен они много узнавали от нас во время этих автомобильных бесед и получали бесценный практический опыт в избранной профессии.

Однако после войны мои отношения с этими молодыми людьми заметно изменились. Я обнаружил, что узнаю от них не меньше, чем они от меня.

Разумеется, причина заключалась в том, что ветеринария как наука сделала огромный прыжок вперед. Вдруг стало ясно, что мы не просто коновалы, и внезапно открылась совершенно новая область работы с мелкими животными. Да и в сельской практике появились передовые хирургические методики, а потому студенты оказывались в более выгодном положении, так как знакомились с ними в современных клиниках и операционных.

Писались новые учебники, превращавшие в музейные экспонаты мои зачитанные до дыр справочники, в которых все давалось в сопоставлении с лошадьми. Я и сам был еще молод, но многие переполнявшие мой мозг знания, предмет моей недавней гордости, стремительно утрачивали значение. Флегмона венчика, нагноение холки, заковка, ламинит, шпат — все они отошли куда-то на задний план.

Норман Бомонт учился на последнем курсе и был истинным кладезем сведений, из которого я готов был черпать без конца. Но кроме ветеринарии нас объединяла любовь к книгам и чтению.

Когда мы оставляли профессиональные темы, разговор обычно переходил на литературу, и общество Нормана приносило мне

много радости, а расстояния от фермы до фермы, казалось, стали много короче.

Он был на редкость обаятелен, а манера держаться, не по годам солидная, смягчалась мягким юмором. В двадцать два года он явно обещал обрести немалую внушительность. Это впечатление усиливалось и чуть-чуть грушевидным телосложением, и упрямым желанием обязательно курить трубку.

С трубкой у него что-то не ладилось, но я не сомневался, что он преодолеет все трудности. Я словно видел, каким он будет через двадцать лет: дородный отец семейства покуривает наконец-то покорившуюся ему трубку у топящегося камина в окружении жены и детей. Прекрасный, надежный человек, преуспевающий специалист.

Мимо мелькали каменные стенки, а я опять заговорил о новых операциях.

— Так в университетских клиниках коровам правда делают кесарево сечение?

— Господи, ну, конечно! — Норман выразительно взмахнул рукой и поднес пичку к трубке. — Чик-чик, и готово! Самая обычная операция. — Его слова прозвучали бы веселее, если бы их сопровождал клуб сизого дыма. Но он так плотно умял табак в чашечке, что ему не удалось затянуться, как он ни втягивал щеки и ни выпучивал глаза.

— Нет, вы даже не понимаете, какой вы счастливчик, — сказал я. — Подумать только, сколько часов я пролежал на полу в коровниках из-за неправильного положения плода! Производил разъятия, надрывался, чтобы повернуть голову или добраться до ножек. Нет, наверняка я укоротил себе жизнь. А умей я, так от скольких хлопот избавился бы благодаря простенькой операции! Но, собственно, как ее делают?

Студент снисходительно улыбнулся моему невежеству.

— В сущности, пустяки. — Он снова запалил трубку, прижал табак пальцем и, обжегшись, охнул. Отчаянно помотав головой, он вернулся к теме. — И вроде бы никаких осложнений. Занимает около часа и не требует особых усилий.

— Заманчиво! — Я грустно кивнул. — Пожалуй, я родился слишком рано. И с овцами, наверное, тоже?

— Ну, конечно, — небрежно ответил Норман. — Овцы, коровы, свиньи — каждый день то те, то другие. И никаких проблем. Проще, чем с собакой.

— Что же, везет вам, молодым. Насмотревшись, самому потом делать куда легче.

— Справедливо! — Студент поднял ладони. — Но, собственно, большинство отелов обходятся без кесарева сечения, а потому я всегда рад занести еще одно в свою сводную тетрадь.

Я кивнул. Сводная тетрадь Нормана заслуживала уважения — толстый том в плотном переплете, куда записывались все сколько-нибудь интересные сведения под заголовками, тщательно

выписанными красными чернилами. Экзаменаторы всегда обращали большое внимание на эти конспекты, и Норман был вправе рассчитывать, что его тетрадь сыграет самую положительную роль на выпускных экзаменах.

Было последнее августовское воскресенье, за которым следует традиционный свободный понедельник, и рыночная площадь в Дарроуби весь день кишела туристами и просто любителями длинных прогулок. Всякий раз, лавируя между туристскими автобусами, я с завистью поглядывал на оживленные толпы. Так мало людей вынуждено работать и в праздники!

Под вечер я посадил нашего практиканта у его квартиры и поехал в Скелдейл-Хаус выпить чаю. Я еще не допил чашки, когда Хелен встала на телефонный звонок.

— Мистер Бушелл из Сайкмор-Хауса, — сказала она. — У него корова телится.

— Черт бы ее побрал! А я-то размечтался, что мы хоть вечер проведем вместе! — Я поставил чашку. — Скажи ему, Хелен, что сейчас приеду, будь так добра. — И улыбнулся. — Ну, хотя бы Норман обрадуется. Он только что говорил, что ему нужен материал для его тетради.

Я не ошибся. Когда я заехал за ним, он даже руки потер от удовольствия и всю дорогу оживленно болтал.

— Я как раз читал стихи, — сообщил он. — Люблю поэзию. Всегда найдется что-то прямо о тебе, о твоей жизни. Ну, точно по заказу, я ведь жду чего-нибудь особенного! «В душе у человека всегда надежда правит!»

— Александр Поп, «Опыт о человеке», — буркнул я, не испытывая в отличие от Нормана ни малейшего радостного предвкушения. С отелями никогда наперед не угадаешь.

— Ловко! — студент засмеялся. — Вас не поймаете!

Мы въехали в ворота фермы.

— С вашей легкой руки и меня на стихи потянуло, — сказал я. — Прямо на языке вертится. «Оставь надежду всяк, сюда входящий!»

— Данте, естественно! «Ад». Но откуда такой пессимизм? — Он ободряюще потрепал меня по плечу, а я достал резиновые сапоги.

Фермер проводил нас в коровник, и из стойла с соломенной подстилки на нас тревожно посмотрела маленькая корова. На доске у нее над головой было написано мелом «Белла».

— Крупной ее не назовешь, мистер Бушелл, — сказал я.

— А? — Он вопросительно оглянулся на меня, и я вспомнил, что он туговат на ухо.

— Маловата она! — гаркнул я.

Фермер пожал плечами.

— Это уж так. С первым теленком ей трудно пришлось. А доилась потом хорошо.

Снимая рубашку и намазывая руки по плечи, я разглядывал

роженицу. Узкий таз мне очень не понравился, и я мысленно вознес молитву всех ветеринаров — пусть хоть теленок будет крохотным!

Фермер ткнул носком сапога в рыжеватый бок, чтобы заставить корову встать.

— Ничем ее не поднимешь, мистер Хэрриот,— сказал он.— С утра пытит, и силенок, думается, у нее уже нет никаких.

Эти слова мне тоже очень не понравились. Если корова долго тужится без всяких результатов, значит что-то очень неладно. Да и вид у нее был совсем измученный. Голова поникла, веки устало опустились.

Ну что же, если она не встает, значит, придется мне лечь. Когда моя обнаженная грудь уперлась в булыжники, я подумал, что время их ничуть не умягчило. Но тут я ввел руку и забыл про все остальное. Тазовое отверстие оказалось злодейски узким, а за ним... У меня похолодело внутри. Два гигантских копытца, и опирается на них великанья морда с поддрагивающими ноздрями. Дальше можно было и не ощупывать, но, напрягшись, я продвинул руку еще дюйма на два и ощутил под пальцами выпуклый лоб, загнанный в узкое пространство, словно пробка в бутылку. Я начал извлекать руку и мою ладонь вдруг лизнул шершавый язык.

Сидя на корточках, я задрал голову:

— Там слоненок, не иначе, мистер Бушелл.

— А?

Я повысил голос:

— Теленок огромный и протиснуться наружу он не может.

— Значит резать будете?

— Боюсь, что нет. Теленок живой, а к тому же ничего не получилось бы. Просто нет места, чтобы работать.

— Да-а...— протянул мистер Бушелл.— А ведь доится она хорошо. Не хочется ее под нож-то.

Я вполне разделял его чувства. Самая мысль о таком исходе была мне глубоко отвратительна. Но... но ведь горизонты распахнулись и уже занялась новая заря! Это был решающий, исторический миг. Я повернулся к студенту.

— Никуда не денешься, Норман! Идеальные показания для кесарева сечения. Как удачно, что вы тут. Будете мной руководить.

От волнения у меня даже дух захватило, и я не обратил внимания на явную тревогу в глазах студента.

Вскочив на ноги, я вцепился мистеру Бушеллу в руку.

— Мистер Бушелл, я хочу сделать вашей корове кесарево сечение.

— Чего, чего?

— Кесарево сечение. Вскрыть ее и извлечь теленка хирургическим способом.

— Через бок его вытащить, так что ли? Ну, как у баб бывает?

— Совершенно верно.

— Ну-ну! — Брови фермера полезли вверх. — А я и не знал, что и с коровами так можно.

— Теперь можно, — убежденно сказал я. — За последние несколько лет мы далеко ушли.

Он медленно провел ладонью по губам.

— Уж и не знаю. Она же наверняка содохнет, если вы в ней дырищу вырежете. Так, может, все-таки лучше к мяснику? Хотя что-то за нее получу, а что-то, как ни гляди, лучше, чем ничего, я так думаю.

Я почувствовал, что у меня отнимают мой звездный час.

— Но ведь она совсем худая и маленькая! Ну сколько вам за нее дадут, если пустить ее на мясо? А так мы можем получить от нее живого теленка!

Я нарушил одно из своих самых священных правил: никогда не уламывать клиента, чтобы он поступил по-моему. Но мною овладело какое-то безумие. Мистер Бушелл молча уставился на меня, а потом все с тем же выражением неторопливо кивнул.

— Ну, ладно. Так, что вам надо-то?

— Два ведра теплой воды, мыло, полотенца, и, если можно, я прокипячу у вас на кухне кое-какие инструменты.

Фермер направился к дому, а я хлопнул Нормана по плечу.

— Удивительно все удачно складывается. Света достаточно, теленок жив, и мы его спасем, а мистер Бушелл, к счастью, плохо слышит, и не заметит, если я буду задавать вам вполголоса вопросы по ходу операции.

Норман промолчал, и я попросил его составить из тючков соломой столик под наши инструменты и разбросать солому вокруг коровы, пока я буду кипятить эти инструменты в кастрюле на кухонной плите.

Вскоре все было готово. Шприцы, шовный материал, скальпели, ножницы, состав для местной анестезии и вата заняли свои места на тючках, застеленных чистым полотенцем. Я подлил антисептического средства в воду и сказал фермеру:

— Мы положим ее на бок, а вы держите голову. Она так измучена, что не будет особенно сопротивляться.

Мы с Норманом уперлись Белле в плечо, и она покорно опрокинулась на бок. Фермер прижал ее шею коленом. Я ткнул Нормана локтем и шепнул, глядя на широкое пространство рыжей шкуры передо мной.

— Где делать разрез?

Норман кашлянул.

— Э... Вот, примерно... — Он неопределенно повел рукой.

Я кивнул.

— Там, где мы оперируем рубец, а? Но только чуть ниже, верно?

Я принялся состригать волосы широкой полосой на протяжении фута. Чтобы извлечь теленка, отверстие понадобится порядочное!

Затем я быстро анестезировал операционное поле.

Теперь мы в подобных случаях ограничиваемся местной анестезией, и, пока длится операция, корова спокойно лежит на боку, а то даже и стоит. Она просто ничего не чувствует. Однако кое-какими своими седидами я обязан двум-трем норовистым коровам, которые в самый разгар операции вдруг вскакивали и бросались прочь, а я мчался рядом, стараясь не допустить, чтобы их внутренние органы вывалились наружу.

Но все это еще мне предстояло. А в этот, первый, раз у меня ничего подобного и в мыслях не было. Я рассек кожу, мышечный слой, брюшину, и в разрез выпучилось нечто бело-розовое.

Я потыкал пальцем и ощутил внутри что-то твердое. Неужели теленок?

— Что это? — прошипел я.

— Э? — Норман, стоявший на коленях рядом со мной, нервно подпрыгнул. — Я не понял...

— Ну, э т о! Рубец или матка? По положению тут вполне может быть матка.

Студент судорожно сглотнул.

— Да... да... матка. Конечно, она.

— Отлично. — Я даже улыбнулся от облегчения и смело сделал разрез. Из-под скальпеля выполз плотный ком пережеванной травы, с шумом вырвались газы и брызнула бурая жидкость.

— Черт! — взвыл я. — Это же рубец! Господи боже ты мой! — Грязный вал перекатился в брюшную полость и скрылся из вида. Я не сумел сдержать стона. — Что это за штучки, Норман, черт вас дери?

Я почувствовал, что он трясется, как в ознобе.

— Да пошевеливайтесь же! — рявкнул я. — Давайте иглу. Живей, живей!

Норман вскочил, кинулся к импровизированному столику, вернулся и трясущимися пальцами подал мне иглу с длинным шлейфом кетгута. Я молча зашил разрез, который сделал не в том органе. Во рту у меня пересохло. Потом мы вдвоем схватили ватные тампоны, чтобы убрать содержимое желудка из брюшной полости, но значительная его часть уже стекла туда, куда мы не могли добраться. Массированное загрязнение!

Когда мы сделали все, что было в наших силах, я выпрямился, посмотрел на студента и с трудом прохрипел:

— Я думал, вы эти операции знаете, как свои пять пальцев.

— В клинике их делают довольно часто...

Глаза у него были испуганные.

Я ответил ему свирепым взглядом.

— Вы-то сколько кесаревых сечений видели?

— Ну... э... по правде сказать, одно.

— Одно! А рассуждали, как специалист. Но пусть и одно, что-то ведь вы же должны о них знать?

— Дело в том... — Колени Нормана заерзали по булыжнику. —

Видите ли... Я сидел в самом заднем ряду.

Мне удалось придать своему хрипу саркастический оттенок:

— А-а! Так что толком ничего не разглядели? Так?

— Почти.— Он уныло поник головой.

— Шенок! — шепнул я злобно.— Дает указания, а сам ни черта не знает. Да ты понимаешь, что убил эту прекрасную корову? Перитонит ей обеспечен, и она сдохнет. Единственно, что мы еще можем, это извлечь теленка живым.— Я заставил себя отвести взгляд от его растерянного лица.— Ну, давай продолжать.

Если не считать моего первого вскрика, весь разговор велся пианиссимо, и мистер Бушелл только вопросительно на нас поглядывал.

Я улыбнулся ему — ободряющей улыбкой, как мне хотелось верить, — и повернулся к корове. Извлечь теленка живым! Легко сказать, но вот сделать? Мне скоро стало ясно, что извлечь его даже мертвым — задача чудовищная. Я погрузил руку поглубже под, как мне теперь было известно, рубцовый отдел желудка, и наткнулся на гладкий мышечный орган, лежащий на брюшной стенке. В нем находилось что-то огромное, твердое и неподвижное, точно мешок с углем.

Я продолжал исследование и нащупал характерные очертания заплюсны, упершейся в скользкую стенку. Да, бесспорно, теленок, но как же до него далеко!

Я вытащил руку и вновь уставился на Нормана.

— Но из вашего заднего ряда,— осведомился я со жгучей иронией,— вы все-таки, может быть, извоили заметить, что делается дальше?

— Дальше? А, да-да! — Он облизнул губы, и я вдруг обнаружил, что лоб у него весь в бисеринках пота.— Необходимо экстрагировать матку.

— Экстрагировать? Приподнять к разрезу, что ли?

— Да-да.

— Господи! Да это никакому Геркулесу не под силу! Мне ее ни на йоту не удалось сдвинуть. Вот сами попробуйте!

Студент, который разделся и намылился одновременно со мной, покорно запустил руку в разрез, и минуту я любовался, как он натушно багровеет. Потом он смущенно кивнул.

— Вы правы. Ни в какую.

— Остается одно! — Я схватил скальпель.— Сделаю разрез у заплюсны и ухвачу за нее.

Орудовать скальпелем вслепую, погрузив руку по плечо в темные коровьи недра и высунув язык от напряжения — что может быть кошмарнее? Меня леденила мысль, как бы ненароком не полоснуть по чему-нибудь жизненно важному, но, к счастью, примериваясь к бугру над заплюсной, я лишь раз-другой порезал собственные пальцы. И несколько секунд спустя уже ухватил волосатую ногу. Уф-ф! Все-таки зацепка.

Осторожно, дюйм за дюймом я расширил разрез. Ну, авось, он теперь достаточно широк. Но когда работаешь на ощупь, никакой уверенности быть не может. В том-то и весь ужас.

Однако мне не терпелось извлечь теленка на свет. Отложив скальпель, я вновь взялся за ногу, попробовал ее приподнять и тут же убедился, что с кошмарами еще далеко не покончено. Тяжелым теленок оказался неимоверно, и чтобы его вытащить, требовались очень мощные руки. Теперь в таких случаях у меня всегда рядом наготове какой-нибудь дюжий парень — раздетый, с обеззараженной по плечо рукой, — но тогда в моем распоряжении был только Норман.

— Давайте же! — пропыхтел я. — Попробуем вместе.

Мне удалось отогнуть заплюсну так, что мы могли оба разом ухватить ногу над копытцем, но все равно приподнять эту тяжесть к разрезу в коже стоило нам дикого напряжения.

Стиснув зубы, мучительно крича, мы тянули, тянули, пока я наконец не сумел взяться за другую заднюю ногу. Но и тогда теленок не сдвинулся с места. От обычного трудного отела отличие было лишь одно: тянули мы его через разрез в боку. И когда, откинувшись, задыхаясь и потев, мы собрались с последними силами, меня охватило чувство, знакомое всем ветеринарам. Ну, зачем, зачем, зачем мне понадобилось делать эту жуткую операцию? Я от всего сердца, от всей души сожалел, что воспротивился намерению мистера Бушелла прибегнуть к услугам мясника. Ехал бы я сейчас тихо, мирно по очередному вызову, а не надрывался бы тут до кровавого пота. Но даже хуже физических мук, было жгучее сознание, что я совершенно не знаю, чего ждать дальше.

Тем не менее теленок мало-помалу поддавался нашим усилиям. Вот из разреза появился хвост, затем немыслимо массивная грудная клетка, а затем на одном рывке — плечи и голова.

Мы с Норманом плюхнулись на булыжник, теленок скатился нам на колени, и словно солнечный луч озарил кромешный мрак: он отфыркивался и тряс головой.

— Ну, прямо великан! — воскликнул фермер. — Да и боек. Я кивнул.

— Очень, очень крупный. Таких крупных мне редко доводилось видеть. — Я ощупал новорожденного. — Ну, конечно, бычок. Обычным путем ему бы ни за что не протиснуться.

И тут же мое внимание вновь сосредоточилось на корове. Куда, во имя всего святого, девалась матка? Исчезла без следа. Я вновь принялся отчаянно шарить в брюшной полости. Мои пальцы тотчас запутались в клубке плаценты. О черт, самое ей место среди кишок! Плаценту я вытащил, бросил на пол, но матки все равно не нащупал. На одно пронзительное мгновение я представил себе, что будет, если я так и не сумею ее нащупать. Но тут мои пальцы задели рваный край надреза.

Насколько это было возможно, я приподнял матку к свету, и у меня екнуло сердце: разрез для такого огромного теленка ока-

зался все-таки маловат, и по стенке в сторону шейки змеился длиннющий разрыв, конца которого не было видно.

— Иглу! — Норман сунул мне в пальцы новую иглу. — Стяните края раны, — буркнул я и начал шить.

Шил я, как мог быстро, и все шло отлично, пока я видел, что делаю. Но затем начались муки. Норман как-то умудрялся сводить края незримой раны, а я слепо тыкал иглой, вонзая ее то в его пальцы, то в собственные. И тут, к моему вящему отчаянию, возникло совсем уж неожиданное осложнение.

Теленок встал на ноги и, пошатываясь, сделал первые шажки. Меня всегда умиляло, как быстро такие новорожденные начинают проявлять самостоятельность, но в данном случае она была явно излишней.

Иша вымя, по зову еще не объясненного инстинкта, теленок тыкался мордочкой в бок коровы, время от времени попадая головой в зияющую там дыру.

— Назад ему приспичило забраться, не иначе, — с широкой ухмылкой объяснил мистер Бушелл. — Ну, боек! Вот уж боек!

Это излюбленное йоркширское определение вполне отвечало случаю. Я шил, прищурив глаза, стискивая зубы, и то и дело отталкивал локтем влажный нос. Но теленок не унимался, и с то-скливой покорностью судьбе я замечал, как всякий раз он добавлял к содержимому брюшной полости все новые и новые порции соломинок и грязи с пола.

— Вы только поглядите, — охнул я. — Как будто там и без того мусора мало!

Норман ничего не ответил. Челюсть у него отвисла, по забрызганному кровью лицу струился пот, но он продолжал сводить края невидимой раны. И в его неподвижном взгляде я прочел нарастающее сомнение: не сваял ли он большого дурака, решив стать ветеринаром?

В дальнейшие подробности я предпочту не вдаваться. Зачем терзать себя воспоминаниями? Достаточно сказать, что по истечении вечности я зашил разрыв матки до места, куда доставали мои руки, затем мы очистили брюшную полость, насколько это было возможно, и засыпали там все антисептическим порошком. Отражая непрерывные атаки теленка, я сшил мышцы и кожу, и наконец операция завершилась.

Мы с Норманом поднялись на ноги медленно-медленно, точно два дряхлых старца. Еще дольше я распрямлял спину, следя, как студент нежно растирает свою поясницу. Затем мы приступили к долгой процедуре соскабливания и смывания запекшейся на нашей коже крови и грязи.

Мистер Бушелл покинул свой пост у коровьей головы и оглядел длинный ряд стежков на выстриженной полосе кожи.

— Аккуратная работка, — одобрительно сказал он. — И теленок преотличный.

Да, хоть это-то было верно. Бычок успел обсохнуть и выгля-

дел красавчиком. Туловище чуть покачивалось на неверных ногах, широко расставленные глаза взирали на мир с кротким любопытством. Но о том, что прятала «аккуратная работка», мне страшно было и подумать.

Антибиотики все еще не поступили в широкое употребление, но и в любом случае я знал, что положение коровы безнадежно. Только для успокоения совести я вручил фермеру сульфаниламидные порошки — давать ей трижды в день. И поторопился убраться с фермы.

Некоторое время мы ехали молча. Потом я остановил машину под деревом и упал лбом на баранку.

— Черт! — простонал я. — Словно в дерьме весь обмазался! — Норман только застонал в ответ, и я продолжал: — Нет, вы когда-нибудь видели такую операцию? Солома, грязь, содержимое рубца в брюшной полости бедолаги! Знаете, о чем я под конец думал? Вспоминал старинный анекдот про хирурга, который забыл шляпу в животе пациента. То же самое, только похуже.

— Угу, — придушенно шепнул студент. — И все по моей вине.

— Вовсе нет, — возразил я. — Я сам натворил бог знает чего и начал сваливать на вас, потому что был в панике. Я наорал на вас и должен извиниться.

— Да что вы! Право же... мне...

— В любом случае, Норман, — перебил я, — от души вас благодарю. Вы мне очень помогли. Работали как одержимый, и без вас у меня вообще ничего бы не получилось. Давайте-ка выпьем пивка.

Мы удалились в тихий уголок деревенского трактира, озаренный косыми лучами заходящего солнца, и припали к нашим кружкам. Мы оба совсем вымотались, и нас мучила жажда.

Первым молчание нарушил Норман.

— Как вам кажется, есть у коровы шанс выкарабкаться? Я уставился на свои порезанные, исколотые пальцы.

— Нет, Норман. Перитонита не избежать. А к тому же почти наверное в матке осталась порядочная дыра. — И я хлопнул себя по лбу, прогоняя мучительное воспоминание.

Никаких сомнений, что больше Беллу живой я не увижу, быть не могло, но болезненное любопытство погнало меня утром к телефону. Протянула она хоть сколько? Или нет?

Гудки в трубке раздавались невыносимо долго, но наконец мистер Бушелл подошел к телефону.

— А, мистер Хэрриот! Белла? Да встала и начала есть. — В голосе у него не слышалось ни малейшего удивления.

Миновало несколько секунд, прежде чем до меня дошел смысл его слов.

— А как она выглядит? Понурой? Тревожной?

— Да нет. Бодрая такая. Полную кормушку сена очистила, а я с нее надоил два галлона.

Будто сквозь сон я услышал его вопрос:

— А когда вы приедете швы снимать?

— Швы?.. Ах, да! — Я с трудом взял себя в руки. — Через две недели, мистер Бушелл. Через две недели.

После ужасов нашего первого визита на ферму я был рад, что Норман сопровождал меня, когда я приехал туда снимать швы. Белла выглядела совершенно нормально, и, пока я щелкал ножницами, она продолжала безмятежно жевать жвачку. В соседнем стойле прыгал и брыкался теленок. Но я не удержался и спросил:

— И по ней ничего видно не было, мистер Бушелл?

— Да нет. — Фермер покачал головой. — Такая же была, как всегда. Не хуже и не лучше. Словно бы и не ее резали.

Вот так я провел мое первое кесарево сечение. С течением времени Белла принесла еще восемь телят без всяких осложнений и посторонней помощи. Чудо, в которое мне и сейчас трудно поверить.

Но тогда мы с Норманом, естественно, этого знать не могли. И ликовали просто от огромного облегчения, на которое не смели и надеяться.

Когда мы выехали за ворота, я покосился на улыбающееся лицо студента.

— Ну, вот, Норман, — сказал я. — Теперь вы знаете, что такое ветеринарная практика. Жутких переживаний хватает, но зато вас ждут и чудесные сюрпризы. Я много раз слышал, что брюшина у коров не легко поддается инфекции, и, славу богу, убедился теперь в этом на опыте.

— Нет, это просто волшебство какое-то, — пробормотал он задумчиво. — Не знаю, как выразить, что я чувствую. В голову так и лезут цитаты вроде «Пока есть жизнь, есть и надежда».

— Совершенно верно, — ответил я. — Джон Гей, э? «Больной и ангел»?

Норман захлопал в ладоши.

— Отлично.

— Ну-ка, ну-ка... — Я на секунду задумался. — А, вот например: «То славная была победа».

— В точку! Роберт Саути, «Бленхеймская битва».

Я кивнул.

— Она самая.

— Ну, а это: «В крапиве опасности мы рвем цветок спасенья».

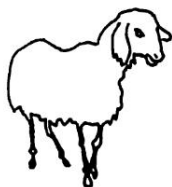
— Великолепно! — отозвался я. — Шекспир, «Генрих Пятый».

— А вот и нет. «Генрих Четвертый».

Я хотел было заспорить, но Норман предостерегающе поднял ладонь:

— И не возражайте. Я прав. На этот раз я действительно знаю, о чем говорю.

30 октября 1961 года

В половине седьмого утра мы вошли в Кильский канал. У его западного конца есть маленький городок и большой шлюз. Проходили мы этот шлюз примерно полчаса, взяв на борт немецкого полицейского и датского лодмана. Полицейский приглядывал, чтобы мы не загрязняли канал:

не бросали в него навоз и гнилую солому. В новенькой голубой форме с двумя нашивками на плечах он выглядел очень щеголевато. Мы приятно провели время, болтая о том о сем. И как многие иностранцы, он заставил меня устыдиться: он-то прекрасно говорил по-английски, а я по-немецки не мог и двух слов связать.

Каким наслаждением было скользить по спокойной воде канала! Я стоял на нашей крохотной палубе и разглядывал всевозможные типы судов, которые им пользуются. Увидел я и несколько военных кораблей. Молодые матросы в шапочках набекрень весело махали мне с их палуб.

Берега по сторонам были плоскими. Пашни перемежались рощами, очень красивыми в своем осеннем уборе. Мимо проплывали деревни с прелестными домами — высокие крутые крыши и окошки под самым коньком.

Примерно через шесть часов мы достигли восточного конца канала. Там на борт поднялся какой-то чиновник и проштемповал мой паспорт, а потом поставил штамп на мою фамилию в судовой роли, ибо утром меня официально зачислили в команду. Как-то странно было прочесть в конце списка датских фамилий «Джеймс Хэрриот, суперкарго». Я сразу вырос в собственных глазах. Суперкарго! Мне впервые довелось занимать столь звучную должность.

Утром овцы выглядели прекрасно, хотя линкольны все еще хрипло покашливали. Овца с больными глазами почти совсем выздоровела, но хромая овца на поправку не пошла. Она хромала даже сильнее, и у нее поднялась температура. А потому я перевел ее в отдельный загончик и к антибиотическому аэрозолю добавил инъекцию пенициллина. Явно инфекция оказалась более сильной, чем я думал.

Моим постоянным помощником был тот самый матрос, который заговорил со мной в первый вечер. Молодой гигант с льняными волосами и боксерским расплюснутым носом, что ни сколько не лишало обаятельности его улыбку, Раун обладал на редкость добрым сердцем и очень любил животных. Когда мы водворили хромую овцу в ее новое жилище, он опустился рядом с ней на колени и крепко обнял шею, укутанную густой шерстью. Я заметил, что у него вообще была такая привычка. Особенно неотразимыми для него были массивные бараны породы ромни-марш,

напоминавшие, как я уже говорил, больших плюшевых мишек. Лучшего помощника мне не требовалось.

Канал расширился — мы входили в Балтийское море. Еще виднелся город Киль со множеством судов у причалов. За внушительным памятником немецким солдатам, павшим в первую мировую войну, потянулись пустынные песчаные пляжи, над которыми кое-где прятались летние дачки.

Мы повернули в открытое море, и, отыскав укромный уголок, я занялся подскоками и бегом на месте, решив проделывать такую зарядку каждый день. Простого хождения вверх-вниз по трапам было явно мало, чтобы уравнивать нильсеновские завтраки, обеды и ужины.

Кроме того, я решил проводить последнюю ежедневную проверку овец в десять вечера вместе с Рауном, чтобы было кому держать животное, которое потребовало бы тщательного осмотра. В этот вечер мне сказали, что Раун стоит на руле, может быть, я поднимусь на мостик? Его скоро сменят.

Качка заметно усилилась, и я выбрался на верхнюю палубу с некоторым трудом. «Вот оно!» — радостно думал я, пробираясь вперед в чернильном мраке, а меня обдавало брызгами, ноги скользили по мокрому настилу, который то и дело уходил из-под них, и мне приходилось хвататься за что попало, лишь бы не упасть.

Кое-как я вскарабкался на мостик, и мной овладела жуть. Днем он выглядел совсем другим! А теперь все окутывала непролазная тьма, и прошло много времени, прежде чем мне удалось различить одинокую фигуру у штурвала.

Когда мы с Рауном спустились на нижнюю палубу, я в заключительный раз смазал овце больные глаза и сделал инъекцию пенициллина ее охромевшей товарке. Овец, пытавшихся стоять на ногах, швыряло из стороны в сторону, но чувствовали они себя, казалось, неплохо. Однако я с тревогой подумал, какими найду их утром, — по словам Рауна, капитан сказал, что впереди нас ждет хороший шторм.

— А вы все равно идите выпить со мной пива, — сказал молодой великан.

— Спасибо, — ответил я. Мы поднялись в салон и расположились там. Взяв у Рауна сигарету «Кэмел», я посмотрел на других членов команды. Все они в противоположность своему темно-волосому начальству принадлежали к одному северному типу: густые белокурые волосы, великолепное телосложение, широкие плечи, гигантский рост. Все они были веселыми и очень вежливыми.

Раун на ломаном английском рассказывал мне о себе: ему двадцать восемь лет, в море ходит с четырнадцати, женат, и у него двое детей — совсем еще малыши. Улыбаться он перестал, только когда под конец нагнулся ко мне через стол и потыкал меня в грудь:

— Доктор, в мое последнее плавание мы шли с двумястами коров из Дублина в Любек. А пришли в Любек — пять умерли.

Я присвистнул.

— Скверно! Но разве при них не было ветеринара?

— Нет-нет,— лицо с расплущенным носом стало очень серьезным.— Доктора не было. Хорошо, что вы приглядываете за овцами.

Гм, гм! Может быть, я все-таки не даром ем их бутерброды?

Я поблагодарил его, пожелал всем доброй ночи и пошел к себе в каюту. Как раз напротив нее была дверь балкончика на корме. Я уже завел манеру выходить туда, чтобы глотнуть свежего воздуха на сон грядущий. На этот раз там ревел ветер, и окружающая темнота почти сразу же прятала наш пенный след. В вышине мерцали мириады звезд, и я тотчас нашел Большую Медведицу и Полярную звезду. Не требовалось быть опытным навигатором, чтобы определить наш курс. Мы шли прямо на восток.

Писать дневник было затруднительно, потому что каюту все время резко кренило то туда, то сюда. Капитан, видимо, не ошибся: шторм и вправду обещал быть хорошим.

10

Всякий добросовестный ветеринар испытывает ужас при мысли, что он может убить своего пациента. Я говорю не об усыплении, кладущем конец страданиям, которые все равно завершились бы смертью, но о тех случаях, когда из-за всех сил стараешься вылечить и ненароком

убиваешь.

Вероятно, так случалось со многими из нас, и, по-моему, выпало это и на мою долю. Уверенности у меня нет, однако тот случай нейдет у меня из памяти.

Все началось с того, что к нам приехал молодой представитель фармацевтической фирмы и принялся восхвалять замечательное новое лечение копытной гнили.

В те дни это была поганая штука. Название явно восходило к седой старине, хотя теперь мы знали, что причина — внедрение в межкопытную щель анаэробного микроба *Fusiformis necrophorus* (обычно через ранку или ссадину).

В пораженном месте происходило отмирание ткани, нижний сустав опухал, животное сильно хромало. Из-за одной лишь боли упитанная корова стремительно превращалась в скелет. Омертвевшая ткань отвратительно пахла, что и нашло отражение в средневековом названии.

Способы лечения варьировались от утомительных до героических. Задняя нога коровы не приспособлена для того, чтобы ее задирать, и мне всегда становилось легче на душе, когда речь шла о передней ноге. Ведь даже обработать антисептическим средством заднюю ногу было сложной задачей. Если это не помогало, накладывалась повязка из ваты, пропитанной чем-нибудь едким, например медным купоросом. Фермеры же всему предпочитали смесь дегтя с солью. Но в любом случае возни бывало много, не говоря уж о неприятной возможности получить копытом в лоб.

Вот почему я просто не поверил своим ушам, когда молодой коммивояжер заверил меня, что внутривенное введение препарата МБ-693 мигом прекратит процесс.

Я даже не удержался от смеха.

— Разумеется, вы должны зарабатывать себе на жизнь, но даже для рекламы это уже чересчур.

— Да нет же, все именно так и есть,— объявил он.— Проверка проведена полная, и даю вам слово, я ничего не преувеличил.

— И к ноге даже прикасаться не надо?

— Только чтобы поставить диагноз.

— А скоро ли наступает излечение?

— Через пару-другую дней. Иногда же корове становится заметно лучше еще до истечения суток, можете мне поверить. Сбывшаяся мечта!

— Хорошо,— сказал я.— Пришлите на пробу. Испытаем его в деле.

Он сделал пометку в своем блокноте, а потом снова поглядел на меня.

— Должен вас предупредить, что вводить препарат необходимо строго в вену. Если он попадет под кожу, может возникнуть абсцесс.

Он попрощался, а я, глядя ему вслед, спрашивал себя, неужели и правда можно будет навсегда забыть об одной из самых мучительных процедур в нашей практике? Мне не раз уже доводилось благославлять спасительные таблетки МБ, творя с их помощью маленькие чудеса. И все-таки с трудом верилось, что внутривенная инъекция может прекратить некроз в ноге.

Препарат я получил, но убедить фермеров оказалось не легче, чем меня самого.

— Чего вы ей в шею-то колете? В ногу надо, в ногу!

Или:

— И вы что, уже кончили? А ногу мне ей чем мазать, а?

Это говорили буквально все, и я отвечал не без запинки, потому что в глубине души разделял их сомнения.

Но, ах, как магически мы все переменили точку зрения, едва выяснилось, что молодой человек ни в чем не уклонился от истины. Очень часто корова уже к вечеру свободно наступала на поражен-

ную ногу, опухоль спадала, боль исчезала. Колдовство, да и только!

Это был колоссальный шаг вперед, и я все еще пребывал в радостном опьянении, когда приехал посмотреть корову Роберта Максвелла. Воспаленный опухший сустав, мучительные скачки на трех ногах, зловонные выделения — ну, словом, классическая картина.

Вид был скверный, что привело меня в особый восторг: как я успел убедиться, именно в худших случаях при тяжелой хромоте и поражении всей межкопытной ткани выздоровление наступало наиболее быстро.

— Уж придется повозиться! — буркнул ее хозяин, невысокий человек лет сорока с большим хвостиком. Он отличался кипучей энергией и принадлежал к наиболее любознательным фермерам в наших краях. Обязательно выступал на собраниях дискуссионного клуба, всегда готов был набраться нового и поделиться собственным опытом.

— А вот и нет, мистер Максвелл, — ответил я небрежно. — Теперь мы ограничиваемся инъекцией, ногу же не трогаем. Даже без повязки обходимся. С этим навсегда покончено.

— Что же, хорошее дело. Задирать коровам ноги радость невелика.

Он нагнулся к больной ноге.

— А куда вы эту инъекцию делаете?

— В шею.

— Как в шею?

Я ухмыльнулся, в который раз смакуя это безыскусное удивление.

— Совершенно верно. В яремную вену.

— Ну, что же, каждый день жди чего-нибудь новенького! — улыбнулся Роберт Максвелл и пожал плечами. Но возражать не стал. Просвещенные фермеры вроде него в споры никогда не вступали. Только тупоголовые упрямы все сами знали — и получше некоторых прочих.

— Просто подержите ее за морду, — сказал я. — Вот-вот, а голову ей чуть поверните. Отлично! — Я прижал яремную вену пальцем, она вздулась, как садовый шланг, и я ввел в нее иглу. Раствор МБ поступал в кровь около двух минут. Затем я извлек иглу.

— Вот и все, — сказал я не без самодовольства.

— И больше ничего?

— Абсолютно ничего. Выкиньте из головы. Через два-три дня корова хоть танцевать сможет.

— Прямо уж и не знаю! — Роберт Максвелл взглянул на меня с легкой усмешкой. — Вы, молодые ребята, все время мне что-нибудь новенькое преподносите. Я вот фермером родился, но вы такие штуки отчебучиваете, что мне и не снилось.

Неделю спустя мы с ним встретились на собрании дискуссионного клуба.

— Ну, как корова? — спросил я.

— Как вы и сказали. Здоровехонька. Да, это ваше снадобье гниль сразу убирает. Что верно, то верно. Ну просто волшебство. Я весь надулся гордостью, но тут его лицо посерьезнело.

— Только у нее на шее такой желвак вздулся!

— Там, где я сделал укол?

— Ну, да.

От моего счастливого настроения не осталось и следа. Что-то было не так. Может быть, раствор попал под кожу? Да нет, когда я извлек иглу, из нее так и била кровь.

— Странно,— сказал я вслух.— Откуда бы ему взяться?

Роберт Максвелл кивнул.

— Вот и я голову ломаю. Как вы уехали, я эту корову обрызгал раствором от мух. Он в ранку от иглы попасть не мог?

— Не-ет... Думаю, что нет. Я ни о чем подобном не слышал. Надо на нее посмотреть.

Отправился я к Роберту Максвеллу прямо с утра. Он ничего не преувеличил. Однако заметная припухлость на шее не ограничивалась местом инъекции. Она тянулась над яремной веной, которая была напряжена и на ощупь казалась совсем твердой. Вокруг припухлости нарастал отек.

— У нее флебит,— сказал я.— Моя инъекция каким-то образом занесла в вену инфекцию.

— Как это?

— Сам не знаю. Что раствор под кожу не попал, я уверен, а игла была стерильной.

Фермер внимательно оглядел шею.

— Но на абсцесс ведь не похоже?

— Нет,— ответил я.— Это не абсцесс.

— А твердый валик, который к челюсти идет, это что?

— Тромб.

— Что-о?

— Тромб. Большой сгусток в вене.— Мне эта маленькая лекция ни малейшего удовольствия не доставляла: ведь причиной всему был я!

Роберт Максвелл посмотрел на меня вопросительно.

— Ну и что будет? Что надо делать?

— Обычно через неделю-другую создается дополнительный кровоток. То есть другие вены берут эту работу на себя. А пока я проведу курс смешанных сульфаниламидных порошков.

— Ну, что же,— сказал фермер.— Она вроде бы и не замечает ничего.

Это был единственный проблеск надежды. Корова, пока мы переговаривались, спокойно на нас поглядывала, а теперь вытянула из кормушки клок сена.

— Пожалуй, это ее действительно не беспокоит. Мне очень жаль, что так получилось, но дайте ей время — и все пройдет.

Он почесал корову у основания хвоста.

— А если горячей водой обмывать, не поможет?

Я замотал головой.

— Ради бога, не касайтесь ее шеи! Если тромб разбить, это может плохо обернуться.

Я оставил порошки и уехал, но меня угнетало знакомое чувство, появлявшееся всегда, стоило мне свалить дурака. Я крепче сжал баранку и выругался себе под нос. Что я мог натворить? Шприцы одноразового пользования тогда еще не появились, но мы с Зигфридом всегда тщательно кипятили свои шприцы с иглами, хранили их в медицинском спирте и с собой брали тоже в коробочках со спиртом. Остальное от нас не зависело. Может быть, все-таки раствор от мух? Вряд ли, вряд ли...

Я попробовал утешиться мыслью, что корова выглядит совершенно здоровой. Со временем все пройдет бесследно. Но факт-то оставался фактом: у коровы была самая обычная копытная гниль, пока не вмешался Джеймс Хэрриот, дипломированный ветеринар. И теперь у нее флебит яремной вены.

Утром Хелен только-только посадила меня завтракать, как затрезвонил телефон. Звонил Роберт Максвелл.

— Корова-то сдохла,— сказал он.

Я тупо уставился в стену перед собой и только через несколько секунд сумел выдавить хриплое:

— Сдохла?..

— Угу. Утром вхожу в стойло, а она лежит. Словно ее громом прибило.

— Мистер Максвелл... я... э...— Мне пришлось откашляться.— Я очень сожалею. Ничего подобного я не ожидал.

— Ну, а причина в чем? — Голос фермера был спокойно-деловитым.

— Объяснение есть только одно,— ответил я.— Эмболия.

— А это что?

— Значит, от тромба отделился кусок, и кровь его унесла. Когда такой комочек попадает в сердце, обычно наступает смерть.

— А-а! Вроде бы похоже.

Я сглотнул.

— Мистер Максвелл, мне хотелось бы еще раз сказать, что я очень сожалею...

— Да что там... — Небольшая пауза.— В хозяйстве и не такое случается. Я же просто хотел вас предупредить. Доброго вам утра.

Я повесил трубку. В горле у меня поднялся комок, и, вернувшись к столу, я молча уставился в тарелку.

— Джим, что же ты не ешь? — спросила Хелен.

Я грустно поглядел на ломоть домашней ветчины.

— Прости Хелен. Не могу. У меня кусок в горло нейдет.

— Это что-то новое! — Моя жена улыбнулась и придвинула тарелку поближе ко мне.— Я знаю, как близко к сердцу ты принимаешь свою работу. Но прежде аппетита она тебе не портила.

Я тоскливо пожал плечами.

— Но я же никогда раньше коровы не убивал.

Правда, полной уверенности у меня не было — и сейчас нет, — но мысль эта терзала меня еще очень долго. В принципе я стараюсь следовать наполеоновской рекомендации — «сбрасывайте с себя тревоги вместе с одеждой», и с бессонницей не знаком, однако еще много ночей меня преследовали набухшие яремные вены с плывущими в крови тромбами, и я просыпался в холодном поту.

И еще меня продолжал ставить в тупик мой последний телефонный разговор с Робертом Максвеллом. Почти любого человека такая потеря привела бы в ярость, и Роберт Максвелл имел вполне законное право отделать меня на все корки. Но он не только не был со мной груб, но даже ни в чем меня не упрекнул.

Разумеется, оставалась возможность, что он намерен предъявить мне иск. Он был приятным человеком, но все-таки понес большие убытки, и даже заурядный адвокат сумел бы убедительно доказать, что я обязан нести финансовую ответственность.

Однако письма со штемпелем юридической канторы я так и не получил. Почти на месяц Максвелл вообще исчез с моего горизонта, и я, привыкнув регулярно посещать его ферму, пришел к выводу, что он сменил ветеринара. Значит, по моей вине мы лишились хорошего клиента. Мысль тоже малоутешительная.

Затем в один прекрасный день зазвонил телефон, и Роберт Максвелл сказал все тем же спокойным тоном:

— Приехали бы вы, мистер Хэрриот, посмотреть одну мою корову. Что-то с ней неладно.

У меня от облегчения даже ноги подкосились. Ни слова о прошлом, а обращение за помощью, словно ничего не произошло. В йоркширских холмах немало найдется фермеров с чутким сердцем. Максвелл был одним из них. Во мне вспыхнуло горячее желание выразить ему свою признательность делом.

Вот если бы я сумел вылечить серьезно заболевшее животное быстро, а главное эффектно! На этой ферме мне предстояло навестывать и навестывать.

Роберт Максвелл встретил меня с обычной мягкой вежливостью.

— Хороший дождичек вчера выпал, мистер Хэрриот, а то трава совсем уж жухнуть стала.

Словно и не было моего последнего трагического визита.

Корова оказалась крупной, фризской породы, и при первом же взгляде на нее все мои надежды на эффектное исцеление в миг улетучились. Отошала, с выгнутой спиной, она тупо смотрела на перегородку. До чего же мне бывает страшно, когда корова вперяется глазами в перегородку! Она словно не заметила нашего приближения, и я тут же поставил предварительный диагноз: травматический ретикулит. Проглотила проволоку. Придется ее оперировать, а после моего недавнего подвига в этом коровнике такая возможность меня отнюдь не вдохновляла.

Однако, когда я начал осмотр, привычная картина никак не

складывалась. Рубец работал нормально — в моем стетоскопе слышались чавкающие звуки и бульканье, когда же я ущипнул ее за холку, она не закричала, а только слегка покосилась на меня, и снова уставилась на перегородку.

— Худая она что-то, — сказал я.

— Оно так, — Роберт Максвелл хмуро смотрел на корову, засунув руки в глубь карманов. — А почему, ума не приложу. Корм получает самый отборный, а тут вдруг за последние дни начала худеть.

Пульс, дыхание, температура — нормальные. Да, есть над чем поломать голову.

— Сперва я подумал, что у нее колика, — продолжал фермер. — Все норовила брыкнуть себя в живот.

— Брыкнуть в живот?.. — Что-то зашевелилось в глубине моей памяти. Это же один из симптомов нефрита! И, словно в подтверждение моей догадки, корова задрала хвост и выпустила в сток струю кровавой мочи. Я поглядел на лужу позади нее. В крови плавали хлопья гноя, и, хотя мне стало ясно, что с ней, меня это не утешило.

Я повернулся к фермеру.

— У нее с почками непорядок, мистер Максвелл.

— С почками? А в чем дело?

— Они воспалены. В них проникла какая-то инфекция. Называется эта болезнь пиелонефрит. Возможно, задет и мочевой пузырь.

Фермер пожевал губами.

— А это серьезно?

Ах, как мне хотелось ответить ему весело — именно ему! Но вероятность смертельного исхода была более чем велика. Просто рок какой-то!

— Боюсь, — сказал я, — что очень серьезно.

— Я прямо так и чувствовал. А помочь ей вы можете?

— Да, — ответил я. — Попробуем смесь сульфаниламидных порошков.

Он бросил на меня быстрый взгляд. Порошки, которые я прописал в тот раз!

— Ничего лучше нет, — торопливо продолжал я. — Прежде такие коровы считались безнадежными, но с появлением сульфаниламидов все переменилось.

Опять этот долгий спокойный взгляд.

— Так, ладно. Чего ж тянуть?

— Я за ней послежу — сказал я, отдавая ему порошки.

И я за ней следил! Коровник Максвелла видел меня каждый день. Как мне хотелось вылечить эту корову! Но через четыре дня ей не стало лучше, наоборот, она медленно таяла.

Я стоял рядом с фермером, смотрел на ее выпирающие ребра и тазовые кости и все больше погружался в уныние. Она исхудала еще сильнее, а в моче по-прежнему была кровь.

Мысль, что за той трагедией вот-вот последует новая, была мне невыносима, но я знал, что смерти можно ожидать с часу на час.

— Сульфаниламиды кое-как ее поддерживают,— сказал я,— но тут нужно что-нибудь посильнее.

— А есть такое?

— Да. Пенициллин.

Пенициллин. Чудодейственный новый препарат, первый из антибиотиков. Но для инъекций животным его тогда еще не выпускали. В распоряжении ветеринаров были только крохотные по 300 миллиграммов тьюбики для лечения мастита. Наконечник тьюбика вставлялся в сосковый канал и содержимое выдавливалось внутрь вымени. Все прежние способы лечения мастита этому и в подметки не годились, но ни одной инъекции пенициллина своим пациентам я еще не сделал.

Изобретательность мне свойственна мало, но тут меня осенило. Я пошел к машине, отыскал коробку с двенадцатью тьюбиками, предназначенными для лечения мастита, и примерил большую иглу к одному из них. Она плотно наделась на наконечник.

Я меньше всего ученый-теоретик, а потому представления не имел, правильно поступаю или нет. Но я вогнал иглу в хвостовую мышцу и принялся выдавливать тьюбик за тьюбиком, пока коробка не опустела. Всосется ли пенициллин в этой форме? Откуда мне было знать. Но так или иначе я ввел его корове, и на душе у меня стало чуть легче. Все-таки лучик надежды.

Я повторял эту процедуру три дня и наконец заметил, что какая-то польза от нее есть.

— Поглядите! — сказал я Роберту Максвеллу. — Она больше не выгибает спину. И словно расслабилась.

Он кивнул.

— Верно! Уже в дугу не гнется.

Я смотрел, как корова спокойно поглядывает по сторонам, время от времени вытаскивая клоч сена из кормушки, и словно слышал невидимые фанфары. Боль в почках явно утихла, а фермер сказал, что моча идет уже не такая темная.

Тут меня словно поразило безумие. Чужой запах победы, я день за днем вгонял и вгонял в корову соежимое моих тьюбиков. Я не знал, какая доза ей положена — тогда этого не знал никто, — а потому то увеличивал число тьюбиков, то уменьшал, но ей неуклонно становилось все лучше.

А потом наступил день, когда победа стала очевидной. Я завершал уже ставшую привычной процедуру, но тут корова расставила ноги и выбросила струю кристально прозрачной мочи. Я отступил и вдруг осознал, как успела перемениться моя пациентка. Недавний скелет оделся плотью, шерсть так и лоснилась. Она вернулась в нормальное состояние с той же быстротой, с какой его утратила. Поразительно!

Я отшвырнул пустую коробку.

— Что же, мистер Максвелл, по-моему, можно сказать, что она здорова. Завтра сделаю ей еще укол, и все.

— Значит, завтра вы приедете?

— Ну да. В последний раз.

Лицо фермера посуровело, и он шагнул ко мне.

— Ну ладно. А у меня к вам претензия есть.

О, господи! Сейчас он рассчитается со мной за флебит. И словно нарочно выбрал минуту, когда я так радовался успеху! Чужая душа — потемки, и если он решил устроить мне выволочку, хоть прошло столько времени, воспрепятствовать ему я не мог.

— А? — произнес я растерянно. — Так какая же?

Он наклонился и ткнул мне в грудь указательным пальцем. Лицо его приняло угрожающее выражение, какого я прежде у него не замечал.

— Вы что же думаете, у меня других дел нет, как за вами подметать каждый божий день?

— Подметать... как... Что подметать? — Я ошарашенно уставился на него.

Широким взмахом руки он указал на пол коровника.

— Ды вы поглядите, как вы тут намусорили! А убирать-то мне.

Я поглядел на россыпь пустых тюбиков из-под пенициллина, на прилагавшиеся к каждому бумажки с инструкциями, на разорванную картонку. Занятый своим делом, я машинально кидал их куда попало.

— Ох, извините, — пробормотал я. — Просто я как-то внимания не обращал...

Меня прервал взрыв громового хохота.

— Так я же шучу! Где уж тут было внимание обращать. Вы ведь мою корову вызволяли! — Он хлопнул меня по плечу, и я понял, что таким способом он выражал всю меру своей благодарности.

Так я впервые произвел инъекцию антибиотика, и пусть способ был странноватый, но кое-чему она меня научила. Однако на этой ферме жизненной мудрости я почерпнул даже больше, чем научных фактов. За все тридцать прошедших с тех пор лет Роберт Максвелл ни разу не намекнул на давнюю беду, за которую ему было бы так просто притянуть меня к ответу.

На протяжении этих лет я не раз страдал по чужой вине, не раз ловил людей на ошибках, дававших мне полную возможность порядком испортить им жизнь. Но у меня был твердый принцип, как поступать в подобных случаях. Я старался следовать примеру Роберта Максвелла.

— А знаешь, Джим,— задумчиво произнес Тристан, закуривая неизменную сигарету,— вряд ли отыщется еще дом, куда дама, изъясняя свою благосклонность, присылала бы козы орешки.

В тихие минуты мои мысли часто обращаются к давним холостяцким дням в Скелдейл-Хаусе, и вот в такую-то минуту я словно бы вновь услышал, как Тристан произносит эту фразу, и вспомнил, с каким удивлением я тогда оторвался от книги вызовов и поглядел на него.

— Странно! Я ведь как раз подумал то же самое. Бесспорно, весьма оригинальный способ.

Мы только что вышли из столовой, и в моей памяти была еще свежа картина, которую я узрел, спустившись туда к завтраку. Миссис Холл всегда раскладывала утреннюю почту возле наших приборов, и рядом с тарелкой Зигфрида, точно эмблема победы, красовалась жестянка с козьими экскрементами, присланная мисс Грантли.

Оберточная бумага ни на секунду нас в заблуждение не ввела: мисс Грантли пользовалась только одним видом емкостей — шестидюймовыми жестянками из-под какао. То ли она забирала пустые жестянки у друзей и знакомых, то ли обожала пить какао.

Но вот коз она обожала без всяких „то ли“. Казалось, ее жизнь была посвящена им одним, что не могло не вызывать глубокого недоумения — ведь речь шла о роскошной блондинке, которая без труда стала бы кинозвездой, пошевели она хоть пальцем.

В довершение всего мисс Грантли каким-то образом ухитрилась избежать цепей брака. Всякий раз, навещая ее любимиц, я только диву давался, как она умудрялась держать всех мужчин на расстоянии вытянутой руки. Не больше двадцати семи — двадцати восьми лет, изящные округлости, точеные ноги... Но порой, любясь безупречными чертами ее лица, я вдруг ловил себя на мысли, что столь решительный подбородок, пожалуй, отпугивал потенциальных женихов. Нет, вряд ли... Характер же у нее веселый, легкий, в ней столько привлекательности! Просто она не желает выходить замуж. В деньгах она, видимо, не нуждалась, свой дом сумела сделать красивым и уютным, и как будто была вполне довольна своим жребием.

А козы орешки, бесспорно, служили знаком благоволения — к своим обязанностям владелицы стада мисс Грантли относилась весьма серьезно и регулярно присылала нам материал для проверки на кишечных паразитов или выявления каких-либо скрытых заболеваний.

Материал этот всегда адресовался мистеру Зигфриду Фарнону лично, и я не усматривал тут никакого подтекста, но в одно

прекрасное утро, через несколько дней после того, как мне довелось избавить одного из ее козлов от занозы в глазу, я обнаружил знакомую жестянку перед собственным прибором и прочел на наклейке: „Джеймсу Хэрриоту, эсквайру“.

Вот тогда-то я и осознал, что получил, так сказать, посвящение в рыцарский сан. Некогда благородные паладины прикрепляли к шлему перчатку, подаренную прекрасной дамой, или повязывали копы ее шарфом. Знаком благосклонности мисс Грантли была жестянка с козыми орешками.

По лицу Зигфрида скользнуло легкое изумление, и я, возликовав, бросил на него торжествующий взгляд. Но он мог бы не тревожиться: в следующий раз жестянка вновь стояла перед его прибором. Что в конце-то концов было лишь естественно — ведь, если тут хоть малейшую роль играла мужская притягательность, Зигфрид опережал меня на всю длину беговой дорожки. Тристан ухаживал за местными красавицами самозабвенно и с успехом, в этом отношении тоже не мог пожаловаться на судьбу. Но Зигфрид! Он сводил женщин с ума словно бы нехотя. Не он бежал за ними, а они за ним. В первые же недели нашего знакомства я убедился, что рассказы о неотразимости высоких худошавых мужчин отнюдь не вымысел. А добавьте к подобной внешности редкую обаятельность, волевой характер... Так надо ли удивляться, что жестянка из-под какао раз за разом возникала именно у его места за столом.

Продолжалось так очень долго, хотя и Тристан, и я наведывались к мисс Грантли не реже Зигфрида. Я уже упомянул, что она, видимо, была богата — во всяком случае, вызывала она нас по самым пустячным поводам, и как клиентку мы ставили ее в ряд с самыми крупными фермерами.

Но услышав однажды утром в телефонной трубке ее взволнованный голос, я понял, что против обыкновения причина должна быть по-настоящему серьезной.

— Мистер Хэрриот! Тина напоролась плечом на гвоздь и поранилась очень сильно. Вы не могли бы приехать поскорее?

— К счастью, никаких неотложных вызовов у меня нет. Сейчас буду у вас.

Я преисполнился приятного предвкушения. Предстояло зашить рану, а это я очень люблю. Работа несложная, но всегда производит на клиентов большое впечатление. Куда лучше, чем выдерживать допрос о козых недомоганиях, которому неизменно подвергала меня мисс Грантли. В колледже коз мы практически не проходили, и хотя я, как мог, восполнял этот пробел, почитывая специальную литературу, во мне жило неприятное ощущение, что козы для меня — лес темный.

Я уже почти дошел до двери, когда Тристан неторопливо воздвигся из недр покойного кресла, где проводил значительную часть своего времени. После завтрака, как правило, только сигаретный дым да шелест газетных страниц напоминали

о его присутствии. Он зевнул и потянулся.

— А, ты к мисс Грантли! Пожалуй, и я с тобой. Надо бы проветриться.

Я только обрадовался. Спутником он всегда был очень приятным.

— Ну, так едем.

Мисс Грантли встретила нас в тесно облегающем фигуру небесно-голубом комбинезоне из какой-то плотной шелковой материи. Он ее отнюдь не портил.

— Огромное спасибо, что вы поторопились,— сказала она.— Идите за мной.

Идти за ней было настолько интересно, что Тристан не заметил приступки за дверью козьего сарая и рухнул на колени. Мисс Грантли только оглянулась и, не замедляя шага, направилась к дальней перегородке.

— Вот она...— Мисс Грантли прижала ладонь к глазам.— Просто смотреть на могу...

Тина была великолепной белой козой сааненской породы, но смотреть на нее и правда было страшно: с плеча свисал лоскут кожи, в треугольной ране поблескивала гладкая поверхность сгибательных и разгибательных мышц, из сгустков крови проглядывала лопаточная кость.

Но я только мысленно потер руки. Рана-то неглубокая. Зашью в один миг и покажу товар лицом. Я живо представил себе, как делаю последний стежок и киваю на почти невидимый шов. „Ну-с, вид куда более аккуратный, не правда ли?“ И мисс Грантли ахает от восхищения.

— М-да... м-да...— бормотал я в лучшем своем профессиональном стиле, ощупывая поврежденное плечо.— Не слишком хорошо... не слишком...

Мисс Грантли судорожно стиснула руки.

— Но спасти ее вы все-таки сможете?

— Ну, разумеется,— внушительно ответил я.— Шить придется много и долго, но я не сомневаюсь, что она выкарабкается.

— Славу богу!— Мисс Грантли испустила вздох облегчения.— Сейчас принесу горячей воды.

Вскоре я был готов приступить к делу. Иглы, вата, ножницы, шовный материал и пинцеты разложены в строгом порядке на чистом полотенце, Тристан держит голову Тины, мисс Грантли с тревогой смотрит на козу, чтобы в любую секунду броситься ей на помощь.

Я тщательно очистил раневую поверхность и участок вокруг, щедрой рукой насыпал антисептического порошка и начал шить. Мисс Грантли быстро приспособилась подавать мне ножницы после каждого стежка.

Все шло прекрасно, но рана действительно была большой, и мне предстояло шить и шить. Надо бы подыскать тему для занимательного разговора...

Тут раздался голос Тристана, чей ход мысли, видимо, совпал с моим:

— Замечательные животные — козы, — произнес он с восхищением.

— О, да, — мисс Грантли озарила его улыбкой. — Совершенно с вами согласна.

— Ведь если подумать, — продолжал Тристан, — почти наверное первыми домашними животными были они. Не перестают изумляться тому, сколько найдено свидетельств одомашнивания коз в доисторический период! Мы видим коз на пещерных рисунках, и самые древние письменные источники во всех уголках мира непременно упоминают о них. Они были спутниками человека с самых незапамятных времен. Какая увлекательная мысль!

Я оторвался от шитья и посмотрел на Тристана. Нас связывали дружеские отношения, и мне были известны почти все его увлечения. Козы в их число не входили.

— И еще одно, — не унимался он. — Какой у них замечательный организм! Они же едят корм, который другие травоядные в рот не возьмут, и дают много отличного молока.

— Ах, да, — завороченно вздохнула мисс Грантли.

Тристан засмеялся.

— И вообще редкостные молодцы. Выносливые, отлично приспособляются к любым климатическим условиям, не знают, что такое страх, и готовы сразиться с любым противником, пусть он хоть втрое их больше. Не говоря уж об общеизвестном факте, что они способны без дурных последствий поедать многие ядовитые растения, от которых любое другое животное в два счета ноги протянет.

— Да, они изумительны! — Мисс Грантли сунула мне ножницы, не отводя взгляда от моего приятеля.

Я почувствовал, что пора и мне внести свою лепту.

— Козы, безусловно, на редкость... — начал я.

— Однако, должен признаться, — Тристан неудержимо неся вперед, — больше всего мне в них нравится их дружелюбие. Они общительны, привязчивы и потому-то так часто становятся любимцами своих хозяев.

Мисс Грантли кивнула.

— Совершенно верно.

Тристан протянул руку к кормушке и пощупал сено.

— Я вижу, вы кормите их правильно. Тут как раз в меру грубого корма — чертополох, ветки кустарника, жесткие стебли. Конечно, вы знаете, что козы предпочитают их простой траве. Не удивительно, что они у вас все такие здоровые.

— Благодарю вас... — Она чуть-чуть порозовела. — Но я, естественно, даю им и концентраты.

— Зерно, надеюсь, не дробленое?

— Да-да, только такое!

— Отлично. Поддерживает нормальную кислотность в желуд-

ке. Вы ведь знаете, что пониженная кислотность может привести к гипертрофии желудочных стенок и к снижению жизнедеятельности бактерий, расщепляющих целлюлозу?

— Не совсем... Я не очень разбираюсь в таких терминах.— Она взидала на него, как на боговдохновенного пророка.

— Ну, ничего! — снисходительно сказал Тристан.— Вы ведь делаете все, что надо и как надо, а это главное.

— Будьте добры, ножницы,— буркнул я. Согнутая спина уже сильно ныла, и меня несколько уязвляло растущее убеждение, что мисс Грантли позабыла о моем существовании.

Но я продолжал шить, с удовлетворением следя, как рана становится все меньше и меньше, и ошеломленно прислушиваясь к разглагольствованиям Тристана об образцовых помещениях для коз, их оптимальных размерах, вентиляции и относительной влажности воздуха.

Но всему приходит конец. Мисс Грантли словно бы не заметила, как я положил последний стежок и утомленно выпрямился.

— Ну-с, вид куда более аккуратный, не правда ли?

Но ожидаемых восторгов не последовало, так как Тристан и хозяйка моей пациентки оживленно беседовали об относительных преимуществах разных козьих пород.

— Так вы действительно сторонник тогенбургских и англо-нубийских коз?

— О, да! — Тристан глубокомысленно наклонил голову.— Превосходнейшие породы. И та и другая.

Тут мисс Грантли обнаружила, что я уже не шью.

— О, благодарю вас,— произнесла она рассеянно.— Вы были так обязательны. Я очень признательна. А теперь вы оба должны выпить кофе.

Мы распустились в элегантной гостиной, балансируя своими чашками на коленях, и Тристан продолжал ораторствовать. Он подробно рассмотрел вопросы размножения и родовспоможения, а также проблему вскармливания козлят, отобранных у матери. Когда же он углубился в тонкости анестезирования при обезроживании, мисс Грантли вдруг обернулась ко мне. Нет, она все еще была во власти его чар, но, без сомнения, вспомнила о правилах вежливости.

— Мистер Хэрриот, я несколько тревожусь. Мои козы часто пасутся на одном лугу с овцами и ягнятами соседнего фермера, а теперь выяснилось, что у тех кокцидиоз. Не могут ли мои козы заразиться от них?

Я отпил кофе, чтобы дать себе время подумать.

— Ну-у... э... на мой взгляд...

Тристан мягко перехватил инициативу:

— Весьма маловероятно. Практически установлено, что кокцидиозы специфичны для своих носителей. По моему мнению, вы можете быть абсолютно спокойны.

— Благодарю вас.— Затем мисс Грантли вновь взглянула на

меня, словно давая мне последний шанс.— Ну, а глисты, мистер Хэрриот? Не могут ли мои козы заразиться от овец глистами?

— А? Ну, скажем...— Моя чашка подпрыгнула на блюде, и у меня на лбу выступила легкая испарина.— Дело в том...

— Совершенно верно! — Тристан снова неназойливо пришел мне на выручку.— Мистер Хэрриот абсолютно прав: гельминтоз — иное дело, и опасность заражения очень велика, поскольку нематоды у коз и овец одни и те же. Вы обязательно должны регулярно проводить дегельминтизацию, и, если желаете, я мог бы немного вас проинструктировать...

Я постарался погрузиться в кресло поглубже и не слишком внимательно слушал его эрудированные объяснения особенностей новейших глистогонных средств и их воздействия на трихостронгил, гемонхусов и остертагий.

Когда же он исчерпал тему, мы простились и мисс Грантли пошла нас проводить до машины, я сказал:

— Снять швы я приеду через десять дней.

И тут же сообразил, что это была единственная осмысленная фраза, которую я произнес за все утро.

Едва мы миновали первый поворот, как я остановил машину.

— С каких это пор ты стал знатоком и любителем коз? — осведомился я с горькой иронией.— И какими это ты премудростями сыпал? Где ты их набрался?

Тристан испустил подавленный смешок, а потом откинул голову и расхохотался во все горло.

— Извини, Джим,— пробормотал он, немного успокоившись.— Но ты же знаешь, у меня скоро экзамены, и один профессор, по слухам, на козах просто помешан. Вчера вечером я перечитал все, что только сумел найти об этих тварях. А тут вдруг такая возможность устроить генеральную репетицию!

Ну, что же... Мозг Тристана впитывал информацию, точно губка, и я легко поверил, что все им изложенное он запомнил с одного раза и навек. А мне студентом приходилось по пять раз перечитывать одно и то же, чтобы оно тут же не улетучилось из памяти.

— Ах, так! — сказал я вслух.— Дай-ка мне почитать эти твои справочники. Я даже не догадывался, какой я невежда.

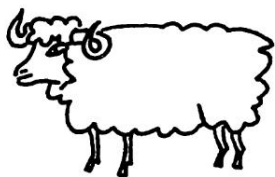
Неделю спустя эпизод получил небольшое продолжение. Мы с Зигфридом вошли в столовую вместе, и он вдруг остановился как вкопанный: на столе стояла знакомая жестянка, упакованная в оберточную бумагу. Но стояла она перед тарелкой Тристана! Зигфрид медленно направился к ней и прочел адрес. Я последовал его примеру. Да, миссис Холл ничего не напутала. Надпись на наклейке гласила: „Мистеру Тристану Фарнону“.

Зигфрид молча сел на свое место во главе стола. Вскоре к нам присоединился Тристан, с интересом оглядел жестянку и принялся за еду.

Никто не произнес ни слова, но в воздухе чувствовалось электрическое напряжение. Факт оставался фактом, пусть на время, но пальма первенства принадлежала Тристану.

12

31 октября 1961 года

Лечь спать накануне оказалось не так-то просто. С каждой минутой качка усиливалась, и, раздеваясь, я несколько раз оказывался на полу. Да и на койке меня все время швыряло из стороны в сторону — не ласково покачивало, как в прошлые

ночи, а с силой бросало о стенку. Я улегся на живот, руки и ноги упер в перегородки и примерно через полчаса все-таки умудрился уснуть.

Примерно в два часа ночи я очнулся от беспокойной дремоты и оказался в совершенно незнакомом взбесившемся мире. Я летал то туда, то сюда, как мячик; ревел ветер, иллюминатор тонул в дождевых струях, а судно гремело и стонало. От стука и лязга можно было оглохнуть. Кастрюльки и сковородки, видимо, носились по камбузу в дикой пляске, где-то хлопала железная дверь, остальные звуки сливались в общую разноголосую какофонию.

Я включил свет и узрел невероятный хаос. Мои деньги, ключи, трубка и кiset с табаком кружили по полу, ящики то выдвигались на всю длину, то со стуком задвигались, кресло и чемодан скользили по каюте из конца в конец.

Нелепо изгибаясь, то и дело валясь на пол, я кое-как подобрал с него всю мелочь и забрался назад на койку. Но тут же понял, что не выдержу грохочущих ударов ящиков по креслу, снова встал, придвинул кресло к ящикам, заклинил чемодан между креслом и койкой, на которую затем с грехом пополам улегся снова. Теперь вокруг, вероятно, воцарилась относительная тишина, но свистопляска снаружи неистовствовала с прежней силой, и больше я уже заснуть не сумел.

Когда рассвело и я поглядел в иллюминатор, меня охватила тоска. Вокруг не было ничего, кроме серой водной пустыни, вздымающей огромные валы с синими гребнями в венце белой пены, которые под ударами ветра рассыпались тучами брызг. Я ощутил не слишком сладкое волнение, глядя, как наше суденышко взбирается на чудовищную волну и ухает вниз, взбирается и снова ухает. Балтийское море разыгралось не на шутку.

Я сразу подумал об овцах, но тут раздался стук в дверь и знакомый голос юнги:

— Завтрак, мистер Хэрриот.

Я поспешил в салон. Съем чего-нибудь и захвачу с собой в трюм Рауна.

За столом в одиночестве сидел капитан.

— Доброе утро, мистер Хэрриот, — сказал он и бросил на меня странно оценивающий взгляд, смысла которого я не уловил.

Я сел, с нетерпением ожидая, чтобы подали горячее. Скорее бы спуститься к овцам! К тому же меня помучивал голод, и я принадлежал на ветчину, селедку и копченую грудинку. Капитан следил за мной прищуренными глазами.

Несколько минут спустя появился юнга, зеленый, как трава на весеннем лугу. Он старательно не глядел на тарелку с грудой сосисок и жареного картофеля, залитого яйцом.

Я схватил ржаной ломоть и накинулся на еду. Когда я вонзил нож в сосиску, капитан второй раз нарушил молчание:

— Как вы себя чувствуете, мистер Хэрриот? Нормально?

— М-м-м... да, очень хорошо, благодарю вас. Только вот ночью я почти не спал.

— Но вам хочется есть?

— Да. И очень. От этой тряски у меня разыгрался аппетит.

— Очень странно! — с обычной серьезностью заметил капитан. — Мы только что выдержали девятибалльный шторм, и я не сомневался, что утром вас одолеет морская болезнь. Вы, оказывается, отличный моряк.

— Спасибо! — Я засмеялся. — Но моей заслуги тут нет никакой. Просто я так создан, что никакая болтанка на меня не действует.

— Да, да! — Капитан кивнул. — И все-таки это поразительно. Вы обратили внимание на лицо Петера?

— Петера?

— Я говорю о юнге. Юнгу, который прислуживает в салоне, неизменно называют «Петер». Он чувствует себя очень скверно. Собственно говоря, в плохую погоду ему всегда скверно.

— Бедняга! А вчера ведь правда буря была сильная?

— Да, мистер Хэрриот. И еще хорошо, что ветер дул нам в корму. Не дай бог возвращаться в подобную погоду против такого ветра! Тогда нам придется много хуже.

— Неужели? Я даже не представлял себе. Разве...

В дверь просунулась голова Рауна, и я умолк на полуслове.

— Доктор, идите быстрее. С овцами... с овцами плохо.

Я проглотил последний кусок сосиски и кинулся за ним в трюм со всей быстротой, какую допускала качка.

— Поглядите, доктор! — Юный датский великан взволнованно показывал на одного из баранов ромни-марш.

Тот стоял, широко расставив подгибающиеся ноги, тяжело дыша. Из разинутого рта, пузыряясь, стекала слюна. Глаза, обычно такие кроющие, были полны ужаса. Баран мучительно боролся за каждый глоток воздуха.

Я метался между загонами, от блаженной эйфории, овладевшей мной в ту минуту, когда я поднялся на борт «Ирис Клоусен», не осталось и следа. Баран не был исключением, хриплое дыхание слышалось повсюду, и я с леденящим отчаянием осознал, что отправился вовсе не в увеселительное плавание.

Стараясь не поддаваться панике, я осматривал овцу за овцой. Казалось, их всех ждет неминуемая гибель, и я сильно подозревал, что неведомые русские, ожидающие их в порту назначения, не удалят в литавры, когда сопровождающий ветеринар предъявит им гору трупов. Прекрасный финал моего первого морского путешествия!

Но, обходя загоны во второй раз, я чуть-чуть успокоился. Да, у всех животных вид был приунывший, но задыхались только самые крупные — все бараны и две-три рослые овцы, в целом около дюжины. То есть трагедией дело обернуться могло, но все-таки не полной катастрофой. Раун удерживал животных за шею, пока я мерил температуру. Сорок и две десятых градуса... сорок и три десятых... и две... и три...

Я прислонился к деревянной перегородке, пытаюсь привести свои мысли в порядок. Несомненно, стресс. Классическая картина. Да, да... А у меня в чемодане есть несколько флаконов новейшего чудо-препарата, кортизона, рекомендуемого, в частности, именно для таких случаев.

Я бросился в каюту и вернулся в рекордное время. В кармане моего рабочего плаща побрякивали бесценные флаконы с этикеткой «предзолан». Это был один из первых стероидных препаратов, но до сих пор я применял его только при артритах и воспалениях.

Я начал набирать спасительную жидкость в шприц. Руки у меня тряслись — и не только от качки. Предзолана было так мало! А скольким еще овцам он может понадобиться? И я ограничил дозу тремя кубиками. Одна инъекция, вторая... и мной опять овладевало отчаяние. Только три барана еще держались на ногах. Остальные лежали, судорожно вытянув шеи, выпучив глаза, а их бока мучительно вздымались и опадали.

Раун поглаживал мохнатые головы и нашептывал какие-то нежные датские слова. Впервые я видел его погрузившим и понимал, что делается у него на душе. Эти элитные красавцы... бараны... самые ценные из моих подопечных. Мне оставалось только ждать, но я был убежден, что их уже ничто не спасет. Вдруг я почувствовал, что у меня нет больше сил стоять тут и смотреть, как они... Я торопливо вскарабкался по железным трапам на верхнюю палубу, залитую водой, уходящую из-под ног. Делать мне тут было нечего, и я поднялся на мостик.

Капитан, как всегда, встретил меня очень любезно, но посерьезнел, когда я рассказал ему про баранов. Потом он улыбнулся и сказал:

— Я знаю, что они в надежных руках, мистер Хэрриот. Не унывайте, я уверен, вы их вылечите.

Разделить его оптимизма я не мог, да к тому же не сомневался, что он просто хочет меня ободрить.

Чтобы отвлечь меня от мрачных мыслей, капитан снова показал мне наше положение на карте и заговорил на морские темы.

— Мы идем в стороне от обычных путей,— объяснил он и обвел рукой пустынный горизонт.— Нигде не видно ни единого судна и вряд ли до вечера нам встретится хоть одно.

Разговаривая, мы смотрели сквозь стекла рубки, как нос «Ирис Клоусен» скользит в очередную ложбину между валами, а затем взбирается на новую серо-зеленую гору. Именно с мостика можно по-настоящему оценить громадность таких волн, и подсознательно я не переставал дивиться, как наша скорлупка умудряется вновь и вновь преодолевать их.

Капитан умолк и несколько минут с непроницаемым лицом смотрел на бескрайний морской простор за стеклами рубки.

— Я вам уже говорил, мистер Хэрриот,— продолжил он,— что мы идем по ветру, и если до нашего возвращения не произойдет никакой перемены, нам будет туго.— Он взглянул на меня с улыбкой.— Видите ли, мы опять выйдем в море, едва кончим разгрузку. От торчания в порту никакой пользы нет.

Все это время я отчаянно цеплялся за какой-то поручень и вдруг с боязливым восхищением увидел, что на мостик небрежной походкой, засунув руки в карманы и покуривая трубку, вышел помощник капитана. Движения его были уверенными и беззаботными, хотя порой его туловище наклонялось под углом 45° — во всяком случае, так казалось мне. Впрочем, как я убедился, члены команды насколько не уступали ему в этом искусстве, но, на мой взгляд, расхаживая так без всякой опоры, они страшно рисковали.

Через два часа я уступил ноющей тревоге: конечно, улучшения произойти еще не могло, но я хотя бы удостоверюсь, что моим подопечным не стало хуже.

Переставляя ноги с величайшей осторожностью, я направился к себе в каюту взять все необходимое. Путь мой лежал мимо камбуза. Пол каморки усыпала кухонная утварь, а Нильсен, кок, вытирал полотенцем стену, залитую супом. Не прерывая своего занятия, он весело мне кивнул. Судя по его безмятежности, все это было для него привычным делом.

И опять железные ступеньки трапов — скользкие, пляшущие. Я кинулся к загону с первым бараном, которого осматривал, но, видимо ошибся: над перегородкой мирно покачивалась большая кудлатая голова, глаза смотрели на меня с тихим любопытством, изо рта свисал клоч сена. Впрочем, челюсти тут же благодушно задвигались и клоч исчез.

Я ошеломленно уставился на барана, но тут с толстой соломенной подстилки поднялась могучая фигура Рауна — словно золотоволосый джинн вырвался из бутылки. Мой помощник отчаянно замахал руками.

— Глядите, доктор, глядите! — Он тыкал пальцем в барана, в

остальных наших пациентов, и его лицо с расплощенным боксерским носом играло каждой черточкой.

Я переходил из загона в загон словно во сне: все овцы выглядели нормально. Речь шла не об улучшении, они просто стали такими же, какими были накануне, — и за два часа!

На протяжении моей профессиональной жизни мне доводилось пробовать новые способы лечения в самой необычной обстановке, и с кортизоном я познакомился по-настоящему в недрах скотовоза по пути в Россию. И как это было прекрасно! А действие, которое это маленькое чудо произвело на Рауна, делало победу еще слаще. Он перепрыгивал через перегородки, обнимал каждую овцу, словно любимую собаку, и безудержно смеялся.

— Это как в сказке, доктор, как в сказке. Быстро-быстро. Они совсем умирали, а теперь живые и здоровые. Быстро-быстро. Как это вы сделали? — И он поглядел на меня с нескрываемым восхищением.

И меня вдруг охватила зависть к датским ветеринарам. Выпадали и у меня черные минуты, но иногда удавались и столь же эффективные исцеления, а вот подобного впечатления они на йоркширцев не производили. Впрочем, быть может, и датские фермеры не имеют обыкновения прыгать от восторга. В конце-то концов, Раун был моряком.

Как бы то ни было, меня переполняло ликование, знакомое всякому ветеринару, когда вдруг из отчаянного положения найдется выход. Предобеденный стакан пива в обществе капитана казался нектаром, а сам обед в раскачивающемся салоне обернулся праздничным пиршеством.

Волшебник-как каким-то образом сотворил великолепнейший овощной суп, в котором плавали ломтики колбасы и клецки. Затем мы вкусили божественного вкуса «фрегадиллы», приготовленные, как мне объяснили, из свиного и телячьего фарша со специями, скрепленного в шарики при помощи яиц.

Внося записи в дневник, я все больше опасался, как бы он не стал своего рода «Поваренной книгой скотовозов», но меня поражало, каким образом Нильсен умудрялся готовить подобные блюда в тесной каморке, да еще в штормовую погоду, и я не мог удержаться, чтобы не воздать дань восхищения его поварскому искусству.

У него была манера всовывать голову в дверь салона, пока мы ели. Глядел он только на меня, человека, распознавшего в нем кулинарного гения, и, когда я прижимал пальцы к губам, убагаботленно жмурясь, его потное лицо расплывалось в улыбке. В его глазах я был совершенством.

От камбуза до моей каюты было рукой подать, и в промежутках между трапезами Нильсен использовал меня как подопытного кролика, пробуя на мне всякие свои новинки. Признаться, я охотно шел ему навстречу.

Шторм бушевал весь день. Как и предсказывал капитан, нам

не встретилось ни единого судна. А я внимательно следил за овцами и, едва замечал первые признаки стресса, тут же бросался к ним с предзоланом, чтобы не допускать дальнейшего его развития.

После ужина мы остались посидеть в салоне; этот вечер коротать было особенно приятно. Мои собеседники были на редкость симпатичными людьми. Они показывали мне семейные снимки, фотографии интересных мест, где им довелось побывать, и разговор не смолкал ни на минуту. В заключение капитан поднял палец и поглядел на меня с улыбкой.

— Не хотите ли позвонить своей жене?

Я засмеялся.

— Вы шутите?

— Вовсе нет. Это очень просто.

Он повел меня в рубку, и через несколько минут посреди моря, окутанного непроницаемой тьмой, я уже разговаривал с Хелен и моей дочуркой Рози. Они поделились со мной домашними новостями, рассказали про успехи Джимми в университете, сообщили результаты последних футбольных матчей, а я слушал их голоса и старался убедить себя, что этот разговор мне не грезится. Чудесное завершение дня, богатого разными событиями.

Прежде чем отправиться спать, я еще раз спустился к овцам. Завтра мы придем в Клайпеду и я передам их новым владельцам. Выглядели они отлично. Никаких симптомов стресса, хромавшая овца и овца с воспаленными глазами тоже вполне оправились. Вот только это покашливание у линкольнов! Как к нему отнесутся русские? Я-то твердо знал, что это легкий паразитарный бронхит, который уже проходит и скоро пройдет совсем. Но сумею ли я убедить русских ветеринаров, что повода беспокоиться нет никакого? Ну что же, скоро я получу ответ на свой вопрос.

13

Работник прошел между коровами и ухватил мою пациентку за хвост, а я поглядел на него и сразу понял, что Джош Андерсон не упустил вчерашнего вечера. Все сходилось — ведь нынче было воскресное утро. Собственно говоря, и спрашивать было незачем.

— А вы, гляжу, были вчера в «Зайце и фазане»? — все-таки небрежно осведомился я, ставя термометр.

Он скорбно провел рукой по волосам.

— Был, волк его задал! А что, сразу видать? Хозяйка мне уже всю плешь проела.

— Джош немножко лишнего принял, а?

— То-то и оно. И чего мне втемяшилось в субботний-то вечер! Ну, да сам виноват.

Джош Андерсон был местный парикмахер. Свое ремесло он очень любил, а кроме того, любил пиво. И до такой степени, что, отправляясь вечером в трактир, обязательно захватывал с собой ножницы и машинку. За пинту пива он быстренько подстригал всех желающих в мужской уборной.

Завсегдатаи „Зайца и фазана“ ничуть не удивлялись, когда, войдя туда, наталкивались на Джоша, который шелкал ножницами вокруг головы клиента, невозмутимо восседающего на унитазах. Пинта пива стоила шесть пенсов, и такая стрижка была выгодной, хотя и сопряженной с определенным риском, как хорошо знали все, кто пользовался услугами Джоша. Если он успевал выпить не больше двух кружек, клиенты выходили из его рук более или менее целыми и невредимыми, учитывая, что особого увлечения модной стрижкой в Дарроуби и его окрестностях не наблюдалось. Но когда он переступал некую черту, следовало ждать всяких ужасов.

Правда, уха Джош вроде бы покуда еще никому не отстриг, но, прогуливаясь по улицам в воскресенье и понедельник, можно было увидеть очень и очень оригинальные куафюры.

Я еще раз оглядел голову работника. Мой опыт подсказывал, что подобное, бесспорно, вышло из-под ножниц Джоша где-то около десятой пинты. Правый височек был тщательно подравнен примерно на уровне глаза, а левого не существовало вовсе. Волосы над лбом и на макушке подстригались явно на авось — тут сохранился длинный вихор, там зияла проплешина. Затылка мне видно не было, но я не сомневался, что и на нем нашлось бы чем полюбоваться. Может быть, там пряталась длинная косица, а может быть, и что-нибудь еще.

Да, вынес я окончательный приговор, стрижка десятипинтовая. После двенадцатой — четырнадцатой пинты Джош с великолепной дерзостью просто обгрызал ножницами всю шевелюру клиента, оставляя пучок волос над лбом. Классическая стрижка каторжников, вынуждавшая пострадавшего любителя экономии довольно долго ходить в кепке, плотно надвинутой на лоб и уши.

Я предполагал не рисковать и стригся у Джоша только в мастерской, когда он был трезв как стеклышко.

Там-то я и сидел несколько дней спустя, дожидаясь своей очереди. Сэм, мой пес, устроился у меня под стулом, а я следил за работой парикмахера, и дивная тайна человеческой природы предстала предо мной во всей красе. Кресло занимал дюжий мужчина. Каждые несколько секунд его отраженная в зеркале красная физиономия над белой простыней искажалась спазмой боли, что было вполне естественно, так как Джош не срезал волосы, а выдирали их с корнем.

Конечно, его древние инструменты давно следовало бы нато-

чить, но главная причина заключалась в щегольском повороте кисти, при котором машинка обязательно выщипывала десяток-другой волосков. Приобрести электрическую машинку он не удосужился, но, полагаю, она бы ничего не изменила. Прием есть прием.

Как было не подивиться тому, что люди все-таки ходили стричься к Джошу, хотя в городке имелся еще один парикмахер. Наверное, решил я, очень уж он симпатичен.

Я перевел взгляд на Джоша. Низенький, щупленький, к пятидесяти годам обзаведшийся победительной лысиной вопреки всяческим «восстановителям для волос» в изящных флаконах, украшавших полки вокруг. На его губах играла кроткая улыбка, словно никогда не исчезающая с них. Этой улыбке, а также большим удивленно-наивным глазам он и был обязан своей странной привлекательностью.

Ну и конечно — неоспоримая любовь к ближним. Когда краснолицый клиент с явным облегчением покинул пыточное кресло, Джош запорхал вокруг, орудуя щеткой, похлопывая его по спине и весело щебеча. Сразу стало ясно, что он не просто подстригал волосы этого человека, но и наслаждался его обществом.

Рядом с дюжим фермером Джош выглядел совсем уж фитюлькой, и я в который раз задался вопросом, как он умудряется вмещать эти галлоны пива?

Впрочем, иностранцы издавна поражались способности англичан поглощать эль в невероятных количествах. Даже теперь, прожив в Йоркшире сорок лет, я не могу с ними состязаться. Возможно, виной юность, проведенная в Глазго, но после двух-трех пинт мне становится скверно. И совсем уж замечательно то, что за все эти годы мне как будто не довелось увидеть ни единого йоркширца пьяным по-настоящему. По мере того как в их глотки низвергаются все новые и новые пивные каскады, они утрачивают природную замкнутость, становятся благодушно-веселыми, но крайне редко начинают говорить или делать глупости.

Тот же Джош. Каждый будний вечер он выпивал примерно по восемь пинт, а в субботу так от десяти до четырнадцати, однако по его внешнему виду вы об этом ни за что не догадались бы. Да, профессиональную сноровку он несколько утрачивал — но и только.

Он повернулся ко мне.

— Рад вас видеть, мистер Хэрриот, — сказал он и подвел меня к креслу, согреть улыдкой и ласковым взглядом таинственно-глубоких глаз. — Как вы поживаете? Надеюсь, хорошо?

— Не жалуюсь, мистер Андерсон, благодарю вас. А вы как поживаете?

— Отлично, сэр, отлично. — Он принялся укутывать меня простыней и весело засмеялся, когда мой бигль деловито нырнул под ее складки.

— А-а! Сэм! Как всегда на посту, а? — Джош нагнулся и

погладил шелковистые уши.— Черт побери, мистер Хэрриот, вот уж верный друг, так верный друг. Глаз с вас не спускает.

— Не спорю,— ответил я.— Да и мне нравится брать его с собой всюду, куда можно.— Я извернулся в кресле.— Да, кстати, вроде бы я на днях видел вас с собакой?

Джош опустил поднятые было ножницы.

— Видели, а как же! Бездомная собаченция — я ее в Йорке подобрал, в «Приюте для кошек и собак». Теперь, когда все наши дети оперились и повывлетали из гнезда, нам с хозяйкой захотелось обзавестись собачкой, и очень она нам пришлась. Таких поискать, уж поверьте мне.

— А какой она породы?

— Бог ее знает. Дворяжка, не иначе. Родословной к ней не приложено, только я ее ни за какие деньги не продам.

Прежде чем я успел ответить, Джош поднял ладонь и сказал:

— Погодите минутку, я ее вам покажу.

Квартира его помещалась над мастерской. По лестнице вверх-вниз протопали шаги и Джош появился снова с небольшой собакой на руках.

— Ну, как она вам, мистер Хэрриот? Что вы о ней скажете?

И он опустил собаку на пол, чтобы я мог ее рассмотреть поближе.

Я поглядел на собачку. Светло-серая, шерсть очень длинная, курчавая. С первого взгляда ее можно было принять за миниатюрную овцу уэнслидейлской породы. Родословная ее явно содержала немало темных тайн, но улыбающаяся пасть и колышущийся хвост свидетельствовали о солнечном характере.

— Милага,— сказал я.— По-моему, вы сделали отличный выбор.

— Вот и нам так кажется.

Джош нагнулся и погладил собачку. Я заметил, что он зажимает длинные волосы между большим и указательным пальцами и мягко потирает их. Странно! Но тут же я сообразил, что точно так же он поступает с волосами своих двуногих клиентов.

— А называли мы ее Венерой,— добавил он.

— Венерой?

— Ну, да. Она же такая красивая! — объяснил он с полной серьезностью.

— А-а! — сказал я.— Понимаю, понимаю.

Джош вымыл руки, взял ножницы, зажал в пальцах прядь моих волос и мягко потер их.

Я не понял, зачем он это делает, но мне было не до размышлений. Я весь подобрался. Впрочем, ножницы особых мук не причиняли — ничего, кроме неприятного подергивания, когда тупые лезвия сходились. Но когда Джош взял машинку, я вцепился в ручки кресла, словно оно было зубодробительным. Пока он ерзал ею у меня по шее, терпеть еще можно было — до заключительного движения кистью, выдиравшего последний клочок. В зеркале я видел

свое отчаянно гримасничающее лицо, а раза два у меня вырывались непроизвольные стоны, но Джош словно ничего не замечал.

Впрочем, сколько раз в течение стольких лет сидел я тут, ожидая своей очереди, и слушал оханье страдальца в кресле, и не было случая, чтобы Джош хотя бы бровью повел!

Дело в том, что при всей скромности и кротости своей натуры он считал себя талантливым парикмахером. Вот и теперь, когда он в заключение принялся расчесывать мои волосы, в глазах его светилась высокая гордость. Наклонив голову набок, он проводил гребенкой то тут, то там, медленно обходил кресло, оглядывал меня со всех сторон и щелкал ножницами, чтобы добиться окончательной симметрии. Но вот он поднял ручное зеркальце, позволяя мне полюбоваться собой как следует.

— Все в порядке, мистер Хэрриот? — осведомился он с тем тихим удовлетворением, которое дарит отлично выполненная работа.

— Чудесно, мистер Андерсон, то, что требовалось! — Мысль, что все уже позади, придала моему голосу глубокую искренность. Он чуть-чуть поклонился, очень довольный.

— Волосы-то стричь легко, сами понимаете. Секрет в том, чтобы вовремя остановиться!

Слышал я эту шуточку не менее ста раз, но покорно засмеялся, а Джош запорхал щеткой по моей спине.

В те дни волосы у меня отрастали быстро, но Джоша я увидел еще до того, как мне понадобились его профессиональные услуги. Я сидел, попивая чай, когда настойчивый звонок заставил меня зарыситься к входной двери.

На крыльце стоял Джош с Венерой на руках, но как была она не похожа на веселое создание, которое я видел в прошлый раз! На ее губах пузырилась слюна, и она отчаянно терла морду лапами.

Джош поглядел на меня с отчаянием.

— Она подавилась, мистер Хэрриот! Вы только на нее поглядите! Да сделайте же что-нибудь, не то ей конец!

— Погодите, мистер Андерсон. Скажите мне прежде, что произошло? Она что-нибудь проглотила?

— Ну, да. Куриную кость.

— Куриную кость! Разве вы не знали, что собакам ни в коем случае нельзя давать куриные кости?

— Да знаю я. Кто ж этого не знает? Только нынче на обед у нас была курица, так она, хулиганка, вытащила кости из мусорного ведра и давай грызть, прежде чем я это заметил. А теперь вот того и гляди задохнется! — Губы у него дрожали, казалось, он вот-вот заспалится.

— Успокойтесь, — сказал я. — Венера, по-моему, дышит нормально. Поглядите, как она лапами скребет. Просто, у нее что-то застряло в пасти.

Большим и указательным пальцем я развел челюсти собачки и

с облегчением увидел картину, знакомую любому ветеринару, — длинная косточка плотно засела между задними зубами и перегородивала глотку.

Ну что же, могло быть хуже, а тут достаточно наложить щипцы и дернуть. Животное исцеляется в мгновение ока — искусства требуется чуть, а результаты самые приятные. Как раз в моем вкусе.

Я погладил парикмахера по плечу.

— Да успокойтесь же, мистер Андерсон. Кость застряла у нее в зубах, только и всего. Идемте в операционную, и я ее удалю в одну секунду.

Пока мы шли по коридору в глубину дома, Джош приходил в себя прямо на глазах.

— Ну, слава богу, мистер Хэрриот! А я ведь думал, ей конец, честное слово. Уж очень мы к ней привязались. Даже подумать страшно, вдруг бы мы ее потеряли!

Я засмеялся, поставил собачку на стол и взял щипцы.

— Об этом, уверяю вас, и речи быть не может. Минута — и все будет в полном порядке.

Джимми, которому было пять лет, оставил свой чай недопитым и явился в операционную. Щипцы в моих руках вызвали у него весьма умеренное любопытство. Несмотря на свой нежный возраст, мой сын уже успел досыта насмотреться таких процедур. Однако в нашем деле никогда точно ничего предсказать нельзя и имело смысл подождать — вдруг да случится что-нибудь смешное. Сунув руки в карманы, покачиваясь на каблуках и тихонько насвистывая, он наблюдал за мной.

Обычно открыть собаке пасть, наложить щипцы и извлечь кость можно буквально за несколько секунд. Но Венера отпрянула от сверкающих щипцов. Как и ее владелец. Ужас в собачьих глазах отразился в глазах Джоша учетверенным.

— Это пустяк, мистер Андерсон, — проворковал я. — Ей ничуть не будет больно. Но, пожалуйста, подержите ей голову. Только покрепче.

Маленький парикмахер сделал глубокий вдох, ухватил собачку за шею, плотно зажмурился и отвернул лицо, насколько было возможно.

— Ну, ну, Венерочка, — продолжал ворковать я. — Сейчас я тебе помогу.

Но Венера мне явно не поверила. Она яростно вырывалась и царапала мою руку передними лапами под аккомпанемент замозговых стонов, которые испускал Джош. Мне все-таки удалось засунуть щипцы ей в рот, но она плотно сомкнула зубы и не отпустила. Я применил силу, но этого мистер Андерсон вынести не мог и разжал руки. Собачка прыгнула на пол и снова принялась выхаркивать косточку под одобрительным взглядом Джимми.

Я посмотрел на Джоша больше с грустью, чем с досадой. Что поделать, если человек чего-то не может. Руки вообще не

слишком ему подчинялись, доказательством чему служила его ма-
нера стричь, и удержать вырывающуюся Венеру ему было невмочь.

— Ну-с, попробуем еще раз! — произнес я бодро. — Прямо на полу. Не исключено, что она боится стола. Это же сущий пу-
стык.

Маленький парикмахер плотно сжал губы, сузил глаза в щелоч-
ки, нагнулся и протянул дрожащие руки к своей собачке, но
она увернулась. Он продолжал протягивать руки все дальше, она
продолжала увертываться, и в конце концов он растянулся ничком
на кафельном полу. Джимми хихикнул — события начинали обре-
тать остроту.

Я помог Джошу встать.

— Вот что, мистер Андерсон, я сделаю ей анестезию. На
самый краткий срок, но она перестанет вырываться и убегать.

— Анестезию? Вы что — усыпите ее? — Он испуганно взгля-
нул на меня. — А ей это не повредит?

— Ну, что вы! Ни в коем случае. Оставьте ее тут и возвра-
щайтесь через полчаса. Она уже будет вас ждать здоровая и ве-
селая.

Я выпроводил его в коридор.

— А вы уверены? — Он жалобно оглянулся в дверях на свою
любимицу. — По-другому никак нельзя?

— Не сомневайтесь. Если мы будем продолжать, как начали,
то совсем ее перепугаем.

— Ну, хорошо. Я на полчаса забегу к брату.

— Вот и чудесно!

Я подождал, пока не услышал стук захлопнувшейся входной
двери, быстро вернулся в операционную и набрал в шприц пенто-
тала.

Собаки, не видя рядом хозяина, сразу становятся уступчивее,
и я без малейшего труда водворил Венеру на стол. Но она все так
же упрямо сжимала челюсти и держала передние лапы в
боевой готовности. Пусть никто и не мечтает забраться ей в рот!

— Ну, хорошо, старушка, будь по-твоему, — сказал я, сжал ей
ногу у сустава и выстриг участок над вздувшейся лучевой веной.
В те дни нам с Зигфридом часто приходилось анестезировать соб-
акам без посторонней помощи. Чего только ни умудряется сделать
человек, когда сделать это необходимо!

Венера, казалось, готова была предоставить мне полную сво-
боду действий, лишь бы я не покушался на ее мордочку.
Я ввел иглу, нажал на плунжер и через несколько секунд ее тело
расслабилось, голова поникла, и она вытянулась на столе. Я пере-
вернул ее — она уже крепко спала.

— Ну, Джимми, старина, теперь все в полном порядке, — объ-
явил я, без малейшего усилия разжал пальцами зубы, захватил
кость щипцами и вытащил ее наружу. — Там все чисто, просто
прелесть. Вот так.

Я выбросил куриную косточку в корзину.

— Да, малыш, видишь, как надо делать? Никакой возни, быстро, по-профессиональному.

Мой сын уныло кивнул. А он-то надеялся! Когда мистер Андерсон растянулся на полу, это было так смешно, и вдруг никакого продолжения. Одна скукота. Улыбка сползла с его лица.

А моя удовлетворенная улыбка превратилась в застывшую гримасу: я не спускал глаз с Венеры, и мне казалось, что она не дышит. Сердце у меня екнуло, но я постарался взять себя в руки; я очень нервный анестезиолог, чем отнюдь не горжусь. Даже теперь, когда мне доводится присутствовать при операции, которую делает какой-нибудь мой молодой коллега, я поддаюсь дурной привычке, кладу ладонь на грудную клетку пациента над сердцем и на несколько секунд испуганно каменею. Я понимаю, как раздражает молодых ветеринаров моя заразительная тревога, и вполне готов к тому, что в один прекрасный день меня попросят выйти вон, но ничего с собой поделывать не могу.

Глядя на Венеру, я по обыкновению твердил себе, что опасности никакой быть не может. Дозу она получила правильную, а пентотал часто дает такой эффект. Все идет нормально.... Но, черт подери, скорее бы она задышала по-настоящему!

Сердце, во всяком случае, еще билось. Я несколько раз нажал на ребра — никакого результата. Прикоснулся к невидящему глазу — рефлекса нет. Мои пальцы нервно забарабанили по столу, я нагнулся над собачкой, сознавая, что Джимми следит за мной столь же пристально. Его глубокий интерес к ветеринарии возник из любви к животным, фермерам и загородным прогулкам, однако не последнюю роль играл и еще один элемент: то его отец вел себя очень смешно, то с его отцом приключалось что-нибудь очень смешное.

Каждый день сулил веселые сюрпризы, и безошибочный инстинкт подсказывал моему сыну, что вот-вот самые смелые его ожидания оправдаются.

И он не ошибся: внезапно я сдернул Венеру со стола, несколько раз безрезультатно потряс ее у себя над головой, а затем понесся с ней по коридору. Сзади доносился drobный топоток маленьких ног.

Распахнув боковую дверь, я вылетел в сад, остановился было на дорожке...— нет, места тут не хватит...— и, прибавив рыси, выскочил на лужайку.

Собачку я опустил на траву и застыл рядом на коленях в молитвенной позе. Я вглядывался, вглядывался, слыша, как гремит мое сердце, но грудная клетка ни разу не дрогнула, а глаза остекленели и смотрели в никуда.

Нет, не может этого быть! Я схватил задние лапы Венеры обеими руками и начал вертеть ее над головой. То выше, то ниже, но с невероятной быстротой, вкладывая в это движение все мои силы. Теперь такой способ реанимации, кажется, вышел из моды, но тогда он весьма уважался. И во всяком случае снискал пол-

ное одобрение моего сына, который от хохота повалился на землю.

Когда я прервал свое занятие и уставился на по-прежнему неподвижные ребра, Джимми крикнул:

— Папа, еще! Ну, папа!

И почти тотчас Венера вновь взмыла в воздух, как птица, и закружилась над головой его отца.

Это превосходило все самые смелые надежды! Возможно, Джимми не сразу решился пренебречь лишним куском хлеба с джемом ради того, чтобы понаблюдать, как его отец будет лечить очередную собачку, но теперь его самоотверженность была вознаграждена. И как!

Я и сейчас вновь переживаю эти минуты — напряжение всех сил и ужас при мысли, что моя пациентка погибнет по самой нелепой причине, и в ушах у меня — залиvistый смех Джимми.

Уж не знаю, сколько раз я останавливался и опускал неподвижное тельце на траву и тут же вновь начинал вертеться с ним, но наконец в одну из пауз грудная клетка судорожно приподнялась, а глаза заморгали.

Со стоном облегчения я упал ничком на прохладный дерн и смотрел, смотрел сквозь зеленые травинки, как дыхание становилось нормальным, как Венера начала озираться и облизывать губы.

Встать на ноги я не решился — старая садовая ограда все еще кружилась в вальсе и вряд ли мне удалось бы сохранить равновесие.

— Папа, ты больше вертеться не будешь? — разочарованно спросил Джимми.

— Нет, сынок, не буду! — Я сел и притянул Венеру к себе на колени. — Больше не надо.

— Вот смехотура! А зачем ты вертелся?

— Чтобы собака снова задышала.

— И ты всегда так делаешь, чтобы они дышали?

— Слава богу, нет! Очень редко. — Я медленно поднялся с травы и отнес Венеру в операционную.

Когда туда вошел Джош Андерсон, Венера уже почти совсем оправилась.

— Она еще чуть-чуть пошатывается после анестезии, — сказал я. — Но это скоро пройдет.

— Вот и хорошо. А эта проклятая косточка, вы ее...

— Все в полном порядке, мистер Андерсон.

Я раздвинул челюсти Венеры, и маленький парикмахер попался.

— Видите? — спросил я. — Все чисто.

Он радостно улыбнулся.

— А хлопот вам с ней много было?

Родители воспитывали во мне правдивость в ущерб сообразительности, и я чуть было не выложил все подробности. Но с какой стати расстраивать столь впечатлительную душу? Если Джош

узнает, что его собачка довольно долго оставалась на самом пороге смерти, это не доставит ему никакой радости и не укрепит его доверие ко мне. Я сглотнул.

— Ну, что вы, мистер Андерсон. Простейшая операция.

Святая ложь! Но я чуть ею не подавился, и оставила она горький привкус вина.

— Замечательно, ну, замечательно! Спасибо, мистер Хэрриот!

Он нагнулся к собаке и покатал прядку шерсти между пальцами. И что это у него за привычка?

— Так ты по воздуху летала, Венерочка? — рассеянно пробормотал он.

У меня по коже побежали мурашки.

— А как... а почему вы так подумали?

Он поднял на меня глаза — большие таинственно-глубокие глаза.

— Ну-у... Сдается мне, будто ей кажется, что она во сне летала. Такое вот у меня ощущение.

Допивать чай я отправился в некоторой задумчивости. Летала... летала...

Две недели спустя я вновь уселся в кресло Джоша и стиснул зубы в ожидании пытки. К моему вящему ужасу он сразу взял беспощадную машинку, хотя обычно начинал с ножниц и постепенно переходил от скверного к худшему. На этот раз он прямо вверг меня в пучину страданий.

Пытаясь заглушить боль, я начал разговор в несколько истерическом тоне:

— Как... ой!.. поживает Венера?

— Отлично,— Джош нежно улыбнулся мне в зеркале.— Какой была до этого случая, такой и осталась.

— Ну... о-ох-а-а... я никаких осложнений и не ожидал. Пустяк... а-о-а... я же сразу сказал.

Неподражаемым движением кисти Джош выдрал еще пучочек.

— Самое-то главное, мистер Хэрриот, в том, чтобы своему ветеринару верить. Я ведь знал, что наша собачка в умелых руках.

— Э... благодарю вас, мистер Андерсон... ай-е-е... очень лестно это слышать.— Мне действительно было приятно, однако ощущение виноватости не исчезало.

Весело болтать, созерцая в зеркале собственные гримасы, не так уж легко, и я попробовал сосредоточиться на чем-нибудь еще — прием, которым я пользуюсь у зубного врача, хотя и без особого успеха. Тем не менее, пока машинка маленького парикмахера продолжала выдирать клочок за клочком, я усердно прикидывал, чем мне в первую очередь следовало бы заняться в саду. Газоны давно необходимо подстричь, и надо выбрать часок на прополку. Я уже взвешивал, не пора ли дать подкормку помидорам, когда Джош положил машинку и взял ножницы.

Я вздохнул с облегчением — самое страшное миновало, а к тому же, кто знает, может быть, на этот раз он наточил ножницы...

Мои мысли вновь сосредоточились на увлекательной проблеме помидоров, как вдруг голос Джоша вернул меня к действительности.

— Мистер Хэрриот... — Он потирал пальцами прядку моих волос. — Я вот тоже люблю возиться в саду.

Я чуть не выпрыгнул из кресла.

— Поразительно! Я как раз думал про свой сад.

— Так я же знаю. — Устремив глаза в бесконечность, он продолжал теребить злополучную прядку. — Они через волосы проходят.

— А?

— Ну, мысли ваши. Ко мне. Через ваши волосы.

— Что?!

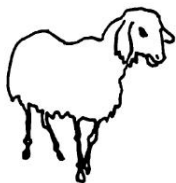
— Ну, да. Сами сообразите: волосы-то корнями вам в голову уходят, ну и впитывают что-то из мозга, да мне и передают.

— Вы меня разыгрываете! — Я расхохотался, но как-то неуверенно.

Джош помотал головой.

— Не разыгрываю, мистер Хэрриот, и не шучу. Я этим ремеслом без малого сорок лет занимаюсь, и счет таким случаям потерял. У вас глаза бы на лоб полезли, расскажи я вам, какие иной раз мысли ловятся. Язык не поворачивается повторить, уж поверьте.

Я по уши ушел в простыню. Чепуха, абсолютный вздор! От боли начинаешь вслух бормотать, сам того не замечая... Но как бы то ни было, я принял твердое решение никогда во время стрижки не вспоминать, как я вытаскивал косточку из зубов Венеры.

1 ноября 1961 года

Проснувшись утром, я обнаружил, что все вокруг хранит удивительную неподвижность. У меня вырвался вздох облегчения: ведь, когда я засыпал, меня, как и в предыдущие ночи, швыряло по койке, точно тряпичную куклу.

Выйдя на палубу, я увидел, что мы стоим на якоре не то в устье реки, не то в узком заливе. Передо мной, рукой подать, лежал русский порт Клайпеда.

Да, тут было тихо — лишь легкая зыбь чуть покачивала судно, но в полумиле позади нас огромные валы обрушивались и обрушивались на бетонные стены, ограждающие вход в порт.

Капитан — бледный и небритый — рассказал мне, чего ему стоило провести «Ирис» между ними. Он несколько раз тщетно

подавал сигналы, запрашивая лоцмана, и в конце концов решил войти в порт сам. В темноте, в незнакомых водах, в шторм — да, это потребовало от него полного напряжения сил.

Теперь же, объяснил он, мы ждем лоцмана, который проведет нас между гигантскими бетонными волноломами к причалу. Вскоре появился и лоцман — невысокий, с щетинистым подбородком в удивительно русского вида пальто (размера на два больше, чем требовалось) и огромной кепке.

Он, видимо, нервничал: ни секунды не стоял на месте, повертывался то туда, то сюда или вдруг бросался к поручням и заглядывал за борт. Команды, к моему удивлению, он подавал по-английски, но выговаривал их с русским акцентом, а могучий датчанин у штурвала повторял их в датском ключе.

На самом носу стояли, всматриваясь в воду, помощник и матросы. Они что-то сигналили на мостик — то ли определяя глубину, то ли предупреждая о каких-то препятствиях.

Моему неискушенному взгляду представлялось, что капитан ведет судно самостоятельно. Он сохранял обычное сдержанное спокойствие и, когда мы приближались к другим судам или волнолому, произносил негромко:

— Не дать ли задний ход, мистер лоцман?

И тут же:

— Право руля, мистер лоцман?

А кепка металась по мостику с панической быстротой.

Берега эстуария густо заросли соснами. Впереди виднелись жилые дома, а ближе — портовые краны и причалы.

Но вот мы встали у стенки, я с жадным любопытством оглядел пристань и встретился взглядом с молодым русским солдатом, который с напарником занял пост у трапа «Ирис». Насколько я мог судить, такая же пара охраняла трапы остальных судов у причала.

У всех за плечом висел автомат, все были в длинных зеленых плащах, сапогах и меховых шапках с завязанными на макушке ушами.

Перегнувшись через борт нашего суденышка, я оказался совсем близко от моего солдата и весело помахал ему.

— С добрым утром!

Он даже глазом не моргнул и продолжал смотреть на меня без всякого выражения.

Я прошел вдоль борта и помахал его товарищу.

— Привет! — И помахал еще раз.

Но ответом мне был еще один суровый без тени улыбки взгляд.

Тут хлынул дождь, и оба натянули на головы капюшоны.

Начало не из лучших... Я посмотрел по сторонам, но ничего утешительного не узел. Сплетения железнодорожных рельсов, товарные вагоны, лес гигантских кранов, а по его периметру — сторожевые вышки с часовыми, глядящими на нас сверху. За территорией порта виднелись разнообразные старые здания.

Клайпеда, разумеется, литовский порт, когда-то называвшийся Мемель, но поскольку находится она в Советском Союзе, то, простоты ради, всех, с кем мне там довелось познакомиться, я буду называть русскими.

Вскоре на борт поднялась порядочная группа служащих порта, и я с облегчением увидел, что держатся они приветливо и весело улыбаются. Начались рукопожатия; послышался смех, а меня все называли «доктор-р-р», раскатывая звук «р», который в нашем произношении этого слова вообще отсутствует. Многие оказались таможенниками. Среди них было несколько молодых женщин и одна отлично владела английским. Впрочем, объясняться по-английски они в той или иной степени умели все, а с капитаном говорили еще и по-немецки.

Единственное исключение среди этой улыбающейся компании составлял высокий угрюмый санитарный инспектор в ковбойской шляпе. Мне пришлось спуститься с ним в трюм, который он обвел скорбным взглядом, но ничего не сказал.

Затем низенькая толстушка жестом пригласила меня пройти с ней туда, где хранился овечий корм. Его оставалось еще несколько тонн, подлежащих передаче русским — бесплатно. Возможно, последнее обстоятельство вызвало у них какие-то подозрения, так как толстушка, к моему изумлению, принялась вспарывать мешки с овечьими орехами высшего сорта и тючки сена. Она засовывала руку поглубже, извлекала горсть содержимого и укладывала в полиэтиленовый пакет, видимо, для лабораторной проверки.

Я поднялся в капитанскую каюту, где портовые служащие все еще расписывались на документах, курили и пили. Тем временем к ним присоединился заведующий приемкой грузов, тоже очень вежливый, доброжелательный и готовый рассмеяться по малейшему поводу.

Я с интересом рассматривал, как были одеты эти люди, явно занимавшие достаточно ответственные должности. На всех были отлично сшитые темные костюмы, а на некоторых — зеленоватые габардиновые макинтоши, но материал производил впечатление довольно дешевого. Однако вид у них был бы вполне элегантным, если бы не сероватые фуражки из плотной материи, которые все они нахлобучивали на самые уши. Вероятно, этого требовала местная мода, но мне она показалась безобразной.

Держались они очень приятно, слушал я их с жадным интересом, а их огромная работоспособность и любознательность меня просто поразили. Ведь многие из них, как они мне сказали, начали жизнь простыми рабочими, но учились по вечерам, а также в любую свободную минуту и таким образом достигли нынешнего своего положения.

Однако я, естественно, все это время с тревожным сердцем ждал ветеринарного осмотра. Ветеринаром оказалась невысокая полная женщина, очень похожая на ту, которая проверяла корм. В отличие от остальных она, правда, не знала ни единого

английского слова, а просто подошла ко мне, ткнула себя в грудь и произнесла:

— Доктор-р!

Мы пожали друг другу руки, и она весело рассмеялась.

С ней был помощник — высокий детина в синем комбинезоне, и мы втроем спустились в трюм. Меня заинтриговал метод ее осмотра. Помощник отогнал в угол пять овец, а она тем временем открыла чемоданчик и вытащила целый букет термометров — непривычно плоских, со шкалой Цельсия. К каждому была привязана веревочка со скрепкой на конце. Толстушка аккуратно погружала кончик термометра в баночку с вазелином, вводила его в задний проход и защемляла скрепку на завитке шерсти. Закончив эту операцию, она уставилась на свои часы, выждала, как мне почудилось, целую вечность, и принялась извлекать термометры.

Затем наступил черед следующей пятерки, все повторилось сначала, и в следующий загончик мы перешли после нового бесконечного ожидания. Тут я с некоторым ужасом сообразил, что эти термометры были двухминутными, а не полминутными, как наши! Она же явно намеревалась обследовать по десятку овец в каждом загончике. Сколько же времени на это уйдет?

Галантно держа перед ней баночку с вазелином, я попытался завязать разговор, чтобы хоть немного развеять скуку. Задача оказалась не из легких, поскольку в русском я был столь же силен, как она в английском. Тем не менее мне кое-как удалось объяснить ей, что большинство прибывших овец принадлежат к породе ромни-марш. Видимо, это название ей понравилось, так как, ставя очередной термометр, она теперь неизменно восклицала «ррромни-маррш!» и весело смеялась. Следующая овца, следующий термометр, следующее «ррромни-маррш!».

Процедуру это несколько скрасило, но за полтора часа мы прошли только одну сторону, то есть осмотрели примерно четверть всех овец, и я содрогнулся при мысли, что раньше чем через четыре с половиной часа толстушка никак не управится.

Тем не менее она показалась мне очень милой женщиной. На ней был простенький темно-синий плащ и велюровая шляпка, какие в Англии можно видеть на дешевых распродажах, но полное лицо под этой шляпкой не переставало приветливо улыбаться.

Улыбка эта исчезла только один раз, когда кашлянул кто-то из линкольнов. Вот она — роковая минута!

— Акха-кха-кха! — Моя коллега очень похоже изобразила характерный лающий кашель, вызываемый паразитами в бронхах, и посмотрела на меня, выразительно подняв брови.

Я пожал плечами. Что еще мог я сделать? Как объяснить?

Температура у барана оказалась нормальной, но вскоре закашляла овца.

— Акха-кха-кха? — Брови вновь вопросительно поднялись, и мне опять пришлось ограничиться пожатием плеч и неопределенной улыбкой.

Когда осмотр перевалил за половину, к нам присоединился еще один ветеринар, видимо, начальник толстушки. Одет он был очень элегантно — темное пальто и черная фетровая шляпа, — а его красивое, по-азиатски скуластое лицо просто излучало дружескую симпатию. Пожав мне руку и хлопнув меня по спине, он, к некоторому моему недоумению, сказал вежливо:

— Салям-алейкум!

Английского он тоже не знал и, когда услышал кашель, посмотрел на меня вопросительно:

— Акха-кха-кха?

Я развел руками, помотал головой, и он вдруг просто приснул со смеху. Вообще он производил впечатление большого весельчака и явно куда-то торопился. Помахав своей подчиненной, он снова дружески потряс мне руку, улыбнулся и ушел.

Непонятное восточное приветствие продолжало меня интриговать, и, повернувшись к толстушке, я изобразил удивление и сказал:

— Салям-алейкум?

— Иркутск. Монгол, — тотчас ответила она.

Ах, так он родом с другого конца этой необъятной страны! И, показывая ей, что мне все понятно, я сощурил глаза и пальцами оттянул уголки к вискам.

Она залилась звонким смехом. Да, в смешливости ей отказать было никак нельзя. Но я уже устал топтаться на месте с баночкой вазелина в руке. Чтобы как-то нарушить монотонность, я иногда бормотал что-нибудь вроде:

— Ну, послушайте! Я вот-вот начну биться головой об стену!

И получал в ответ кивок и милую улыбку.

В конце концов я не выдержал, сунул вазелин ей в руку и сбежал к себе в каюту. Позднее я установил, что она мерила температуру овцам более пяти часов.

Начать разгрузку мы не могли, потому что место занимал «Юбберген», доставивший партию рогатого скота, а теперь бравший на борт крепких коренастых лошадок. Нам оставалось только ждать, и меня страшно тянуло на берег, однако таможенники забрали паспорта, а без них мы не имели права покидать судно.

Затем паспорта нам возвратили, и я начал подыскивать себе спутника — Джон Крукс предупредил меня, чтобы один я на берег ни в коем случае не сходил. Помощник капитана и механик объявили, что никуда не пойдут, — кто его знает, какие сейчас отношения между Данией и Россией! Они как раз слушали датские последние известия, и диктор сказал, что Хрущев в чем-то упрекнул скандинавские страны. Вскоре я убедился, что никто из команды на берег сходить не намерен.

Положение спас капитан, как всегда безупречный джентльмен. Заметив, до чего я огорчен, он сказал, что пойдет со мной, если я дам ему несколько минут, чтобы умыться и переодеться.

Пока я в ожидании стоял на палубе, сгустились сумерки, и в домах за портом засветились окна. Лампочки, видимо, были в основном сороковаттные, и общее впечатление создавалось довольно унылое.

К тому времени, когда капитан присоединился ко мне, уже совсем стемнело. Заведующий приемкой грузов настоятельно рекомендовал мне побывать в клубе моряков — «Интерклубе», как он его назвал, и я решил последовать его совету, а знакомство с городом отложить на завтра.

Мы спустились по трапу, показали часовым наши паспорта, и я ступил на русскую землю.

— «Интерклуб»? — спросил я, и они неопределенно махнули туда, где во мгле терялись железнодорожные рельсы. Лица их хранили все то же непроницаемое выражение, и мне пришло в голову, что из всех русских, с которыми мне уже довелось познакомиться, только они ни разу не улыбнулись. И я подумал, а почему, собственно?

На кранах горели прожектора, и мы видели, что у нас под ногами. Но продвигались медленно, кружа по лабиринту складских зданий, кранов и товарных вагонов, а пристань уходила и уходила вперед — казалось, ей конца не будет. Меня сжигало нетерпение.

— Послушайте, город — вот же он! — воскликнул я и кивнул на высокий забор, окружавший территорию порта. — Наверняка тут имеется какая-нибудь калитка.

Капитан покачал головой.

— Вряд ли. Там дальше есть ворота. Через них мы и выйдем.

Я считаю себя законопослушным членом общества, но порой на меня что-то находит. Вот и теперь я упрямо решил поискать дорогу покороче.

Почти ощупью обогнув вереницу вагонов, я принялся исследовать взглядом смутное протяжение забора, как вдруг из мрака на меня кинулся громадный пес. Что-то в нем было от немецкой овчарки, и неся он на меня со свирепым лаем. Я мельком увидел оскаленные белые клыки, но для более подробного осмотра задерживаться не стал, а рванулся назад, развив завидную скорость, тут же споткнулся о рельс и растянулся на земле.

«Конец!» — мелькнуло у меня в голове. Не стану сочинять, будто вся моя жизнь мгновенно пронеслась перед моим умственным взором, но, бесспорно, нелепость ситуации предстала передо мной с пронзительной ясностью: сейчас я, Джеймс Хэрриот, йоркширский ветеринар, питающий особую слабость к собакам, буду разорван на клочки собакой же позади товарного вагона в вечерней темноте русского порта!

Вот сейчас мои кости хрустнут... Но тут пес глухо рыкнул и, вывернув шею, я увидел, что он почти повис на конце туго натянувшейся цепи. Попавшие в луч прожектора грозные клыки сверкнули, смыкаясь в двух-трех дюймах от моей щиколотки.

Я поспешно отполз в том направлении, где дожидался капитан. Куда девалось его обычное олимпийское спокойствие! Он подхватил меня под локоть, помог встать и повел туда, где, по его словам, находились ворота.

С трудом переводя дух, я подумал, что надолго запомню этот первый полученный мною здесь урок: не шастай по темным углам в России, ходи, как все люди ходят.

У ворот я невольно улыбнулся по своему адресу, хотя нервная дрожь от встречи со злобным сторожем еще не совсем улеглась. В ярко освещенной проходной стояли солдаты, другие солдаты за стеклянной перегородкой внимательно проверили в окошечке наши паспорта, оглядывая нас с головы до ног. Да, пожалуй, спрямлять дорогу не имело смысла... Я в последний раз оглянулся на бесконечное протяжение пристани у себя за спиной: сколько еще четвероногих людоедов прячется в густой тени этого забора?

На улице мы спросили какого-то молодого человека в неизбежной светлой фуражке, как пройти к «Интерклубу», и он любезно проводил нас до самых дверей, где вежливо потряс нам на прощание руки.

Клуб оказался очень уютным, а кое в чем прямо-таки роскошным. Русское время на два часа опережает наше, и, собственно говоря, наступила уже глубокая ночь, тем не менее невысокий распорядитель принял нас с распростертыми объятиями.

Капитан объяснил ему по-немецки, кто мы и откуда, а он кивал и сиял улыбкой, словно после долгой разлуки встретился с любимыми братьями.

Он во что бы то ни стало пожелал показать нам клуб и водил нас из помещения в помещение, приговаривая «плиз!», «плиз!» — слово, которым часто пользовались буквально все, с кем мне пришлось в этот день соприкоснуться.

Мы покорно осмотрели небольшой кинозал, бальный зал, бар и бильярдную, где несколько молодых матросов, говоривших по-немецки, энергично гоняли шары.

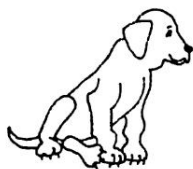
Наш гид затем повел нас в библиотеку-читальню, где лежали газеты на всех языках. Я бросился к английским полкам в надежде узнать последние новости. Однако там нашлась только подшивка «Дейли уоркер», причем последний номер был двухнедельной давности. Я грустно знакомился с перипетиями давнишней встречи футбольных сборных Англии и Уэльса, когда распорядитель, улыбаясь уж совсем ослепительно, принялся нагружать меня книгами и брошюрами на английском языке.

Все книги были прекрасно изданы, и одна — «Хрущев в США» — обошлась бы тому, кто пожелал бы купить ее в Англии, в весьма порядочную сумму. Кроме того, я стал обладателем диафильма, посвященного тому же визиту, и красивого значка, который припрятал для Розы.

Мы попрощались в атмосфере самой теплой доброжелательно-

сти, и на улице, глядя на сумрачные старые дома вокруг, я вдруг поразился их контрасту с «Интерклубом».

Когда я в эту ночь кончил писать дневник, у меня в голове оставались только две мысли: спать я буду в неподвижной постели, день же выдался на редкость насыщенный.

— А это Золотинка,— сказала сестра Роза.— Вот ее-то я и хочу, чтобы вы посмотрели.

Я взглянул на светлые, почти медового цвета уши и бока.

— Нетрудно догадаться, почему вы ее так называли. Бьюсь об заклад, на солнце она, наверное, горит золотым огнем.

Сестра Роза засмеялась.

— Да, я действительно увидела ее в солнечный день, и кличка родилась сама собой.— Она бросила на меня лукавый взгляд.— Вы же знаете, с чем-чем, а с кличками у меня заминок не бывает.

— Не спорю,— ответил я весело. Это была наша с ней особая шутка. Сестра Роза очень удачно придумывала клички для бездомных и брошенных собак, которые находили приют в конурах позади ее дома. Чтобы прокормить их, она организовывала небольшие собачьи выставки и дешевые распродажи, а также щедро тратила на них собственные деньги. И не только деньги, но и весь свой досуг, которого у медицинской сестры, самоотверженно ухаживающей за больными людьми, не так уж много. Собственно говоря, я часто спрашивал себя, как она выкраивает время, чтобы опекать животных. Это для меня так и осталось тайной, но я глубоко восхищался сестрой Розой.

— А откуда она?

Ответом мне было пожатие плеч.

— Бродила по улицам в Хебблтоне. Никто там ее прежде не видел и в полиции о ней справки не наводил. Несомненно, ее бросили.

Во мне поднялся знакомый удушливый гнев.

— Как у них духа хватило! Такая красивая собака! Взяли да и выгнали — пусть сама о себе заботится?

— Знаете, у подобных людей находят самые поразительные причины. Ну, а у Золотинки, видимо, началась какая-то кожная болезнь. Возможно, они испугались.

— Но могли бы хоть ветеринару ее показать! — буркнул я и открыл дверь вольера.

Вокруг пальцев я обнаружил залысинки и присел на корточ-ки, а Золотинка, воспользовавшись случаем, лизнула меня в щеку

и завиляла хвостом. Я посмотрел на ее висячие уши, крутой лоб и такие доверчивые глаза.

— Морда охотничьей собаки,— сказал я.— Но все остальное? По-вашему, какой она породы?

Сестра Роза засмеялась.

— Настоящий кроссворд! Вообще-то я наловчилась отгадывать, но Золотинка поставила меня в полный тупик. Пожалуй, фокстерьерша сбилась с пути добродетели и завязала роман с лабрадором или далматином, но точнее утверждать не берусь.

Не взялся бы и я. Туловище все в коричневых, черных и белых пятнах... форма не как у охотничьих собак, лапы широкие, хвост длинный, тонкий и ни на секунду не остается в покое, а шерсть повсюду отликает золотом.

— Что ж,— заметил я,— каких бы она кровей ни была, но симпатяга большая и характер веселый.

— Конечно, она прелесть. Найти для нее хороших хозяев будет легко. Красавица и умница. А какого она, по-вашему, возраста?

Я улыбнулся.

— Точно это определить невозможно, но вид у нее еще щенячий.— Я раскрыл ей пасть и посмотрел на два ряда перламутровых зубов.— Месяцев девять-десять. Да, просто крупный щенок.

— Вот и мне так казалось. Когда вырастет, будет прямо великаншей.

Словно в подтверждение молоденькая сучка встала на задние лапы, а передние положила мне на грудь. Я совсем близко увидел смеющуюся пасть, милые глаза.

— Золотинка,— сказал я,— а ты мне очень нравишься.

— Я ужасно рада! — воскликнула сестра Роза.— Надо побыстрее привести ее кожу в порядок, и я сразу ее куда-нибудь пристрою. Это ведь просто экзема, верно?

— Не исключено... не исключено... Проплешинки есть и возле глаз, и на морде.

Кожные болезни собак, как и людей, очень коварны. И происхождение их часто бывает неясным, и лечению они поддаются трудно. Я потрогал проплешинки. Эта комбинация — лапы-морда — меня не слишком порадовала, но кожа была сухой и неповрежденной. Возможно, и правда пустяки. Я загнал в глубину сознания жутковатый призрак. Нет, об этом я и думать не хочу, а уж тревожить сестру Розу и подавно. У нее и так забот полно.

— Да, вероятно, экзема,— заключил я.— Втирайте мазь лучше утром и вечером.— Я протянул ей баночку цинковой мази с ланолином. Пусть немножко старомодное средство, но оно неплохо мне служило и в сочетании с хорошим кормом, которого сестра Роза, уж конечно, для нее не пожалеет, должно было дать результаты.

Две недели прошло без известий о Золотинке, и у меня отлегло от сердца. Приятно было думать, что возможно, она уже обрела дом у хороших людей, которые ее любят.

Но тут звонок сестры Розы положил конец моей эйфории.
— Мистер Хэрриот, проплешины не исчезают. Они разрастаются.

— Да? Где?

— По ногам и по морде.

Призрак, гримасничая и жестикулируя, вырвался из своего заточения.

— Сейчас приеду,— сказал я и по дороге к машине захватил микроскоп.

Золотинка приветствовала меня точно так же, как в прошлый раз, бурно виляя хвостом и улыбаясь во всю пасть, но я видел только лысины на морде и обнажившуюся кожу на ногах.

Притянув Золотинку к себе, я обнюхал проплешины.

Сестра Роза посмотрела на меня с недоумением.

— Что вы делаете?

— Проверяю, есть ли мышинный запах.

— Мышинный запах? И он есть?

— Да.

— А что он означает?

— Паршу.

— Боже мой! — Она прижала ладонь ко рту. — Это же очень плохо, ведь так? — Затем характерным движением расправила плечи. — Ну, с паршой мне уже приходилось иметь дело, и я справлюсь. Серные промывания быстро с ней покончат. Однако могут перезаразиться остальные собаки. Вот в чем беда.

Я опустил Золотинку на землю и выпрямился, испытывая противную слабость.

— Да, но боюсь, сестра Роза, что это гораздо серьезней той парши, о которой вы думаете.

— Хуже? В каком смысле?

— Общая картина указывает на железничную чесотку. Демодекоз*.

Она кивнула.

— Я что-то про него слышала. И это много серьезней?

— Да... — Я решил сказать всю правду. — Очень часто демодекоз неизлечим.

— Господи! А мне и в голову не приходило... Она же почти не чесалась, и я была за нее спокойна.

— В том-то и дело,— сказал я с горечью. — При парше собаки чешутся, не переставая, и мы ее вылечиваем, но демодекоз, с которым мы справиться не можем, их словно бы и не очень беспокоит.

Я уже не мог заклясть призрак. Вот именно,— призрак, ведь кожные болезни всегда были моим пугалом. Сколько прекрас-

---

* Демодекоз — заразная болезнь собак, свиней, крупного рогатого скота, вызываемая клещами (демодецидами), паразитирующими в толще кожи.—
Прим. ред.

ных собак приходилось усыплять после долгого и безрезультатного лечения!

Я достал из багажника микроскоп.

— Но, может быть, я несколько поторопился с выводами. От души надеюсь, что это так. Сейчас проверим.

Я взял переднюю левую ногу Золотинки, сдвинул пальцами проплешины и поскреб по ней скальпелем. Соскоб я нанес на предметное стекло, добавил несколько капель гидроокиси калия и придравил покровным стеклом.

Пока я ждал, сестра Роза угостила меня чашечкой кофе, а потом я поставил микроскоп так, чтобы на него падало побольше света из кухонного окна, и посмотрел в окуляр. Вот они! Внутри у меня все сжалось: я увидел то, чего не хотел увидеть. Страшная железница — клещ *Demodex canis*: головка, грудные сегменты с четырьмя парами коротких, словно обрубленных, ножек, длинное сигарообразное брюшко. И если бы только один! Но все поле зрения просто кишело клещами.

— Ничего не поделаешь, сестра Роза,— пробормотал я.— Ошибки быть не может. Как ни грустно.

У нее жалко искривились губы.

— Но... неужели ничего нельзя сделать?

— Можно. И мы попробуем. Сделаем все, что в наших силах. Золотинка того стоит. В любом случае пока особенно не тревожьтесь. Мне несколько раз удавалось излечить демодекоз. Одно средство у меня против него есть.— Я пошел к машине и порылся в багажнике.— Вот оно. «Одилен».— Я показал ей жестянку.— И вот, как его применяют.

Втирать мазь в проплешины было непросто, потому что Золотинка отчаянно виляла хвостом и лизалась. Но наконец я обработал их все и сказал:

— Втирать надо каждый день. Через неделю сообщите мне, что и как. Иногда «Одилен» дает отличные результаты.

Сестра Роза выставила подбородок с решимостью, которая уже спасла столько собак.

— Конечно, я все сделаю. И уверена, мы ее вылечим. Ведь поражение вроде бы небольшое?

Я промолчал, и она продолжала:

— Но другие собаки? Они не заразятся?

Я покачал головой.

— Как ни странно, демодекозом другие животные заражаются крайне редко. В отличие от парши. Тут вы можете быть спокойны.

— Спасибо и на этом. Но в таком случае, каким образом собака вообще заболевает?

— Точно неизвестно,— ответил я.— Мы довольно твердо знаем, что какое-то количество клещей, по-видимому, паразитирует в коже всех собак, но, почему у одних они вызывают болезнь, а у других — нет, пока еще не объяснено. Может быть, тут замешана

наследственность — иногда демодекозом болевают несколько щенков одного помета. Загадочная болезнь.

Я уехал, оставив сестре Розе жестянку с «Одиленом». Оставалось только надеяться, что вопреки моему прошлому опыту дальнейшая судьба Золотинки явится исключением, а не правилом.

Сестра Роза позвонила еще до истечения недели. Она втирает мазь регулярно, но облысение прогрессирует.

Я тотчас поехал к ней, и мои худшие опасения подтвердились, едва я взглянул на морду Золотинки, совсем изуродованную проплешинами. Мне стало особенно больно, когда я вспомнил, какой красавицей увидел ее в первый раз. Хвостом она виляла по-прежнему весело, но от этого становилось только тяжелее на душе.

Я прикинул, какие еще меры можно принять, и сделал ей инъекцию противостафилококковой вакцины, поскольку подкожное поражение стафилококками препятствовало бы выздоровлению. Начал я и курс лечения фаулеровским раствором мышьяка, популярным в ту пору средством от кожных заболеваний.

Миновало десять дней, я вновь начал надеяться на благополучный исход и, когда перед завтраком позвонила сестра Роза, испытал особенно горькое разочарование. Дрогнувшим голосом она сказала:

— Мистер Хэрриот, ей становится все хуже. Ни от чего никакой пользы нет. Я начинаю думать, что...

— Хорошо! — Я перебил ее на полуфразе. — Через час приеду. И не падайте духом. В таких случаях лечение иногда длится месяцами.

По дороге в собачий приют я думал, что слова мои были утешительной ложью. Чем я мог их подкрепить? Но как-то поддержать в ней надежду было необходимо, потому что сестра Роза всегда тяжело переживала, если собаку приходилось усыплять. Из сотен их, побывавших в ее руках, ей не удалось вызволить какой-нибудь десяток — одряхлевшие животные с хроническим сердечным или почечным заболеванием, молодые с тяжелой формой чумы... А за всех остальных она боролась, пока они не выздоравливали полностью и не обретали новый дом. Но думал я не только о ней, мне самому претила мысль о том, чтобы убить Золотинку. Чем-то она меня совсем покорила.

Однако я не представлял себе, как поступлю, и первые мои слова, когда я вылез из машины, немножко удивили и меня самого.

— Сестра Роза, я приехал забрать Золотинку к себе домой. Тогда я смогу заниматься ее лечением каждый день. А у вас хватает хлопот с другими собаками. Я знаю, что вы делали все, что от вас зависело, но лучше, если она будет под моим постоянным надзором.

— Но... вы же очень заняты. Как вы выкроите время?

— А вечера на что? И каждую свободную минуту я тоже смогу уделять ей. Таким образом, я буду следить за течением болезни

непрерывно. А вылечить Золотинку я намерен твердо.

На обратном пути я только дивился своей решимости. На протяжении моей профессиональной жизни я не раз испытывал непреодолимую потребность вернуть здоровье животному, но никогда еще она не была столь сильной. А Золотинка по-щенячьи радовалась поездке в машине. Это представлялось ей увлекательной игрой — как почти и все остальное, что с ней случилось. Она егизила на сиденье, лизала мне ухо, ставила лапы на приборную доску, с любопытством смотрела перед собой. Я взглянул на ее счастливую морду, обезображенную болезнью, вымазанную в одилене, и стукнул кулаком по баранке. Демодекоз — адская штука, но на этот раз он отступит!

Так начался особый эпизод в моей жизни, который сохраняется в моей памяти так ярко, словно все происходило вчера, а не тридцать с лишним лет назад. У нас не было помещения для больных собак — в те дни редко у какого ветеринара оно нашлось бы, но я устроил ей удобную квартиру в пустующей конюшне, отгородив стойло листом фанеры и устлав его соломой. Конюшня, хотя и старая, отличалась добротностью постройки и хорошо сохраняла тепло. Сквозняки Золотинке там не угрожали.

Хелен я ни во что посвящать не стал. Я помнил, как она гревала, расставаясь с котом Оскаром, которого мы приютили, а потом вынуждены были вернуть законным владельцам. Перед обаянием Золотинки она, конечно, не устояла бы. Но про себя я забыл. Ни один ветеринар долго не выдержит, если будет принимать судьбу каждого своего пациента слишком близко к сердцу. А я и опомниться не успел, как Золотинка стала мне по-особому дорога.

Я же не только ее лечил, но сам кормил, сам менял соломенную подстилку. Я заглядывал к ней в течение дня, как мог чаще, однако в моих воспоминаниях вижу ее только в ночной темноте. Тогда, на исходе ноября, темнело уже в начале пятого, и, возвращаясь домой после вечерней возни в тускло освещенных коровниках, я всегда разворачивал машину во дворе Скелдейл-Хауса так, чтобы лучи фар были направлены на конюшню.

Когда я открывал дверь, Золотинка всегда уже ждала, чтобы поздороваться со мной. Передними лапами она опиралась на фанеру, и желтые уши поблескивали в ярком луче. Характер у нее нисколько не изменился, и ее хвост бодро вилял все время, пока я проделывал с ней штуки, одна неприятнее другой: втирал мазь в нежную кожу, вводил антистафилококковую вакцину, брал соскобы.

Шли дни, недели, а улучшения не наступало, и я все больше поддавался отчаянию. Устраивал ей серные и деррисовые ванны, хотя по прошлому опыту знал, что тут они бесполезны, перепробовал и множество патентованных средств. В ветеринарии любое стойкое заболевание порождает сотни шарлатанских снадобий, и я потерял счет шампуням и примочкам, которые лил на бедняжку в

нелепой надежде, что в каком-то зелье все-таки вопреки моему в них неверию обнаружится некое магическое свойство.

Эти вечерние процедуры в свете фар стали неотъемлемой частью моей жизни, и, быть может, я продолжал бы свои слепые поиски еще очень долго, если бы в одну очень темную ночь, когда по булыжнику двора стучал дождь, я вдруг не увидел Золотинку словно заново.

Болезнь распространилась на все тело, лишь кое-где оставив неряшливые клочья шерсти. Длинные уши уже не золотились — они были лысыми, как вся морда, вся голова. Голая кожа повсюду загрубела, стала морщинистой, синеватой. И стоило на нее нажать, как пальцы становились влажными от лимфы и гноя.

Я тяжело опустился на солому, а Золотинка прыгала вокруг меня, лизалась, виляла хвостом. Несмотря на свое жуткое состояние, она еще сохраняла солнечный характер.

Но дальше так продолжаться не могло. Я понял, что мы с ней достигли конца пути. пытаюсь собраться с мыслями, я поглаживал ее голову. Веселые глаза на изуродованной морде производили мучительное впечатление. Мне было тоскливо по многим причинам: я очень к ней привязался, я не сумел ей помочь, в мире у нее не было никого, кроме меня и сестры Розы... И как я скажу правду этой доброй душе после всех моих заверений?

Собрался я с духом позвонить ей только на следующий день после обеда. Стараясь сохранить спокойный тон, я был даже резок.

— Сестра Роза,— начал я.— Боюсь, Золотинке помочь нельзя. Я перепробовал все, но ее состояние непрерывно ухудшается. По моему, наиболее правильным будет усыпить ее.

Судя по голосу сестры Розы, она была совсем убита.

— Но... Как ужасно! Из-за кожной болезни?

— Да, конечно, на первый взгляд ее можно счесть безобидной. Но, поверьте, это ужасная вещь. В наиболее тяжелой форме демодекоз обрекает животное на непрерывные мучения. Золотинке и сейчас уже не слишком хорошо, а скоро начнутся боли... Мы не должны этого допустить.

— А... Я верю вам, мистер Хэрриот, и знаю, что, не будь настоящей необходимости, вы не стали бы... — Наступила долгая пауза, и я понял, что она старается взять себя в руки. Когда она снова заговорила, голос у нее не дрожал.— Мне бы хотелось заехать повидать ее, когда я сменюсь с дежурства.

— Не стоит,— сказал я мягко.— Лучше не надо.

После новой долгой паузы сестра Роза сказала:

— Хорошо, мистер Хэрриот. Как вы считаете нужным.

Тут меня срочно вызвали, и до вечера думать о посторонних вещах мне было некогда. Нет, конечно, я все время помнил, что предстоит, когда я вернусь домой, но все-таки работа служила надежным отвлечением.

Как всегда, когда я въехал во двор и распахнул дверь конюшни, вокруг все было окутано густым мраком. И как всегда,

Золотинка приветствовала меня, озаренная светом фар: лапы на фанере, хвост машет так, что все туловище извивается, пасть растянута в улыбку.

Я заранее сунул в карман снотворное и шприц. Долгое время я гладил Золотинку, разговаривал с ней, а она в полном восторге прыгала вокруг. Потом я наполнил шприц.

— Ну-ка, девочка, сядь! — приказал я, и она послушно усе-лась на задние лапы. Я ухватил правую переднюю ногу и пережал лучевую вену. Выстригать шерсть нужды не было — нога давно уже полностью облысела. Золотинка посматривала на меня с любопытством: что это еще за новую игру я затеваю?

Игла вошла в вену, и я вдруг сообразил, что могу не произвести обычных в таких случаях фраз: «Она ничего не почувствует», «Это просто большая доза снотворного», «Конец все равно неизбежен, зато она избавится от лишних страданий». Рядом не стоял расстроенный хозяин. Мы были с ней тут одни.

— Умница, Золотинка, умница,— пробормотал я, а она медленно опустилась на солону, и мне почудилось, что мои слова подействовали, что она так и ушла в небытие веселой, и этот ее последний приют уже не станет пыточной камерой.

Я вышел из стойла, погасил фары, и холодная тьма во дворе показалась мне неизменно тоскливой. После долгих недель упорной борьбы сознание неудачи, ощущение утраты были на редкость остры... Но ведь я все-таки избавил Золотинку от долгой агонии, от внутренних абсцессов и септицемии, неизбежно поджидающих собаку с неизлечимой формой демодекоза.

Тяжесть на душе не оставляла меня еще очень долго, а следы ее сохраняются и теперь, столько лет спустя. Ведь трагедия Золотинки заключалась в том, что она родилась слишком рано. Нынче мы почти всегда побеждаем демодекоз, проводя долгий курс лечения органофосфатами и антибиотиками. Но ничего этого не существовало тогда, когда я пытался найти хоть какое-то целебное средство.

Нет, демодекоз и теперь остается страшным заболеванием, но в последние годы мы не раз боролись с ним нашим современным оружием и почти всегда выходили победителями. Я знаю в Дар-роуби несколько прекрасных собак, которые благополучно перенесли демодекоз, и когда я вижу их на улице — здоровых, щеголяющих пушистой шерстью, перед моими глазами всплывает образ Золотинки. И всегда это ночь, и всегда ее освещают лучи фар.

— Нет, вы только посмотрите! — воскликнул фермер.

— На что?

Я «чистил» корову, то есть удалял послед, и моя рука была погружена в глубины матки. Повернув голову, я увидел, что

он указывает на пол между ногами моей пациентки — из вымени на бетон лились четыре белые струйки.

Фермер ухмыльнулся.

— Странное дело, а?

— Да нет, — ответил я. — Просто рефлекторная реакция на движения моей руки. Раздражение передается в мозг к железе, которая управляет выделением молока. Когда я чищу коров, они часто вот так сбрасывают молоко.

— Это надо же! — Фермер рассмеялся. — Так вы бы поторопились, а не то придется вам скостить со счета цену пинты-другой парного молока.

Было это в 1947 году, в очень снежную зиму. Никогда ни раньше, ни позже я не видывал таких сугробов, и любопытно, что зима, собственно, очень заюдала. В ноябре не выпало ни снежинки, и рождество мы праздновали зеленое. Но затем температура начала постепенно понижаться. Весь январь дул северо-восточный ветер — прямо из Арктики. Обычно уже через несколько дней он приносил снег, и становилось теплее. Но не в 1947 году.

Каждый день мы говорили, что холоднее уже стать не может, — и ошибались. Но вот в последнюю январскую неделю в ветре начали кружиться редкие снежинки — такие мелкие, что их трудно было разглядеть, однако они оказались лишь предвестниками. С наступлением февраля повалил густой снег, пухлые хлопья сыпались и сыпались на землю, казалось, этому не будет конца.

Снег шел неделю за неделей, то повисая над землей чуть колышущейся завесой, беспощадно погребавшей в сугробах знакомые ориентиры, то закручиваясь в яростных вихрях бурана. А мороз превращал спрессованный снег на дорогах в каток, и моя машина ползла по нему со скоростью пятнадцати миль в час.

Длинный сад Скелдейл-Хауса укрылся толстым белым одеялом, и вдоль ограды там был прорыт единственный туннель — каждый день я с грехом пополам пробирался по нему во двор к машине.

Двор тоже приходилось расчищать каждый день, а открыть тяжелые створки ворот удавалось только ценой нечеловеческих усилий. В один прекрасный день я оставил их открытыми и вечером обнаружил, что створки накрепко вмерзли и оледеневший снег. Я только рукой махнул, и они так и простояли открытыми до весны.

По вызовам мы теперь больше ходили пешком, потому что про-

селки почти повсюду превратились в сплошные сугробы между замаскированными стенками. До многих ферм выше в холмах мы вообще добраться не могли — обстоятельство довольно грустное, так как отсутствие ветеринарной помощи, возможно, приводило к напрасной гибели многих заболевших животных. Примерно в середине марта, когда продовольствие на эти дальние фермы доставляли вертолеты, мне позвонил Берт Кили, один из тех, кто находился вне пределов досягаемости. Вересковая пустошь в высоких холмах, где он жил, и летом-то была унылым и пустынным местом, но уж теперь!..

Я удивился, услышав его голос.

— Берт? А я думал, что ваши телефонные провода давно со-
рвало!

— Да нет, покуда целы, бог их знает, почему.— Как всегда, молодой фермер говорил бодро. У него на верхних склонах паслось небольшое стадо, и он, подобно многим и многим, кое-как добывал пропитание из скудной земли.

— Но у меня беда,— продолжал он.— Полли только что опоросилась, а молоко не идет.

— Грустно слышать,— сказал я. (Полли была единственной свиноматкой на его ферме.)

— Да уж, скверно. Конечно, и поросят потерять жалко — их двенадцать, один другого лучше,— но вот Тесс как?

— Да... да...— Я тоже подумал о Тесс, восьмилетней дочке Берта, обожавшей поросят. Собственно, это она упросила Берта купить ей в подарок на день рождения свинью, чтобы у нее были собственные поросята. Мне вспомнилась сияющая мордочка Тесс, когда она повела меня посмотреть, что ей подарил папа.

— Это Полли-Свинка,— объявила она, гордо показывая на свинью в загоне, которая рылась пяточком в соломенной подстилке.— Она совсем моя. Мне ее папа подарил.

Я наклонился над загородкой.

— Да, я слышал. Ну, тебе повезло. Свинья отличная.

— Самая лучшая на свете! — девочка радостно улыбнулась.— Я каждый день ее кормлю, и она позволяет мне себя гладить. Она такая милая.

— Согласен. Вид у нее очень милый.

— Ага! И знаете, что? — Тесс даже нахмурилась и заговорила понизив голос.— У нее в марте будут маленькие.

— Подумать только! — воскликнул я.— Неужели? Ну, значит, тебе придется ухаживать за десятком розовых поросят. Вот так-сеньких.— И я показал на свою ладонь.

От восторга Тесс даже онемела, расплылась в блаженной улыбке, уцепилась за край перегородки и начала прыгать.

Эта картина и возникла у меня перед глазами, пока я слушал Берта Кили.

— А нет ли у нее мастита, Берт? Вымя покраснело и распухло? Она плохо ест?

— Да нет. Ест за четверых, а вымя выглядит нормально.

— Ну, так это просто типичный случай агалактии. Инъекция питуитрина сразу все наладит. Но вот только, как ее сделать? До вас ведь уже несколько недель невозможно добраться.

Заставить йоркширского фермера признать, что погода отрезала его ферму от всего мира, дело нелегкое, но обстоятельства были против Берта, и ему пришлось согласиться.

— Оно так. Я свою дорогу расчищаю да расчищаю, а ее снова заваливает. Ну и расчистил бы, так толку чуть — шоссе на две мили все под сугробами.

Я задумался.

— А коровьим молоком вы поросят подкормить не пробовали? Яйцо, разболтанное в кварте молока, куда добавлена чайная ложка глюкозы, вполне заменит им материнское молоко. А глюкоза у вас должна быть. Помните, вы ее давали телятам с поносом?

— Пробовал уже, — ответил Берт. — Налил в форму из-под пудинга и совал их туда рылом. Но не пьют, стервецы. Вот пососали бы мамку да разок напились досыта, так и это пошло им бы по вкусу пришлось. Поняли бы, что к чему.

Он был абсолютно прав. Роль первых глотков материнского молока невозможно переоценить. Без них у поросят быстро втянутся животишки, и они один за другим передохнут.

— Похоже, всем им конец, — буркнул Берт. — Что я Тесс скажу? Она же все глаза выплачет.

Я постучал пальцами по трубке. Мне пришла в голову одна мысль.

— Может быть, вот что, — медленно произнес я. — До вершины Деннор-Банка я могу добраться на машине, шоссе там расчищено. А оттуда до вашей фермы дорога ровная, так я на лыжах добегу.

— На лыжах?

— Да, я теперь часто на них бегаю. Правда, поближе, чем на вашу ферму. И не знаю, сумею ли. Но попробую.

— Черт! Буду вам очень благодарен, мистер Хэрриот. Я все о дочке думаю.

— И я тоже, Берт. Ну, попытаюсь. Сейчас и поеду.

На вершине Деннор-Банка я прижал машину, как мог ближе, к белой стене, обтесанной снегоочистителями, вылез и надел лыжи. Должен покаяться, я уже воображал себя бывалым лыжником. У всякой медали есть обратная сторона, и надолго легший снеговой покров надежно окутал немало удобных пологих склонов. С десятком других энтузиастов я при каждом удобном случае отправлялся кататься с них и, летя вниз в морозном воздухе, испытывал редкое удовольствие. Я даже купил руководство и считал, что приобрел немалую сноровку.

С собой мне не надо было ничего брать, кроме флакона с питуитрином и шприца. Их я сунул в карман.

Обычно отсюда на ферму Кили мили две я ехал по совершенно прямому проселку, затем сворачивал вправо на дорогу, которая ве-

ла в деревушку Брандерли, расположенную у вершины холма. Ферма Берта находилась в уединенном месте примерно на полпути туда.

Однако нынче у меня возникло ощущение, будто я очутился тут впервые, а вовсе не в сотый раз. Каменные стенки совсем ушли под снег и вместо полей и дорог, куда ни кинь взгляд, простиралась сплошная белая скатерть, над которой кое-где торчали верхушки телеграфных столбов. Даже жутко становилось.

Без лыж, я, конечно, с головой провалился бы в первый же сугроб. И меня кольнуло беспокойство. Но ведь я обещал! К тому же можно пойти напрямик, срезая угол. Так сказать, по гипотенузе. Ведь ферма должна лежать вон там, в ложине, у темного горизонта.

Боюсь, этот эпизод не делает мне особой чести. Едва я одолел по-любительски примерно полмили, как снова пошел снег. Нет, это была не выюга, но тем не менее вокруг меня словно задержались белые занавески, скрывая окружающий мир. Идти дальше не имело смысла, так как я попросту не знал куда. В круговерти хлопьев чувство направления совсем мне изменило. Не скрою, я перепугался. Прищулив глаза, я застыл на месте в холодной пустоте и пытался вообразить, что со мной будет, если в ближайшие минуты не развиднеется. Собственно говоря, я задумываюсь об этом даже теперь. Ведь мне ничего не стоило сбиться с пути, а вокруг на десяток миль практически не было никакого жилья.

Но вопрос этот остался навсегда без ответа, потому что снег вдруг прекратил валить, я с бьющимся сердцем посмотрел по сторонам и с неизъяснимым облегчением увидел в белой дали темный мазок — крышу моей машины. Я заскользил к ней с быстротой, не посрамившей бы и чемпиона Белой Олимпиады, и вглядывался в свой путеводный знак с таким напряжением, что глаза на лоб полезли.

Я бросил лыжи на заднее сиденье, радостно включил мотор и покатил вниз с Деннор-Банка, но пульс у меня стал более или менее нормальным, только когда я уже почти добрался до Дар-руби.

— Берт,— сказал я в телефонную трубку.— Мне страшно жаль, но я не сумел до вас добраться. Попал в снегопад и должен был повернуть назад.

— И правильно сделали. У меня сердце не на месте было. Тут ведь не один человек с пути сбивался, да и замерзал в метель-то. Я уж ругал себя, что сразу вас не отговорил.

Он помолчал и добавил уныло:

— Был бы какой ни есть другой способ, чтобы у Полли молоко пошло!

При его словах в моей памяти вдруг вспыхнула картина: я удаляю послед, а в пол бьют четыре белые струи. И... да-да! Когда обследуешь матку у свиньи, происходит то же самое.

— Способ-то есть,— брякнул я.

— Это какой же?

— Берт, вам доводилось залезать в свинью?

— А?

— Ну, ощупывать ее изнутри?

— Э... Поросячью постельку, что ли?

— Именно.

— Нет уж. Ваша такая профессия, а мне-то зачем?

— А вот вы попробуйте. Возьмите теплой воды, мыло...

— Погодите, мистер Хэрриот. Поросят в ней не осталось, это я вам точно говорю.

— Знаю, Берт, но сделайте по-моему. Руку намыльте как следует, до плеча, и если есть у вас дома что-нибудь обеззараживающее, обязательно добавьте его к воде. Затем вводите руку, пока не доберетесь до шейки. Она ведь только что опоросилась, значит, шейка еще открыта. Введите палец внутрь и немножко пощекочите поросячью постельку.

— А, черт, не нравится мне это. И чего ради?

— Очень часто в результате начинает идти молоко. Вот ради чего. Ну, беритесь за дело.

Я повесил трубку и пошел обедать. Джимми по обыкновению засыпал меня вопросами, но отвечал я рассеянно, и Хелен все чаще на меня поглядывала. Она догадывалась, что меня что-то расстроило и, конечно, нисколько не удивилась, когда на звонок телефона я сорвался со стула, как ошпаренный.

Звонил Берт. Он словно бы никак не мог отдышаться, но в его голосе звучало торжество.

— Подействовало, мистер Хэрриот! Я пощекотал, как вы вели, а потом потрогал соски. Еще минуту назад все были сухие, а тут молоко сразу брызнуло. Прямо колдовство!

— А поросята сосут?

— Спрашиваете! Они друг друга знай отпихивали, да без толку, а тут улеглись рядком и сосут, стараются. Смотреть приятно.

— Вот и чудесно! — сказал я. — Только победу праздновать рано. Конечно, очень хорошо, что они все-таки напились материнского молока, но оно почти наверное перестанет идти к утру, а то и нынче вечером. Придется вам тогда снова ее пощекотать.

— Будь оно неладно! — Радость в голосе Берта заметно поугасла. — А я уж думал, конец делу.

Бедняге пришлось проделать эту непривычную процедуру несколько раз. Собственно говоря, молоко у Полли так нормально и не пошло, но поросята все-таки получали необходимую пищу, пока не перешли на искусственное кормление. Ни один не погиб.

Снежные заносы 1947 года оказались прологом к великолепно-му лету, однако в конце апреля верхние склоны все еще были искривлены белыми полосами вдоль стенок, выступавших над зеленеющим дерном, словно ребра гигантского зверя. Дороги, впрочем, освободились полностью, и когда Берт вызвал меня к заболевшей

телке, я добрался до фермы без всяких приключений.

Едва я кончил возиться с телкой, как Тесс потащила меня посмотреть на свою обожаемую Полли с семейством.

— Лапусики, правда? — спросила она, пока мы стояли у заго-родки, любуясь дюжиной толстеньких поросят, которые весело играли возле мамы.

— Правда, Тесс,— ответил я.— И ты, оказывается, свинарка хоть куда. Но, пожалуй, тебе надо сказать большое спасибо своему папе, что у тебя сразу все так хорошо получилось. Он потрудился на славу.

Берт усмехнулся довольно криво, и лицо у него болезненно сморщилось.

— Так-то так. И оно того стоило. Но чтоб я еще когда-нибудь... да ни за какие коврижки!

— Хелен, тебе нехорошо?

Я с тревогой взглянул на жену, которой словно бы никак не удавалось принять удобную позу. Мы с ней сидели на довольно дорогих местах в бротонском кинотеатре „Ла Скала“, и во мне нарастало убеждение, что занесло нас сюда совершенно напрасно.

Свои сомнения я высказал еще утром.

— Конечно, Хелен, это наш день отдыха, но не думаешь ли ты, что будет благоразумнее далеко от дома не уезжать: как-никак твоё время подошло.

— Нет, не думаю! — Хелен даже засмеялась при мысли, что мы вдруг откажемся от поездки в кино. И я ее понимал. Эти вечера давали нам необходимую передышку в нашей хлопотной жизни. Я спасался в кино от телефона, грязи, резиновых сапог, и Хелен тоже вырывалась из своего беличьего колеса — какое, например, блаженство съесть обед, который тебе подадут и который приготовила не ты, а кто-то другой.

— Нет, но все-таки,— не отступал я.— А вдруг возьмет, да и начнется? И нечего смеяться! Неужто ты хочешь, чтобы наш второй ребенок родился в магазине Смита или в машине на заднем сиденье?

Я вообще очень тревожился. Конечно, не как в те дни, когда вот-вот должен был родиться Джимми. Тогда я готовился стать военным летчиком и впал в совершенную прострацию, заметив поубавив в весе — отнюдь не только из-за интенсивных физических нагрузок. Над волнением будущих отцов принято подтрунивать, но я ничего смешного тут не нахожу. Словно бы я сам ожидал

ребенка: последнее время я постоянно трепыхался и глаз с Хелен не спускал, что очень ее забавляло. Я меньше всего йог, а за предыдущие двое суток напряжение стало почти невыносимым.

Но утром Хелен настояла на своем. Она не желала лишаться своего дня отдыха из-за каких-то пустяков, и вот теперь мы сидели в „Ла Скала“, и Хамфри Богарт тщетно пытался завладеть моим вниманием, а волнение мое все росло и росло, потому что моя жена продолжала ерзать на сиденье и порой вопросительно проводила ладонью по животу.

Я снова покосился на нее, и тут она вся дернулась, легонько застонав. Я сразу взмок — даже прежде, чем она наклонилась ко мне и шепнула:

— Джим, лучше уйдем.

Спотыкаясь в полутьме о вытянутые ноги, я в панике вел ее вверх по наклонному проходу, не сомневаясь, что все будет кончено, прежде чем мы доберемся до капельдинерши, чей фонарик светился в глубине зала.

Ах, с каким облегчением я вышел на улицу и увидел на расстоянии десятка шагов нашу маленькую машину! Мы тронулись, и я словно впервые заметил, как она трясется, подпрыгивает и гремит. В первый и в последний раз в жизни я пожалел, что езжу не на „роллс-ройсе“.

Двадцать пять миль до Дарроуби мы преодолели не менее чем за столетие. Хелен сидела возле меня очень тихо, лишь изредка закрывая глаза и судорожно вздыхая, а мое сердце выбивало дробь о ребра. Когда мы въехали в наш городок, я повернул направо.

Хелен удивленно на меня посмотрела.

— Куда ты едешь?

— К сестре Браун, а куда же?

— Какой ты глупый! Еще рано.

— Но... А ты откуда знаешь?

— Знаю — и все! — Хелен засмеялась. — Я ведь уже родила тебе сына, или ты забыл? Едем домой.

Вне себя от дурных предчувствий, я повернул к Скелдейл-Хаусу и только поражался спокойствию Хелен, пока мы поднимались по лестнице.

Так продолжалось и когда мы легли. Она несомненно испытывала боль, но стойко ее переносила и принимала неизбежное с такой безмятежной твердостью, какой я в себе не находил и в поmine.

Вероятно, я все-таки незаметно задремал, потому что было уже шесть утра, когда Хелен подергала меня за плечо.

— Пора, Джим, — сказала она деловито.

Я слетел с кровати, словно ее опрокинули, кое-как оделся и закрывал через лестничную площадку тете Люси — тетке Хелен, которая гостила у нас в ожидании этого события:

— Мы едем!

Из-за двери донесся ее голос:

— Хорошо. За Джимми я посижу.

Когда я вернулся в спальню, Хелен неторопливо одевалась.

— Джим, достань из шкафа чемоданчик,— попросила она. Я открыл шкаф.

— Чемоданчик?

— Ну да. Вон тот. Там мои ночные рубашки, зубная щетка, распашонки и вообще все, что мне может понадобиться. Неси его в машину.

Стиснув зубы, чтобы не застонать, я отнес чемоданчик в машину. В прошлый раз все это происходило в дни войны и без меня — к моему большому сожалению. Однако теперь я вдруг поймал себя на трусливой мыслишке, что, пожалуй, предпочел бы оказаться сейчас где-то совсем в другом месте.

Раннее майское утро было чудесным, воздух наполнился той свежестью наступающего дня, которая так часто успокаивала мое раздражение, когда я отправлялся по вызову ни свет ни заря, но нынче я вел машину, ничего вокруг не замечая.

Ехать нам было всего полмили, и через две-три минуты я уже затормозил перед Гринсайдским родильным домом. Название звучало солидно, если не величественно, однако было это лишь скромное жилище миссис Браун, дипломированной медицинской сестры, где в двух спальнях на втором этаже появлялась на свет значительная часть молодого поколения Дарроуби и его окрестностей.

Я постучал и толкнул дверь. Сестра Браун ласково мне улыбнулась, обняла Хелен за плечи и увела ее наверх. А я остался стоять в кухне, испытывая тоскливое ощущение одиночества и беспомощности, в которое ворвался бодрый голос:

— А, Джим! Утро-то какое!

Клифф, супруг сестры Браун, сидел за завтраком и поздоровался со мной небрежно, словно мы случайно встретились на улице. На его губах играла обычная добродушная улыбка, и я ожидал, что он сейчас вскочит, схватит меня за руку и произнесет что-то утешительное.

Однако он продолжал с аппетитом уничтожать яичницу с салом, сосиски и помидоры, наваленные грудой на его тарелку, и я сообразил, что изнывающие от тревоги мужья — зрелище для него самое привычное.

— Да... да... Клифф,— ответил я.— День, думаю, будет жаркий.

Он рассеянно кивнул, отодвинул очищенную тарелку к пустой миске со следами овсянки и принялся за хлеб с мармеладом. Сестра Браун, которая славилась не только как повитуха, но и как кулинарка, судя по всему, ревностно заботилась, чтобы ее муж, очень крупный мужчина, шофер грузовика, не упал бы в голодный обморок с утра пораньше.

Я глядел, как он обстоятельно накладывает толстый слой мар-

мелада на краюшку, и с замиранием сердца прислушивался к поскрипыванию половиц у себя над головой. Что происходит там, в спальне?

Видимо, заметив, что я принадлежу к типу наиболее беспокойных мужей, Клифф отложил краюшку и озарил меня особенно широкой улыбкой. Он был очень милым человеком, одним из самых приятных в нашем городке.

— Да не берите к сердцу, — сказал он мягко. — Все будет как надо.

Его слова слегка меня ободрили — во всяком случае, у меня достало духа сбегать. В те дни никто и помыслить не мог, чтобы муж присутствовал при родах с начала до конца, и хотя нынче это вошло в моду, я не перестаю поражаться бесстрашию молодого поколения. Уж Хэрриота пришлось бы на носилках унести задолго до развязки!

Зигфрид, войдя в приемную, сказал мне озабоченно:

— Вам лучше остаться тут, Джеймс. Я съезжу по всем вызовам. Только успокойтесь. Все будет отлично.

Но как тут успокоиться? Я на собственном опыте убедился, что человек, готовящийся вот-вот стать отцом, действительно без конца расхаживает по комнате взад-вперед, взад-вперед. Правда, я добавил собственный штрих, обнаружив, что внимательно читаю газету, держа ее вверх ногами.

Было около одиннадцати, когда раздался долгожданный звонок. Звонил мой врач и добрый друг Гарри Эллинсон. Он обычно не говорил, а весело вопил, и одно его присутствие в комнате больного помогало лучше всякого лекарства. А уж нынче утром его голос показался мне слаще всякой музыки.

— Сестренка для Джимми! — И он басисто захохотал.

— Спасибо, Гарри. Просто чудесно. Огромное спасибо. Ну, замечательно! — Несколько секунд я простоял, прижимая трубку к груди. Потом повесил ее, на заплетающихся ногах побрел в гостиную и рухнул в кресло, чтобы привести нервы в порядок.

И тут же вскочил. По-моему, мне уже приходилось упоминать, что вообще я очень благоразумный, уравновешенный человек, но временами на меня находит. И теперь я решил немедленно ехать к сестре Браун.

В те времена мужей сразу же после родов не очень привечали. Я это хорошо знал, так как поторопился увидеть Джимми, и прием мне был оказан самый холодный. Но все-таки я поехал.

Когда я ворвался в царство сестры Браун, она встретила меня без обычной улыбки.

— Вы опять, а? — осведомилась она с некоторым раздражением. — Я же вам еще тогда объяснила, что нам нужно время, чтобы вымыть младенца, но вы, конечно, мимо ушей пропустили!

Я виновато понурился, и она смягчилась.

— Ну, хорошо, раз уж вы здесь, идите.

Лицо Хелен было таким же розовым и усталым, каким оно мне

запомнилось в тот раз. Я поцеловал ее с бесконечным облегчением. Мы молча улыбнулись друг другу. И я повернулся к колыбели возле кровати.

Сестра Браун, сурово сжав губы, буравила меня глазами. В тот раз Джимми настолько меня напугал, что я смертельно ее оскорбил, спросив, почему он такой страшенький. Что-нибудь не так? Если и теперь я позволю себе подобное, мне останется лишь уповать на бога. Не буду входить в подробности, но личико новорожденной было каким-то мятым, багровым, оплывшим, и меня проршиб озноб, как и при первом взгляде на Джимми.

Я покосился на сестру Браун. Она явно только и ждала, чтобы я позволил себе тот или иной уничижительный отзыв. Ее добродушное лицо грозно хмурилось. Одно мое неверное слово — и я получу хороший пинок. Так, во всяком случае, мне показалось.

— Прелесть, — произнес я дрожащим голосом. — Ну, просто прелесть!

— Вот и ладно! — Видимо она уже достаточно на меня насмотрелась. — А теперь уходите.

Она быстро выпроводила меня на лестницу, а внизу, открывая дверь, просверлила взглядом. Эта веселая миниатюрная женщина читала во мне, как в открытой книге. Она заговорила медленно и внятно, словно втолковывала самую простую истину недоумку.

— Девочка... очень... красивая... здоровенькая... и крепенькая, — сказала она и захлопнула дверь.

Чудесная женщина! Как мне стало легко на душе! Садясь за руль, я уже не сомневался, что так оно и есть. И теперь, много лет спустя, глядя на моего красавца сына и красавицу дочку, я поражаюсь собственному идиотизму.

В приемной меня уже ждал вызов на ферму высоко в холмах, и поездка туда обернулась счастливым сном. Все мои тревоги остались позади, и вся природа словно ликовала вместе со мной. Было девятое мая 1947 года, начиналось самое дивное лето из всех, какие я помню. Сияло солнце, машину овеял легкий ветерок, принося благоухание холмов вокруг — еле уловимое нежное дыхание колокольчиков, первоцветов и фиалок, рассыпанных повсюду в траве и под деревьями.

Сделав все необходимое, я оставил мою пациентку и пошел в сопровождении Сэма по моей любимой тропке к обрыву. Я смотрел на лоскутное одеяло равнины, купающееся в солнечном мареве, на молодые побеги папоротника, стройно тянущиеся к небу, такие зеленые на фоне бурых прошлогодних листьев. Всюду победно вещала о себе новая юная жизнь. А внизу, в Дарроуби, лежала в колыбели моя новорожденная дочка!

Мы решили назвать ее Розмари. Чудесное имя, и оно мне по-прежнему очень нравится. Но продержалось оно недолго, почти сразу же сократившись в Рози, и, хотя я дважды пытался воспротивиться, верх остался за всеми прочими, так что нынче в Дарроуби ее называют не иначе, как доктор Рози.

А тогда, девятого мая, на краю обрыва я вдруг спохватился и вместо того, чтобы по блаженной привычке разлечься на пружинящем вереске, кинулся назад, в Скелдейл-Хаус, и принялся обзванивать друзей и знакомых, сообщая им радостную новость. Все меня горячо поздравляли, а Тристан сразу взял быка за рога.

— Новорожденных полагается обмывать, Джим,— произнес он внушительно.

Я был готов на все.

— Ну, конечно, конечно! Когда тебя ждать?

— Буду в семь,— произнес он твердо, и я понял, что он будет ровно в семь.

И естественно, Тристан занялся организацией праздника. Мы сидели в гостиной Скелдейл-Хауса вчетвером — Зигфрид, Тристан, Алекс Тейлор и я. Алекс — мой друг с четырех лет: мы с ним познакомились в приготовительном классе, а когда он демобилизовался после пяти лет службы в западно-африканских пустынях и в Италии, то приехал погостить у нас с Хелен в Дарроуби и так пленился здешней жизнью, что начал изучать основы сельского хозяйства в надежде стать управляющим. В этот вечер я ему особенно обрадовался.

Постукивая пальцами по подлокотнику, Тристан рассуждал вслух:

— Конечно, мы бы пошли в „Гуртовщики“, но сегодня там кто-то уже что-то празднует в большой компании... А нам нужно тихое, уютное местечко. Хм, „Святой Георгий и дракон“? Пиво там первоклассное, но они не очень-то следят за своими трубами, и бывает, что оно отдает кислотной. Ах, да! „Скрещенные ключи“! Шотландское пиво, превосходный портер. А „Заяц и фазан“? Светлое пиво там, конечно, так себе, но темное! — Он помолчал. — Можно бы заглянуть и в „Лорда Нельсона“. Эль там всегда хорош, не говоря уж...

— Погоди, Трис,— перебил я. — Когда я под вечер был у Хелен, Клифф спросил, нельзя ли ему отпраздновать с нами. А раз так, то почему бы не отправиться в его любимый трактир? Как-никак девочка родилась у него в доме!

Тристан сощурился.

— А конкретно?

— В „Черного коня“.

— М-м-да-а... — Тристан обратил на меня задумчивый взор и сложил кончики пальцев. — Торгуют от „Расселла и Рангема“. Недурная пивоварня. И пропускал я в „Черном коне“ весьма и весьма приятные кружечки. Но я заметил, что ореховый привкус становится слабее в зависимости от температуры. А сегодня было жарко,— и он с тревогой взглянул в окно. — Так не лучше ли...

— Ах, боже ты мой! — Зигфрид вскочил на ноги. — Это все-таки пиво, а не чувствительные химические реактивы!

Тристан онемело поглядел на него с глубочайшей укоризной, но его брат уже повернулся ко мне.

— Прекрасно придумали, Джеймс. Забираем Клиффа и отправляемся в „Черного коня“. Приятное, тихое местечко!

И действительно, когда мы вошли туда, я сразу почувствовал, что ничего лучше и вообразить было нельзя. Косые лучи заходящего солнца золотили выщербленные дубовые столы и скамьи с высокими спинками, на которых расположились два-три завсегдатая. Никакой новомодной мишуры и блеска, но мебель, простоявшая в этом зале более ста лет, придавала ему удивительно безмятежный вид. Именно то, что требовалось на этот раз.

Зигфрид поднял кружку:

— Джеймс, да будет мне разрешено первым пожелать Розмари долгой жизни, здоровья и счастья!

— Спасибо, Зигфрид,— сказал я и с умилением посмотрел, как следом за ним подняли кружки все остальные. Да, я был среди друзей!

Клифф с обычной своей сияющей улыбкой обернулся к хозяину.

— Редж,— произнес он благоговейно,— а оно все лучше становится. Все лучше!

Редж скромно поклонился, а Клифф объявил:

— Право слово, Джим, нет у меня друзей дороже мистера Расселла и мистера Рангема. Люди что надо!

Все засмеялись, а Зигфрид похлопал меня по плечу.

— Ну, мне пора, Джеймс. Повеселитесь. Не могу выразить, как я за вас рад!

Я не стал его удерживать. На фермах в любую минуту может случиться непредвиденное, и кто-то должен нести вахту в приемной. А это был мой праздник.

Все шло чудесно. Мы с Алексом вспоминали наше детство в Глазго. Тристан рассказывал занимательные истории о наших холостяцких днях в Скелдейл-Хаусе, а Клифф светил нам своей широкой улыбкой.

Меня же переполняла любовь к ближним. Вскоре мне надоело копаться в набитом бумажнике — днем я специально завернул в банк,— и я вручил его хозяину.

— Наливайте прямо отсюда, Редж,— распорядился я.

— Будь по-вашему, мистер Хэрриот,— ответил он, не моргнув и глазом.— Так оно проще будет.

И вышло куда проще. Люди, почти или вовсе мне незнакомые, то и дело поднимали кружки за здоровье моей дочери, и мне оставалось только благодарно кивать и улыбаться в ответ.

Не успел я оглянуться, как Редж предупредил, что пора закрывать, и я расстроился. Неужели так скоро — и уже все? Я подошел к хозяину.

— Нам домой еще рано, Редж.

— Вы же знаете, так по закону положено, мистер Хэрриот,— ответил он с легкой иронией.

— Но ведь сегодня вечер особый, верно?

— Пожалуй... — он поколебался. — Давайте так: я запро две-

ри, а потом спустимся в погреб и пропустим кружечку-другую на дорожку.

Я обнял его за плечи.

— Чудесная мысль, Редж! Пошли вниз.

Мы спустились по ступенькам в погреб, зажгли свет, закрыли за собой крышку и расположились среди бочек и ящиков. Я оглядел компанию. Она несколько увеличилась с начала празднования — к исходному ядру добавились два молодых фермера, бакалейщик и служащий управления водными ресурсами. Всех нас связывала теплейшая дружба.

И вообще в погребе было очень уютно. Например, никто не беспокоил хозяина, а прямо шел к бочке и открывал кран.

— В бумажнике еще что-нибудь есть, Редж?! — крикнул я.

— Битком набито. Не волнуйтесь, наливайте себе на здоровье.

Мы наливали, и веселье не убывало. Было уже за полночь, когда на наружную дверь обрушились тяжелые удары. Редж прислушался и вышел из погреба. Он скоро вернулся, но прежде в дыру просунулись ноги в синих форменных брюках, а затем мундир, испитое лицо и каска полицейского Хьюберта Гулла.

Он обвел нас меланхоличным взглядом, и последняя искра веселости угасла.

— Поздно вато пьете, а? — безразличным тоном осведомился он.

— Как сказать, — Тристан испустил заразительный смешок. — Случай ведь особый, мистер Гулл. У мистера Хэрриота супруга утром разрешилась дочерью.

— А? — Аскетическая физиономия над костлявыми плечами повернулась к моему другу. — Но, по-моему, мистер Уилки не обращался с просьбой о продлении часов торговли ввиду этих чрезвычайных обстоятельств.

Возможно, это была шутка, хотя мистер Гулл шутить не любил и не умел. В городе он слыл суровым служакой, который никогда ни на йоту не отступал от правил и инструкций. Во время его дежурства никто с наступлением темноты не рисковал выезжать на велосипеде с неисправным фонариком. А уж за нарушение часов торговли питейными заведениями он карал беспощадно. Он ведь пел в церковном хоре, хранил свою репутацию незапятнанной, принимал деятельное участие в различных благотворительных начинаниях и всегда поступал правильно. Непонятно, почему на шестом десятке он все еще оставался простым деревенским полицейским?

Тристан нашелся немедленно.

— Ха-ха-ха! Отлично сказано. Но ведь все получилось само собой. Под влиянием минуты, как говорится.

— Называйте, как хотите, но закон вы нарушили, и вам это отлично известно. — Мистер Гулл растегнул грудной карман и извлек записную книжку. — Ваши фамилии?

Я сидел на перевернутом ящике и при этих словах прижал ко-

лени к груди. Какой финал блаженного вечера! В городке редко случались интересные происшествия, и «Дарроуби энд Хултон таймс», конечно, раздует сенсацию. В каком я предстану свете и все мои друзья тоже? А бедняга Редж, жмушийся в уголке, он-то поплатится больше всех — и по моей вине.

Однако Тристан еще не выкинул белого флага.

— Мистер Гулл,— произнес он ледяным тоном.— Вы меня огорчили.

— А?

— Я сказал, что очень огорчен. Я полагал, что в подобных обстоятельствах вы займете иную позицию.

Полицейский и бровью не повел. Он взял карандаш.

— Я, мистер Фарнон, нахожусь при исполнении служебных обязанностей и соблюдаю свой долг. Начнем с вас.— Он аккуратно записал первую фамилию и посмотрел на Тристана.— Адрес, будьте добры.

— Мне кажется,— сказал Тристан, словно не слыша,— про Джули вы напрочь забыли!

— А при чем тут Джули? — Лошадиное лицо в первый раз чуть оживилось. Упомянув любимого йоркширского терьера мистера Гулла, Тристан-таки отыскал щелочку в его броне.

— Насколько мне помнится,— продолжал Тристан,— мистер Хэрриот просидел с Джули чуть ли не всю ночь, когда она щенилась. И без него вы наверняка бы потеряли не только щенят, но и Джули. Да, конечно, было это несколько лет назад, но я все отлично помню!

— То само по себе, а это само по себе. Я же вам объяснил, что выполняю свои обязанности.— И он обернулся к служащему управления водными ресурсами.

Тристан бросился в новую атаку.

— Верно, но ведь вы все-таки могли бы выпить с нами в такой вечер, когда мистер Хэрриот во второй раз стал отцом. В некотором смысле повод ведь тот же.

Мистер Гулл опустил карандаш, и его лицо смягчилось.

— Джули и теперь молодцом.

— Да, я знаю,— заметил я.— Для своего возраста она в поразительной форме.

— А одного из тех щенков я себе оставил.

— Знаю. Вы же меня к нему пару раз вызывали.

— Верно... верно...— Он приподнял полу мундира, сунул руку в брючный карман, извлек большие часы и воззрился на циферблат.— Что ж, я, собственно, уже с дежурства сменился. И могу с вами выпить. Только прежде в участок позвоню.

— Отлично! — Тристан прыгнул к бочке и наполнил кружку до краев.

Вернувшись в погреб, мистер Гулл торжественно поднял ее:

— Желаю малютке всего наилучшего! — И сделал огромный глоток.

— Благодарю вас, мистер Гулл,— сказал я.— Вы очень любезны.

Он сел на нижнюю ступеньку, каску положил на ящик и снова припал к кружке.

— Надеюсь, обе они чувствуют себя хорошо?

— Да, прекрасно. Еще кружечку?

Поразительно, как скоро он забыл про записную книжку и ко всем нам вернулось веселое настроение.

— Ух и жарится тут,— некоторое время спустя объявил мистер Гулл и снял мундир. Этот символический жест смел последние барьеры.

Однако прошло еще два часа, но никто толком не опьянел. За исключением мистера Гулла, блюстителя закона и порядка. Мы много смеялись, вспоминали всякие случаи и просто пребывали в чудесном расположении духа, но он стадия за стадией переходил в состояние глубокого опьянения.

Сначала он пожелал, чтобы его называли просто по имени без всяких там «мистеров», затем впал в слезливую сентиментальность и рассыпался в восторгах по поводу чуда рождения, как у людей, так и у собак, но заключительная стадия оказалась более грозной — он стал задирист.

— Джим, выпьешь еще! — Был это не вопрос, но требование: долговязая фигура, слегка покачиваясь, наклонилась над краном и подставила под него кружку.

— Нет, спасибо, Хьюберт,— ответил я.— С меня хватит. Я ведь начал много раньше!

Он заморгал, направил пенную струю в собственную кружку и сказал:

— Тогда ты подлый предатель, Джим. А я подлых предателей на дух не терплю...

— Уж извини, Хьюберт,— я изобразил покаянную улыбку,— но с меня хватит, да и вообще половина третьего. Пора по домам.

Я, видимо, выразил общее мнение, потому что остальные дружно поднялись и направились к лестнице.

— По домам? Это как же так — по домам? — Он испепелил меня негодующим взглядом.— Что это с тобой? Время еще детское! — И он возмущенно запил эту сентенцию большим глотком пива.— Сам приглашаешь человека выпить и сию же минуту — по домам? Нехорошо, Джим!

К нему бочком подскочил Редж Уилки, источая ласковую благожелательность, обрести которую можно, лишь в течение тридцати лет выпроваживая заартачившихся клиентов.

— Ну, ну, Хьюберт! Мы отлично посидели, все тебе были рады, а теперь пора байньки. Где твой мундир-то?

Полицейский что-то сердито бурчал, но мы облачили его в мундир, нахлобучили ему на голову каску, и он покорно позволил нам втащить его по лестнице в темный зал. На улице мы водворили

его на заднее сиденье моей машины между Тристаном и Алексом, а Клифф сел рядом со мной.

Редж подал мне в окошко бумажник, исхудавший до полного истощения, и мы покатили по спящей улочке к рыночной площади, где в полной пустоте под фонарем маячили две одинокие фигуры. С екнувшим сердцем я узнал инспектора Боулса и сержанта Рострона, наше полицейское начальство. Они стояли, стройные, подтянутые, и, заложив руки за спину, пронзительно оглядывали все вокруг. Да уж, эти никому спуску не дадут!

От внезапного вопля за спиной я чуть не врезался в ближайшую витрину. Хьюберт их тоже увидел!

— Сукин сын, Рострон! — взвыл он. — Я его, подлюгу, ненавижу. Столько лет надо мной измывается, так я ему сейчас все выложу, что о нем думаю!

Послышалась возня, пискнуло опускаемое стекло, и полицейский Гулл громовым голосом начал свою инвективу:

— Ах ты сукина подлюга...

Меня оледенили страшные предчувствия.

— Заткните ему рот! — крикнул я. — Ради бога, заткните...

Но мои друзья меня предвосхитили, и тирада Хьюберта внезапно оборвалась: они сдернули его на пол и навалились сверху. Когда мы поравнялись с роковой парой, Тристан уже плотно сидел у него на голове, и снизу доносилось лишь неясное пыхтение.

Инспектор с улыбкой кивнул мне, а сержант дружески откозырял. Не надо было пополнять ряды ясновидцев, чтобы прочитать их мысли: мистер Хэрриот возвращается с еще одного ночного вызова. Этот молодой ветеринар работает не за страх, а за совесть.

Но позади меня на полу извивался их сослуживец, и мне полегчало, только когда мы свернули за угол. Впрочем, за эту минуту воинственность Хьюберта поугасла, и он перешел в стадию сонливости. Когда мы его высадили, он мирно и даже довольно твердой походкой направился через палисадник к своей двери.

В Скелдейл-Хаусе я вошел в спальню. До чего пустой и холодной показалась мне эта комната без Хелен! Даже широкая кровать, комод, шкаф и туалетный столик выглядели какими-то незнакомыми и чужими. Я приоткрыл дверь длинного узкого помещения — гардеробной в дни славы Скелдейл-Хауса. В наши холостые годы там спал Тристан, а теперь это была комната Джимми, и его кровать стояла точно на том же месте, где в свое время красовалось ложе моего старого друга.

Я поглядел на своего сына, как прежде не раз смотрел на спящего Тристана. Меня всегда поражала ангельская безмятежность его лица во сне, однако даже он не мог бы соперничать со спящим малышом.

Я перевел взгляд с Джимми на угол комнаты, где уже стояла колыбель, предназначенная для Розы.

Скоро, подумал я, их тут будет двое. Как я разбогател!

2 ноября 1961 года

Утром выяснилось, что «Юбберген» еще не освободил причала и очередь до наших овец дойдет не раньше вечера. В моем распоряжении оказалась масса свободного времени для знакомства с городом.

Вскоре после завтрака на борт поднялся заведующий движением всех судов в порту — персона весьма важная.

Оказался он добродушным человеком лет пятидесяти с обаятельной улыбкой. На нем были очки с очень толстыми стеклами, и он пожаловался мне, что испортил зрение, занимаясь по ночам. По-английски он говорил безупречно.

От его любезности я так осмелел, что рискнул завести с ним разговор о школе. Правда, я несколько упивался собственной важностью. Как-никак меня недавно выбрали председателем Ассоциации родителей и учителей в Дарроуби, и я сразу порядком возомнил о себе. Ну и, естественно, директор нашей школы, выразив интерес к постановке школьного образования в России, уронил семя на весьма плодородную почву. Во всяком случае, на меня опять нашло.

— Как вы думаете, нельзя ли мне побывать в русской школе? — спросил я у своего нового знакомого.

Посмеивающиеся глаза за толстыми стеклами обрели задумчивое выражение. Затем он кивнул.

— Почему бы и нет? Зайдите в любую школу и попросите разрешения. Кстати, моя жена — учительница. Если вы заглянете в школу номер два, то можете обратиться прямо к ней. Ее фамилия — Журская.

Мне нетерпелось сойти на берег, но я вновь не мог найти спутника. В конце концов мне осталось только воззвать к капитану. Он, по-моему, чуть было не вышвырнул меня за борт. Тем не менее, явно не выпавшись после нашей бурной вылазки накануне, устав от долгих переговоров с портовыми чиновниками, он по доброте душевной не сумел отказать.

— Ну, разумеется, мистер Хэрриот, — вздохнул он, надел фуражку на серебрищиеся волосы и облачился в щеголеватый темно-синий плащ. Я про себя подумал, что выглядит он великолепно.

И вот снова вниз по трапу мимо не улыбающихся солдат и вдоль железнодорожных рельсов — к воротам. Однако мне отчаянно хотелось проникнуть в тайну четвероногого людоеда, и, когда мы поровнялись с роковым вагоном, я дернул капитана за рукав.

— Одну секунду! — просительно сказал я. — Вот только загляну туда...

На миг невозмутимое достоинство ему изменило, глаза у него испуганно расширились.

— Что вы, мистер Хэрриот! Зачем?

— Ничего... — Я бодро улыбнулся. — Только погляжу и все.

Очень-очень осторожно я зашел за вагон, но собаки не увидел. Только пустую конуру. А затем обнаружил, что примерно через каждые пятьдесят ярдов вдоль забора расставлены конуры и перед каждой с проволоки, натянутой по всей его длине, свисает цепь с расстегнутым ошейником.

Когда я благополучно вернулся к капитану, к видимому его облегчению, то узрел, что вдали навстречу нам какие-то люди ведут на поводках десятка полтора собак. Мы разминулись с ними почти у самых ворот. Могучие поджарые псы трусили, равнодушно глядя прямо перед собой. Они походили на немецких овчарок, только были несколько крупнее и, бесспорно, казались на редкость свирепыми.

Я оглянулся на часовых у причалов, на сторожевые вышки, еще раз посмотрел на собак и окончательно решил, что после наступления темноты тут лучше ходить путями праведными.

Повсюду вокруг вопили громкоговорители. Так продолжалось все время, пока мы стояли в Клайпедзе, — и не музыка, а только слова и слова. С утра до вечера. Не знаю, была ли это политическая пропаганда или рассказы о советских достижениях, но гремели они, не затихая, и я от них порядком устал.

Но вот мы вновь вышли на городскую улицу и направились к центру. Окраинные улочки не были вымощены, и вдоль домов вились тропки. Повсюду — большие мутные лужи, а на пешеходной части через довольно правильные промежутки попадались наполненные водой ямы с кучей земли по краям.

Кое-где особняком стояли старинные домики, явно требовавшие ремонта — краска облупилась, черепичные крыши зияли дырами. Почти у всех домов под окнами верхнего этажа были балкончики.

По рыжим глинистым тропкам сновало довольно много прохожих. Наконец, мы вышли на улицу Монтез, главную улицу Клайпеды: брусчатая мостовая, настоящие тротуары и магазины по обеим сторонам.

В книжных лавках торговали словно бы только технической литературой. Один магазин был тесно заставлен велосипедами, мотороллерами и мопедами, а в соседней витрине красовались роликовые коньки (не такие, как у нас), рапиры и наборы для настольного тенниса. В одной лавочке, казалось, продавали только наборы шахматных фигур и шахматные доски.

Мы проходили мимо витрин продовольственных магазинов, почти таких же, как у нас — те же башенки консервных банок, жестяных и стеклянных, те же батареи винных бутылок, и только витрина рыбной лавки ошеломила меня рыбами из папье-маше всех цветов и размеров, припудренными пылью и способными

навек внудить отвращение к рыбной кухне. Внутри я увидел высокий мраморный прилавок с белыми эмалированными лоханями, полными настоящей отличной рыбы.

Общей чертой всех этих торговых заведений было ощущение запущенности — давно немытые стекла витрин, товары разложены за ними кое-как, без видимого желания привлечь покупателей.

Уличное движение особой интенсивностью не поражало — главным образом автобусы и грузовики с редкими вкраплениями такси и других легковых машин.

Прохожих было много — в основном женщин, скромно одетых, с платками на голове. Мне вдруг пришло в голову, что я еще не видел тут ни одной нарядно одетой женщины. По-видимому, они нередко выполняли тяжелую, совсем не женскую работу. В порту женщины в плащах с капюшонами управляли мощными кранами, а на строительной площадке девушки перебрасывали кирпичи, как наши каменщики. Какие же мозолистые должны быть у них ладони!

Мимо парами прошли ребяташки, которых вел высокий мужчина, вероятно, учитель. Они смеялись, пели и ничем не отличались от английских детей. Только на многих мальчиках были фуражки, напоминающие военные, а на всех девочках без исключения — коричневые шерстяные чулки, какие носили школьницы в дни моего далекого детства.

Вид у всех детей был здоровый и веселый.

Я остановил какого-то молодого человека и показал ему листок с адресом школы, написанным по-русски. Он ничего не стал объяснять, а повернувшись и любезно проводил нас до самых дверей большого, не очень современного здания, которое стояло в одном ряду с остальными домами и более походило на конторское.

Спрашивать разрешения войти оказалось не у кого, и я, опять забыв благоразумие, взял и вошел без разрешения, а капитан покорно последовал за мной.

Внутри меня тотчас озадачила глубокая тишина, особенно странная в школе. Мы очутились в длинном широком коридоре, где стены были увешаны яркими литографиями, изображавшими всевозможные спортивные соревнования, а также подвиги русского оружия. Последние завораживали высокой романтичностью — головы у солдат забинтованы, штыки наперевес, красивые лица, глаза бесстрашно устремлены вдаль. В стеклянной витрине лежали почетные грамоты и дипломы.

В коридор выходило множество дверей, и я пошел вдоль них, стучась в каждую и дергая ручку. Все были заперты, и я, утратив всякую надежду, в предпоследнюю дверь стучать не стал, а просто повернул ручку.

Дверь открылась, и я, еле устояв на ногах, влетел в большую комнату. На меня растерянно уставились какие-то женщины. Их было много. Они расположились за длинным столом, во главе которого восседал могучий мужчина с рублеными чертами лица.

Он тоже уставился на меня, пожалуй, даже с еще большим недоумением.

Естественно, я ввалился в учительскую... и только тут сообразил, что являю собой странное зрелище. В плавание я взял только рабочую одежду, и на мне был макинтош, в котором я ездил по вызовам. Манжеты и воротник у него обтрепались, всюду виднелись следы соприкосновения с рогами. Когда отрывались пуговицы или отпарывались карманы, я предпочитал не поручать макинтош заботам Хелен, ибо он, как я его ни чистил, хранил в своих швах стойкий запах скотных дворов. А потому чинил его сам, используя голубые нейлоновые нитки, предназначенные для зашивания ран пострадавших животных. Их болтающиеся концы придавали моему костюму дополнительную живописность.

Глаза женщин продолжали потихоньку вылезать на лоб, но мужчина, видимо, уже достаточно мной налюбовался: он вскочил и быстро скрылся за дверью в глубине комнаты. Не требовалось быть великим сыщиком, чтобы прийти к выводу, что он бросился к телефону.

Внезапно я осознал всю глубину моего легкомыслия, но мужественно проглотил поднявшийся в горле комок, улыбнулся обаятельнейшей — как мне хотелось верить — улыбкой и произнес вопросительно:

— Мадам Журская?

Одна из женщин кивнула, остальные уставились теперь на нее, и она побледнела. Уж не знаю, каким злодеем она меня сочла, но перепугаться перепугалась.

Капитан почуствовал, что настало время вмешаться. Он выступил вперед и принялся быстро объяснять по-немецки, что я председатель Ассоциации родителей и учителей в Дарроуби, но это обстоятельство по понятным причинам особого впечатления не произвело.

Я продолжал стоять посреди учительской, а женщины продолжали смотреть на меня. Любую из них нетрудно было бы вообразить за учительским столом в английской школе. За исключением одной мисс Смуглянки с восточным разрезом глаз. Я же явно производил на них далеко не столь приятное впечатление.

На выручку ко мне вновь пришел капитан, человек поистине неистощимой находчивости. Он спросил, нет ли среди них преподавательницы английского языка. Из-за стола поднялась самая хорошенькая, но тут дверь у меня за спиной распахнулась и в учительскую вошли два человека весьма внушительного вида в щегольской форме с погонами в звездочках на плечах и отлично вычищенных сапогах. Они начали быстро переговариваться с мужчиной, вновь водворившимся на свое место во главе стола, и то и дело сурово на меня поглядывали. Он разводил руками, покачивал головой, и не надо было знать русский язык, чтобы понять суть его слов: я ворвался сюда неведомо откуда и зачем, он обо мне

никакого представления не имеет, но моя физиономия очень ему не нравится.

Не хочу преувеличивать, но, пожалуй, не будь со мной капитана Расмуссена, меня тут же увели бы в участок. Однако он тотчас начал растолковывать по-немецки, кто я и зачем сюда пришел.

Спасло меня еще и то, что молоденькая учительница английского языка завела со мной разговор про школу. Я сел рядом с ней у стола, и двое блюстителей закона и порядка подошли к нам. Я все время ощущал их грозное присутствие, а они оглядывали меня с головы до ног, несомненно сбитые с толку моим эксцентричным костюмом.

Я спросил у учительницы, как ее зовут, но ее имя оказалось совершенно зубодробительным. Впрочем, она тут же добавила, что друзья называют ее Китти. То есть так мне послышалось. Она рассказала, что замужем, и у нее есть шестилетний ребенок. Вдруг она судорожно сжала руки.

— Я так волнуюсь! Английский я преподаю уже давно, но с настоящим англичанином еще никогда не разговаривала! У меня, наверное, очень плохое произношение.

— Даю вам слово, что по-английски вы говорите много чище меня, — поспешил я ее успокоить и ничуть не покривил душой, так как мое произношение сразу выдает во мне уроженца Глазго и с точки зрения академической правильности никакой критики не выдерживает. Китти страшно обрадовалась.

Она объяснила мне, что в этот день все ученики школы отпраздновали с директором на кинопросмотр и лекцию. Потому-то в коридоре и стояла такая тишина! А высокий мужчина — это заместитель директора по учебной части. Пока мы болтали, остальные учительницы придвинулись поближе и с интересом слушали все, что Китти им переводила. Даже суровый заместитель директора не совладал с любопытством и, положив локти на стол, перегнулся, чтобы лучше меня видеть.

Атмосфера становилась все более дружески непринужденной, и, к немалому моему облегчению, блюстители закона и порядка отошли и прислонились к стене.

Тут началась бурная игра в вопросы и ответы — естественно, через посредство Китти.

— В каком возрасте дети у вас поступают в школу? — спросила она.

Мой ответ «в пять-шесть лет» вызвал общее удивление.

— А наши — в семь-восемь, — пояснила Китти, и настал мой черед удивиться.

Заместитель директора очень по этому поводу разгорячился. Он стукнул кулаком по столу и категорически заявил, что, согласно принципам педагогики, пятилетних детей учить по школьным программам нельзя. Чему они, собственно говоря, способны научиться?

Когда я ответил, что для начала они знакомятся с простей-

шими арифметическими действиями, а также запоминают разные новые слова, он только плечами пожал.

Удивило их всех и обычное время школьных занятий в Англии. У них, сообщила мне Китти, младшие дети учатся с половины девятого до половины третьего, а старшие — с половины третьего до половины восьмого. Учеников в классе около тридцати, изучают они все математические дисциплины, родной язык, физику, химию, биологию, историю. Основной иностранный язык в этой школе английский, но преподается в ней и немецкий. Французскому и латыни у них не учат.

Мне удалось вставить вопрос о спорте:

— А игры у вас в программе есть?

Китти подняла ладони и засмеялась.

— А как же! Наиболее популярен волейбол, ну, а потом — плавание, хоккей, коньки, футбол, гимнастика... Кроме того, внешкольные занятия. У нас есть много детских клубов.

Тут блюстители закона и порядка, видя, что учительницы разговаривают со мной оживленно и дружески, видимо, пришли к заключению, что я достаточно безобиден, и удалились. После этого беседа стала еще непринужденней и вопросы сыпались градом.

— А закон божий вы преподаете? — поинтересовался я. Естественно, я знал, что нет, но мне хотелось узнать, как они ответят.

На всех лицах мелькнули улыбки снисходительной жалости, а высокая блондетка саркастически усмехнулась, и Китти перевела мне ее вопрос:

— А дарвинизм у вас тоже преподают?

Я кивнул.

— Да. И закон божий, и эволюцию, и научные теории происхождения мира.

Это их явно озадачило.

Разговор перешел на отношение к религии. Насколько я понял, у них это личное дело каждого, и, кто хочет, может ходить в церковь. Религия не запрещена, и специальных антирелигиозных уроков в программе нет. Видимо, по их мнению, она должна потихоньку отмереть сама собой. В Клайпде три церкви, но в других городах с таким же населением их бывает и больше.

Учительницы посочувствовали мне: в Англии же такая страшная безработица и нищета! У меня создалось впечатление, что, по их убеждению, я приехал из страны всеобщего голода и бесплатно-го благотворительного супа. Когда я сказал, что жизненный уровень английских трудящихся растет и у многих есть собственные машины, они поглядели на меня с искренним недоверием, как на распространителя капиталистической пропаганды.

Но я их особенно не виню: они нет-нет да сшивали глаза на мой обтрепанный макинтош, на отвисающие карманы, на пуговицы с голубыми хвостиками ниток. Уж если это — квалифи-

цированный английский специалист, так в чем тогда ходят простые английские труженики?

— Но жизненный уровень учителей у вас ниже, чем у нас, — заметила одна из моих собеседниц.

Что я мог ответить? Одеты они все были прекрасно и, видимо, преуспевали. У меня сложилось впечатление, что быть учителем в России — очень престижно.

— А что такое «экзамен для одиннадцатилетних»?

Я попытался объяснить в силу своих возможностей, как в этом возрасте школьникам устраивается проверка на уровень развития умственных способностей, чтобы определить, какой тип образования подходит каждому. Вот уж тут они меня хорошо поджарили! В хор женских голосов, как басовая нота органа, ворвался звучный голос заместителя директора:

— Распределять детей по способностям, как вы говорите, не имеет ни малейшего смысла! — Он явно был человеком с твердыми позициями.

Я повернулся к нему:

— А у вас все категории учатся в одном классе?

Китти перевела его ответ.

— У нас все дети — способные! — Сказано это было с глубоким убеждением и абсолютной серьезностью.

Из дальнейшего разговора я узнал, что в университеты поступает очень большой процент выпускников и что для повышения образования весьма популярны вечерние учебные заведения. Собственно говоря, многие русские именно таким способом заканчивают школу, а затем университет или институт.

Заместитель директора разразился новым залпом русских слов, который в переводе оказался суровой критикой системы частного образования в Англии. Он принялся доказывать, что настоящее образование там доступно только детям богачей. Когда же я возразил, что университетские стипендии обеспечивают возможность получить высшее образование любому человеку, каким бы ни было его финансовое положение, он только презрительно сощурился. Полагаю, я его не переубедил.

Так или иначе, но разговор в целом получился удивительно приятным — мы смеялись, шутили, спорили, возражали, соглашались, и я готов был просидеть там хоть до вечера, но капитан все чаще поглядывал на часы. Ему не терпелось вернуться к себе на судно. Бедняга! Как он, наверное, молил бога избавить его в будущем от таких ветеринаров!

Мы попрощались самым дружеским образом — смех, рукопожатия... Даже заместитель директора заметно оттаял: он вежливо проводил нас до дверей, с улыбкой, смягчавшей тяжелое лицо, пожал нам руки, поклонился и помахал вслед.

А на судне меня ждали неприятности. Со мной желала поговорить какая-то женщина — насколько я понял, комиссар с государственной фермы.

Росту в ней оказалось за шесть футов, и сложена она была соответственно. С грубоватого лица на меня из-под черного берета сверху вниз холодно смотрели сердитые глаза. Несомненно, спуску давать мне она не собиралась.

По-английски она не говорила, но тем не менее сразу перешла к делу.

— Акха-кха-кха! — Хотя другие русские недурно изображали овечьий кашель, басистые звуки, вырвавшиеся из глубин могучей грудной клетки, далеко превосходили их усилия.

Я в очередной раз пожал плечами и улыбнулся бессмысленной улыбкой, но на нее этот прием не подействовал. Она зажала мое плечо в стальных клещах и без малейшего усилия потащила меня в трюм, где укоризненно ткнула пальцем в линкольнов и несколько раз покашляла. Я отвечал разуверительными улыбками, которые совсем меня вымотали.

У нее в руке появился термометр. Тоже ветеринар? Нет, вчерашняя толстуха понравилась мне куда больше! Этой помощники не требовались: она прижимала очередную овцу к перегородке огромным коленом, как щеночка. Температура у всех оказалась нормальной, но терпение великанши явно истощалось. Расхаживая между загончиками, она несколько раз наталкивалась на меня и даже не замечала, как я отлетал к перегородке, хотя я мужчина плотного сложения да и ростом не так уж мал. Мне пришлось в голову, что, сойдись мы на ринге в боксерских перчатках, я и одного раунда не продержался бы.

В конце концов она извлекла из кармана маленький русско-английский словарь и обрушила на меня град неудобопонятных слов. Кое-как я уловил что-то о бронхите, но тут она перешла на гневное бормотание, как будто забыв про меня, и я поторопился ускользнуть к себе в каюту.

Я уже собирался нырнуть в нее, но тут из камбуза выглянул Нильсен.

— Вы пропустили обед, мистер Хэрриот. Вам было трудно, у вас усталый вид. Погодите! — Он поднял ладонь. — Я что-нибудь для вас приготовлю.

Стоя на пороге тесной каморки, я смотрел, как он отрезал ломоть ржаного хлеба и принялся нарубать тоненькие кусочки вырезки. Движения его были точными, огромный нож сверкал как молния. Затем он настрогал репчатого лука, а когда колечки совсем закрыли разложенное по ломтю мясо, залил всю грудку сырым яйцом. Посолив и поперчив, он гордо протянул мне свое творение.

— Говядина по-татарски! — торжественно провозгласил он. — Кушайте, мистер Хэрриот. Вам сразу станет легче.

Я попятился. Есть этот ужас? Сырое мясо, сырое яйцо... Немыслимо. Я отчаянно подыскивал предлог отказать, но меня парализовало сияющее лицо Нильсена. Он же мой друг, камбузный гений, и думает только о том, как бы подкрепить меня в час

моей нужды. Будь что будет, но сказать «нет» у меня не останется духа.

Собрав все мужество, я поблагодарил его, ухватил нагруженный ломоть и с отчаянной решимостью впился в него зубами. Постараюсь не дышать и проглочу, не распробовав... Но кусок оказался слишком большим, я во всей полноте ощутил его вкус... Какая прелесть!

Кок сиял все больше, наблюдая изумление на моем лице. Но затем он, вероятно, уловил в моих глазах какую-то тень сомнения, потому что с тревогой положил ладонь мне на плечо.

— Прибавить щепоточку перца?

Продолжая жевать, я несколько секунд смотрел на него, а затем вынес свой приговор:

— Пожалуй... да... пожалуй, чуть-чуть.

Он помахал перечницей над ломтем с его грузом и, пока я расправлялся с экзотическим яством, следил за мной с неописуемым восторгом. Нет, он не посрамил свой талант!

«Юбберген» освободил причал около восьми, когда уже совсем стемнело. Мы тотчас заняли его место, и выгрузка началась. Подали вагоны, гигантский кран установил сходни, и моих бедных овечек погнали по ним.

Я прожил с ними буквально бок о бок шесть суток, и, хотя знал, что таким породистым аристократам обеспечен самый лучший уход, у меня защемило сердце. А красавицы ромни-марш с головами плюшевых мишек все трусили в слепящем свете прожекторов и скрывались в темном нутре вагонов. Двери задвинулись, и мне стало не по себе. Они привыкли к зеленым лугам Кента. Что-то ждет их впереди?

По пристани сновали русские грузчики в черных плащах, выкачивая из тьмы вагоны на освещенный участок. Мой верный помощник Раун, которому все вокруг было по плечу, метался по сходням, подгоняя овец и сияя золотой шевелюрой.

Не менее заметен был Юмбо (так, по-видимому, принято называть младшего члена команды). Красивей юноши мне видеть не доводилось. В семнадцать лет уже широкоплечий гигант, но с ангельским лицом: огромные голубые глаза, густые белокурые волосы почти по плечи.

Он выгружал оставшийся корм, и я порадовался легкости, с какой он обвязывал и прицеплял тяжелые мешки и тючки к крюку, который кран на пристани вновь и вновь опускал в трюм. Мне невольно вспомнились викинги. Если мои судовые знакомые были типичны для всей нации, то датчане — великолепный народ.

Но вот под полночь последняя овца протрусила по сходням, последний мешок орехов и последний тючок сена покинули трюм. Бригадир русских грузчиков, заметив меня у поручней, помахал мне с причала:

— До свидания, доктор,— крикнул он и скрылся в темноте.

Я прошелся вдоль опустевших загончиков, испытывая щемящее

чувство утраты, а потом поднялся в капитанскую каюту, где представитель порта должен был подписать документы о приемке груза.

Явился он в третьем часу ночи — то есть в пятом по местному времени, — молодой человек лет двадцати пяти, который проработал без передышки весь день, а вечером проверял наших овец и следил за их выгрузкой. Его осунувшееся лицо было перепачкано, он валился с ног от усталости, и ногти у него, как я заметил, были все обломаны. Но ясности мысли он не утратил ни на йоту. Он был уполномочен подписать документы о приемке овец общей стоимостью в двадцать тысяч фунтов и, как выяснилось, умел не только хорошо говорить по-английски, но и писать тоже.

На первой накладной он написал: «Примерно 20 % овец линкольнской породы приняты с кашлем». Я мягко объяснил ему, что в нашем языке форма множественного числа от слова «овца» является исключением из общего правила и он напрасно прибавил еще и обычное окончание множественного числа. Хотя от утомления у него слипались глаза, он тут же полюбопытствовал, почему в этом случае формы единственного и множественного числа совпадают, а затем потребовал, чтобы я перечислил все другие такие же исключения — еще одно проявление общей страсти к образованию, которую я обнаружил в Клайпеде.

Вслед за ним явились таможенники и занялись нашими паспортами. Их сменили чиновники из управления портом, предъявившие капитану счет — столько-то рублей за услуги лоцмана, столько-то за пользование кранами и так далее. Капитан в обычной своей строго вежливой форме отделал их на все корки и сказал, что они берут слишком дорого, но они только пожимали плечами и смеялись.

Самым последним русским, поднявшимся на борт, был лоцман, не тот, с которым мы уже познакомились, а другой.

Лицо у него было встревоженным.

— В открытом море сильный шторм, — сказал он капитану. — От шести до восьми баллов, но будет хуже. Рекомендую вам переждать до утра на рейде. — Он назидательно поднял палец. — Там вам придется очень туго.

Капитан несколько раз прошелся по каюте. Я знал, как он то роится, но имело ли смысл рисковать?

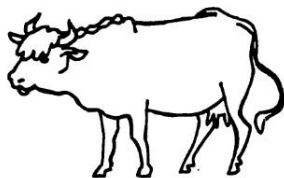
Наконец, он сказал:

— Полагаю, вы правы. И нам лучше в море пока не выходить.

В дверях каюты я столкнулся с помощником, успевшим услышать последнюю фразу. Он грустно посмотрел на меня:

— Знаете, мистер Хэрриот, это ведь не первый такой случай. Ручаюсь, на якоре мы стоять не будем. Капитана Расмуссена штормом не напугать. Так что готовьтесь.

Я сел было писать дневник, но меня одолела зевота, а койка выглядела чрезвычайно заманчивой. Такая неподвижная, такая удобная! И день ведь выдался на редкость длинный...

— Биггинс говорит.

Я покрепче ухватил трубку, а другую руку сжал в кулак так, что ногти вонзились в кожу. Мистер Биггинс имел обыкновение долго и мучительно колебаться, доводя меня до иступления. Вызвать ветеринара, по его понятиям, значило пустить в ход последнее отчаянное средство, и для него было истинной пыткой решать, пора уже или все-таки можно немножко погодить. В довершение, если мне тем не менее удавалось прорваться к нему на ферму, он с ослиным упрямством избегал следовать моим советам. Я хорошо понимал, что так ни разу и не смог ему угодить.

Он донимал меня в довоенные дни и теперь, когда война кончилась, ничуть не изменился, только немного постарел и стал еще упрямее.

— Что случилось, мистер Биггинс?

— Ну... телка у меня того.

— Хорошо, утром приеду посмотрю ее.

— Э-эй, погодите минутку! — Мистер Биггинс все еще не был уверен, стоит ли мне приезжать или не надо, хотя уже решился позвонить. — А смотреть-то ее нужно?

— Право, не берусь судить. Как она себя ведет?

Длительная пауза.

— Да вот легла и лежит.

— Лежит? Видимо, что-то серьезное. Приеду, как только смогу.

— Да погодите вы! Не так уж она давно и лежит!

— Так сколько же?

— Последнюю пару деньков, всего-то.

— Она что, вдруг легла и не вставала больше?

— Да нет же! Нет. Какое там! — Моя тупость его явно раздражала. — Неделю не ела, а вот теперь и легла.

Я набрал полную грудь воздуха и тихо его выпустил.

— Так, значит, она неделю болела, а теперь совсем обесилела, и вы решили меня вызвать?

— Ну, да. Глаза-то у нее вроде ясные были, покуда она не слегла.

— Хорошо, мистер Биггинс. Сейчас приеду.

— Э... Приезжать-то вам так уж нужно? Не то ведь...

Я повесил трубку. По горькому опыту я знал, что такой разговор может длиться до бесконечности. И еще знал, что почти наверное еду к обреченному животному. Но вдруг, если поторопиться, что-то все-таки удастся сделать?

У мистера Биггинса я был через десять минут, и встретил

он меня, как обычно: руки в карманах, голова втянута в плечи, глаза подозрительно буравят меня из-под мохнатых насупленных бровей.

— Приехали, значит? Да только поздновато.

Я успел опустить одну ногу на землю, но, услышав это, вылезать не стал.

— Уже сдохла?

— Пока-то нет. А вот-вот — и конец ей.

Я только зубами скрипнул. Телка болела неделю, я приехал через десять минут после его звонка, но его тон двух толкований не допускал: если она сдохнет, виноват буду я. Поздновато приехал!

— Ну, что же,— сказал я, справившись с собой.— Раз так, делать мне тут нечего.— И я втянул ногу в машину.

Мистер Биггинс опустил голову и пнул булыжник тяжелым сапогом.

— Что же, и смотреть ее не будете?

— Так вы же сказали, что ей уже нельзя помочь.

— Ну и сказал. А кто ветеринар-то?

— Как хотите...— Я выбрался из машины целиком.— Где она?

Он помолчал.

— А за осмотр вы особо возьмете?

— Нет. Я уже здесь, и, если ничего сделать не смогу, платить вы будете только за вызов.

Картина была до боли знакомая. Молоденькая телка лежала в темном углу коровника. Провалившиеся остекленевшие глаза каждые несколько секунд подергивались в предсмертной агонии. Температура была 37°.

— Да, вы правы, мистер Биггинс. Она умирает.— Я спрятал термометр и повернулся к двери.

Фермер, ссутулив плечи, угрюмо уставился на телку. Потом быстро взглянул на меня.

— Куда это вы?

Я удивленно обернулся.

— У меня есть еще вызовы. Вашу телку мне очень жаль, мистер Биггинс, но сделать уже ничего нельзя.

— Вот так и уйдете, не почесавшись? — Взгляд его стал воинственным.

— Но она же умирает. Вы сами сказали.

— А ветеринар кто, я или вы? И даром что ли говорят, пока есть жизнь, есть и надежда?

— К ней это не относится. Смерть может наступить в любую секунду.

Он снова уставился на телку.

— Она же дышит, так или не так? А вы ее без помощи бросите?

— Ну-у... если хотите, могу сделать ей стимулирующую инъекцию.

— Хочу, не хочу... Это вы должны знать, а не я.

— Хорошо, попытаюсь.

Я пошел к машине.

Телка в глубокой коме даже не почувствовала укола в яремную вену. Я медленно нажимал на плунжер, и тут вновь подал голос ее хозяин:

— Инъекции-то ваши штука дорогая. Во что мне эта обойдется?

— Право, не знаю! — Голова у меня уже шла кругом.

— Небось, все будете знать, чуть сядете писать мне свой счетище, а?

Я промолчал. Шприц почти опустел, но тут телка вытянула передние ноги, слепо посмотрела перед собой и перестала дышать. Несколько секунд я продолжал стоять над ней, потом прижал ладонь к ее сердцу.

— Боюсь, что все, мистер Биггинс.

Он молниеносно нагнулся к труп.

— Прикончили ее, значит?

— Да что вы! Она же была при последнем издыхании.

Фермер выпрямился и помассировал колючий подбородок.

— Чего же она настимулировала, инъекция-то ваша?

Я молча положил шприц в футляр. Не вступать же с ним в пререкания! У меня было одно желание — поскорее убраться отсюда.

Но только я направился к машине, как мистер Биггинс ухватил меня за рукав.

— Так что у нее было-то?

— Не знаю.

— Не знаете, э? За инъекцию вашу мне платить, а вы не знаете. На то вы и ветеринар, чтобы знать!

— Совершенно справедливо, мистер Биггинс. Но в данном случае мне остается констатировать, что животное агонизировало. Причину смерти можно установить лишь при вскрытии.

Фермер возбужденно одернул куртку.

— Смех да и только! Телка сдохла, и никто не знает почему. Ее же всякая зараза убить могла, так?

— Ну-у... конечно.

— И сибирка!

— Вот это нет, мистер Биггинс. Сибирская язва протекает стремительно, а, по вашим же словам, телка болела больше недели.

— Да вовсе она не болела. Понурая была, и все. А потом свалилась, как подстреленная. Чего уж стремительней-то?

— Да, но...

— А у Фреда Брамли дальше по дороге в прошлом месяце корова от сибирки сдохла или нет?

— Совершенно верно. Первый точно установленный случай в наших краях за несколько лет. Но корова успела сдохнуть прежде, чем он хоть что-нибудь заметил.

— А мне наплевать! — Мистер Биггинс упрямо выставил под-

бородок.— Про это в газете писали, и чтобы все такие внезапные случаи проверять на сибирку, потому как она заразная и для людей смертельная. Желаю, чтобы мою телку проверили!

— Ну, ладно,— ответил я, совсем обессилев.— Если вы требуете... Микроскоп у меня с собой.

— Микроскоп? Так это почему же обойдется?

— Не беспокойтесь. За такие анализы платит министерство,— ответил я и зашагал к дому.

Мистер Биггинс кивнул с мрачным удовлетворением и тут же вопросительно поднял брови.

— Куда это вы идете?

— В дом. Мне надо позвонить в министерство. Тут требуется их разрешение. Звонок я оплачу,— добавил я поспешно, потому что его лицо сразу посуровело.

Пока я разговаривал с секретарем, мистер Биггинс дышал мне в ухо, а когда я спросил, как его полное имя, нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

— Это еще зачем? Одна морока,— проворчал он.

Я вернулся к машине и вынул нож для вскрытий. Большой остро наточенный нож для разделки жаркого, которым я, естественно, живых животных не оперировал.

Мистер Биггинс слотнул.

— Черт! Ну и ножище! Это что ж вы им делать будете?

— Возьму немножко крови.— Я нагнул, сделал надрез у основания хвоста, размазал кровь по предметному стеклышку, взял микроскоп и пошел на кухню.

— А теперь вам чего требуется? — кисло осведомился мистер Биггинс.

Я поглядел по сторонам.

— Свободная раковина, огонь и вон тот стол у окна.

Раковина была заставлена грязной посудой, которую фермер, сердито ворча, извлекал из нее, пока я зафиксировал кровь, проведя стеклышко сквозь язык пламени в очаге. Я отошел к раковине и капнул на стеклышко метиленовой синей. По белому дну раковины расплылось голубоватое пятно, которое не смылось, когда я ополоснул стеклышко холодной водой под краном.

— Вон как вы раковину испакостили! — воскликнул мистер Биггинс.— Да хозяйка, когда вернется, меня поедом есть будет.

— Не беспокойтесь, оно сразу отойдет.

Я выдавил из себя улыбку. Но он мне не поверил.

Я высушил стеклышко у огня, установил микроскоп на столе и посмотрел в окуляр. Ну, разумеется, ничего кроме эритроцитов и лейкоцитов. Ни единой сибиреязвенной палочки в поле зрения.

— Все нормально,— сказал я.— Можете звонить живодеру.

Мистер Биггинс надул щеки и страдальчески махнул рукой.

— Ну, задали вы мне чертову мороку, и все попусту,— пожаловался он.

Уезжая, я подумал — и не в первый раз, — что мистера Биггинса ничем пронять невозможно, верх всегда остается за ним. И месяц спустя это убеждение окрепло еще больше, когда в базарный день он вошел в приемную.

— У одной моей коровы язык одеревенел. Дайте-ка мне йоду, чтоб смазывать.

Зигфрид поднял голову от книги вызовов.

— Отстали от времени, мистер Биггинс, — улыбнулся он. — У нас теперь есть средства получше.

Фермер принял привычную позу — втянул голову в плечи и насупился.

— Мне эти ваши новые штучки ни к чему. Чем всегда скоти-ну пользовал, тем и буду.

— Послушайте, мистер Биггинс, — со всей доступной ему убедительностью начал Зигфрид, — язык йодом уже сто лет никто не смазывает. Мы давно с успехом применяли йодистый натрий внутривенно, но даже от него отказались, потому что сульфаниламид еще лучше.

— Одни пустые слова, мистер Фарнон, хоть, конечно, и ученые, куда уж нам! — буркнул фермер. — А что для моей коровы лучше, это уж мне решать. Так дадите йоду или нет?

— Нет, — отрезал Зигфрид, и его улыбка погасла. — Как ветеринар я просто не имею права прописывать устаревшие, отвергнутые средства. — Он обернулся ко мне. — Джеймс, будьте так добры, принесите фунтовый пакет сульфаниламида.

Под аккомпанемент протестов мистера Биггинса я пробежал по коридору в аптеку, где целые полки были заняты пакетами сульфаниламида, фунтовыми и полуфунтовыми, — в тот период он находил широчайшее применение в ветеринарной практике, так как оказался куда действеннее наших бывлых панацей. С успехом использовался при многих инфекционных заболеваниях, служил великолепной присыпкой для ран и, как совершенно правильно сказал Зигфрид, быстро исцелял актиномикоз — или «деревянный язык», пользуясь средневековым термином.

Кубические пакеты из белой бумаги были перевязаны шпагатом. Схватив один, я рысцой вернулся в приемную. По коридору поочередно разносились два громких голоса.

Спор не оборвался, и когда я вошел в дверь. С первого взгляда мне стало ясно, что терпение Зигфрида истощилось. Он буквально вырвал у меня пакет и начал торопливо писать на этикетке дополнительные инструкции.

— Для начала дайте три столовых ложки в пинте воды, а потом...

— Говорят же вам, не желаю я...

— ...давайте по одной столовой ложке три раза в день...

— ...не верю я во всякие ваши новомодные штучки...

— ...а когда пакет кончится, загляните сюда, и, если надо будет, мы дадим вам второй...

Фермер смерил моего партнера злобным взглядом.

— От этой пакости никакого толка не будет!

— Мистер Биггинс,— произнес Зигфрид со зловещим спокойствием,— сульфаниламид вылечит вашу корову.

— Не вылечит!

— Вылечит!

— Не вылечит!

Зигфрид хлопнул ладонью по столу. Категорически и оглушительно.

— Забирайте! А если не поможет, я с вас ничего не возьму. Договорились?

Мистер Биггинс сузил глаза, но я видел, что соблазнительная мысль получить что-то просто так, ничего не уплатив, взяла верх над всем остальным. Медленно, неохотно он протянул руку и взял пакет.

— Вот и хорошо! — Зигфрид взмыл из-за стола и похлопал фермера по плечу.— Позвоните, когда порошок кончится. И бьюсь об заклад, на что хотите: вашей корове сразу станет много лучше.

Дней через десять, возвращаясь после кастрации жеребят, мы с Зигфридом оказались возле фермы мистера Биггинса. Завидев его дом — массивное квадратное здание с палисадником, где зелела только картошка (мистер Биггинс считал всякие там цветочки зряшним переводом денег),— мой партнер притормозил.

— Завернем-ка туда, Джеймс,— прожурчал он.— Наш приятель словно воды в рот набрал. Подозреваю, самолюбие не позволяет признать, что от сульфаниламида толк все-таки есть.— Он тихонько засмеялся.— Вот мы ему хвост и прищемим!

Он свернул во двор позади дома. Но когда собрался постучать в дверь кухни, вдруг опустил уже занесенную руку, дернул меня за локоть и возбужденно прошептал:

— Нет, Джеймс, вы только поглядите!

За стеклом кухонного окна на подоконнике красовался наш кубический пакет в белой обертке, целый и невредимый. Даже шпагат не был снят.

Зигфрид стиснул кулаки.

— Чтоб его черт побрал, осел упрямый! Он ведь даже не попробовал — из чистой подлости.

Но тут мистер Биггинс отворил дверь, и Зигфрид весело с ним поздоровался.

— А, мистер Биггинс! Доброго утра. Мы проезжали мимо и решили посмотреть, как дела у вашей коровы.

Глаза под мохнатыми бровями забегали, но мой партнер произнес самым дружеским тоном, небрежно взмахнув рукой:

— Разумеется, бесплатно. Нам самим любопытно взглянуть.

— Э... а... Я вот в шлепанцах... Сел вот чайку попить... Чего вам затрудняться...

Но Зигфрид уже устремился к коровнику. Обнаружить боль-

ную оказалось проще простого: обтянутый шкурой живой скелет — с морды свисают сосульки слюны, под нижней челюстью длинное вздутие. Среди упитанных товаров она сразу бросалась в глаза.

Зигфрид быстро ухватил ее за нос, повернул мордой к себе, другой рукой открыл рот и потрогал язык.

— Нет, вы только пощупайте, Джеймс, — шепнул он.

Я провел пальцами по твердой бугристой поверхности.

— Ужасно! Чудо, что она еще хоть что-то ест. — Я понюхал пальцы. — И йодом смазано.

— Да. Он сразу от нас отправился в аптеку.

Тут дверь коровника распахнулась и на пороге возник запыхавшийся мистер Биггинс.

Мой партнер устремил на него печальный взгляд вдоль коровьей спины.

— Видимо, вы были правы. Наше лекарство несколько ей не помогло. Просто не понимаю! — Он погладил подбородок. — И бедной вашей корове, боюсь, очень плохо. Совсем истощена. Приношу вам свои искренние извинения.

На лицо мистера Биггинса стоило посмотреть!

— А... да ну... оно, конечно... не полегчало ей... Того и гляди...

— Послушайте, — перебил Зигфрид, — я чувствую, что вина моя. Мое лекарство ей не помогло, значит, я обязан ее вылечить. — Он решительно зашагал сквозь строй коров. — У меня в машине есть раствор, который обязательно должен ей помочь. Извините, я сейчас.

— Да погодите вы... я ж не знаю... — Но его возражения пропали втуне; Зигфрид уже открывал багажник.

Он тотчас вернулся с флаконом — я не понял, чего, — и начал набирать его содержимое в двадцатикубиковый шприц, не спуская глаз с мерных делений и фальшиво насвистывая какой-то мотив.

— Подержите хвост, Джеймс, будьте добры, — скомандовал он и занес шприц над ягодичной мышцей страдальцы, но внезапно обернулся к фермеру и сказал: — Великолепное средство, мистер Биггинс, и так удачно, что вы скормили ей наш пакет.

— Чего-чего?

— Без такой подготовки это средство могло бы подействовать не самым желательным образом.

— Э... убило бы ее, что ли?

— Не исключено, — промурлыкал Зигфрид. — Но не тревожьтесь! Она ведь получала сульфаниламид.

Игла уже почти вонзилась в шкуру, когда фермер не выдержал:

— Э-эй! Да погодите же! Не колите!

— В чем дело, мистер Биггинс? Что случилось?

— Ничего... только вот тут неувязочка вышла... — На лице фермера отразились противоречивые чувства. — Дело, значит, такое... она, думается мне, вашей этой штуки еще не так чтоб много наглоталась.

Зигфрид опустил руку со шприцем.

— Вы снизили дозировку? Но ведь я, если помните, подробно все написал на обертке.

— Так-то так, да я маленько не того... спутал, значит.

— А, пустяки! Давайте ей полные дозы, и все обойдется.— Зигфрид всадил иглу и, не слушая отчаянных воплей мистера Биггинса, ввел корове все двадцать кубиков.

Убирая шприц в футляр, он удовлетворенно вздохнул.

— Ну, теперь все должно быть в порядке. Но не забудьте: немедленно же вкатите ей три столовые ложки и продолжайте по одной, пока не кончите пакета. Корова в таком состоянии, что почти наверное, этого не хватит, но ведь вы дадите нам знать, верно?

Едва мы выехали со двора, как я накинулся на Зигфрида.

— Какую такую инъекцию вы ей сделали?

— Смесь витаминов. Они подкрепят беднягу, хотя, конечно, языка ей не очистят. Но без этого у меня ничего не вышло бы, а теперь уж он начнет давать ей сульфаниламид как миленький. Интересно будет посмотреть, что произойдет!

Действительно, было очень интересно.

Еще до истечения недели в приемную смущенно, бочком вошел мистер Биггинс.

— Мне бы еще пакетик, а? — буркнул он.

— Сию минуту! — Зигфрид сделал приглашающий жест.— Столько, сколько скажете.— Он перегнулся через стол.— У коровы, полагаю, вид стал лучше?

— Ага.

— Слюноотделение прекратилось?

— Ага.

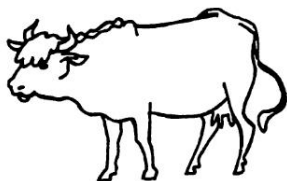
— Начала набирать тело?

— Ага. Начала.— Мистер Биггинс опустил голову, словно показывая, что больше на вопросы отвечать не желает, и Зигфрид вручил ему новый пакет.

В окно приемной мы следили, как он переходил улицу. Зигфрид хлопнул меня по плечу:

— Ну, что ж, Джеймс! Маленькая, но победа. Наконец-то нам удалось прогнать мистера Биггинса!

Я засмеялся вместе с ним, разделяя его торжество, но теперь, оглядываясь на всю историю нашего знакомства с мистером Биггинсом, я пришел к выводу, что это был один-единственный случай, когда верх остался за нами.

Проверка на туберкулез — занятие довольно нудное, и я только обрадовался, когда в коровник зашел Джордж Форсайт, страховой агент, и завел разговор о том о сем.

Я проводил ежегодную проверку на небольшой ферме братьев Хадсон. Клем, старший, солидный мужчина лет сорока, старательно записывал номера в книжку. Дик, моложе его года на три-четыре, протирает коровам уши, чтобы яснее были видны цифры, вытатуированные на внутренней стороне.

Я выстригал, измерял, делал инъекции, а Джордж рассуждал о погоде, результатах последних крикетных матчей и о цене на свиней. Привалившись к стене, он неторопливо попыхивал сигаретой, будто свободного времени у него было хоть отбавляй, но меня не оставляло подозрение, что явился он сюда не просто, чтобы поболтать на досуге.

И через несколько минут он-таки перешел к делу.

— Знаете, Клем,— начал он,— вам бы следовало застраховаться как следует.

Клем тщательно дорисовывал последнюю цифру.

— Что это вы? Машина у нас застрахована, от пожара и молнии мы застраховались. Так какого еще рожна?

— Какого? — Джордж был потрясен. — Разве же это называется застраховаться? Во-первых, вам обоим необходимо застраховать свою жизнь.

— Нетушки! — Клем помотал головой. — Не верю я в это. Про что говорил, то — да, тут никуда не денешься. А остальное страховать, только деньгам перевод.

Из-за морды коровы высунулась голова Дика.

— И я так считаю. Зря время теряете, Джордж.

— Ей-богу,— сказал страховой агент,— какие-то вы оба допотопные. Или вам не хочется обеспечить вашим близким в случае вашей кончины кругленькую сумму?

— А я скоро помирать не собираюсь,— буркнул Клем и перешел к следующей корове.

— Да откуда же вы знаете, черт подери?!

— А все Хадсоны до-о-олго живут,— ответил Дик. — Кое-кого чуть не пристрелить пришлось. Нашему папаше за восемьдесят, а он хоть гору своротит. Ферму он нам, конечно, отдал, да только не потому, что уже работать не мог.

Джордж, изящно ступая лакированными туфлями, отбежал в сторону, ибо корова угрожающе задрала хвост в его направлении.

— Вы, видимо, не улавливаете сути,— сказал он,— но не стану

вас уговаривать. Однако (он назидательно погрозил пальцем) уж от болезней вы застраховаться обязаны.

Оба брата так и покатались со смеху.

— От болезней? — Жалостливая улыбка скользнула по рубленому лицу Клема. — Так нас же никакая хворь не берет. В жизни ни разу даже не высморкались. Ни одного дня в полсилы не работали.

— А откуда вы знаете, что и дальше так будет? — слабым голосом произнес Джордж. — Болезни с возрастом приходят...

— Да будет вам, Джордж! — перебил Дик, протискиваясь между двумя коровами. — Сказано: не верим мы в страховку, и все тут. И ни на какие ваши хитрые полисы деньги швырять не станем.

Джордж прищурился. Ему бросили вызов, и он явно намерен был его принять.

— Да послушайте же... — начал он, но мы уже покончили с последней коровой.

— А теперь куда? — спросил Джордж, не dokonчив фразы.

— Вон туда! В сарае там у нас телушки, — ответил Клем.

Телки оказались очень крупными и буйными. Я вжался в стену, а они металась вокруг, раскидывая солому. Братья раз за разом бросали аркан, но без толку, и тут над перегородкой появилась голова Джорджа.

— Вот что! — твердо сказал он, и мне вспомнился юмористический стишок: «Тот, кто страховки продает, упорством хоть гранит пробьет». — От несчастного случая вы оба должны застраховаться!

Клему как раз удалось заарканить брыкающуюся телку, и он повис на веревке.

— Несчастный случай? Еще чего! Да мы знать не знаем, что это такое!

— Ага! Потому-то вам и необходимо немедленно застраховаться. Чем дольше с вами ничего не случается, тем больше шансов, что случится. И скоро! Простая математика.

— Простая, не простая! — пробурчал Дик. — Коли с нами ничего до сих пор не случилось, это еще не значит, что обязательно случится... — Речь его оборвалась, потому что заарканенная телка вдруг резко попятилась, ударила его задом в солнечное сплетение и впечатала в каменную стену. Он осел на солому, вцепившись руками в живот и тщетно стараясь вздохнуть.

— Ну, что! — вскричал Джордж. — Что я говорил? Ваша жизнь полна опасностей. Произойти может, что угодно!

— Так ведь не произошло же, — с некоторым сомнением возразил Клем, глядя, как его брат поднимается с пола.

Но глаза Джорджа уже горели неистовым огнем, который вспыхивает в груди страхового агента, когда он внезапно обнаруживает, что судьба на его стороне.

— Ну пусть на этот раз и обошлось, но ведь ему могло внутрен-

ности повредить, верно? И когда бы он еще выздоровел! А как бы вы с работой без него справлялись? Пришлось бы кого-нибудь со стороны нанять, так? Платить ему, верно? А получи вы деньги по такому полису, и было бы чем платить.

Звонкие два слога «день-ги», видимо, пробудили в Клеме какое-то новое чувство. Он бросил на страхового агента взгляд искоса. — Сколько?

Джордж ответил кратко и деловито:

— У меня тут как раз то, что вам требуется. — И он извлек из внутреннего кармана пачку полисов. — Годовой взнос в десять фунтов гарантирует вам получение по двадцать фунтов в неделю, пока вы будете оправляться после несчастного случая. Разумеется, есть и другие льготные условия. Вот посмотрите.

Клем водрузил на нос очки в стальной оправе и принялся штудировать полис, а Дик читал, стоя у него за плечом.

До меня доносились обрывки фраз:

— Двадцать в неделю... деньги порядочные... чего уж тут...

В 1948 году, когда квалифицированный помощник ветеринара получал в неделю в среднем фунтов десять, двадцать фунтов действительно были завидной суммой.

Наконец, Клем посмотрел на агента.

— Попробуем, пожалуй. Двадцать фунтов в неделю, ох как кстати придутся!

— Вот и чудесно! — Джордж вытащил серебряный карандашик. — Просто распишитесь вот тут. Вы оба. Большое спасибо. После краткой паузы он продолжал:

— А как же Херберт, он же работает у вас?

— На лугу он сейчас, — ответил Дик. — А что?

— Вам следует и его застраховать.

— Так у него еще молоко толком на губах не обсохло.

— Ну, ладно. Взнос за него будет меньше. Пять фунтов в год. А условия такие же.

Братья, видимо, уже полностью сдались.

— Оно пожалуй. Застрахуем и его.

Джордж, весело насвистывая, упорхнул к своему автомобилю, а мы вернулись к телкам.

Примерно через три недели я столкнулся с Клемом на рыночной площади. Он неторопливо шествовал по тротуару, заглядывая во все витрины. Костюм на нем был темный, щеголеватый и совсем не похожий на его рабочую одежду. До вечера оставалось еще порядочно, и я удивился: в этот час ему полагалось бы пригонять коров с пастбища и доить их. Но тут он обернулся, и я увидел, что рука у него в лубке.

— Что с вами приключилось, Клем? — спросил я сочувственно.

Он посмотрел на толстую гипсовую скорлупу.

— Да вот, руку угроздило сломать. Поскользнулся в коровнике. Хотите верьте, хотите нет — хлопнулся я ровнехонько через три

дня, как взял ту страховочку.— Глаза у него расширились.— Получаю по двадцать фунтов каждую неделю, а доктор говорит, что раньше, чем через девять недель, работать начать я не смогу. Значит, получу двести фунтов с лишком. Неплохо, а?

— Бесспорно. Какое счастье, что вы послушались Джорджа Форсайта! Но ведь вам приходится платить кому-то за помощь? — Ан нет! Сами управляемся.

И он пошел своей дорогой, тихо посмеиваясь.

Когда мне пришлось заехать к Хадсонам «почистить» корову, рука Клема успела срastись. Он принес мне ведро горячей воды, и я принялся намыливать руки, но тут в коровник вошел Дик. Мне следовало бы добавить «кое-как ковыляя», потому что вошел он на костылях.

Я усталился на него, и у меня по коже пробежали мурашки: как-то жутко становится, когда на твоих глазах вершит свое дело судьба.

— Ногу сломали?

— Угу,— лаконично ответил Дик.— Раз — и готово. Ярку ловил на верхнем лугу, ну и угодил ногой в кроличью нору.

— Значит, пока вы работать не можете?

— Угу. В гипсе мне ходить недель четырнадцать, не меньше. Морока, конечно, но вот двадцать фунтов в недельку очень кстати пришлись. Хорошо, что мы подмахнули ту бумаженцию.

В следующий раз я его увидел, когда как-то в базарный день он заглянул в приемную уплатить по счету. Гипс сняли, но Дик все еще прихрамывал.

— Как нога, Дик? — спросил я, выписывая квитанцию.

— Не очень чтоб.— Он поморщился.— Иной раз до того разболится, что хоть на стенку лезь. А так вроде покрепче стала.

— Ну что же! — Я отдал ему квитанцию.— Не надо только ее пока перетруждать.

— Это уж как получится.— Дик покачал головой.— Работа, она не ждет, а с Хербертом несчастный случай произошел.

— Что-о?!

— Ну да. Проткнул ногу вилами, и на тебе — заражение крови. Сам-то он ничего, только доктор говорит, что ходить он нескоро будет.

Действительно, выздоровел Херберт только через два с половиной месяца, но, как поведал мне Клем как-то вечером в «Гуртовщиках», двести фунтов полученной страховки послужили им некоторым утешением.

— Поразительно! — вздохнул я.— В то утро вам Джорджа Форсайта не иначе как бог послал. Его страховая компания стала вам хорошей поддержкой.

Клем, однако, не только не выразил никакого восторга, но хмуро устался на дно своей кружки.

— Я вам вот что скажу. Странные они какие-то, страхователи эти. Хотите верьте, хотите нет, при вас же он нас уламывал, а

теперь они не желают нас больше страховать.

— Неужели? Как же так?

— Письмо прислали: дескать, не желаем возобновлять ваш полис. Вот и весь сказ. Это, по-вашему, как?

— Бывает, Клем,— сказал я, нисколько не удивившись. За взнос в двадцать пять фунтов Хадсоны еще до истечения года получили от страховой компании семьсот фунтов с лишним. Естественно, что она забила отбой.

— Только мы в конце года у других застраховались. Все прежние страховки на них перевели — на дом, машину и прочее там.

— И против несчастных случаев тоже застраховались?

Клем поднял кружку и сделал большой глоток.

— Угу... — Он добавил с оскорбленным видом: — Только они за каждого лишний фунт содрали.

Несколько месяцев спустя после того, как новая страховая компания взвалила на себя такую обузу, Дик упал под открытый капот трактора. Он мог бы получить серьезные увечья, но отделался только трещиной в большом пальце на правой руке и восемь недель не мог работать.

Об этом поведал мне он сам, когда палец у него уже полностью зажил. Я пил с ним чай у них на кухне.

— Еще сто шестьдесят фунтов в копилку,— философски произнес он, пододвигая ко мне тарелку сдобных лепешек.

Вероятно, вид у меня был достаточно ошарашенный, потому что он добавил:

— И это, мистер Хэрриот, еще не все. Я машину разбил.

— Да не может быть!

— Ага. Врезался в дверцу Бесси Тренхолм. Радиатор и фары прямо в смятку!

— Нет, просто не верится! И еще страховку получили?

Дик улыбнулся странной улыбкой.

— Вот послушайте. Тут целая история вышла. Виновата была Бесси — вылетела из ворот на дорогу и не посигналила даже. Ну, а я застраховался только на тот случай, если вина будет не моя. И думаю, как мне доказать это? Свидетелей ведь нет, а Бесси девка молоденькая, хорошенькая, так кто же моим словам против ее слов поверит? И решил я страховки не требовать, однако своему страховщику сказал, как дело было.

— Так, значит, на этот раз вы ничего не получили?

Улыбка Дика расплзлась до ушей.

— Я-то думал, что не получу, да только через пару дней приезжает страховщик и говорит мне, что у них там ошибка вышла, и мою машину застраховали против всех случаев, а кто виноват — неважно.

— Господи! Так вы опять получили?

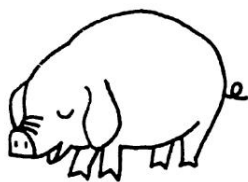
— Ага. Еще полтора ста фунтов. Не скажу, чтобы плохо. — Дик отрезал клин уэнслидейлского сыра и лицо его посерьезне-

ло.— Одно нас тревожит: когда страховщик деньги выплачивал, что-то он мялся. Вроде бы не очень был доволен. Вот мы и опасаемся, как бы и эта компания нам не дала от ворот поворот, как та.

— Да, конечно,— ответил я.— Это было бы неприятно.

— Не то слово,— сказал Дик, печально кивнув.— Уж очень мы с Клемом в страховку верим.

21

3 ноября 1961 года

На койку я забрался в три утра и сразу провалился в сон. Но тут же — так мне, во всяком случае, показалось — снова открыл глаза, потому что судно вздыбливалось то кормой, то носом, словно взбесившаяся лошадь. Я выглянул в иллюминатор и увидел

неистовую пляску волн.

Вдали, скрываясь из виду, мерцали огни Клайпеды. Помощник знал, что говорил: бушующий шторм нашего капитана не смутил.

До утра я все время получал наглядное подтверждение словам капитана, каково нам придется, если обратно мы пойдем против лобового ветра. По пути в Клайпеду качка была в основном бортовой, и, растопыривая локти и колени, я кое-как удерживался на койке, но теперь она стала килевой и оказалась в десять раз хуже. Вновь и вновь я скользил от изголовья вниз, а потом назад, и ничто не помогало. Зато я точно знал, когда наш нос задирался вверх, а когда ухал вниз — и все за считанные секунды.

Снаружи ревела буря, по стеклу иллюминатора хлестали водяные струи, а мебель и мои вещи кружились в вольном хоро-воде. Я не стал им мешать. Наводить порядок было бы не только бесполезно, но и опасно. Кувыркаясь вместе с койкой, слушая лязг, стук, грохот, доносившиеся отовсюду, я распростился с надеждой уснуть, а когда рассвело, ничего утешительного не увидел.

Однако я понял источник одного из новых звуков, преследовавших меня всю ночь. Если прежде, при кормовом ветре, «Ирис Клоусен» плавно соскальзывала с гигантских волн, теперь она проваливалась килем в каждую зеленую пропасть и раздавался лязгающий удар, точно мы стукались о скалистое дно. Ну совсем так, как бывает, когда ныряльщик хлопается о воду животом. Ощущение было не из приятных.

Видимо, эта жуткая ночь породила у всех моих здешних доброжелателей мысль, будто я валяюсь на койке в полной прострации. Во всяком случае, в восемь часов в дверь вместо юнги постучался Нильсен.

— Вы не вставайте, мистер Хэрриот,— сказал он сквозь дверь.— Я сейчас подам вам позавтракать сюда.

— Спасибо, не надо,— ответил я.— Да входите же!

Нильсен приоткрыл дверь и выпучил глаза, увидев, что я пытаюсь бриться, упершись спиной в одну стенку, а ногой — в другую.

— Вы себя хорошо чувствуете? — растерянно спросил он.

Я воспользовался мгновением неподвижности, чтобы соскрести с физиономии еще клочок мыльной пены.

— Отлично. А как насчет завтрака?

— Ну-у... есть жареная рыба, яичница, копченая колбаса...

— Вот и чудесно. Сейчас приду, только добреюсь.

Он ответил мне еще одним недоверчивым взглядом и исчез за дверью.

В салоне сидел один помощник, усердно расправляясь с разными яствами, но вдруг его вилка застыла на полпути ко рту, а брови полезли вверх — он увидел, с каким аппетитом я набросился на груду всякой всячины, которой нагрузил свою тарелку.

— Мистер Хэрриот,— произнес он торжественно,— из всех сухопутных крыс, каких я знаю, вы первый, кого не доконала такая ночь, как сегодняшняя.

Меня раздражала гордость. Безусловно, для того чтобы хорошо переносить качку, особых талантов не требуется, и все-таки было лестно услышать, что такой вестибулярный аппарат и желудок найдешь не у всякого.

Интересно, что немножко не по себе мне стало только один раз — когда я кое-как выбрался на палубу подышать свежим воздухом и некоторое время смотрел на взбесившееся море. Очевидно, хаотическая пляска волн на меня подействовала, и я счел за благо вернуться к себе в каюту, где и провел почти весь день. Овец мы доставили, делать мне было нечего, а разгуливать по судну в такую погоду неопытному моряку вроде меня не рекомендовалось. Раза два я уже полетел кувырком, и опасность сломать ногу или разбить голову была вполне реальной.

Мне оставалось только лежать на спине, почитать детективные романы и есть. Звучит не так уж плохо, но я привык к деятельной жизни и чувствовал, что в Дарроуби вернется изрядно ожиревший Хэрриот.

Несомненно, пробудь я на «Ирис Клоусен» подольше, мне грозила бы судьба уподобиться Карлу Расмуссену, толстенькому помощнику капитана, признанному чемпиону за обеденным столом. Хладнокровно разделавшись с горячими блюдами, он принимался за закуски и поглощал их в невероятных количествах, заедая всю трапезу огромным ломтем с топленым салом.

Не хочу утверждать, что равных ему я вообще не видел — среди йоркширских фермеров мне встречались люди с могучим аппетитом, да и я сам обладаю на этом поприще некоторой репутацией (Тристан имеет обыкновение величать меня «обжорой

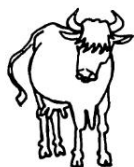
из Дарроуби»), — однако Карлу я и в подметки не годился и взирал на него со смиренным восхищением.

После ужина капитан сказал, что на обратном пути они предполагали зайти в Данциг, но планы изменились, и мы теперь идем в Штеттин — он пользовался более легкими для произношения старыми немецкими названиями, хотя теперь эти польские порты называются соответственно Гданьск и Щецин. В Щецине мы возьмем на борт восемьсот свиней и доставим их в Любек.

Капитан рассчитывал погрузить их в воскресенье и быть в Любеке в понедельник. Но все зависело от погоды, которая оставалась омерзительной. Ветер по-прежнему был встречным, и мы продвигались вперед со скоростью шесть узлов.

Я сел было писать дневник, но тут же соскользнул к двери, с трудом вернулся на место и вновь соскользнул. Видимо, предстояла еще одна бессонная ночь.

22

— «Сердце я отдал свое в беззаботные руки!» — звенел тоненький голосок Розы, пока я осторожно вел машину по изрытому колеями проселку. Теперь мои часы за рулем скрашивало пение.

Ехал я перевязать рану на спине коровы и слушал с огромным удовольствием. Мало-помалу до моего сознания дошло, что свершилось еще одно чудо: вновь со мной на вызов едет мой ребенок! Когда Джимми поступил в школу, мне очень не хватало его общества в машине, однако я и вообразить не мог, что все повторится, но уже с Розы.

Следить, как твои собственные дети впервые знакомятся с четвероногими обитателями ферм, наблюдать их растущую любовь и интерес к окружающей природе, слушать детскую болтовню, не способную надоесть, разделять веселье и смех, скрашивающие трудности и заботы каждого дня, — все это мне было даровано дважды.

Ну а что до пения, так все началось с покупки радиолы. Музыка всегда значила для меня очень много, и мой проигрыватель доставлял мне немало счастливых минут. Однако я мечтал обзавестись чем-нибудь получше, чтобы прекрасные оркестры, игра и пение моих любимых исполнителей звучали точнее и естественнее. В те времена о стереосистемах и прочих современных новинках, революционизировавших мир записанной музыки, еще никто не грезил. Пределом желаний была хорошая радиолка.

После долгого мучительного изучения каталогов разных фирм, наслушавшись всяческих советов и рекомендаций, я сократил

список возможных моделей до трех и, чтобы сделать окончательный выбор, попросил доставить их в Скелдейл-Хаус, прослушал на каждой начало бетховенского Скрипичного концерта, потом повторил пробы еще несколько раз, несомненно доведя представителя радиомagasина до белого каления. Зато я убедился, что должен купить «Мэрфи» и только «Мэрфи». Великолепный футляр, изящные ножки, а главное — звучание! На полной мощности — ни малейшего смазывания! Я был совершенно очарован, но в бочке меда имелась своя ложка дегтя: стоило это чудо девяносто фунтов с лишним, деньги в 1950 году колоссальные.

— Хелен,— сказал я, когда мы установили покупку в гостиной.— Надо последить, чтобы дети к ней не прикасались. Пусть ставят пластинки на старый проигрыватель, но к «Мэрфи» их допускать нельзя.

Какая наивность! На следующий же день, вернувшись, я еще в коридоре был оглушен хоровым припевом к «Призрачным всадникам» Бинга Кросби, неистовавшим на обороте «Беззаботных рук» во всю силу, на какую был способен «Мэрфи».

Я приоткрыл дверь гостиной и заглянул в шелку. «Призрачные всадники» окончились, Роза пухлыми ручонками сняла пластинку, уложила в конверт, потряхивая косичками, промаршировала к шкафчику с пластинками, поставила Бинга Кросби на место и извлекла новую пластинку. На полпути к радиоле я ее перехватил.

— А на этой что? — спросил я.

— «Пряничный человечек», — ответила она.

Я посмотрел на наклейку. Действительно! Но как она узнала? Детских пластинок у меня была уйма и многие выглядели абсолютно одинаково. Тот же цвет, та же группировка слов, а Роза в свои три года читать еще не умела.

Она опытным движением поставила пластинку на круг и запустила ее. Я прослушал «Пряничного человечка» до конца, а Роза выбрала еще одну пластинку.

Я посмотрел через ее плечо:

— А это какая?

— «Петя и волк».

Так оно и оказалось. Мне некуда было торопиться, и около часа Роза продолжала ублажать меня одной пластинкой за другой. Вскоре выяснилось, что из песен Бинга Кросби, чьим верным поклонником я был и остаюсь по сей день, она всем предпочитала «Беззаботные руки».

К исходу часа я пришел к выводу, что пытаться разлучить Розу с «Мэрфи» — бесполезно. Если она не уезжала со мной, то принималась слушать пластинки. Радиола стала ее любимой игрушкой. Но все оказалось к лучшему: ни малейшего вреда моей дорогой покупке она не причинила, зато, сопровождая меня, распевала самые любимые свои песни, не ошибаясь ни в едином слове, ни в единой ноте. И мне искренне нравилось ее пение.

А «Беззаботные руки» скоро заняли особое место и в моем сердце.

Дорогу на эту ферму в трех местах преграждали ворота. Едва мы подъехали к первым, как пение оборвалось. Наступил звездный час моей дочурки. Чуть я затормозил, как она спрыгнула на землю, гордо зашагала к воротам и отворила их. Относилась она к этой своей обязанности с величайшей серьезностью, и маленькое личико сосредоточенно хмурилось, пока я благополучно не проехал в проем. Когда она вновь уселась рядом с Сэмом, я погладил ее по коленке.

— Спасибо, радость моя, — сказал я. — Ты мне всегда очень помогаешь.

Она промолчала, но порозовела и надулась важностью. Ведь она знала, что похвалил я ее от души — необходимость самому открывать ворота всегда меня угнетала.

Вторые и третьи ворота мы одолели тем же манером и въехали во двор фермы. Хозяин, мистер Биннс, запер корову в старом коровнике с продольным проходом, упирившимся в стену.

Заглянув в стойло, я не без дурных предчувствий обнаружил, что моя пациентка принадлежит к галлоуэйской породе: черная масть, косматая челка падает на угрюмые глаза. Перехватив мой взгляд, корова наклонила голову и захлестала хвостом.

— А что, привязать ее вы не могли, мистер Биннс? — спросил я.

Он помотал головой.

— У меня для них места не хватает, и эта почти все время пасется на пустошах.

Оно и видно! Назвать ее домашним животным язык не поворачивался. Я посмотрел на Рози. Обычно я сажал ее в кормушку на сено или на перегородку, чтобы она могла посмотреть, как я работаю. Но галлоуэйская корова была малоподходящим для нее обществом.

— Рози, — сказал я, — тут мне негде тебя посадить. Пойди в конец коридора и подожди там в сторонке.

Мы вошли в стойло, и корова начала приплясывать, явно пытаясь вскарабкаться на стенку. Я был приятно удивлен, когда фермеру удалось набросить на нее веревку. Он попятился в угол.

— А вы сумеете ее удержать? — спросил я с сомнением.

— Уж постараюсь, — пропыхтел мистер Биннс. — А эта штука у нее вон там на спине.

Редкий случай! Большой вскрывшийся абсцесс почти у основания хвоста. А хвост все хлестал и хлестал из стороны в сторону — верный признак дурного норова у быков и коров.

Я осторожно провел пальцами по вздутию, и задняя нога, словно подчиняясь врожденному рефлексу, брыкнула меня, косо скользнув по бедру. Я этого ожидал и продолжал исследование.

— И давно у нее это?

Фермер врыл каблуки в пол и судорожно стиснул веревку.

— Да месяца с два. То прорвется, то опять вздуется. Я всякий

раз думал, что уже все, но конца что-то не видеть. А причина в чем?

— Не знаю, мистер Биннс. Наверное, она каким-то образом поранилась, и в рану попала инфекция. Ну, а отток тут очень плохой. Мне придется удалить много омертвевшей ткани, иначе заживление вообще не начнется.

Я перегнулся через перегородку.

— Рози, пожалуйста, принеси мне ножницы, вату и бутылку с перекисью.

Крохотная фигурка помчалась к машине и скоро вернулась со всем, что мне требовалось.

— Черт подери! — сказал фермер, с удивлением за ней следивший. — А девчушка хорошо разбирается, что у вас там где.

— О, да, — ответил я с улыбкой. — Не стану утверждать, что она может отыскать в багажнике любую вещь, но то, чем я часто пользуюсь, знает как свои пять пальцев.

Я наклонился через перегородку, Рози вручила мне ножницы, вату и бутылку, а потом послушно отошла в дальний конец прохода.

Ну, приступим. Я срезал, скоблил, протирал. Впрочем, ткань была некротизирована очень глубоко, и чувствовать корова ничего не могла, хотя задняя нога продолжала каждые несколько секунд задевать мое бедро. Есть животные, которые не терпят никакого насилия над собой, и эта корова принадлежала к ним.

Наконец, я очистил довольно широкий участок и начал обрабатывать его перекисью водорода. Я очень верю в антисептические свойства этого старинного средства (во всяком случае, если гноя много) и с удовлетворением наблюдал, как перекись пузырилась на коже. Однако корове подобное ощущение, видимо, пришлось не по вкусу. Во всяком случае, она неожиданно взвилась в воздух, вырвала веревку из рук фермера, отбросила меня в сторону и ринулась к двери.

Дверь была закрыта, но так обветшала, что корова с громким треском проскочила сквозь нее, даже не убавив прыти. Когда мохнатое чудовище вылетело в проход, я с отчаянием подумал: «Влево! Влево поверни!», но, к моему ужасу, она повернула вправо, поскребла копытами по булыжнику и ринулась в тупик, где стояла моя дочурка.

Наступила чуть ли не самая страшная минута в моей жизни. Подбегая к проломленной двери я услышал, как тихий голосок произнес: «Мама!» Нет, она даже не вскрикнула — ничего, кроме этого тихого «мама». Выскочив в проход, я увидел, что Рози прижалась спиной к поперечной стене, а корова неподвижно стоит перед ней на расстоянии двух шагов.

Услышав мой топот, корова оглянулась, затем развернулась, почти не сходя с места, и галопом пронеслась мимо меня во двор.

Подхватывая Рози на руки, я весь трясся. Ведь корова так легко могла... В голове у меня вихрем кружились бессвязные

мысли. Почему Рози сказала «мама»? Ведь прежде я ни разу не слышал, чтобы она произносила это слово. Хелен была для нее «мамочка» и «ма-а!». И почему она словно бы даже не испугалась? Но ответов я не искал, испытывая только невероятную благодарность судьбе. Как испытываю ее и теперь, когда вижу этот проход.

На обратном пути мне припомнилось, как с Джимми во время одной из его поездок со мной случилось почти то же самое. Правда, не столь страшное, потому что он играл в проходе перед открытой дверью, выходявшей на луга, и не оказался в ловушке, когда корова, которую я осматривал, вырвалась и побежала в его сторону. Я ничего не успел увидеть, услышал только пронзительное «а-а-а!». Однако, когда я выбежал из стойла, Джимми, к величайшему моему облегчению, мчался через луг к машине, а корова рысила в противоположном направлении.

Реакция Джимми была типичной для него, потому что, попадая в тяжелое положение, он сразу же громкими воплями оповещал всех об этом. Когда доктор Эллисон приезжал сделать ему прививку, он, не успев еще увидеть шприца, уже отчаянно выл: «Ой-ой-ой! Больно будет, ой-ой-ой!» А добрый доктор, родственная душа, гремел в ответ: «И будет! И будет! О-о-о! А-а-а!» Зато нашего дантиста Джимми сумел-таки перепугать насмерть. По-видимому, его потребность вопить выдерживала и общую анестезию. Долгий дрожащий стон, который мой сын испустил уже вдохнув газ, вверх бедного врача почти в панику.

На обратном пути Рози старательно открывала ворота за воротами, а когда мы миновали третьи, вопросительно посмотрела на меня. Я понял: ей ужасно хотелось поиграть в ее любимую игру. Она обожала, чтобы ей задавали вопросы, как Джимми обожал засыпать вопросами меня.

Я повиновался этому сигналу и начал:

— Назови мне шесть голубых и синих цветов.

Рози раздумянилась от удовольствия, уж их-то она знала!

— Колокольчик лесной, колокольчик раскидистый, василек, незабудка, вероника, фиалка.

— Умница! А теперь... ну-ка, шесть птиц!

И опять румянец, и быстрый ответ:

— Сорока, кроншнеп, дрозд, ржанка, овсянка, грач.

— Замечательно! Ну, а теперь назови мне шесть красных цветов...

И так далее и тому подобное, день за днем, с бесконечными вариациями. Тогда я толком не понимал, какой я счастливец. Работал я буквально круглые сутки и тем не менее много времени проводил со своими детьми. Столько мужчин с таким усердием трудятся во имя семейного очага, что практически не видят своих детей. А какой же тогда это семейный очаг? Слава богу, у меня все сложилось иначе.

И Джимми, и Рози, пока не подошли их школьные годы, чуть ли не целые дни проводили со мной на фермах. А Рози, всегда очень заботливо меня опекавшая, по мере приближения ее первого школьного дня начала относиться ко мне прямо-таки по-матерински. Она действительно не в силах была понять, как я сумею обойтись без нее и, когда ей исполнилось пять, постоянно из-за этого тревожилась.

— Папа,— говорила она с глубокой серьезностью,— вот я пойду в школу, как же ты останешься без меня? И ворота открывать, и доставать лекарства из багажника — и все самому. Тебе же будет очень трудно.

Я старался ее разуверить, гладил по голове и повторял:

— Конечно, Рози, я знаю. Мне очень будет тебя не хватать, но как-нибудь я справлюсь.

И в ответ всегда солнечный взгляд, улыбка облегчения, утешающие слова:

— Ну, ничего, папа, я ведь буду ездить с тобой каждую субботу и каждое воскресенье. Значит, ты сможешь немножко отдохнуть.

Пожалуй, только естественно, что мои дети, наблюдая с самого раннего возраста работу ветеринара, замечая, какую радость дает она мне, выбрали себе профессию сразу и безоговорочно: они будут ветеринарами!

Намерение Джимми я мог только одобрить. Он был крепким, закаленным мальчуганом, и, конечно, тяготы нашей практики покажутся ему пустяками, но мне была нестерпима мысль, что мою дочурку будут лгать, бодать, сбивать с ног, топтать, не говоря уж о навозной жиже и прочих прелестях. В те дни ведь не было металлических станков, чтобы удерживать буйствующих гигантов, зато в немалых количествах еще держались рабочие лошади, а именно они постоянно отправляли ветеринаров в больницу то со сломанной ногой, то со сломанными ребрами. Рози твердо решила, что практиковать она будет только в сельских краях, а уж такая жизнь, на мой взгляд, годилась только для мужчин. Короче говоря, я убеждал ее, убеждал, пока не переубедил. Поступив наперекор и своей природе, и своим принципам.

Как отец я никогда не стремился обязательно поставить на своем и был глубоко убежден, что детям полезней всего следовать своим наклонностям. Но когда Рози стала долговязым подростком, я не скупился на самые прозрачные намеки и даже прибегал к откровенно нечестным приемам, старательно подбирая для ее назидания случаи пострашнее и процедуры погрязнее. В конце концов она решила, что будет лечить людей.

А теперь, когда я вижу, сколько девушек учатся в ветеринарных колледжах, и вспоминаю, как отлично работали у нас две молоденькие практикантки, я начинаю сомневаться, правильно ли я поступил.

Однако Рози — хороший доктор и счастлива, а родители ни-

когда не бывают уверены, что поступали правильно, какие бы наилучшие побуждения ими тогда ни руководили.

Впрочем, все это было еще в далеком будущем, а пока на обратном пути с фермы мистера Биннса моя трехлетняя дочка, примостившись рядом со мной, уже вновь с чувством выводила первый куплет своей самой любимой песни: «Беззаботные руки швыряют на ветер мечты»!

23

В 1950 году мой давний кумир Джордж Бернард Шоу, подрезая яблони в саду, упал с лестницы и сломал ногу. А я именно в ту неделю перечитывал некоторые его «Предисловия», вновь упиваясь его неповторимым остроумием, и радовался ощущению, что вот я опять соприкасаюсь с интеллектом, чьи горизонты уходили далеко за пределы, доступные большинству современных писателей, да и не только современных.

Известие о том, что с ним случилось, меня потрясло, и английская пресса, несомненно, разделяла мои чувства. Серьезнейшие вопросы внутренней и внешней политики были вытеснены с первых газетных страниц, и неделя за неделей встревоженные читатели начинали день, торопливо проглядывая очередной бюллетень. И как могло быть иначе? Я от души соглашался со всеми похвалами, которые выстукивались на журналистских пишущих машинках: «Литературный гений...», «Вдохновенный музыкальный критик, далеко опередивший свое время...», «Самый почитаемый драматург наших дней...».

Именно в это время сломал ногу теленок Каслингов, и меня вызвали к нему. Каслинги обитали среди вересковых пустошей высоко в холмах. Эти уединенные, далеко разбросанные фермы не всегда было легко отыскать. По дороге к одним приходилось нырять в сумрачные, полные чесночного запаха овраги, а к другим не вело даже проселка, ничего, кроме утопанной тропки в вереске, которая неожиданно завершалась кучкой сараев.

Ферма Каслингов принадлежала к третьей категории и с гордым презрением к буйству стихий оседлала самую вершину холма. Единственной уступкой силам природы была купа удивительно выносливых деревьев, посаженных к западу от дома, чтобы укрывать его от наиболее постоянного из ветров. Все они совершенно одинаково клонились к каменным стенам, свидетельствуя, что безветрие тут было большой редкостью.

Я вылез из машины. Мистер Каслинг и два его дюжих сына уже шли неторопливой развалкой мне навстречу. Хозяин фермы был именно таким, каким его могло нарисовать воображение: дубленое

сизое лицо, широкие костлявые плечи, готовые вот-вот разорвать залатанную куртку. Обоим его сыновьям, Алану и Харолду, было за тридцать, и они поразительно походили на своего отца вплоть до манеры ходить — руки засунуты в глубь карманов, голова выставлена вперед, подкованные сапоги цепляют булыжник. И никаких улыбок. Нет, они все трое были прекрасными людьми, но неуклюжими.

— А, мистер Хэрриот! — Старший Каслинг прищурился на меня из-под обтрепанного козырька старой кепки и сразу перешел к делу. — Он на лугу.

— Хорошо, — сказал я. — Не могли бы вы мне принести ведро воды? Чуть теплой.

Он кивнул, и Харолд молча направился к кухонной двери. Несколько минут спустя он вернулся с выдавшим виды ведром в руке.

Я попробовал воду пальцем.

— В самый раз. Очень хорошо.

Мы вышли за калитку в сопровождении двух тощих овчарок, и в лицо нам с бешеным восторгом ударил ветер, разгулявшийся на просторе этих высоких пустошей, ледящий старых и слабых, бодрящий молодых и сильных.

По длинному прямоугольнику зеленой травы, отвоеванному у вереска, телята — их было около десяти — пустились бежать от нас следом за матерями. Своего пациента я распознал без труда, — хотя и с болящей ногой, он почти не отставал от остальных.

Подчиняясь отрывистым командам мистера Каслинга, собаки кинулись в гущу стада, покусывали за ноги, скалили зубы на грозно опущенные рога и вскоре отогнали в сторону корову с изувеченным теленком. Молодые Каслинги ринулись туда и опрокинули малыша на землю.

Я ощупывал сломанную ногу, подавляя досаду. Конечно, скорее всего мне удастся помочь бедняге. Но уж если ему приспичило сломать ногу, то почему не переднюю? Лучевая и локтевая кости так хорошо и быстро срастаются! А тут — большая берцовая и почти посередине. Это уже не так просто. Но зато все-таки не бедренная! Вот тогда пришлось бы повозиться, и без большой гарантии, что все кончится благополучно.

Моего пациента умело лишили возможности двигаться. Он лежал, распростертый на чахлой траве, Харолд прижимал ему голову, Алан — задние ноги, а их отец — грудную клетку. Слишком часто деревенские ветеринары бывают вынуждены перевязывать, а то и оперировать больное животное, которое не желает сохранять неподвижность, но эти три пары мозолистых рук не давали мохнатому малышу даже шевельнуться.

Я окунул гипсовый бинт в воду, начал накладывать повязку и вдруг обнаружил, что наши четыре головы почти соприкасаются. Теленок был месячный — мы смотрели друг на друга в упор, и все-таки никто не произносил ни слова.

Под разговор работать легче и веселее, особенно если среди ваших помощников окажется прирожденный рассказчик, щедро наделенный суховатым йоркширским юмором. Порой мне приходилось откладывать скальпель, чтобы отхохотаться. Но тут царил гробовая тишина. Свистел ветер, откуда-то донесся жалобный крик кроншнепа, но над теленком склонялись словно бы монахи-отшельники, давшие обет молчания. Мне становилось как-то не по себе. Работа простая, особой сосредоточенности не требует. Господи, ну хоть бы кто-нибудь что-нибудь сказал!

И тут мне в голову пришла блестящая мысль, вдохновленная газетной шумихой. Начну-ка сам для затравки!

— Ну, прямо как Бернард Шоу, верно? — произнес я с веселым смешком.

Мой голос неуверенно замер, тишина вновь стала нерушимой, и через полминуты я уже отчаялся получить ответ. Затем мистер Каслинг прочистил горло:

— Кто-о?

— Бернард Шоу. Ну, вы знаете — Джордж Бернард Шоу. Он ведь тоже ногу сломал... — Я почувствовал, что начинаю виновато бормотать.

Опять наступила тишина, которая теперь меня даже обрадовала. Я кончил бинтовать, облил повязку водой и разровнял ее, набрав под ногти порядочную толику гипса.

Но тут подошла очередь Харолда.

— Он что — здешний?

— Да нет... собственно говоря, нет... — Я решил наложить еще слой бинта, горько раскаиваясь, что затеял этот разговор.

Бинт опустился в ведро, и тут в беседу вступил Алан.

— В Дарроуби проживает, а?

Час от часу не легче!

— Нет, — уронил я небрежно. — Если не ошибаюсь, он обычно живет в Лондоне.

— В Лондоне? — До сих пор головы сохраняли монументальную неподвижность, но при этом нежданном повороте разговора на меня с нескрываемым удивлением посмотрели три пары глаз и три голоса произнесли в унисон сакраментальное название столицы.

Когда потрясение несколько прошло, Каслинги вновь устались на теленка, и я уже надеялся, что тема исчерпана, но тут мистер Каслинг пробурчал уголком рта:

— Так он, значит, не по сельской части?

— Э... нет... он пьесы пишет.

О том, что Шоу интуитивно распознал в Вагнере великого композитора, я упоминать не стал. Судя по бросаемым в мою сторону косым взглядам, я и так уже наговорил много лишнего.

— Надо дать время гипсу застыть, — пробормотал я взамен, сел на пружинящий дерн, и вновь воцарилась тишина.

Несколько минут спустя я постукал пальцами по всей длине белого лубка. Крепче камня. Я поднялся на ноги.

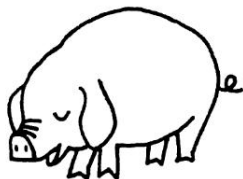
— Все в порядке, его можно отпустить.

Теленок вскочил и потрусил за матерью, словно с ним ровно ничего не случилось. Гипсовая повязка заметно уменьшила его хромоту, и я улыбнулся. Смотреть на такое никогда не приходится.

— Через месяц я заеду снять гипс,— предупредил я, и мы молча направились к калитке.

А в ушах у меня гудели слова, которые обязательно будут произнесены на этой кухне за обедом: «Чудной он, ветеринар-то. Все толковал невесть про кого в Лондоне. Пишет там чего-то».

Уезжая, я не только ощущал относительность всякой славы, но и зарекался впредь не заводить праздных разговоров про «нездешних».

4 ноября 1961 года.

К утру погода если и изменилась, то в худшую сторону. Во всяком случае, ночь прошла совершенно так же, как предыдущая. За завтраком я обратил внимание на скатерть — она была мокра насквозь. Полагая, что на нее что-то пролили, я промолчал, но, обнаружив, что к обеду она ничуть не стала суше, не удержался и спросил, почему ее не сменили.

Капитан улыбнулся.

— Ах, да, мистер Хэрриот. Забыл вас предупредить. Ее нарочно намочили, чтобы она не соскальзывала со стола. Мокрая скатерть означает, что шторм действительно серьезный.

Бесспорно, скользкая скатерть, плещущий суп, общая нестабильность всего, что стояло на столе, последние два дня слагались в нелегкую проблему.

Всякий раз, когда судно ухало с волны вниз, я не мог избавиться от ощущения, что мы стучаемся днищем о подводный риф. Кажется, преследовало оно не только меня, потому что во время обеда после одного особенно громового удара, когда тарелки, ложки, вилки и ножи взмыли в воздух, механик кинулся к иллюминатору и выглянул наружу:

— Вы увидели этот пребольшой камень?! — воскликнул он, глядя на меня с невыразимым ужасом. Милая шуточка по моему адресу.

Вновь я до ночи вел позорно лежащий образ жизни. Правда, я бы с радостью выбрался поразмяться в моем потайном уголке на палубе, но побоялся рисковать. Даже попытка принять душ была чревата опасностями. Общая душевая — и, насколько мне

было известно, единственная на нашем суденышке — находилась немного дальше по коридору за кубриком, но когда, вооруженный мылом и полотенцем, я брел туда замысловатыми зигзагами, путь показался мне очень длинным.

Пробираясь мимо открытой двери, я увидел, что на многих койках лежат белокурые гиганты-мореходы и услышал — не мог же я просто вообразить такое? — доносившиеся изнутри глухие постановки. Неужели, неужели и эти супермены не устояли перед морской болезнью?

Завтра мы должны быть в Щецине, и, если удача мне улыбнется, я побываю на берегу, посмотрю, что там и как.

5 ноября 1961 года

Годовщина моей свадьбы. Как странно, что мне довелось провести ее в Польше! Утром я проснулся в неподвижном мире. Море с небом уже не водили хоровод за иллюминатором. Значит, мы в порту! Я мигом прыгнул с койки и увидел, что мы стоим у заиндевелого причала. Сквозь влажную белую пелену я различил полдюжины рыболовов, которые удили прямо с его края. Находились мы в тихой заводи Одера, берег у воды порос ивами и камышом. Потом мой взгляд скользнул по загонам с деревянными навесами. А, так это место выгрузки и погрузки скота!

Нас, как обычно, приветствовала толпа официальных лиц — таможенники, представители портовых служб, заведующие фермами.

Я нерешительно направился к окруженному со всех сторон капитану.

— Мне бы очень хотелось сходить в город, — сказал я робко.

Лицо у него было озабоченное, и вновь у меня мелькнуло подозрение, что он с удовольствием послал бы к черту эту навязавшуюся на его голову йоркширскую чуму. Несколько секунд он смотрел на меня рассеянным взглядом.

— Я очень занят, мистер Хэрриот, и пойти с вами не могу. А в одиннадцать мы отплываем.

— Так у меня же целых два часа! — Природное любопытство и настоятельная потребность размять ноги, придали моему тону особую убедительность.

— Ну, хорошо... — Он поднял палец. — Но вы не опоздаете?

— Нет, что вы! Даю вам слово...

Он кивнул и вернулся к делам, а я показал солдату у трапа свой паспорт и зашагал в город. Какое это было наслаждение — вдыхать морозный воздух, шагая по твердой земле после нескольких суток вынужденной неподвижности. Не говоря уж о губительном таланте кока-искусителя. Туман рассеялся, и примерно в двух милях впереди замаячили крыши и шпили Щецина.

Сперва я прошел мимо казарм с гимнастическими снарядами во дворе, затем начались огороды, где несколько женщин выкапы-

вали картофель. Когда же я приблизился к городу, меня ошеломили следы чудовищных разрушений, оставленных налетами английской авиации в дни войны. Везде виднелись пустыри и развалины. Величественные здания, нередко в богатых лепных украшениях, зияли провалами окон и крыш.

Затем начались кварталы современных домов с магазинами на первом этаже. Я старательно запоминал каждый поворот — заблудись я, расспросить, как мне вернуться в порт, я бы не сумел.

Общее впечатление от города и его жителей у меня уже сложилось. Тут, видимо, соблюдалось воскресенье: в порту никто не работал, а большинство магазинов, мимо которых я проходил, было закрыто. Исключение составили два парикмахерских салона. Вывеска над дверью одного гласила «Дамски», над дверью другого — «Мески». В окне «Дамски» виднелась дама, которой делали маникюр.

Прохожие были одеты празднично, и я с удивлением обнаружил, что местные щеголи носят прямо-таки форму: черный берет с хвостиком на макушке, темный габардиновый плащ, синий костюм. Шею каждого обвивал шарф, концы которого прятались под плащом крест-накрест. У женщин вид был гораздо элегантнее, чем в Клайпеде.

На всех углах стояли маленькие киоски, где прохожие покупали газеты и сигареты. В других киосках торговали бочковым пивом. Бутылочный портер успел мне порядком надоесть, и я, облизываясь, следил, как очередной счастливчик подносит к губам пенящуюся пинтовую кружку. Будь у меня польские деньги, я не замедлил бы последовать его примеру.

По улицам сновали забавные двухэтажные трамвайчики — все сдвоенные. Частных машин и такси было множество. В витринах взгляд ласкали прекрасные платья и материи, навстречу мне шли компании нарядных смеющихся молодых людей, и я замедлил шаг, чтобы получше рассмотреть выходящую из трамвая семью: мамаша в элегантнейшей шляпке и ярком пальто, папаша в обязательном черном берете и двое подростков, одетых совершенно одинаково.

Я перешел Одер по мосту, разглядывая бесчисленные баржи у берегов. Церквей мне по дороге попало немало, но на моих глазах вошли в них только две старухи.

Меня внезапно остановил невысокий мужчина в фетровой шляпе, бриджах и сапогах, разразившийся потоком немислимых звуков — по-видимому, спрашивая, как пройти куда-то. Я невольно улыбнулся. Он явно был тут чужим, хотя далеко не таким чужим, как я.

День выдался прекрасный — холодный, но солнечный, и я получал от этой прогулки огромное удовольствие, отдыхая от долгого заключения в тесноте «Ирис Клоусен», и все же ежеминутно поглядывал на карманные часы, одолженные мне Джимми. Едва они показали, что миновал час, я сразу повернул обратно.

Вернулся я на судно намного раньше одиннадцати и спустился поглядеть на свиней. Их пребывание у нас должно было ограничиться сутками, и никто словно бы о них даже не вспоминал. Но ведь со свиньями никогда заранее не угадаешь. У них есть манера затевать драки, и устрой все восемьсот общую свалку, ситуация сложилась бы не из легких.

Но, возможно, польские свиньи более миролюбивы, чем наши: во всяком случае, все эти сладко спали вповалку в самой задумчивой гармонии. Днем до меня, правда, порой доносился визг, и я, сломя голову, мчался вниз, но всякий раз дело ограничивалось небольшой стычкой или краткой вспышкой ярости — ни кровоточащих ран, ни изодранных ушей, с которыми мне так часто доводилось возиться в Йоркшире. В целом небо оставалось безоблачным.

Мы взяли на борт порядочный груз картофеля, чтобы кормить наших пассажиров до Любека. Команда терпеть не могла возить свиней из-за их запаха. Безусловно, судно теперь обволакивал совсем иной аромат. Правда, до кают и салона он не добрался, но мне сказали, что летом я бы не знал, куда деваться от всепроникающего благоухания моих подопечных.

После обеда я, как прикованный, стоял на палубе, любуясь цепью озер, которую образует дельта Одера. Мне объяснили, что это характерно для всего здешнего побережья, а также для Литвы, Латвии и Эстонии. Да уж, где-где, но тут без лоцмана не обойтись!

Мыплыли между самыми загадочными и безлюдными берегами, какие только мне доводилось видеть. Бескрайние болота с неисчислимыми, заросшими камышом протоками и озерками. Кое-где торчали деревья. Только стаи диких уток и гусей оживляли пейзаж, и даже яркий солнечный свет не смягчал впечатления пустынности и дикости.

Примерно через четыре часа мы вошли в прямой канал и увидели порт Свиноуйсьце на Балтийском море. Там мы высадили лоцмана и снова начали резать морские волны. Буря утихла, погода заметно улучшилась, и было очень приятно стоять на корме, провожать взглядом сушу и не ощущать ни малейшей качки.

Мне не хотелось покидать палубу, возможно, потому, что мое плавание подходило к концу, и я ушел оттуда, только когда начал угасать великолепный закат.

За ужином, узнав о моей семейной дате, все были со мной особенно любезны. Жали мне руку, поздравляли, а капитан заботливо спросил, не послать ли ему телеграмму моей жене, но я объяснил, что Роза передаст от меня поздравительную открытку, а телеграмма может Хелен испугать.

Как же, как мне показалось, устроил банкет в мою честь — во всяком случае, в подаваемых блюдах чувствовался оттенок английской кухни. Восхитительный овощной суп с сельдереем и

шпинатом, затем жареная свинина с крекерами, а также поджаренная ветчина с гарниром из картошки и красной капусты. На десерт — саговый пудинг, густо посыпанный корицей.

6 ноября 1961 года

Вот и конец. Из Любека в Гамбург на поезде, а оттуда на самолете в Лондон и снова на поезде домой. У меня было достаточно времени разобраться в своих впечатлениях. Судьба мне улыбнулась, позволив, пусть мельком, увидеть иной, таинственный мир, совсем не похожий на мой. Но самые яркие, самые теплые мои воспоминания были о маленькой «Ирис Клоусен», об овцах и милейших людях на ее борту. Я от души надеялся, что и они сохранят обо мне столь же дружеские воспоминания. Правда, капитан, всегда внимательный и любезный, в душе не мог не желать, чтобы я провалился в тартарары, но вот Нильсену меня будет очень не хватать.

25

— Раз ветеринар, так ему и отдыхать не положено? — сердито думал я, гоня машину по шоссе к деревне Гилторп. Воскресенье, восемь часов вечера, а я еду за десять миль к собаке, которая, как сообщила мне снявшая трубку Хелен, болеет уже больше недели. Все

утро я работал, днем отправился в холмы с детьми и их друзьями — такой обычай мы завели давно и в течение этих еженедельных экскурсий успели исследовать почти все живописные уголки нашего края. Джимми с приятелями задал высокий темп, и на особенно крутых склонах я сажал Розу к себе на закорки. Вечером после чая я купал детей, читал им вслух, укладывал в постель, предвкушая, как удобно расположусь с газетой, включу радио...

А теперь вот щурюсь сквозь ветровое стекло на шоссе и стенки, которые вижу изо дня в день, изо дня в день... Улицы Дарроуби, когда я тронулся в путь, уже совсем опустели, дома с плотно задернутыми занавесками уютно светились в сгустившихся сумерках, вызывая в воображении покойные кресла, раскуренные трубки, топящиеся каминны. Затем впереди замерцали огоньки ферм на склонах, и я тотчас представил себе, как их хозяева спокойно дремлют, положив ноги на стол.

И ни единой встречной машины! Один Хэрриот куда-то тащится в темноте.

Когда я остановился перед серыми каменными домиками в дальнем конце деревни, то совсем уж захлебывался жалостью к себе. «Миссис Канделл, номер 4», — записала Хелен на клочке бумаги. Открывая калитку и шагая через крохотный палисадник, я прикидывал, что мне сказать. Прошлый опыт успел меня убедить, что нет ни малейшего смысла давать понять клиенту, что меня вовсе не обязательно вызывать в самые непотребные часы. Разумеется, они меня даже не услышат и дальше будут поступать точно так же, но я хотя бы душу отведу.

Нет, без малейшей грубости или резкости я вежливо и твердо объясню, что ветеринары тоже люди и воскресные вечера любят проводить у семейного очага, что, естественно, мы готовы сразу броситься на помощь в случае необходимости, но возражаем против того, чтобы нас бесцеремонно вытаскивали из дома навещать животное, которое уже неделю болеет.

Почти отшлифовав эту речь, я постучал, и дверь мне открыла невысочкая женщина средних лет.

— Добрый вечер, миссис Канделл, — произнес я сурово.

— Вы ведь мистер Хэрриот? — Она робко улыбнулась. — Мы незнакомы, но я вас видела в Дарроуби в базарные дни. Так входите же.

Дверь вела прямо в жилую комнату, небольшую, с низким потолком. Я увидел старенькую мебель, несколько картин в позолоченных, давно потемневших рамах, и занавеску, отгораживающую дальний угол комнаты.

Миссис Канделл ее отдернула. На узкой кровати лежал мужчина, худой как скелет. Желтоватое лицо, глубокие провалы глаз.

— Это Рон, мой муж, — весело сказала она, а Рон улыбнулся и приподнял костлявую руку со стеганого одеяла в приветственном жесте.

— А это Герман, ваш больной. — Ее палец указал на маленькую таксу, которая сидела возле кровати.

— Герман?

— Да. Мы решили, что такой немецкой колбаске лучше имени не найти.

Муж и жена дружно засмеялись.

— Ну, конечно, — сказал я. — Прекрасное имя. Просто вылитый Герман.

Такса посмотрела на меня очень приветливо. Я нагнулся, погладил ей голову, и мои пальцы облизал розовый язычок. Я еще раз погладил глянцевитую шерстку.

— Вид у него прекрасный. Так что его беспокоит?

— Чувствует он себя вроде бы неплохо, — ответила миссис Канделл. — Ест хорошо, веселый, но только с ногами у него что-то неладно. Почти неделю. Ну, мы особого значения не придавали, а вот нынче вечером он свалился на пол и встать не смог.

Хм-м. Да, он ведь даже не попытался встать, когда я его по-

гладил. Я подsunул ладонь такse под живот и осторожно поставил ее на лапы.

— Ну-ка, малыш,— сказал я,— пройдиcь немножко. Ну-ка, Герман, ну-ка...

Песик сделал несколько неуверенных шажков, все больше виляя задом, и снова сел.

— У него со спиной неладно? — спросила миссис Канделл.— На передние лапы он вроде бы твердо наступает.

— Прямо как я,— произнес Рон мягким хрипловатым голосом, но с улыбкой. Жена засмеялась и погладила руку, лежащую на одеяле.

Я поднял песика на колени.

— Да, безусловно, у него что-то со спиной.— Я начал ощупывать бугорки позвонков, внимательно следя, не почувствует ли Герман боли.

— Он что, ушибся? — спросила миссис Канделл.— Может, его кто-нибудь ударил? 'Одного мы его на улицу не выпускаем, но иногда он все-таки выбирается за калитку.

— Травма, конечно, не исключена,— ответил я.— Но есть и другие причины...

Еще бы! Десятки самых неприятных возможностей. Нет, мне решительно не нравился его вид. Решительно. Этот синдром, если речь идет о собаках, меня всегда пугает.

— Но что вы, правда, думаете? — настойчиво сказала она.— Мне же надо знать.

— Ну, травма могла вызвать кровоизлияние, сотрясение, отек, и они теперь воздействуют на спинной мозг. Не исключена даже трещина в позвонке, хотя мне это представляется маловероятным.

— А другие причины?

— Их полно. Опухоли, костные разрастания, абсцессы, смещение дисков — да мало ли еще что может давить на спинной мозг!

— Диски?

— Ну да. Маленькие хрящевые прокладки между позвонками. У собак с длинным туловищем, как у Германа, они иногда сдвигаются в спинномозговой канал. Собственно говоря, именно это я и подозреваю.

Снова с кровати донесся хрипловатый голос Рона:

— А прогноз какой, мистер Хэрриот?

В том-то и вопрос! Полное выздоровление или неизлечимый паралич?

— Судить еще рано,— ответил я вслух.— Пока сделаю ему инъекцию, оставлю таблетки, и посмотрим, как он будет себя чувствовать через несколько дней.

Я сделал инъекцию обезболивающего с антибиотиками и отсыпал в коробочку салициловых таблеток. Стероидов в то время в нашем распоряжении не было. Ничего больше сделать я не мог.

— Вот что, мистер Хэрриот,— приветливо сказала миссис Канделл,— Рон всегда в это время выпивает бутылочку пивка.

Так, может, вы посидите с ним?

— Ну-у... вы очень любезны, но мне не хотелось бы вторгаться...

— Да, что вы! Мы очень рады.

Она налила в два стакана коричневый эль, приподняла своего мужа на подушке и села возле кровати.

— Мы из Южного Йоркшира, мистер Хэрриот.

Я кивнул, успев заметить чуть-чуть иную манеру произносить слова.

— Сюда мы перебрались восемь лет назад. После несчастного случая с Роном.

— Какого?

— Я шахтером был, — ответил Рон. — На меня кровля обрушилась, спину перебило, печень изуродовало, ну и еще всякие внутренние повреждения. Только я еще везунчик: двух моих товарищей насмерть завалило. — Он отпил из стакана. — Выжить я выжил, однако доктор говорит, что ходить я никогда не буду.

— Мне страшно жаль...

— Да, бросьте! — перебил меня хриловатый голос. — Я свои плюсы считаю, а не минусы. И мне есть, за что судьбу благодарить. Боли я почти никакой не чувствую, и жена у меня — лучшая в мире.

Миссис Канделл засмеялась.

— Не слушайте вы его. А я рада, что мы в Гилторпе поселились. Мы все его отпуска в здешних холмах проводили. Оба мы уложили ноги поразмять как следует. И до того чудесно было уехать от труб и дымища! Там окно спальни у нас выходило на кирпичную стену, а тут Рон на десять миль кругом видит.

— Да-да, — пробормотал я, — дом у вас чудесно расположен.

Деревушка прилепилась на широком уступе над обрывом, и из их окна открывалась панорама зеленых склонов, уходящих вниз к реке и поднимающихся к вересковым вершинам по ту ее сторону. Сколько раз любовался я этим видом! Как манили меня зеленые тропки, убегающие вверх! Но Рон Канделл уже никогда не откликнется на их зов.

— И с Германом мы хорошо придумали. Прежде хозяйка уедет в Дарроуби за покупками, ну и чувствуешь себя вроде бы одиноко, а теперь — ни-ни. Когда собака рядом, какое же тут одиночество?

— Вы совершенно правы, — сказал я с улыбкой. — Кстати, сколько ему лет?

— Шесть, — ответил Рон. — Самый у них цветущий возраст, верно, малыш? — Он опустил руку и погладил шелковистые уши.

— Видимо, здесь его любимое место?

— Да, всегда у изголовья сидит. А подумает, так и странно. Гулять его хозяйка водит, и кормит тоже она, только дома он от меня ни на шаг не отходит. Корзинка его вон там стоит, но чуть руку опустишь, а он уже тут как тут. На своем, значит, законном месте.

Я это много раз замечал: собаки инвалидов, да и не только собаки, всегда стараются держаться рядом с ними, словно сознательно берут на себя роль опоры и утешителей.

Я допил пиво и встал. Рон поглядел на меня с подушки.

— А я свой подольше растяну! — Он поглядел на стакан, еще полный наполовину. — Бывало, с ребятами я и по шесть пинт выдувал, а только знаете — удовольствия мне от одной вот этой бутылки ничуть не меньше. Странно, как все оборачивается-то.

Жена наклонилась к нему с притворной строгостью.

— Да уж, грехов за тобой много водилось, но теперь ты почище иного праведника стал, правда?

И она засмеялась. По-видимому, это была давняя семейная шутка.

— Спасибо за угощение, миссис Канделл. Я заеду посмотреть Германа во вторник.

На пороге я помахал Рону. Его жена положила руку мне на плечо.

— Спасибо, мистер Хэрриот, что вы сразу приехали. Нам очень не хотелось вас в воскресный вечер тревожить. Но, понимаете, малыша только сейчас ноги слушаться перестали.

— Ну что вы! И не думайте даже. Мне было очень приятно...

Развернувшись на темном шоссе, я вдруг понял, что не покривил душой. Не пробыл я в их доме и двух минут, как мое мелочное раздражение исчезло без следа, и мне стало невыносимо стыдно. Если уж этот прикованный к постели человек находит за что благодарить судьбу, я-то какое право имею ворчать? Ведь у меня есть все! Если бы еще можно было не тревожиться за его таксу! Симптомы Германа ничего хорошего не сулили, но я знал, что обязан его вылечить. Категорически обязан.

Во вторник никаких перемен в его состоянии не произошло; может быть, оно даже чуть ухудшилось.

— Пожалуй, я заберу его с собой, чтобы сделать рентгеновский снимок, миссис Канделл, — сказал я. — Лечение ему словно бы никакой пользы не принесло.

В машине Герман свернулся на коленях у Розы и добродушно позволял гладить себя, сколько ей хотелось.

Когда я поместил его под наш новоприобретенный рентгеновский аппарат, ни анестезировать, ни усыпить его не потребовалось: задняя половина туловища оставалась неподвижной. Слишком уж неподвижной, на мой взгляд.

Я не специалист-рентгенолог, но все-таки сумел определить, что все позвонки целы. Костных выростов я тоже не обнаружил. Но мне показалось, что расстояние между парой позвонков чуть уже, чем между остальными. Да, видимо, сместился диск.

В те времена про ламинэктомию*, еще слыхом не слыхивали,

---

* Вскрытие позвоночного канала путем удаления остистых отростков и дужек позвонков. — *Прим. ред.*

так что мне оставалось только продолжать начатый курс лечения и надеяться.

К концу недели надежда заметно угасла. К салицилатам я добавил проверенные временем старые стимулирующие средства, вроде тинктуры стрихнина, но в субботу Герман уже не мог сам подняться с пола. Я придавил пальцы на задних лапах и почувствовал легкое рефлекторное подергивание — тем не менее во мне росла горькая уверенность, что полный паралич задних конечностей уже не за горами.

Неделю спустя я с грустью собственными глазами увидел, как мой прогноз подтвердился самым классическим образом. Когда я переступил канделловский порог, Герман встретил меня весело и приветливо — но беспомощно волоча по коврику задние ноги.

— Здравствуйте, мистер Хэрриот.— Миссис Канделл улыбнулась мне бледной улыбкой и посмотрела на песика, застывшего в лягушачьей позе.— Как он вам сегодня?

Я нагнулся и проверил рефлексы. Ничего. И беспомощно пожал плечами, не зная, что сказать. Я поглядел на Рона, на его руки, как всегда, вытянутые поверх одеяла.

— Доброе утро, Рон,— произнес я, как мог бодрее, но он не отозвался, а продолжал, отвернувшись, смотреть в окно. Я подошел к кровати. Глаза Рона были неподвижно устремлены на великолепную картину холмов, пустошей, белеющих в утреннем свете каменистых отмелей у речки, на линии стенок, расчерчивающие зеленый фон. Лицо его ничего не выражало. Он словно не замечал моего присутствия.

Я вернулся к его жене. В жизни мне не было так скверно.

— Он сердится на меня? — шепнул я.

— Нет, нет. Все из-за этого! — Она протянула мне газету.— Очень он расстроился.

Я посмотрел. И увидел большую фотографию: такса, как две капли воды похожая на Германа, и тоже парализованная. Но только задняя часть ее туловища покоилась на четырехколесной тележке. Если верить фотографии, песик весело играл со своей хозяйкой. И вообще, если бы не эти колесики, вид у него был бы вполне нормальный и счастливый.

На шорох газеты Рон быстро повернул голову.

— Что вы об этом думаете, мистер Хэрриот? По-вашему, так и надо?

— Ну-у... право, Рон, не знаю. Мне не очень нравится, но, вероятно, эта дама считает по-другому.

— Оно, конечно,— хриплый голос дрожал.— Да я-то не хочу, чтобы Герман вот так...— Рука соскользнула с кровати, пальцы затанцевали по ковру, но песик остался лежать возле двери.— Он безнадежен, мистер Хэрриот, а? Совсем безнадежен?

— Ну, с самого начала ничего хорошего ждать было нельзя,— пробормотал я.— Очень тяжелое заболевание. Мне очень жаль...

— Да не виню я вас! Вы сделали, что могли. Вот как ветеринар для этой собаки на снимке. Но толку нет, верно? Что же теперь? Усыпить его надо?

— Нет, Рон, про это пока не думайте. Иногда через долгое время такие параличи проходят сами собой. Надо подождать. Сейчас я никак не могу сказать, что надежды нет вовсе.— Помолчав, я обернулся к миссис Канделл.— Но тут есть свои трудности. В частности, отправление естественных надобностей. Для этого вам придется выносить его в сад. Слегка нажимая под животом, вы поможете ему помочиться. Научитесь вы этому быстро, я не сомневаюсь.

— Ну, конечно! — ответила она.— Буду делать все, что надо. Была бы надежда.

— А она есть, уверяю вас.

На обратном пути я не мог отделаться от мысли, что надежда эта очень невелика. Действительно, паралич иногда проходит сам собой, но ведь у Германа — крайне тяжелая форма. Закусив губу, я с суеверным ужасом подумал, что мои визиты к Канделлам приобретают оттенок фантастического кошмара. Парализованный человек и парализованная собака. И почему эта фотография была напечатана именно сейчас? Каждому ветеринару знакомо чувство, будто судьба работает против него. И пусть машину заливал яркий солнечный свет, на душе у меня было темно.

Тем не менее я продолжал заглядывать туда каждые несколько дней. Иногда я приезжал вечером с двумя бутылками темного эля и выпивал их с Роном. И муж и жена встречали меня с неизменной приветливостью, но Герману лучше не становилось. По-прежнему при виде меня песик волочил по коврику парализованные лапы, и, хотя он сам возвращался на свой пост у кровати хозяина и всовывал нос в опущенную руку, я начинал смиряться с тем, что недалек день, когда рука опустится и не найдет Германа.

Однажды, войдя к ним, я ощутил весьма неприятный запах, показавшийся мне знакомым. Я потянул носом, Канделлы виновато переглянулись, и Рон после некоторой паузы, сказал:

— Я тут Герману одно лекарство даю. Вонючее — поискать, но для собак, говорят, полезное.

— Ах, так?

— Ну...— Его пальцы смущенно пощипывали одеяло.— Билл Ноукс мне посоветовал. Один мой друг... Мы с ним вместе в забое работали. Так он на той неделе навестить меня приезжал. Он левреток держит, Билл то есть. И про собак много чего знает. Ну и прислал мне для Германа эту микстуру.

Миссис Канделл достала из шкафчика обыкновенную бутылку и неловко подала ее мне. Я вытащил пробку и в ноздри мне ударил такой смрад, что память моя сразу прочистилась. Асафетида! Ну, конечно! Излюбленный ингредиент довоенных шарлатанских снадобий, да и теперь попадает на полках в аптеках и в

чуланах тех, кто предпочитает лечить своих животных по собственному усмотрению.

Сам я в жизни ее не прописывал, но считалось, что она помогает лошадям от колик и собакам при расстройстве пищеварения. По моему твердому мнению, популярность асафетиды покоилась исключительно на убеждении, что столь вонючее средство не может не обладать магическими свойствами. И уж во всяком случае Герману она никак помочь не могла. Заткнув бутылку, я сказал:

— Так вы ее ему даете?

Рон кивнул.

— Три раза в день. Он, правда, нос воротит, но Билл Ноукс очень в эту микстуру верит. Сотни собак с ее помощью вылечил.

Проваленные глаза глядели на меня с немой мольбой.

— Ну, и прекрасно, Рон,— сказал я.— Продолжайте. Будем надеяться, что она поможет.

Я знал, что вреда от асафетиды не будет, а раз мое собственное лечение результатов не дало, никакого права становиться в позу оскорбленного достоинства у меня не было. А главное, эти двое милых людей воспряли духом, и я не собирался отнимать у них даже такое утешение.

Миссис Канделл облегченно улыбнулась, из глаз Рона исчезло нервное напряжение.

— Будто камень с плеч,— сказал он.— Я рад, мистер Хэрриот, что вы не обиделись. И ведь я сам малыша пою. Все-таки занятие.

Примерно через неделю после этого разговора я проезжал через Гилторп и завернул к Канделлам.

— Как вы нынче, Рон?

— Лучше не бывает, мистер Хэрриот.— Он всегда отвечал так, но на этот раз его лицо вспыхнуло оживлением. Он протянул руку, подхватил Германа и положил на одеяло.— Вы только поглядите!

Рон зажал заднюю лапку в пальцах, и нога очень слабо, но дернулась! Торопясь схватить другую лапку, я чуть было не повалился ничком на кровать. Да, несомненно!

— Господи, Рон! — ахнул я.— Рефлексы восстанавливаются! Он засмеялся своим тихим хрипловатым смехом.

— Значит, микстурка Билла Ноукса подействовала, а?

Во мне забушевало возмущение, порожденное профессиональным стыдом и раненым самолюбием. Но длилось это секунду.

— Да, Рон,— сказал я.— Подействовала. Несомненно.

— Значит, Герман выздоровеет? Совсем? — Он не отрывал взгляда от моего лица.

— Пока еще рано делать окончательные выводы. Но похоже на то.

Прошло еще несколько недель, прежде чем песик обрел полную свободу движений, и, разумеется, был это типичнейший случай спонтанного выздоровления, в котором асафетида не

сыграла ни малейшей роли, как, впрочем, и все мои усилия. Даже теперь, тридцать лет спустя, когда я лечу эти загадочные параличи стероидами, антибиотиками широкого спектра, а иногда коллоидным раствором кальция, то постоянно задаю себе вопрос: а сколько их полностью прошло бы и без моего вмешательства? Очень и очень порядочный процент, как мне кажется.

Хоть и грустно, но, располагая самыми современными средствами, мы все же терпим неудачи, а потому каждое выздоровление я встречаю с большим облегчением.

Но чувство, которое охватило меня при виде весело прыгающего Германа, просто не поддается описанию. И последний визит в серый домик ярко запечатлелся в моей памяти. По случайному совпадению приехал я туда в девятом часу вечера, как и в первый раз. Когда миссис Канделл открыла мне дверь, песик радостно кинулся поздороваться со мной и сразу вернулся на свой пост.

— Великолепно! — сказал я. — Таким галопом не всякая скаковая лошадь похвастает.

Рон опустил руку и потрепал глянцевитые уши.

— Что хорошо, то хорошо. Но, черт, и намучились же мы!

— Ну, мне пора! — Я нагнулся, чтобы погладить Германа на прощание. — Просто на обратном пути домой хотел еще раз удостовериться, что все в порядке. Больше мне его смотреть нет надобности.

— Э-эй! — перебил Рон. — Не торопитесь так. Время-то выпить со мной бутылочку пивка у вас найдется!

Я сел возле кровати, миссис Канделл дала нам стаканы и придвинула свой стул ближе к мужу. Все было совершенно так, как в первый вечер. Я налил себе пива и поглядел на них. Их лица излучали дружескую приветливость, и мне оставалось только удивляться: ведь моя роль в исцелении Германа была самой жалкой. Они не могли не видеть, что я только беспомощно толоч воду в ступе, и наверняка были убеждены, что все было бы потеряно, если бы вовремя не подоспел старый приятель Рона и в мгновение ока не навел бы полный порядок.

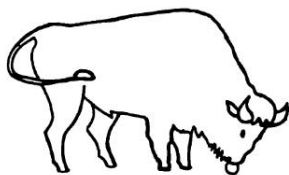
В лучшем случае они относились ко мне, как к симпатичному неумехе, и никакие объяснения и заверения ничего изменить не могли. Но как ни уязвлена была моя гордость, меня это совершенно не трогало. Ведь я стал свидетелем того, как трагедия обрела счастливый конец, и любые попытки оправдать себя выглядели бы удивительно мелочными. И про себя я твердо решил, что ничем не нарушу картины их полного торжества.

Я поднес было стакан ко рту, но миссис Канделл меня остановила:

— Вы ведь больше пока к нам приезжать не будете, мистер Хэрриот, — сказала она, — так, по-моему, надо бы нам выпить какой-нибудь тост.

— Согласен, — сказал я. — За что бы нам выпить? А! — Я поднял стакан. — За здоровье Билла Ноукса!

Бык в шелковом котелке!

Вот одна из ехидных острот, рожденных искусственным осеменением (ИО), когда оно только-только появилось в послевоенные годы. А ведь ИО — замечательный шаг вперед. Пока не была введена регистрация производителей, фермеры случали своих коров с первыми попавшимися быками. Ведь корова, чтобы давать молоко, волей-неволей должна прежде произвести на свет теленка, хозяина же ее в первую очередь заботило молоко. Но, к сожалению, потомство таких беспородных отцов очень часто оказывалось хилым и во всех отношениях неудачным.

ИО знаменовало дальнейший прогресс. Благодаря ему один элитный бык обеспечивает потомство множеству коров, владельцам которых приобрести в собственность такого чемпиона было бы не по карману. Это великолепно! Вот уже много лет я наблюдаю, как неисчислимые тысячи породистых телок и бычков заполняют загоны английских ферм, и сердце у меня в груди переполняется ликованием.

Впрочем, все это — отвлеченные рассуждения. Личное же мое приобщение к ИО оказалось кратким и печальным.

На заре этого нововведения ветеринары-практики не сомневались, что будут теперь метаться с фермы на ферму, от коровы к корове, и нам с Зигфридом не терпелось приступить к делу. Мы незамедлительно приобрели искусственную вагину (ИВ) — цилиндр из твердой вулканизированной резины восемнадцати дюймов длиной с прокладкой из латекса. Цилиндр был снабжен краником, чтобы наливать в него теплую воду и создавать естественную температуру коровьего организма. К одному концу ИВ резиновыми кольцами крепился конус из латекса, завершавшийся стеклянным стаканом для приема спермы.

Аппарат этот можно было применять и для ее проверки. Именно так я и получил свое боевое крещение.

Уолли Хартли купил молодого айрширского быка у хозяина большой молочной фермы и пожелал проверить его плодовитость новым способом. Он позвонил мне, и я с восторгом ухватился за возможность испытывать наше последнее приобретение.

На ферме я нагрел воду до температуры крови, налил ее в цилиндр и закрепил на нем конус со стаканом. Ну, все готово. Теперь к делу!

Корова, готовая к случке, уже ждала посреди просторного стойла, открывавшегося прямо во двор, и фермер повел к ней быка.

— Хоть росту он и небольшого, — сказал мистер Хартли, — но ухо с ним надо держать востро. Баловник, одно слово. Еще ни разу коровы не крыл, а уж ему не терпится.

Я оглядел быка. Нет, крупным его действительно не назовешь, но глаза подлые, а рога крутые и острые, как айрширу и положено. Ну, да процедура из самых простых. Правда, вживе мне ее наблюдать не довелось, но я пролистал руководство и никаких осложнений не предвидел.

Просто надо выждать, пока бык не начнет садку, а тогда направить эрецированный половой член в ИВ. После чего, согласно руководству, наивный бык выбросит сперму в стакан. Сущий пустяк, как меня уверяли очень многие.

Я вошел внутрь и скомандовал:

— Впустите его, Уолли!

Бык рысцой вбежал в стойло, и корова, привязанная за морду к кольцу в стене, спокойно позволила себя обнюхать. Быку она, видно, понравилась — во всяком случае, он скоро занял позицию позади нее, исполненный приятного нетерпения.

Наступила решающая секунда. Встаньте справа от быка, рекомендовало руководство, а все остальное — проще простого.

С поразительной быстротой молодой бык вскинул передние ноги на корову и напрягся. С требуемой молниеносностью я ухватил появившийся из препуция половой член и уже собрался направить его в ИВ, как бык стремительно встал на все четыре ноги и оскорбленно повернулся ко мне. Он смерил меня возмущенным взглядом, словно не веря собственным глазам, и в его выражении нельзя было обнаружить ни малейшего намека на благодушие. Затем он словно бы вспомнил про свои неотложные обязанности и вновь пленился коровой.

Его передние ноги взлетели ей на спину, я ухватил, хотел направить, и вновь, прервав свое занятие, он с грохотом опустил передние копыта на пол. На этот раз к оскорбленному достоинству в его глазах добавилась ярость. Он фыркнул, наклонил в мою сторону острые пики рогов, проволоком передней ногой пучок соломы по полу и пригвоздил меня к месту долгим оценивающим взглядом, недвусмысленно предупреждавшим: «Только попробуй еще раз, приятель, и ты свое получишь!»

В моем мозгу успели запечатлеться все мельчайшие детали этой живой картины: терпеливо стоящая корова, разметанная соломенная подстилка и над нижней половиной двери — лицо фермера, с интересом ожидающего продолжения.

Сам я такого нетерпения не испытывал. Что-то мешало мне дышать нормально, а язык никак не желал отлипнуть от нёба.

Наконец, бык, в последний раз предостерегающе воззрившись на меня, вернулся к первоначальной идее и вновь взгромоздился на корову. Я сглотнул, торопливо нагнулся и, едва тонкий красный орган появился из препуция, стиснул его и попытался нахлобучить на него ИВ.

На сей раз бык не стал тратить времени зря: спорхнув с коровы, он наклонил голову и ринулся на меня.

Вот тут и обнаружилась вся мера моей глупости: от большого

ума я встал так, что он находился между мной и дверью. За спиной у меня был темный глухой угол стояла. Я оказался в ловушке!

К счастью, на правой руке у меня болталась ИВ, и я умудрился ударить атакующего быка снизу вверх по морде. Обрушь я ИВ ему на лоб, он ничего бы не заметил, и один зловещий рог — если не оба — прозондировал бы мои внутренности. Однако чувствительное соприкосновение его носа с твердым резиновым цилиндром вынудило быка затормозить, а пока он моргал, соображая, как начать новую атаку, я в паническом исступлении принялся молотить его моим единственным оружием.

С тех пор меня не раз интриговал абстрактный вопрос: уникален ли я или еще какому-нибудь ветеринару довелось-таки отбиваться от разъяренного быка подобным способом? Но в любом случае ИВ не слишком приспособлена для целей обороны, и вскоре она начала рассыпаться на составные части. Сначала мимо уха потрясенного фермера просвистел стеклянный стакан, затем конус задел по касательной бок коровы, которая уже безмятежно жевала жвачку, не обращая ни малейшего внимания на разыгравшуюся рядом с ней трагедию.

Удары я перемежал выпадами, достойными чемпиона по фехтованию, но выбраться из угла мне никак не удавалось. Однако оставшийся в моих руках жалкий цилиндр, хотя и не мог причинить быку значительной боли, тем не менее вызвал у него большое недоумение. Да, он помахивал головой и наставлял на меня рога, но словно бы не собирался немедленно повторить стремительную атаку, удовлетворившись пока тем, что зажал меня в тесном пространстве.

Но я знал, что долго такое положение не продлится. Он явно решил посчитаться со мной, и мне оставалось только примериваться, как поступить, когда он немного попятится и вновь ринется вперед, опустив голову.

Я встретил его ударом от груди, и это меня спасло: резинка, удерживавшая внутреннюю камеру, соскочила, и ему в глаза хлестнула волна теплой воды.

Бык остановился как вкопанный и, по-моему, решил, что игра не стоит свеч. Такого двуногого он еще не встречал. Сначала я позволил себе возмутительные фамильярности, когда он пытался выполнить свою законную обязанность, потом лупил его по морде резиновой штукой и в заключение обдал водой. Явно я ему опротивел.

Пока он размышлял, я проскользнул у него под боком, распахнул дверь и выскочил во двор.

Фермер сочувственно наблюдал, как я отдуваюсь.

— Черт-те что за работка, это ваше ИО, а, мистер Хэрриот?

— Да, Уолли, не без того, — ответил я, еле ворочая языком.

— И всегда так?

— Э... э... нет, Уолли. — Я с грустью обозрел останки моей ИВ. — Такой уж исключительный случай. Я... По-моему, чтобы

взять пробу у этого быка, нам следует обратиться к специалисту.

Фермер потер ухо, слегка задетое стаканом.

— Ладно, мистер Хэрриот. Дайте мне знать, когда соберетесь. Все-таки есть на что посмотреть!

Его заключительная фраза отнюдь не пролила целительного бальзама на мое уязвленное самолюбие. Я постыдно отбыл с фермы не солоно хлебавши. Нынче все ветеринары чуть не каждый день играючи берут такие пробы. А я... Да что же это такое?

Вернувшись домой, я позвонил в консультационный пункт. Хорошо, обещали мне, завтра в десять утра меня на ферме встретит опытный консультант.

Когда утром я добрался туда, консультант уже расхаживал по двору. Что-то очень знакомое почудилось мне в небрежной походке и облаках сигаретного дыма у него над головой. Он обернулся, и я с радостным облегчением убедился, что это действительно Тристан. Слава богу, хотя бы не опозорюсь перед посторонним человеком!

Его широкая ухмылка подействовала на меня, как лучшее тонирующее средство.

— Привет, Джим! Как дела?

— Отлично, — ответил я. — Вот только с этой пробой у меня что-то не ладится. Ты, конечно, каждый день их берешь, но я вчера сильно осрамился.

— Неужели? — Он сделал глубокую затяжку. — Валяй рассказывай, пока мистер Хартли не вернулся с поля.

Мы вошли в злополучное стойло, и я приступил к моему печальному повествованию.

Не успел я начать, как у Тристана отвисла челюсть.

— Что-о? Ты просто впустил быка сюда, ничем не стеснив его свободы?

— Да.

— Джим, ты последний из идиотов. Радуйся, что жив остался. Во-первых, эту манипуляцию всегда производи на открытом месте, во-вторых, быка необходимо удерживать шестом или за кольцо в носу. Я всегда стараюсь подобрать двух-трех помощников. — Он смерил меня недоумевающим взглядом, закурил очередную сигарету и потребовал: — Ну, а дальше?

По мере того как я говорил, лицо Тристана начало меняться. Губы задергались, подбородок задрожал, из груди вырвалось невнятное хихиканье.

— Я не ослышался? Ты так прямо его и ухватил?

— Ну... да...

— О господи! — Тристан привалился к стене, корчась от смеха. Когда его немножко отпустило, он поглядел на меня с мягким сожалением.

— Джим, старина! Чтобы направлять, руку кладут только на препуций!

Я криво улыбнулся.

— Знаю. Вчера вечером я перечел брошюрку и понял, что сажал ошибку на ошибку...

— Ну, ничего,— перебил он.— Продолжай свою повесть. Ты пробудил во мне странное любопытство.

Последующие минуты произвели на моего коллегу сокрушительное действие. Я описывал, как бык ринулся на меня, а Тристан с воплями все больше и больше обмякал и в конце концов повис, как тряпичная кукла, на нижней половине двери, вяло болтая руками. По щекам у него катились слезы, он невнятно всхлипывал.

— Ты... вон в том углу... отбивался от быка! Крушил его по морде ИВ... а она разлеталась на части! — Он достал носовой платок.— Джим, ради всего святого, замолчи. Не то ты меня доконаешь.

Он утер глаза, выпрямился, но я заметил, что колени у него подгибаются.

Пошатываясь, Тристан сделал несколько шагов навстречу идущему через двор фермеру.

— А, мистер Хартли! Доброе утро,— сказал он.— Ну, можно начинать.

И принялся деловито распоряжаться. Вчерашняя корова еще была в охоте и несколько минут спустя уже стояла во дворе, крепко привязанная к столбу. По ее бокам расположились двое работников.

— Чтобы не вывернулась из-под быка,— объяснил мне Тристан и, обернувшись к фермеру, вручил ему ИВ.— Налейте сюда, пожалуйста, теплой воды и покрепче закрутите кран.

Фермер зарылся к дому, а когда вернулся, третий работник уже вывел быка. На сей раз моего противника надежно удерживала веревка, продетая в кольцо в носу.

Да, Тристан, бесспорно, организовал все очень четко.

Быку и теперь явно не терпелось, как накануне выразился его хозяин. Едва увидев корову, он устремился к ней, точно воплощение плотской страсти. Тристан еле успел схватить ИВ, а он уже взбирался на корову.

Должен признаться, мой коллега действовал с неимоверной быстротой: нагнулся, положил ладонь на препуций и надел ИВ. «Вот, значит, как это делается! — подумал я уныло.— До чего же просто!»

Меня пронзил стыд, и в ту же секунду бык высунул язык, испустил протяжный гневный рев, отпрыгнул назад, подальше от ИВ, и начал выделять курбеты, натягивая веревку и обиженно мыча.

— Что за дьявол?..— Тристан с недоумением посмотрел на мечущееся животное и рассеянно сунул палец в ИВ.— Господи! Да это же кипяток!

Уолли Хартли кивнул.

— Ага! Чайник как раз закипал, ну я и налил.

Тристан вцепился пятерней в волосы и застонал.

— Только этого не хватало! — шепнул он мне. — Всегда проверяю температуру термометром, а тут заболтался с тобой, ну и молодчик так рвался вперед, что у меня из головы вылетело. Кипяток! Не удивительно, что бедняга запрыгал, как ошпаренный.

Бык тем временем умолк и принялся обнюхивать корову, поглядывая на нее с опаской и уважением. «Вот это темперамент!» — говорил его взгляд.

— Ну, попробуем еще раз! — Тристан решительно зашагал к дому. — Только уж воду я налью сам.

Вскоре все вернулось на круги своя. Тристан изготавился. Бык, видимо, несколько не охлажденный недавним конфузом, прямо рвался в бой. Представить себе, что думает животное, не так-то просто, и я решил, что, быть может, он терзается, вспоминая вчерашние фиаско и удар, только что нанесенный его гордости и спокойствию духа. Тем не менее, судя по его выражению, он намечался обслужить свою красавицу, даже если бы весь ад с цепи сорвался.

И словно в подтверждение, бык неукротимо рванулся вперед. Тристан успел-таки ошалело надеть ИВ на мелькнувший мимо член, но бык, не устояв на ногах, въехал под корову на спине.

ИВ вырвалась из рук Тристана и взмыла в небо. Мистер Хартли, разинув рот, следил, как она описала изящную параболу и шлепнулась на грудь соломы в дальнем углу двора.

Бык кое-как поднялся, а Тристан неторопливо направился к соломе. Стакан удержался на цилиндре, и мой друг поднес его к глазам.

— Гм, да, — промурлыкал он. — Три кубика. Отличная проба. Фермер, пыхтя, подбежал к нему.

— У вас, значит, получилось, что надо?

— Да, — небрежно уронил Тристан. — Именно то, что требовалось.

Фермер даже головой помотал.

— Черт! И хитрая же штука!

— Ну-у, иногда случаются некоторые осложнения, — Тристан снисходительно пожал плечами. — Бывает, бывает. Сейчас принесу из машины мой микроскоп и проверю пробу.

Времени на это потребовалось немного, и вскоре мы уже расположились на кухне, попивая чай.

Поставив чашку на стол, мой коллега взял масляную лепешку.

— Отличным вы производителем обзавелись, мистер Хартли. Фермер даже руки потер от удовольствия.

— Вот и расчудесно. Я за него порядком отвалил, ну и приятно слышать, что не зря. — Он поглядел на Тристана с нескрываемым восхищением. — Замечательно вы это проделали, уж так я вам благодарен!

Я молча прихлебывал чай, раздумывая, что миновавшие годы ровным счетом ничего не изменили. Почему этот стакан хлопнулся на мягкую подстилку из соломы? А потому что Тристан всегда выходил сухим из воды.

Худенькое тело врезалось в коровий бок, и меня передернуло, но сам Джек Скотт словно бы и внимания на свой полет не обратил. Глаза у него, правда, чуть выпучились, кепка соскользнула на ухо, но он снова ухватил хвост, уперся подошвами в булыжник и приготовился к дальнейшему.

Я пытался оросить матку коровы раствором люголя. Обычное послевоенное лечение бесплодия, вызванного эндометритом. Но оно требовало введения длинного металлического катетера в шейку, и этой корове такая процедура явно пришлась не по вкусу. Каждый раз, едва я начинал вводить катетер, она резко поворачивалась и щуплый фермер стучался о соседнюю корову.

Но теперь дело как будто пошло на лад. Только бы она секунду постояла спокойно, и металлическая трубка проскользнет, куда следует!

— Держите крепче, Джек, — прохрипел я, начиная накачивать раствор люголя.

Едва корова ощутила, что происходит, она опять повернулась, рот фермера, зажатого между двух великанш, разинулся, и тут же копыто припечатало пальцы его ноги. У него вырвался тихий стон.

— Вот и чудесно, — сказал я, извлекая катетер, а про себя подумал, что пациентка оказалась на редкость несговорчивой.

Джек, однако, моего мнения, видимо, не разделял. Сильно прихрамывая, он обошел корову и обнял ее за шею.

— Ах, ты моя умница! — пробормотал он, прижимаясь щекой к могучей челюсти.

Я следил за ним без всякого удивления. В этом был весь Джек. И к людям, и к животным на своей ферме он питал нежнейшую привязанность, не делая никаких исключений, и чувство это, видимо, было взаимным, не считая, разумеется, моей пациентки. Кончив ее обнимать, он протиснулся обратно и перепрыгнул через сточный желоб. Лицо его сияло обычной улыбкой. Само оно не выглядело типично фермерским — не обветренное и румяное, но бледное, изможденное, словно он не спал ночами. Было Джеку всего сорок лет, однако глубокие складки на лбу и на щеках заметно его старили. Только улыбка освещала его изнутри каким-то особым светом.

— У меня для вас еще есть кое-какая работка, мистер Хэрриот. Сперва сделали бы вы укол волу, чего-то он кашляет.

Мы зашагали через двор, а Рип, овчарка Джека, радостно плясал вокруг него. Собаки на фермах нередко держатся настороженно, стараются поменьше попадаться на глаза людям, но Рип вел себя, как счастливый баловень.

Фермер нагнулся и потрепал его по спине.

— Здорово, малый! С нами идешь, что ли?

Пес только в восторге извивался. Но тут к нам подбежали мальчик с девочкой — самые младшие члены семьи.

— Пап, ты куда? Пап, ты чего делаешь? — затараторили они.

Визиты на эту ферму редко обходились без вмешательства ребятшек: они сновали между коровьими ногами, мешали работать, но Джек относился к этому с полнейшим благодушием.

Вол лежал на толстой подстилке и спокойно жевал жвачку. Видимо, чувствовал он себя прекрасно.

— Так-то он ничего, — сказал Джек. — Может, простудился маленько, да и все. Но покашливает иногда. Вот я и подумал, что укол ему не повредит.

Температура оказалась чуть повышенной, и я набрал в шприц раствор пенициллина, тогда еще совсем новинку в ветеринарии. Затем наклонился, хлопнул ладонью по волосатому крупу и вогнал иглу. На любой другой ферме сделать укол такой зверюге было бы непросто — дело могло дойти и до погони через стойло, а вот этот вол даже не вскочил. Его никто не держал, но он продолжал жевать, и только оглянулся на меня с легким любопытством.

— Вот и хорошо. Молодчага ты, молодчага. — Джек потрепал косматую челку, и мы вышли.

— Еще я вам хочу ягнят показать, — продолжал он, ведя меня к строению из волнистого железа с полукруглой крышей, явному наследию войны. — В жизни такого не видел.

Внутри было полно овец и ягнят, но понять, что его озадачило, оказалось легко. У некоторых ягнят подгибались и дрожали задние ножки, а двое падали, не сделав и двух-трех неуверенных шажков. Джек обернулся ко мне.

— Что с ними такое, мистер Хэрриот?

— Лордоз *, — ответил я.

— Лордоз? А что это?

— Недостаток меди в организме. Вызывает дегенерацию спинного мозга, приводящую к провисанию спины. В наиболее типичной форме. Но иногда возникает паралич или припадки. Капризная болезнь.

— Странно, — сказал фермер. — У маток полно было меди, чтобы лизать.

— Боюсь, этого недостаточно. Если таких случаев окажется много, маткам в следующий раз на половине беременности надо будет сделать инъекцию меди, чтобы это не повторилось.

---

* Лордоз — врожденное или приобретенное искривление позвоночника выпуклостью кпереди. — *Прим. ред.*

Он вздохнул.

— Ну, ладно. Раз мы знаем в чем дело, так вы ягнят подлечите.

— Мне очень жаль, Джек, но лечения тут нет. Ничего, кроме предупредительных мер.

— Н-да...— Фермер сдвинул кепку на затылок.— А с этими что дальше будет?

— Ну, те, которые только пошатываются, вполне еще могут стать здоровыми и упитанными, но, боюсь, этим двоим не выкарабкаться.— Я кивнул на лежащих ягнят.— Они уже частично парализованы. И вообще, гуманней всего было бы...

Вот тут Джек перестал улыбаться. Улыбка всегда исчезала с его лица, стоило намекнуть на то, что животное следовало бы безболезненно умертвить. Деревенский ветеринар обязан давать такую рекомендацию клиенту, когда лечение становится явно убыточным. Учитывать коммерческие интересы клиентов — его долг.

Практически все бывали только благодарны — все, но не Джек Скотт.

Посоветуйте ему избавиться от коровы, почти переставшей доиться после мастита, и сияющее лицо тут же замыкалось. На ферме у него содержалось немало животных, которые никакого дохода приносить ему не могли, но это были друзья, и он только радовался, глядя, как они живут себе и живут.

Теперь он засунул руки поглубже в карманы, поглядел на распростертых ягнят и спросил:

— Они очень мучаются, мистер Хэрриот?

— Да нет, Джек. Особых страданий эта болезнь, видимо, не причиняет.

— Тогда ладно. Я их оставлю. Не сумеют сосать, сам их кормить буду. Не люблю я последнюю надежду у живой твари отнимать.

Он мог бы мне этого и не объяснять. Надежду он им оставлял, даже когда ее и вовсе, казалось бы, не было. Фермеры терпеть не могут вскармливать ягнят с рожка, а уж тратить время на калек — и подавно. Но я знал, что спорить с Джеком бессмысленно. Так уж он был устроен.

Мы вышли во двор, и он прислонился к двери стойла.

— В следующий раз надо не забыть, чтобы вы маткам медь влили.

Он еще не договорил, как над верхней створкой возникла колоссальная морда. В этом стойле помещался бык, и крупный шортгорн возжелал выразить хозяину свое почтение.

Он принялся лизать Джеку затылок шершавым языком, сдвигая кепку ему на глаза. Когда это повторилось несколько раз, Джек кротко запротестовал:

— Хватит тебе, Джордж, не чуди! Разбаловался, дурачок! — А сам изогнулся и почесал могучую шею.

На морде Джорджа было чисто собачье выражение, довольно странное для быка. Он упоенно лизался и тыкался носом, словно не

слыша увещеваний хозяина. Такой бычище на многих фермах был бы потенциальным убийцей, но для Джека Джордж оставался милым теленком.

Пора окота прошла, в свои права вступило лето, и я с радостью убедился, что заботы Джека оказались не напрасными. Два полупарализованных ягненка не только не погибли, а держались молодцом. Они все еще валились на землю после нескольких шагов, однако усердно щипали молоденькую травку, и процесс в мозгу дальше не развивался.

В октябре, когда деревья вокруг фермы Джека запылали золотом и багрецом, он как-то перехватил меня на шоссе.

— Вы на минутку к Рипу на заглянете? — спросил он тревожно.

— Он, что, заболел?

— Да нет. Охромел чуток, только не пойму отчего.

Далеко идти мне не пришлось. — Рип всегда вертелся возле хозяина, — но у меня сжалось сердце: он заметно волочил правую переднюю ногу.

— Что случилось? — спросил я.

— Коров сбивал, ну, одна возьми да и стукни его в грудь копытом. Хромает он все больше, а я ничего неладного в ноге нащупать не сумел. Загадка какая-то.

Пока я ощупывал его ногу от лапы до плеча, Рип энергично вилял хвостом. Ни раны, ни повреждения, ни каких-либо признаков боли... но едва мои пальцы коснулись первого ребра, как он взвизнул. Поставить диагноз было нетрудно.

— Радиальный паралич, — сказал я.

— Ра... что это?

— Радиальный, или лучевой, нерв проходит над первым ребром, и копыто, очевидно, повредило его вместе с ребром. В результате разгибающие мышцы вышли из строя, и он не может выносить ногу вперед.

— Чудно, — буркнул фермер и провел ладонью по густой шевелюре, по белой сетке морщин на щеке. — А он поправится?

— Дело очень затяжное, — ответил я. — Нервная ткань регенерирует медленно — неделями, а то и месяцами. Лечение практически не помогает.

Фермер кивнул.

— Ну, так подождем. Хорошо хоть (его лицо вновь озарилось улыбкой), что он и хромым может коров собирать. Без работы он бы совсем извелся. Рип, он свою работу любит.

На обратном пути к машине Джек вдруг ткнул меня локтем и приоткрыл дверь сарая. В углу на ворохе соломы сидела кошка, окруженная котятами. Джек поднял двоих малышей и положил их на свои заскорузлые ладони.

— Вы только поглядите, прелесть-то какая! — Он прижал котят к щекам и засмеялся.

Заводя мотор, я почувствовал, что должен его как-то ободрить.

— За Рипа, Джек, особенно не тревожьтесь. Обычно такие параличи со временем проходят.

Но не у Рипа. Через несколько месяцев хромота по-прежнему, и мышцы ноги заметно атрофировались. Видимо, нерв пострадал сильно, и симпатичный пес был обречен до конца своих днейковылять на трех ногах.

Джек никакого значения этому не придавал и упрямо утверждал, что Рип все равно отлично работает.

Катастрофа разразилась в воскресное утро, когда мы с Зигфридом сидели в приемной, распределяя вызовы. Дверь на звонок открыл я и увидел перед собой Джека с Рипом на руках.

— Что случилось? — спросил я. — Ему хуже?

— Нет, мистер Хэрриот, — хрипло ответил Джек. — Тут другое. Опять его брыкнули.

Мы осмотрели пса на операционном столе.

— Перелом большой берцовой кости, — определил Зигфрид. — Но признаков внутренних повреждений нет. А вы не знаете точно, как это произошло?

— Нет, мистер Фарнон. — Джек покачал головой. — Он на улице выскочил, и его машина сшибла. Он ползком во двор...

— Ползком? — с недоумением переспросил Зигфрид.

— Ну, да. Больная-то нога у него на этой же стороне.

Мой партнер надул щеки.

— А, да. Радиальный паралич. Я помню, Джеймс, вы мне про него рассказывали. — Его взгляд сказал мне, что думает он то же, что и я. Перелом и паралич на одной стороне — комбинация смертоносная.

— Ну, что же, продолжим, — пробормотал Зигфрид.

Мы наложили гипс, и я открыл дверцу старой машины Джека, чтобы он мог поудобнее уложить Рипа на заднем сиденье.

Джек улыбнулся мне в окошко.

— Я сейчас семейство в церковь повезу, так и за Рипа по-молюсь.

Я проводил взглядом его машину, а когда она скрылась за углом, повернулся и увидел, что рядом стоит Зигфрид.

— Очень хотелось бы, чтобы чертова кость срослась, — произнес он задумчиво. — Джек ведь неудачу близко к сердцу примет... — Он повернулся и потерял свою старую медную дощечку, прикрепленную теперь прямо к стене. — Удивительно светлой души человек. Помолится за собаку! Что ж, если верить Колриджу, молитва его должна быть услышана. Помните, как это там? «Сильней молитва тех, кто сердце отдает созданным всем, большим и малым»?

— Да, — сказал я. — Это про Джека.

Шесть недель спустя Джек приехал с Рипом снимать гипс.

— Накладываем мы куда быстрее, чем снимаем, — заметил я, орудуя маленькой пилой.

Джек засмеялся.

— Да уж! Твердая штука.

Эту работу я никогда не любил, и мне казалось, что прошел чуть ли не час, прежде чем я раздвинул белый цилиндр и осторожно отделил его от шерсти. Потом ощупал место перелома, и сердце у меня налилось свинцом. Не срослось! К этому времени там должна была бы образоваться спасительная мозоль, но под моими пальцами концы кости сдвигались и раздвигались, словно на дверной петле. Как будто и не было этих полутора месяцев.

Я услышал в аптеке шаги Зигфрида и позвал его.

Он тоже ощупал ногу.

— Черт! Именно то, без чего бы мы прекрасно обошлись...— Он поглядел на фермера.— Попробуем еще, Джек, но мне это очень не нравится.

Мы снова наложили гипс, и Джек отблагодарил нас доверчивой улыбкой.

— Просто времени больше требуется. Уж в следующий-то раз все будет, как надо.

Увы... Гипс мы с Зигфридом снимали вместе и сразу убедились, что практически ничего не изменилось. Перелом не срастался.

Мы не знали, что сказать. Ведь даже теперь, при всех новейших способах скрепления костей, бывают случаи, когда они никак не срастаются. А нас охватывает та же бессильная ярость, какую мы испытали в тот день, когда на операционном столе лежал Рип.

Первым молчание нарушил я:

— Боюсь, Джек, никаких перемен.

— Не срослось, значит?

— Да...

Фермер потер верхнюю губу.

— И опираться он на эту ногу не сможет?

— К сожалению.

— Так-так... Ну, поглядим, как он приладится.

— Послушайте, Джек,— мягко сказал Зигфрид,— приладиться он не может. Когда у собаки повреждены обе ноги с одной стороны, выхода нет.

Вновь наступило молчание, и я вновь увидел, как замкнулось лицо фермера. Он прекрасно понимал, что у нас на уме, но смириться с этим не собирался. Собственно, я твердо знал, что он сейчас скажет, и не ошибся.

— А мучается он сильно?

— Совсем нет,— ответил Зигфрид.— Перелом уже никаких болей не вызывает, а паралич тем более. Но он никогда не сможет ходить, вы понимаете?

Однако Джек уже подхватил Рипа на руки.

— Пусть все-таки попробует,— сказал он, попрощался и вышел.

Зигфрид оперся на стол и посмотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Ну, Джеймс, что вы об этом думаете?

— То же, что и вы,— ответил я мрачно.— Бедняга Джек! Он всегда старается дать шанс в самом безнадежном случае. А куда уж безнадежнее!

Но я ошибся. Несколько недель спустя я приехал на ферму Джека посмотреть заболевшего теленка и сразу же увидел Рипа, который пригонял коров на дойку. Он носился позади стада, направляя его к воротам, ведущим с луга, и я окаменел от удивления.

Он по-прежнему не опирался ни на переднюю, ни на заднюю правую ногу, и тем не менее резво бегал! Не спрашивайте, как это у него получалось — я не знаю, но факт остается фактом, каким-то образом Рип научился сохранять равновесие на двух крепких левых ногах, лапы же правых лишь чуть касались травы. В конце-то концов, умудрялись же люди удерживать равновесие на одноколесном велосипеде! Но, повторяю, я так в этом и не разобрался. Ведь, что самое важное, он остался прежним приветливым Рипом, при виде меня бешено завилал хвостом и ухмыльнулся во всю пасть.

Джек ни на секунду не впал в тон «я же вам говорил!», хотя имел на то полное право. Впрочем, я бы этого даже не заметил, до того приятно было наблюдать, как бойкий пес исполняет свои любимые обязанности.

— Теленок этот, мистер Хэрриот,— начал Джек, но тут же радостно кивнул на голубя, который опустился на конек коровника.— Черт подери, а вид у него получше стал. Я за ним давно приглядываю. До того исхудал, только кости да кожа остались, а теперь вон как потолстел!

Я про себя улыбнулся — заботливость Джека простиралась даже на голубей.

— Так вот, про теленка, значит.— Джек заставил себя вернуться к делам.— Я такого в жизни не видел. Ходит и ходит по кругу, как очумелый.

У меня упало сердце. А я-то надеялся на что-то, с чем сумею победоносно справиться! Ведь все последние мои попытки помочь животным Джека свелись по сути к бесполезному лечению и неверным прогнозам. Мне очень хотелось, наконец, вытащить кролика из цилиндра, однако эти симптомы ничего хорошего не сулили.

Симпатичная месячная телочка, темно-рыжая (любимая масть фермеров, державших шортгорнов) лежала на соломенной подстилке и выглядела совершенно нормально, разве что голова была чуточку наклонена набок. Джек легонько ткнул ее носком сапога, и она поднялась на ноги.

Теперь телочка уже не выглядела нормальной. Словно притягиваемая магнитом, она побрела по дуге вправо, пока не уперлась в стену. Упала, снова поднялась и продолжала свое бесцельное движение. Умудрившись описать две полные петли, она затем наткнулась на дверь стойла, упала и привалилась к ней.

Сомнений быть не могло. Я почувствовал облегчение, смешан-

ное с тревогой. В чем дело, я знал, почти не сомневался, что вылечу телочку, и все же... и все же...

Температура оказалась 40,1°.

— Это листериоз, Джек.

Он посмотрел на меня непонимающими глазами.

— Его в просторечии называют вертячкой, и вы сами видите, почему. Поражается мозг, и от этого животное ходит по кругу.

Лицо фермера насушилось.

— Опять, значит, мозг? Как у ягнят. Помилуй господи, воздух что ли у нас тут такой вредный? И вся моя скотина с ума свихнется? — Он умолк, нагнулся к телочке и погладил ее. — А ей вы тоже помочь не сумеете?

— Нет, почему же, Джек. Это совсем другая болезнь, чем лордоз. Ее вызывает микроб, который забирается в мозг, и, надеюсь, я ее вылечу, разве уж нам очень не повезет.

Меня тянуло подержаться за дерево. Опыта у меня еще было маловато. С листериозом я до войны сталкивался всего два-три раза, и тогда он был неизлечим. Однако его возбудитель поддавался действию антибиотиков и теперь положение вещей заметно изменилось. Я видел, как больные животные выздоравливали буквально за два-три дня.

Я взболтал флакон с пенициллиново-стрептомициновым раствором и ввел пять кубиков в бедро.

— Завтра заеду, — сказал я. — Надеюсь, малышке будет уже легче.

На следующий день температура снизилась, но в остальном картина осталась прежней. Я повторил инъекцию и обещал заехать завтра.

И заехал. И опять заехал, и опять, и опять, потому что мною овладело какое-то ледяное отчаяние. Однако через неделю телушка по-прежнему ходила кругами, хотя температура снизилась до нормальной и аппетит не оставлял желать ничего лучшего.

— Так что вы скажете, мистер Хэрриот? — спросил Джек.

Что скажу? Больше всего мне хотелось взвыть и обрушиться с проклятиями на судьбу. Ну просто кто-то сглазил эту ферму! Все у меня тут шло наперекосяк.

Но я взял себя в руки, перевел дух и произнес спокойным тоном:

— Мне очень жаль, Джек, но мы топчемся на месте. Антибиотики, бесспорно, спасли ей жизнь, однако в мозгу, видимо, произошли какие-то необратимые изменения. На полное выздоровление, по-моему, никаких шансов нет.

Он словно бы меня не услышал.

— Телушка-то отличная. От лучшей моей коровы. Уж и удоинная будет! Вы только на ее масть посмотрите! Мы ее Ежевичкой назвали.

— Да, Джек, но...

Он похлопал меня по плечу и мягко проводил на двор.

— Спасибо вам большое, мистер Хэрриот. Я же вижу, вы все сделали, что можно было.

Он ясно дал мне понять, что больше обсуждать эту тему не намерен.

Я обернулся, в последний раз увидел за открытой дверью коровника кружащую по соломе телочку и зашагал к машине. Вокруг меня куралесил Рип, и его искалеченные ноги были как еще один горький упрек моему профессиональному умению. А еще ветеринар называется!

Заведя мотор, я высунул голову в открытое окошко и чуть было не заговорил, но тут же замкнувшееся лицо Джека меня остановило. Никаких моих советов, как ему лучше поступить с телушкой, ему не требовалось. Естественно, он не собирался отнимать у Ежевички последнюю надежду.

И опять Джеку было воздано по вере его, а мой прогноз вновь оказался ошибочным, хотя мне не в чем себя винить,— ведь процесс выздоровления Ежевички не описан ни в едином руководстве.

На протяжении следующих двух лет симптомы мозгового расстройства мало-помалу сходили на нет. Улучшение шло так медленно, что замечалось далеко не сразу, но когда мне случалось приехать на ферму Джека, я обязательно заглядывал проведать телушку и, к большому своему удивлению, всякий раз обнаруживал новые ободряющие признаки. Покружив несколько месяцев, она начала ходить по прямой, лишь изредка сворачивая вправо. Через несколько месяцев и от этого остался только легкий наклон головы, а потом пришел день, когда я вдруг увидел перед собой прекрасную, совершенно здоровую двухлетнюю телку, которая держала голову прямо и неторопливо прогуливалась по стойлу, никуда непроизвольно не сворачивая. Да, я ошибся. И как это было прекрасно!

— Джек,— сказал я.— Ну, просто чудо. Я бы голову прозакладывал, что ей не выкарабкаться, и вот, пожалуйста! Образцовая телка, хоть на выставку!

Он одарил меня неторопливой, чуть лукавой улыбкой.

— Да, телушка хорошая, мистер Хэрриот, и будет лучшей в стаде, вот только...— Он поднял палец и улыбка стала шире,— маленький в ней брачок есть.

— Брачок? О чем вы?..

— Да так, совсем малюсенький.— Он наклонился ко мне с заговорщицким видом.— Вы на морду ее посмотрите. На морду!

Я уставился на морду телки и на меня с легким интересом обратились безмятежные глаза, томные, как у всех рогатых красавиц. Мы созерцали друг друга минуты две, затем я обернулся к фермеру.

— Я решительно ничего не замечаю.

— Чуток погодите! — ответил Джек. — Она это не всегда продельывает.

— Что продельывает? — заинтригованно спросил я. — Ничего сколько-нибудь ненормального я... Господи боже ты мой!

Джек расхохотался и хлопнул меня по спине.

— Углядели, а?

Я, бесспорно, углядел и пребывал в совершенном ошеломлении. На краткий миг безмятежное выражение исчезло, потому что глаза и морда Ежовички внезапно чуть дернулись вправо. В этом движении было что-то удивительно человеческое, и я как будто увидел на экране памяти «роковую соблазнительницу» эпохи немого кино, которая, упершись рукою в бедро, маняще взглядывала на свою жертву. «Иди, иди сюда, милый», — говорил этот взгляд.

Джек еще не отсмеялся.

— Такого вы еще не видывали, а, мистер Хэрриот?

— Безусловно, нет. Поразительно! И часто она так?

— Не сказать, чтоб очень уж часто, но и не редко. Думается, это ведь тоже пройдет, как и все прочее?

— Вероятно, — ответил я. — Но впечатление необыкновенное.

Джек кивнул.

— Сразу вид такой нахальный делается! Ну, будто она у меня что-то выклянчить вздумала.

Я тоже засмеялся.

— Совершенно верно. Так и кажется, что ей хочется пообщаться с вами, но, конечно, это остаточное явление, и только. Главное же, что она телка, каких поискать.

— Это правда, — сказал Джек. — Хорошо, что мы ее поберегли. (Каким деликатным было это «мы»!) Я как раз ее случил, и отелиться она должна прямо перед выставкой в Дарроуби.

— Ну, она вполне заслуживает попасть на выставку. Это будет очень интересно.

Да, Ежовичка стала истинным воплощением образцовой молочной коровы, ныне почти исчезнувшей шортгорнской породы, отличавшейся удивительной грациозностью. Прекрасная прямая спина, изящный хвост, точеная голова и намечающееся тяжелое вымя. Ну, просто залюбуешься.

Несколько месяцев спустя, когда она встала в центре выставочного круга, и солнце вызолотило ее темно-рыжую шкуру, залюбоваться ею можно было даже еще сильнее. Она недавно принесла чудесного теленка, и между задними ногами теперь во всей красе покачивалось вымя, тугое и аккуратное, с четырьмя небольшими сосками, гордо торчащими по углам.

Да, превзойти такую красавицу соперницам будет непросто! И мне стало тепло при мысли, что бедное существо, которому два с половиной года назад угрожала, казалось бы, неминуемая гибель, вот-вот выиграет первый приз.

Впрочем, конкурентки подобраны достойные. Судья, бригадир Роуан, после долгих размышлений оставил для заключитель-

ного тура ее и еще двух участниц конкурса — рыже-белую и светлорыжую. Обе они тоже были великолепны, и, вероятно, он затруднялся решить, которой отдать предпочтение.

Но и на самого бригадира Роуана стоило посмотреть. Почетный ветеран, фермер-джентльмен, он слыл в наших краях великим знатоком молочных коров. Его костюм и манера держаться точно отвечали возложенной на него миссии. Эта худошавая высокая фигура выглядела бы аристократичной и без элегантнейшего клетчатого костюма, канареичного жилета, пышного галстука и шелкового котелка. Заключительным штрихом служил монокль — кроме бригадира Роуана, мне не доводилось видеть человека, всерьез носящего монокль (не считая, конечно, героев экрана и сцены).

Бригадир неторопливо прохаживался перед кандидатками, выпрямив плечи, заложив руки за спину, и порой наклонялся, рассматривая что-то поближе. Да, несомненно, он никак не мог прийти к решению.

Его обычно розовое лицо стало кирпично-красным, но, казалось мне, не столько от жаркого солнца, сколько от коньяка с содовой, которым он не раз угощался в палатке распорядителя выставки.

Пожевывая губами, бригадир подошел к Ежевичке, которая терпеливо стояла с ближнего от меня края рядом с Джеком Скоттом, державшим ее за веревку. Он пристально уставился на ее морду, словно вглядываясь в глаза. И вдруг что-то произошло. Я стоял позади коров, а потому точно утверждать не берусь, однако уверен, что тут-то Ежевичка и скопилась вправо. Во всяком случае, от патрицианской невозмутимости бригадира не осталось и следа. Брови взвились вверх, монокль выпал и повис, покачиваясь на шнурке. Лишь несколько секунд спустя владелец поймал его, тщательно протер и водворил на место.

Снова бригадир Роуан начал всматриваться в Ежевичку, а затем, переходя к ее соседке, раза два оглянулся. Догадаться о его мыслях не составляло труда: все-таки было или же это коньяк виноват?

Но вот он повернул обратно, всем своим видом выражая, что сейчас вынесет приговор, пусть все трое словно бы равно безупречны. Он остановился перед Ежевичкой... и слегка подпрыгнул. Сомнений не оставалось: конечно, она ему подмигнула!

Однако монокль удержался в глазу, бригадир более или менее справился с собой и пришел к окончательному выводу. Он тут же присудил Ежевичке первый приз, рыже-белой кандидатке — второй, а светло-рыжей — третий.

Я искренне убежден, что свой приз Ежевичка получила с полным на то правом, но не мог не посочувствовать бригадиру: каково это, накачавшись коньяку, вдруг увидеть, как с коровьих губ рвется слово «милый!»? В сущности, иного выхода у него не было.

— Беда! Беда! Беда! — Голос в трубке ударил мне в ухо с такой панической пронзительностью, что я чуть было не сдернул телефон со столика.

— Кто?.. Что?..

— Говорит миссис Деррик. Такая беда...

— Слушаю, миссис Деррик. Что случилось?

— Моя коза, мистер Хэрриот... Ужасно.

Молодые супруги Деррики совсем недавно поселились в деревушке неподалеку от Дарроуби. Обоим им было лет под тридцать, и Роналд Деррик ежедневно ездил в Бротон, где открыл какую-то контору. Его жена, женщина чрезвычайно привлекательная и милая во всех отношениях, отличалась некоторым легкомыслием, и потому, когда она приобрела козу, во мне заговорили дурные предчувствия.

Теперь я судорожно сжал трубку.

— Коза поранилась?

— Нет, нет, нет! Я не из-за козы, а из-за помидоров!

— Каких помидоров?

— Негодяйка съела все помидоры мужа. Я нечаянно не закрыла дверь теплицы.

У меня по коже пробежали мурашки. Роналд Деррик души не чаял в своих помидорах, а так как я тоже к ним равнодушен, то с большим интересом разглядывал их, когда он показывал мне свою теплицу.

Подобно многим горожанам, перебирающимся в деревню, Деррики воспылали страстью к деревенскому образу жизни, сажали всяческие овощи в большом огороде за домом и обзавелись живностью. Они держали кур, пони для детей и, разумеется, козу, однако сердце Роналда было отдано помидорам.

При огороде имелась тепличка, и, когда я в последний раз был у них, он с законной гордостью продемонстрировал мне двенадцать пышных кустов. Июль только-только вступал в свои права, плоды были еще зелеными и мелкими, но обещали многое.

«Завязи редкостные! — помнится, сказал я ему. — Урожай вы соберете замечательный». И слушая голос его жены, я вновь словно увидел улыбку, которой расцвело его лицо в ответ на мои похвалы.

— Он же их каждый день пересчитывал, мистер Хэрриот! И сегодня, садясь в машину, сказал мне, что их двести девяносто три. Ради бога, приезжайте! Он убьет и козу и меня! — наступила маленькая пауза. — Ай! Кажется, он вернулся! Да-да, я его в окно вижу.

Она бросила трубку с такой силой, что у меня зазвенело в ухе,

и я почувствовал легкий озноб. Чего, собственно, от меня требуют? Сыграть роль миротворца? Предотвратить убийство? Но Роналд Деррик кроткий, добродушный человек и, разумеется, не способен схватиться за нож или топор. Но, черт побери, расстроится он обязательно, да и козе после такого пиршества может не поздоровиться. Я кинулся к машине и через десять минут уже прибыл на место катастрофы.

Деррики купили старинный помещичий дом с широкой подъездной аллеей, огибавшей его. Я прямо на машине вылетел за угол, распахнул дверцу и узрел всю скорбную картину.

Миссис Деррик, нисколько не утратившая привлекательности из-за струящихся по ее щекам слез, стояла на узенькой лужайке, комкая мокрый носовой платок.

— Милый,— бормотала она,— я только вышла взять лейку. Не понимаю, как я умудрилась не запереть двери...

Ее муж хранил молчание, и я с первого взгляда понял, как тяжело переживает он свою утрату. Он застыл на пороге теплички, прислонясь к косяку, и смотрел прямо перед собой. Несомненно, застыл он в этой позе сразу же, как приехал, ибо мог послужить моделью для статуи владельца конторы: темный костюм, котелок, правая рука держит «дипломат».

Я заглянул в тепличку через его плечо и зрелище полного опустошения превзошло самые худшие мои ожидания. Вкусы и обеды привычки коз неисповедимы: во всяком случае, эта по известной только ей одной причине сожрала все плоды и все листья, так что остались лишь тоненькие зеленые стебли, подвязанные к вертикальным рейкам. Как собрат по любви к помидорам, я мог только скорбеть вместе с мистером Дерриком о его потере, помочь же ему был не в силах. Я погладил его по плечу, пробормотал слова соболезнования, но из оцепенения не вывел.

За огородом я увидел на привязи рогатую виновницу происшествия. Вопрос — каким образом она очутилась на свободе, чтобы учинить разгром теплицы? Но усложнять ситуацию я не собирался и промолчал.

А вместо того направился к козе и осмотрел ее. Глаза у нее были ясные, вид веселый и бодрый. Мои услуги ей явно не требовались. Более того: прямо у меня на глазах она принялась со смаком грызть капустную кочерыжку. Да-да, я искренне сочувствовал Деррикам, но все же не мог не проникнуться восхищением перед животным, которое не испортило себе аппетита, съев двести девяносто три зеленых помидора.

Жизнь ветеринара в значительной степени складывается из таких вот мелких происшествий. Вполне пустячных, но запечатлевающих в памяти какой-то своей особой жизненностью. Например, тот день, когда я приехал проверить на туберкулез стадо Руа и Уилла Роуни. Руп и Уилл вечно вздорили между собой. Два брата, старые

холостяки, они много лет оставались совладельцами молочной фермы, но, казалось, не соглашались решительно ни в чем.

У них на ферме мне всегда становилось не по себе, потому что братья непрерывно спорили и каждый порицал все, что делал другой. Но на этот раз они, в довершение всего, забыли заранее пригнать коров!

Я терпеливо слушал их перебранку.

— Сказано тебе было, что в открытке сегодняшний день стоял.

— Еще чего! Сам же говорил: во вторник, а что сегодняшний, так это вовсе я тебе сказал!

— Чем языком зря трепать, сходи в дом за открыткой, так ее и так! Тогда увидим!

— Сходи, сходи! Сам же ее сжег, черт безмозглый!

Я выждал минуты две, а потом тактично вмешался в их диалог.

— Неважно, — сказал я. — Дело поправимое. Коровы же вон там, на лугу. Долго ли пригнать их сюда?

Руп прожег брата заключительным взглядом и обернулся ко мне.

— Верно, мистер Хэрриот. Дверь в коровник открыта, так я мигом их покличу.

Он набрал в грудь побольше воздуха и принялся выкрикивать:

— Сюда-сюда, Пятнистая Ноздря! Сюда, Толстомясая! Сюда, Хвост Навозный! Сюда, Тугосисая! Сюда-сюда, Дуралея!

Уилл не пожелал смириться с тем, что его отодвинули на задний план, и в свою очередь завопил:

— Сюда, Долговязая! Сюда, Дилижансика!

Лицо Рупа стало ледяным, он наклонился ко мне и доверительно прошептал:

— Вы уж извините моего брата, мистер Хэрриот! Ему хоть кол на голове теши, дает и дает коровам дурацкие клички!

Не устаю удивляться контрастам человеческих характеров. Как-то я осматривал вола с опухшим нижним суставом. Владелец принадлежал к новейшей породе молодых фермеров: кончил сельскохозяйственный колледж, тщательно следил за последними достижениями науки. Очень милый молодой человек, но в его обществе мной владело гнетущее ощущение, что он все знает куда лучше, чем я.

Проводив меня к волу, он кивнул на больную ногу.

— Инфицирована! — Тон его был категоричен. — Микроорганизмы, видимо, проникли через вот эту ссадину. На мой взгляд, ему требуется кубиков двадцать долгодействующего прокаина-пенициллина внутримышечно.

Естественно, он был совершенно прав, и я покорно сделал требуемую инъекцию в ягодичную мышцу.

Волей судеб следующий мой пациент ждал меня с точно таким

же заболеванием на ферме всего в миле от этой, только хозяином ее был Тед Бакл, один из любимых моих чудаков старого закала, каких уже мало оставалось.

— А, мистер Хэрриот! — приветствовал он меня и повел в загон, где кивнул на охромевшего вола в углу. — Вон этому молодчику надо бы иглу в задницу вогнать.

Или мистер Богг, чья скупость вошла в присловие среди соседей, для которых строжайшая бережливость была естественной нормой. Я слышался множество анекдотов о его скарденности и бережно храню в памяти кое-какие мои собственные стычки с ним.

Он был владельцем прекрасного айрширского стада, а кроме того, разводил кур и индеек. Быть стесненным в деньгах он никак не мог.

Его индейки часто заболевали пуллорозом*, и он заезжал к нам за таблетками стоварсола, весьма в то время популярного.

Как-то раз, едва переступив порог, он заявил:

— Вот что! Я все по пятьдесят да по сто этих ваших лепешечек покупаю. Только деньгам перевод. Лучше уж взять банку целиком, а то не наездишься.

— Вы верно рассудили, мистер Богг, — ответил я. — Конечно, так будет много проще. Сейчас принесу.

Вернулся я со вскрытой банкой и объяснил:

— Непочатых у нас сейчас, к сожалению, нет. Но взято из нее всего несколько штук.

— Взято... несколько штук?.. — Его явно встревожила мысль, что заплатит он за полную тысячу, а в банке-то таблеток на несколько штук меньше!

— Не беспокойтесь, — заверил его я. — Израсходовано штук десять-двенадцать, не больше, ручаюсь вам.

Но мои заверения пропали втуне, и вышел он из приемной с угрюмым и озабоченным видом.

Вечером, часов около восьми, в дверь позвонили, я пошел открывать и увидел перед собой на пороге мистера Богга.

— Я вот зачем приехал, — сказал он. — Таблетки я пересчитал, так их всего девятьсот восемьдесят семь!

В другой раз я по обыкновению купил у мистера Богга дюжину яиц — ферма его была рядом с городом. Вернувшись домой, я обнаружил в мешочке всего одиннадцать штук и неделю спустя, заехав к нему за новой дюжиной, упомянул про это обстоятельство.

— А как же! — ответил мистер Богг, глядя мне прямо в глаза. — Одно-то яйцо там было с двойным желтком!

Столь же бережно я храню память о том, как однажды — больше этого не повторялось! — мне довелось поехать на вызовы в шортах.

---

* Инфекционная болезнь куриных, чаще молодых кур и индеек, вызываемая сальмонеллами. Проявляется в вялости, поносе, посинении гребешка. — *Прим. ред.*

Я только что вернулся из отпуска, который проводил с семьей в Шотландии. Погода стояла на редкость чудесная, и, пробавившись две недели в рубашке и шортах, я восстал при мысли, что вновь должен облачиться в свою рабочую сбрую. Одного взгляда из окна на солнце, пылающее в ясном небе, оказалось достаточно: я решительно натянул шорты. Пока я шел через сад к машине, мои ноги овеивал нежный ветерок, и я даже зажмурился от ощущения прохлады и полной свободы, словно еще бродил по горам.

А добравшись до первой фермы, я и вовсе уверился в правильности принятого решения. День обещал превратиться в настоящее пекло — зеленые склоны вокруг уже плавали в жарком мареве. Да, шорты — именно то, что требуется сельскому ветеринару летом.

Ферма была маленькая, и дверь мне открыла старушка-хозяйка миссис Менелл. На мое бодрое «здравствуйте!» она ничего не ответила и как замороженная уставилась на мои обнаженные колени. Я подождал несколько секунд и осведомился:

— Ваш муж дома, миссис Менелл?

— А?.. Нет... нету его...— С трудом оторвавшись от созерцания моих ног, она заговорила уже спокойнее.— Он на лугу, стенку чинит.— Тут, наконец, наши взгляды встретились.— Вы уж извините, мистер Хэрриот. Только я-то, как в окошко посмотрела, так подумала, что к нам бойскаут пожаловал.

В некоторой растерянности я вышел через калитку на пастбище и направился по зеленой траве туда, где фермер перекладывал обвалившуюся стенку. Он не услышал моих шагов и обернулся, только когда я сказал у него за спиной:

— Доброе утро, мистер Менелл! Какой нынче день чудесный.

Как и его жена, старик ничего не ответил. Его хмурый взгляд был неумолимо прикован к моим коленям, и, наконец, я не выдержал.

— Кажется, у вас теленок заболел?

Он медленно кивнул, все еще не поднимая головы.

Я откашлялся.

— Легкий понос, если не ошибаюсь?

— Э?.. Да-да...— Но поза его не изменилась, и я совсем растерялся.

— Так что же,— пробормотал я,— пойдем поглядим на него?

Без всякого предупреждения старик опустился на одно колено и уперся растопыренными пальцами в землю, как заправский спринтер. Потом бросил на меня жаждущий взгляд.

— Ага! А ну, кто скорей до дома добежит?

И вновь я перенесусь вперед во времени. На дворе 1963 год, и опять меня навистил Джон Крукс. Он откинулся на спинку кресла и рассмеялся.

— Знаете, Джим, я часто вспоминаю ваше плавание в Россию. Честно говоря, у меня осталось впечатление, что особого удовольствия оно вам не доставило. Десятибалльный шторм, чуть было не угодили под арест за то, что вломились в школу, едва избежали собачьих зубов — ну что тут хорошего? Ей богу, мне совестно, что по моей вине вы попали в такой переплет.

— Да что вы, Джон! — перебил я. — Такое чудесное было путешествие! Я наслаждался каждой его минутой.

Он вдруг сел прямо.

— Я все думаю и думаю... Хотелось бы компенсировать вам такие трудности и переживания чем-нибудь приятным, увлекательным. И у меня есть для вас идеальный вариант.

— Что-что?

— А вот слушайте! — Он наклонился ко мне, весело блестя глазами: неумная энергия Джона, его несравненное красноречие всегда действовали на меня завораживающе. — Прошлой весной у меня была интереснейшая поездка в Стамбул с грузом джерсейских коров. Как вы на это смотрите?

— В Стамбул? — И тут же у меня в мозгу закружились образы таинственного Востока: мечети, минареты, синие небеса, тихие моря, пряные ароматы, Шехерезада...

— Да, Джим, есть что вспомнить! На Джерси мы пришли из Гулля, взяли на борт коров и прямо к Гибралтару. А дальше — просто сказочный круиз по Средиземному морю. Коровы хоть бы раз чихнули, и я только и знал, что поглощал всякие вкусные вещи, загорал на палубе в шезлонге и спал в роскошной каюте. Море — зеркальное, солнце сияет от зари до зари, греческие острова, берега Малой Азии, ну и, конечно, сам Стамбул!

— Интересный город, говорят.

— И какой! Нет, вам обязательно надо увидеть его своими глазами. Это что-то волшебное, неописуемое!

— А у вас было время толком его осмотреть?

— Сколько угодно. Вся поездка заняла семнадцать суток, и у меня освободились полные два дня. Коров мы выгрузили сразу же, а дальше я мог распоряжаться собой, как хотел. Экспортная компания обеспечила мне номер в первоклассном отеле — потрясающий номер, изысканнейшая кухня, — говорю же вам, это была сказка! Не даром существует присловье — жить, как султан.

— И вам еще за это платили?

— Естественно. Как будут платить и вам.

— Вы серьезно? Я правда могу поехать?

— Ну, конечно, Джим.— Джон улыбнулся.— В августе туда отправляют еще одну партию джерсеек, так я запишу вас.

Я потер руки.

— Чудесно! Но как же вы? Не хотите поехать еще раз?

— Хочу, конечно. Но так часто оставлять практику все-таки нельзя. Если вы откажетесь, мне придется просить кого-нибудь другого.

Так началось еще одно приключение, прервавшее привычное течение будней. Теперь, когда я ехал на вызов, зеленые вершины и заросшие папоротником склоны за ветровым стеклом вдруг смешивались в моем воображении с разными экзотическими видами. Меня всегда манили новые места, и, как я уже говорил, в моих жилах течет кровь мореходов. Я словно ощущал соленую свежесть открытого моря, которая пьянила меня, когда я плавал в Клайпеду, но только на этот раз мне было обещано яркое солнце и зеркальное море, а в заключение — один из самых романтических городов мира.

Как и поклялся Джон, в начале августа мне позвонил мистер Костейн, представитель экспортной компании.

— Буду ждать вас в два часа в четверг, восьмого, у нас в конторе,— сказал он.— И отвезу вас в Гатуик.

— В Гатуик?

— Ну да. Самолет вылетает в восемь вечера.

— Самолет! Я думал, мы едем морем.

Мистер Костейн весело расхохотался.

— Нет, нет, нет! Почему вы так решили?

— Но ведь Джон Крукс плавал туда.

— Ах да! Действительно, Джону пришлось сопровождать груз морем, вот почему он и решил, что это всегда так. Но полет вам, конечно, доставит большое удовольствие, а к тому же вы все провернете гораздо быстрее. Меньше чем за четверо суток.

— Понимаю,— сказал я. Не хотел я ничего проворачивать быстрее! Я же так предвкушал семнадцать безмятежных, неторопливых дней! Ну, да ничего. И это тоже по-своему очень интересно.

— Хорошо,— сказал я вслух.— До четверга.

В среду вечером я упаковал тот же чемоданчик, который брал с собой в Клайпеду. Антибиотики, кальций, стероиды, бинты, шовный материал. Но я от души надеялся, что ничего этого мне не понадобится. А уж тем более — приютившийся в углу пистолет для безболезненного убоя животных.

8 августа 1963 года

Поезд мчал меня в Лондон, и я начинал все больше радоваться предстоящей поездке. Конечно, жаль, что не морем, и из-за трех суток не стоит заводить дневника. Запишу все потом. Однако летать мне нравится, и будет интересно понаблюдать, как переносят

полет коровы. По дороге в Клайпеду я узнал очень много о том, как ведут себя животные во время морских перевозок, а теперь выясню, как чувствуют себя коровы на борту грузового самолета. Тут меня неприятно кольнуло: мне вспомнилась история о ветеринаре, который летел в Америку со скаковыми лошадьми, а одна вдруг обезумела и копытом пробила дыру в фюзеляже... Да что это я! Никакая джерсейская корова на такое не способна.

Утешала меня и мысль, что на этот раз я захватил с собой фотоаппарат. Ах, какие снимки привезу я домой!

Мистер Костейн был весьма мил и любезен. В Гатуик мы приехали поездом, и в нескольких сотнях шагов от себя я увидел на летном поле свой самолет. Сверкающий на солнце, красно-бело-серебристый, он выглядел великолепно.

— Черт! Какой же он огромный! — ахнул я.

Мистер Костейн кивнул.

— Да. Это ведь «глобмастер», и, насколько мне известно, в настоящее время он самый большой самолет в мире.

Не знаю, так ли это, но, во всяком случае, «глобмастер», по мере приближения к нему, становился все больше — и все менее великолепным. При ближайшем рассмотрении краска отнюдь не сияла свежестью, и вообще от могучей машины, казалось, исходило ощущение какого-то одряхления. Возможно, потому, что гигантские шины были изношены до гладкости, а кое-где и протерты. Короче говоря, попробуй кто-нибудь прокатиться на автомобиле с такими протекторами, у него мигом отберут права, не говоря уж о штрафе...

Моторов с пропеллерами было четыре, а по фюзеляжу тянулись огромные красные буквы, слагаясь в название «Геракл».

Я забрался внутрь и ощущение дряхлости, долгой, трудно прожитой жизни стало еще сильнее. Черная краска на приборной доске заметно облезла, и там, и на рычагах управления, поблескивал металл, словно в прорехах рубища. Из-под кожи сидений выпирали пружины, а за занавеской пряталась сантехника самого примитивного типа. Да, это был глубокий старик.

Я с некоторым удивлением оглядел огромное пустое брюхо машины, и тут в двери возникла голова мистера Костейна.

— Колоссально, а? Начинал он в войну как транспортный самолет.

Я молча кивнул. Давненько это было.

Мы вместе направились к зданию аэровокзала и в ожидании прибытия коров выпили по чашке чая с бутербродами. Я узнал, что везем мы сорок племенных коров и телок. Тем временем стрелки приблизились к половине седьмого. Каким образом их сумеют погрузить до восьми?

Наконец, на летное поле, громяхая, выехали два тяжелых скотовоза. Мы поспешили им навстречу, и я с большим облегчением увидел двух джерсейских фермеров, которые должны были сопроводить живой груз до места назначения. Меня познакомили с

ними перед погрузкой. Оба темноволосые, с медлительной речью, однако мало похожей на манеру говорить моих йоркширских клиентов. Ноэль, улыбчивый человек тридцати с небольшим, располагал к себе с первого взгляда. Джо, лет на десять старше его, держался достаточно приветливо, но казался внутренне очень жестким человеком. Нет, он мне понравился, но я решил, что с дураками он не церемонится.

Скоро мне стало ясно, что они оба прекрасно знают свое дело.

Карл, шуплый датчанин, член экипажа, управлял электрическим подъемником с решеткой из труб. Джо и Ноэль вели коров по пандусу в подъемник, и, когда он наполнялся, рогатые пассажиры возносились в брюхо самолета. Там их ставили рядами по шесть, мордами вперед, а между шестерками опускали металлические перекладины.

Эти фермеры знали, как обращаться со скотом. Ни криков, ни ударов палками, а только ласковое подталкивание, похлопывание, мягкие ободряющие слова. Но правда, грузили-то они животных с идеальным характером. Сколько раз мне доводилось повторять, как жаль, что не все коровы — джерсейки! Эта же мысль посетила меня и теперь.

Редко приходится видеть вместе столько красавиц. Почти все — телки, с небольшим вкраплением молодых коров, все тонкокостные, грациозные. Послушно занимая свои места в грузовом отсеке, они смотрели на нас с кротким интересом в больших томных глазах.

Был жаркий, душный лондонский вечер, у Джо и Ноэля по лицам струился пот. Но, как и моим йоркширским фермерам, тяжелый труд был им привычен: закатав рукава по самые загорелые плечи, они вели и вели коров, даже не помышляя о передышке.

Погружено было заметно больше половины коров, когда к самолету подошли остальные члены экипажа. Сухопарый капитан Берч, пожимая мне руку, смотрел на меня сверху вниз — таким он оказался высоким. Черная с сединой борода, хмурое сосредоточенное лицо — от этого человека исходило ощущение силы и уверенности в себе. Эд, второй пилот, он же штурман, и Дейв, механик, забросили свои сумки в рубку, весело улыбаясь. Обоим было лет по двадцать пять. Темная строгая форма сразу выдавала в капитане англичанина, но молодые люди оказались американцами, и их одежда меня поразила — белые свободного покроя пиджаки, брюки из тонкой материи вкупе со сдвинутыми на ухо фуражками придавали им весьма лихой вид.

Как я и предвидел, в восемь мы не вылетели. Подъемник в последний раз опустел, и фермеры закрепили последнюю перекладину почти в одиннадцать. Грузовой отсек теперь являл любопытное зрелище: сорок коров мирно стоят рядами почти по брюхо в соломе, перед каждой лежит охапка сена, светло-рыжие спины в электрическом свете сливаются в одну золотистую, словно подернутую рябью поверхность. Но жарко в узком замкнутом простран-

стве было до невыносимости, и мне оставалось только робко надеяться, что во время полета отсек как-то вентилируется.

Подошел попрощаться мистер Костейн. Он очень долго обсуждал с капитаном какие-то финансовые вопросы, связанные со стоимостью перевозки (если не сказать, отчаянно торговался), из чего я заключил, что либо «Геракл» — собственность капитана, либо капитан — глава фирмы, которой принадлежит самолет. Наконец, они обо всем договорились, и мистер Костейн крепко пожал мне руку.

— Доброго пути, мистер Хэрриот,— сказал он.— Заправитесь горючим в Риме, а в Стамбуле будете рано утром. Уверен, Стамбул вас очарует. Всего хорошего.

Представив себе, как тяжелогруженная громадина приземляется где-то на своих лысых шинах, я вздрогнул, но тут же отогнал от себя эту мысль и опустился рядом с Джо и Ноэлем на продавленное сиденье.

Мы ждали, ждали, ждали, а в рубке тянулась какая-то бесконечная дискуссия. Сразу стало ясно, что человеческий элемент внутри самолета распадается на две части — экипаж и фермеров с ветеринаром. На нас троих никто не обращал ни малейшего внимания, если не считать сопровождаемого суровым взглядом строгого предупреждения, которое нам сделал капитан:

— Вы будете как следует следить за коровами? Они стоят больших денег, и отвечаю за них я. Надеюсь, вы с них глаз не спустите?

— Разумеется,— ответил я.— Для этого мы и летим с ними.

Голос мой звучал твердо, но я понятия не имел, как поведут себя коровы, когда поглотившее их чудовище с ревом оторвется от земли. Если они в панике начнут метаться и переломают себе ноги, мне останется только достать пистолет и избавить их от лишних мучений. Но капитана это вряд ли особенно обрадует.

Скрашивая томительное ожидание, мы втроем переговаривались между собой. Джо и Ноэль рассказывали мне про всякие свои неприятности, а я описывал им жизнь йоркширского ветеринара. Затем около часа ночи, к нашему большому облегчению, закашлялись, разогреваясь, моторы, и «Геракл» вырулил на взлетную полосу.

Настала роковая минута, и я, повернувшись, уставился на сорок гладких спин. Моторы взвыли, огромная машина, содрогаясь и подпрыгивая, ринулась вперед. Последний толчок — и ощущение, что мы возносимся все выше, выше...

Коровы только чуть покачивались и смотрели на меня с безмятежным спокойствием. Некоторые, пока мы поднимались в ночное небо, с аппетитом пережевывали сено.

Слава богу! Ну просто природные летчицы. Я со вздохом облегчения откинулся на спинку и увидел, что Карл, Дейв и Эд изо всей мочи тянут какую-то канатную петлю. Выяснилось, что огромное шасси не до конца вошло внутрь. Несколько секунд спустя их дружные усилия были вознаграждены, и они невозмутимо верну-

лись на свои места, словно убирать шасси вручную было для них делом привычным. От нечего делать я прикинул, сколько еще механизмов в этом самолете могут работать плохо или вовсе не работать.

Радовало меня одно: чем выше мы поднимались, тем прохладней становилось в отсеке, и опасность погибнуть от жары полностью миновала.

День для Джо, Ноэля и меня выдался долгий. Встали мы ни свет ни заря, и теперь погрузились в чуткую дремоту, то и дело вздрагивая и поглядывая на наших подопечных. Затем я разом очнулся: мы шли на посадку. Я не спускал глаз с коров все время, пока мы, гроыхая, прыгали по взлетной полосе, однако они и это приняли с прежним тихим достоинством.

Но вот «Геракл» замер, и я увидел пылающую неоновую надпись: «Мюнхен».

— Заправляемся, — буркнул Карл.

Мистер Костейн предупредил меня о заправке в пути. Но в Риме. А это оказалось Мюнхен. И вновь во мне пробудилось грызущее сомнение. Ни единый пункт блистательной программы, которую набросал Джон Крукс, пока еще не осуществился.

Впрочем, приземлились мы на своих лысых шинах вполне благополучно, как затем и взлетели, хотя Карлу с Дейвом снова пришлось поднапрячься, втягивая шасси.

Около пяти утра мы трое, совсем истомившись, думали только о том, как бы поразмять затекшее тело. Первым не выдержал Джо. Он встал, поманил нас за собой и пробрался мимо коров в хвост, где вольготно растянулся на большой куче сена. Мы благодарно последовали его примеру.

Опять-таки это сено не слишком напоминало мягкое ложе в роскошной каюте моего друга Джона Крукса во время вояжа по Средиземному морю. Но мне оно показалось куда великолепнее. Я сомкнул веки и погрузился в сладкую пучину сна. Конечно, долг и капитан требовали, чтобы я неусыпно стерег дорогостоящий груз, но глаза у меня неумолимо слипались. К тому же, хотя я летел где-то высоко в ночном мраке над Югославией, запахи и звуки вокруг были такими привычными, как если бы я не покидал Дарроби: благоухание сена, сладкое дыхание коров, их покрхтывание, чавканье десятков медленно жующих челюстей. Все это, такое знакомое, такое родное, убаюкало меня в одну секунду.

Когда я снова открыл глаза, отсек заливал яркий солнечный свет. Я взглянул на свои часы. Семь! Оба фермера неподвижно покоились на сене. Вскочив на ноги, я с тревогой оглядел ряды коров. Уф-ф! Можно было подумать, что они у себя в родном коровнике на Джерси. Одни спокойно лежали на соломе, другие столь же спокойно стояли и жевали свою жвачку. Удивительно мирная сцена!

Однако в рубке разворачивались какие-то далеко не мирные события. Поглядев туда поверх коровьих спин, я обнаружил, что

члены экипажа словно охвачены лихорадкой: они метались из стороны в сторону, выглядывали в правые иллюминаторы, передвигали невидимые мне рычаги и ручки.

Я пробрался вперед вдоль перекладин и выглянул в иллюминатор. Ближний ко мне правый мотор не работал. Четыре лопасти пропеллера застыли в неподвижности, а изнутри мотора, ввинчиваясь в незапятнанную голубизну небес, била черная струя, растекалась струйками по крылу, заляпывала стекло иллюминатора. Никто не оглянулся на меня, не пожелал мне доброго утра. Нет, паники я не ощутил, но все они были очень озабочены.

Тут я обнаружил кое-что похуже: из-под кожуха мотора выбивалось пламя. Внезапно длинный огненный язык облизал крыло. Но прежде, чем я успел толком понять, что это означает, как пламя исчезло, видимо сбитое усилиями экипажа. Капитан, Эд, Дейв и Карл заметно расслабились и даже обменялись бледными улыбками. В ухо мне вонзился шепот:

— Тот еще самолет, а Джим?

Рядом со мной стоял Джо, ошеломленно уставившись на неподвижный мотор, на почерневший кожух. Ноэль заглядывал через его плечо, весь белый, и молчал.

А мы летели себе и летели на трех моторах по безоблачной голубизне над бирюзовым морем далеко внизу. Вскоре «Геракл» пошел на снижение, и я увидел панораму сказочного города, всю в куполах мечетей и стрелах минаретов. Да, самолет был еще тот, но он доставил нас в Стамбул!

30

В течение многих лет мне вновь и вновь вспоминалось мудрое изречение мистера Гарретта: «Чтобы быть родителем, надо иметь железные нервы!» Однако тот показательный концерт учеников мисс Ливингстон по классу фортепьяно потребовал бы нервов из сверхтвердого сплава.

Мисс Ливингстон, пятидесятилетняя очень симпатичная дама с приятным мягким голосом давала в Дарроуби уроки музыки не одному поколению юных дарований и ежегодно устраивала концерт в местном зале, дабы продемонстрировать успехи своих учеников в возрасте от шести до примерно шестнадцати лет, и зал при методистской церкви неизменно переполняли гордые родители и их добрые знакомые.

В тот год, о котором пойдет речь, Джимми было девять и он готовился к торжественному дню, не слишком утомляясь.

В маленьких городках все друг друга знают, и пока ряды заполнялись, шел непрерывный обмен дружескими приветствиями, кив-

ками и улыбками. Мне досталось крайнее место у центрального прохода, Хелен села справа от меня, а по ту сторону узкого свободного пространства я увидел Джеффа Уорда, скотника старого Уилли Ричардсона. Он сидел, вытянувшись в струнку, чинно положив руки на колени. Темный праздничный пиджак, казалось, вот-вот лопнет по швам на напряженных мускулистых плечах. Обветренное крупное лицо было отдраено до блеска, а непокорная шевелюра гладко прилизана — на бриллиантин Джефф явно не поскупился.

— Здравствуйте, Джефф,— сказал я.— Кто-то из ваших младших выступает?

Он поглядел на меня и улыбнулся во весь рот.

— А, мистер Хэрриот! Ага. Наша Маргарет. У нее на пианино хорошо получается, вот только бы сумела лицом в грязь не ударить.

— Что вы, Джефф! Мисс Ливингстон — превосходная учительница, и Маргарет, конечно, сыграет отлично.

Он кивнул и отвернулся к сцене. Концерт начался.

Первыми играли крохотные мальчики в коротких штанишках и девчушки в пышных платьицах с оборками. Ножки в носочках болтались высоко над педалями.

Мисс Ливингстон стояла поблизости, готовая сразу же прийти на помощь в трудную минуту, но слушатели лишь снисходительно улыбались их мелким ошибкам, раздражаясь по завершении каждой пьески громовыми аплодисментами.

Однако я заметил, что, когда очередь дошла до учеников чуть постарше и пьесы стали сложнее, вокруг начало нарастать напряжение. Ошибки уже не вызывали улыбок. Вот Джени Ньюкомб, дочка зеленщика, сбилась раз, другой, наклонила голову, словно собираясь заплакать, и зал замер в тревожном безмолвии. Да и сам я стиснул зубы и сжал кулаки так, что ногти вонзились в ладонь. Однако Джени совладала с собой, снова бойко заиграла, и я, расслабившись, поймал себя на мысли, что мы здесь — не просто родители, пришедшие послушать, как их дети играют перед публикой, но братья и сестры во страдании.

По ступенькам на сцену вскарабкалась Маргарет Уорд, и ее отец превратился в каменного истукана. Уголком глаза я видел, с какой силой мозолистые пальцы Джеффа сжимают колени.

Маргарет играла очень мило, пока не дошла до довольно сложного аккорда, и тут нам в уши ударил режущий диссонанс. Она поняла, что сбилась, попробовала еще раз, и еще раз, и еще... вздергивая голову от тщетных усилий.

— Нет, деточка, до и ми,— ласково поправила мисс Ливингстон, и Маргарет опять ударила по клавишам,— изо всех сил и не по тем.

— Господи, она совсем запуталась! — охнул я про себя и вдруг заметил, что сердце у меня бешено колотится, а мышцы просто судорога сводит.

Я покосился на Джеффа. Побледнеть при таком цвете лица невозможно, но его лоб и щеки пошли жуткими пятнами, а ноги конвульсивно подергивались. Видимо, он почувствовал мой взгляд, потому что обратил на меня полные муки глаза и изобразил жалкое подобие улыбки. Его жена вся вытянулась вперед с полуоткрытым ртом.

Пока Маргарет рылась в клавишах, переполненный зал застыл в мертвой тишине. Казалось, прошла вечность, прежде чем девочка взяла правильный аккорд и отбарабанила остальное без единой дополнительной ошибки. Хотя слушатели облегченно перевели дух и громко захлопали — больше от облегчения, чем от восторга, я всем своим существом понял, что этот маленький эпизод обошелся нам очень дорого.

Во всяком случае, я погрузился в какой-то тягостный транс и тупо следил, как на табурете одна маленькая фигурка сменяет другую. Но сбоев больше не было. А затем подошел черед Джимми.

Бесспорно, нервничали не только все родители, но и большинство исполнителей, однако к моему сыну это не относилось. Он беззаботно поднялся на сцену, только что не насвистывая сквозь зубы, а к роялю прошествовал с некоторой заносчивостью. «Тьфу, подумаешь!» — говорило каждое его движение.

Я же при его появлении окостенел. Ладони вспотели, в горле поднялся тяжелый ком. Конечно, я пытался себя пристыдить. Но тщетно. Что я чувствовал, то чувствовал.

Играл Джимми «Танец мельника» — название это будет гореть в моем мозгу до смертного часа. Естественно, веселый бойкий мотив я знал наизусть до последнего звука. Джимми заиграл с большим подъемом, вскидывая руки и встряхивая головой, как Артур Рубинштейн в зените своей славы.

Примерно на середине «Танца мельника» быстрый темп сменяется с энергичного «та-рум-тум-тидл-идл-ом-пом-пом» на медленные «та-а-рум, та-а-рум, та-а-рум», а затем устремляется дальше прежним карьером. Композитор тут весьма искусно внес разнообразие в вещь.

Джимми лихо проскакал первую половину, замедлился на таких мне знакомых «та-а-рум, та-а-рум, та-а-рум» и... Я ожидал, что он рванет дальше во весь опор, но его руки замерли, глаза несколько секунд пристально вглядывались в клавиши, а затем он снова проиграл медленные такты, и снова остановился.

Сердце у меня подпрыгнуло и ухнуло куда-то в пятки. Давай же, миленький, давай! Ты же знаешь вторую половину! Сколько раз я ее слышал! Моя безмолвная мольба была пронизана черным отчаянием. Но Джимми, казалось, ничуть не был обескуражен. Он поглядел на клавиши с легким недоумением и почесал подбородок.

Выбирующую тишину нарушил нежный голос мисс Ливингстон.

— Лучше начни с начала, Джимми.

— Ага! — бодро откликнулся мой сын и вновь с неколебимой

уверенностью заиграл «Танец мельника», а я, зажмурившись, ждал приближения рокового перехода. «Та-рум-тум-тидл-идл-ом-пом-пом, та-а-рум, та-а-рум, та-а-рум...» И тишина. На этот раз Джимми вытянул губы, положил ладони на колени и наклонился над клавиатурой, словно полоски слоновой кости что-то от него прятали. Ни смущения, ни паники, только легкое недоумение.

Тишину в зале можно было резать ножом, и, конечно, грохочущие удары моего сердца слышали все вокруг. Я почувствовал, как дрожит колено Хелен рядом с моим. Я знал, что еще немного — и мы не выдержим.

Голос мисс Ливингстон был нежнее зефира, не то я, наверное, взвыл бы.

— Джимми, деточка, не начать ли нам еще раз сначала?

— А? Хорошо.

И он вновь взял ураганный темп, полный огня и неистовства. К этому времени остальные родители уже знали первую половину «Танца мельника» не хуже меня, и мы все вместе ждали грозного перехода. Джимми достиг его с рекордной быстротой. «Та-рум-тум-тидл-идл-ом-пом-пом», а затем «та-а-рум, та-а-рум, та-а-рум...» И все.

Колени Хелен стучали друг о друга, и я с тревогой посмотрел на ее лицо. Оно оказалось очень бледным, но все же у меня не содалось впечатления, что она созрела для обморока.

Джимми сидел спокойно, и только его пальцы барабанили по деревянной полосе у клавиш. А у меня точно стягивали удавку на горле. Выпученными глазами я безнадежно посмотрел по сторонам и увидел, что Джефф Уорд по ту сторону прохода держится из последних сил. Лоб и щеки у него опять пошли пятнами, у скул вздулись желваки, а лоб лоснился от пота.

Напряжение достигло предела, и вновь жуткую атмосферу слегка разрядил голос мисс Ливингстон.

— Ну, ничего, Джимми, детка,— сказала она.— Пойди пока на свое место и немножко отдохни.

Мой сын встал с табурета, пересек сцену, спустился по ступенькам и сел во втором ряду среди своих товарищей.

Я тяжело откинулся на спинку. Ну, что же, мальш осрамился. И как! Хотя он словно бы не очень расстроился, я был твердо убежден, что его грызет стыд: ведь только он один застрял на середине.

На меня накатила волна липкой горечи. Многие родители обочивались и слали нам с Хелен кривые улыбки дружеского сочувствия, но легче мне не становилось. Я почти не слышал продолжения концерта. А жаль. Потому что старшие ученики играли очень неплохо. Ноктюрны Шопена сменились сонатами Моцарта, и у меня осталось смутное воспоминание, что какой-то высокий юноша как будто бы сыграл «Экспромт» Шуберта. Прекрасный концерт, прекрасные исполнители — все, кроме бедняги Джимми, единственного, кто не сумел доиграть до конца.

В заключение мисс Ливингстон подошла к краю сцены:

— Я хотела бы поблагодарить вас, уважаемые дамы и господа, за теплый прием, который вы оказали моим ученикам. Надеюсь, вы получили не меньше удовольствия, чем мы сами.

Опять раздались аплодисменты, заскрипели отодвигаемые стулья и я тоже встал, чувствуя себя довольно мутрно.

— Ну, как, Хелен, поедет? — спросил я, и моя жена кивнула в ответ. Лицо ее было застывшей скорбной маской.

Но мисс Ливингстон еще не кончила.

— Прошу вас, уважаемые дамы и господа, немного подождать. — Она подняла ладонь. — Тут есть один молодой человек, который, я знаю, мог бы сыграть гораздо лучше. И мне было бы грустно уйти домой, не предоставив ему еще одной возможности показать, на что он способен! Джимми! — Она наклонилась над первым рядом. — Джимми, может быть... может быть, ты попробуешь еще раз?

Мы с Хелен обменялись взглядом, полным холодного ужаса, а по залу разнесся бодрый голос нашего сына:

— Ага! Попробую.

Я не поверил своим ушам. Вновь поджариваться на медленном огне? Да, ни за что! Но, увы! Слушатели покорно опустили на свои места, а знакомая маленькая фигурка взбежала по ступенькам и промаршировала к роялю.

Откуда-то из неизмеримого далека до меня долетел голос мисс Ливингстон:

— Джимми сыграет «Танец мельника»!

Этих сведений она могла бы нам и не сообщать. Мы их как-то уже усвоили.

Словно в кошмаре, я опустился на свой стул. Несколько секунд тому назад я ощущал только неимоверную усталость, но теперь меня свела такая судорога напряжения, какой я еще ни разу не испытывал. Джимми поднял руки над клавишами, и по залу словно прокатился невидимый девятый вал.

Малыш начал, как обычно, — с полной беззаботностью, а я конвульсивно заглатывал воздух, чтобы перетерпеть роковой миг, который приближался с беспощадной быстротой. Я же знал, что он снова остановится. И знал, что в то же мгновение рухну без чувств на пол.

Смотреть по сторонам у меня не хватало духа. Собственно, я крепко зажмурился. Но музыку слышал — так ясно, так четко... «Та-рум-гум-тидл-идл-ом-пом-пом, та-а-рум, та-а-рум, та-а-рум...» Нескончаемая пауза, и вдруг: «тидл-идл-ом-пом, тидл-идл-ом-пом» — Джимми залихватски понесся дальше.

Не сбавляя темпа, он проиграл вторую половину, но я, весь во власти несказанного облегчения, продолжал жмуриться. Глаза у меня открылись, только когда он добрался до финала, известного мне назубок. Ах, как Джимми завершил «Танец мельника»! Голова наклонена, пальцы бьют по клавишам, последний громовой аккорд, и правая рука взлетает над клавиатурой, а потом повисает вдоль табурета, как у заправского пианиста.

Вряд ли зал при методистской церкви когда-либо прежде был свидетелем подобной овации. Рукоплескания, вопли одобрения, а Джимми, естественно, не мог оставить без внимания такое признание своего таланта. Все прочие дети сходили со сцены, храня полную невозмутимость. Все, но не мой сын.

Не веря глазам, я смотрел, как он встает с табурета, направляется к краю сцены, одну руку прижимает к животу, другую закладывает за спину, выдвигает ногу и отвешивает одной стороне зала поклон с изяществом придворного восемнадцатого века, затем меняет местами руки, выдвигает другую ногу и кланяется в сторону второй половины зала.

Овация перешла во всеобщий хохот, который провожал его, пока он скромно спускался по ступенькам. Зал продолжал смеяться и когда мы направились к двери. Там мы столкнулись с мисс Мульон, содержавшей школу, куда ходил Джимми. Она утирала глаза.

— Боже мой! — еле выговорила она. — Как Джимми умеет вовремя внести шутливую ноту!

Машину я вел очень медленно, по-прежнему ощущая противную слабость в руках и ногах. Лицо Хелен утратило мертвую бледность, но морщинки усталости у рта и вокруг глаз еще не разгладились. Она молча смотрела на темную улицу за ветровым стеклом.

Джимми раскинулся во всю длину на заднем сиденье и болтал ногами в воздухе, насвистывая обрывки мелодий, которые раздавались на концерте.

— Мам! Пап! — воскликнул он в обычной своей отрывистой манере. — Я люблю музыку!

Я поглядел на него в зеркало заднего вида.

— Отлично, сынок, отлично. Мы тоже ее любим.

Внезапно он скатился с сиденья и просунул свою мордашку между нами.

— А знаете, почему я ее так люблю?

Я покачал головой.

— А потому! — воскликнул он в телячьем восторге. — Я только сегодня понял. Потому что от нее так спокойно делается!

31

Когда Уолт Барнетт вызвал меня к своему коту, я удивился: с тех пор как Зигфрид смертельно его оскорбил, заставив заплатить десять фунтов за простенькую кастрацию жеребца, он все эти годы прибегал к услугам других ветеринаров. К тому же человек вроде него — и вдруг тревожится из-за кота!

Многие поговаривали, что в Дарроуби никого богаче Уолта Барнетта не найти — просто купается в деньгах, которые

нажил многими и разными способами. В первую очередь он, конечно, занимался скупкой и продажей утиля, но держал еще грузовую контору, торговал поддержанными машинами, поддержанной мебелью — ну, словом, всем, что попадало в руки. Мне было известно, что обитает он по-прежнему за городом и владеет кое-какой живностью, в частности лошадьми. Но все это приносило ему деньги. Деньги были главной его страстью. А какую прибыль можно извлечь из кошек?

Далее, с недоумением размышлял я, подъезжая к его конторе, если человек обзаводится котом просто так, следовательно, у него есть в душе какой-то теплый уголок, какая-то способность к сочувствию, а уж это абсолютно не вязалось с натурой Уолта Барнетта.

Я пробрался через заваленный всяким утилем двор к деревянному строению в его дальнем углу, откуда Барнетт управлял своей империей. Он сидел за дешевым письменным столом и был точь-в-точь таким же, каким мне запомнился: плотное туловище, лопающийся по швам синий залоснившийся костюм, прилипшая к краю губы сигарета. Даже сдвинутая на затылок коричневая фетровая шляпа словно бы донашивалась еще с тех пор. Не изменилась ни мясистая красная физиономия, ни заносчивое выражение, ни враждебно-подозрительный взгляд.

— Вон он! — Без лишних слов Барнетт ткнул пальцем в черно-белого кота, восседавшего на столе среди бумаг.

Типичное приветствие! Никаких «здравствуйте» я, впрочем, от него не ждал, а улыбаться он никогда не улыбался. Я нагнулся к коту и почесал его за ухом. Наградой мне было басистое мурлыканье. Кот выгнул спину и потерял о мою ладонь. Очень крупный, пушистый, с красивой окраской — белая грудь, белые лапы, и, хотя я предпочитаю трехцветных кошек, он сразу завоевал мои симпатии, такое дружелюбие от него исходило.

— Прекрасный кот, — сказал я. — Так что с ним?

— Да вот нога у него. Что-то там не то. Может, поранился.

Я погрузил пальцы в густую длинную шерсть и принялся ощупывать ногу. Внезапно кот мяукнул. Я достал ножницы и выстриг небольшой участок. Ага! Поперечная ранка... довольно глубокая... с выделением серозной жидкости...

— Да. По-видимому, он порезался. Но странно! Не понимаю, как это могло произойти. Он во дворе много гуляет?

Барнетт кивнул.

— Случается.

— Очевидно, задел какую-то острую грань. Я сделаю ему инъекцию пенициллина и оставлю мазь. Накладывайте ее вечером и утром.

Некоторые кошки терпеть не могут уколов, а так как они вооружены не только зубами, но и когтями, справиться с ними бывает грудновато. Но мой пациент даже не шевельнулся. Наоборот, когда я ввел иглу, мурлыканье стало громче.

— Какой покладистый! — сказал я. — Как вы его называли?

— Фредом.

Уолт Барнетт смотрел на меня немигающим взглядом. В кличке не было ничего такого уж странного, но продолжать разговор на эту тему мне расхотелось.

Я достал из чемоданчика мазь и положил тюбик на стол.

— Ну, хорошо. Если ему не станет лучше, позвоните.

Ответа я не получил. Не считал он нужным и попрощаться со мной. И я ушел, испытывая то же раздражение, какое и в прошлый раз вызывала у меня его угрюмая грубость.

Но, шагая по двору, я забыл про нее, вернувшись мыслями к пораненной лапе. Вряд ли кот мог случайно рассечь ее таким образом. Слишком уж глубокий и ровный порез, словно сделан бритвой. И вновь внутренний голос шепнул мне, как нередко шептал в прошлом, что все не так просто, как кажется на первый взгляд.

Кто-то потрогал меня за локоть, и я очнулся. Мне заговорила подмигнувший один из рабочих, сортировавших утиль.

— У хозяина были, а?

— Да.

— Чудно, как старый черт из-за драной кошки переживает, верно?

— Да, пожалуй. А давно он у него живет?

— Года два будет. Кот-то приبلудный. Забежал как-то в контору. Ну, думаю, сейчас он ему хорошего пинка даст. Так нет. Приютил животину. В голове не укладывается. Сидит день-деньской у него на столе.

— Значит, понравился ему, — сказал я.

— Ему-то? Да когда ему кто или что нравилось-то? Такому...

Из дверей конторы донесся зычный окрик, и мой собеседник смолк на полуслове.

— Эй, ты! Хватит ляссы точить. А работать за тебя кто будет?

Уолт Барнетт грозно взмахнул тяжелым кулаком, и рабочий, свежившись, тут же куда-то исчез.

«Вот так Уолт Барнетт и живет, — философствовал я, садясь в машину. — Среди страха и ненависти». О его безжалостности в городке ходили легенды, и, хотя она, бесспорно, принесла ему богатство, никакой зависти он у меня не вызывал.

Два дня спустя я снова услышал в телефонной трубке его голос.

— Приезжайте и побыстрее.

— Рана не поджила?

— Нет, хуже стала. Так что не тяните.

Фред сидел на своем обычном месте и замурлыкал, едва почувствовал мои пальцы у себя за ухом. Однако нога причиняла ему заметную боль. Конечно, ничего хорошего, но удивило меня другое — рана не стала меньше, а заметно удлинилась, хотя и осталась такой же узкой. Еще немного — и она опояшет лапу.

На этот раз я захватил с собой кое-какие новые инструменты и осторожно прозондировал дно раны тонким крючком. Он что-то зацепил. Я потянул и это «что-то» упруго сорвалось с крючка. Тог-

да я взял длинный пинцет, зажал «что-то», прежде чем оно успело ускользнуть, подтянул к поверхности и увидел тоненькую коричневую полоску. Все стало ясно.

— Ногу перехватила резинка,— сказал я, перерезал ее, извлек и положил на стол.— Вот она. Теперь все будет в порядке. Уолт Барнетт выпрямился, как ужаленный.

— Резинка, э? Какого же черта вы ее сразу не вытащили?

Ответить мне было нечего. Действительно, какого черта я ее сразу не вытащил? В те дни мое зрение еще оставалось идеальным, но в первый раз я ведь увидел только узкую царапину.

— Мне очень жаль, мистер Барнетт,— сказал я.— Но резинка врезалась в мышцу, и ее не было видно.

Он запыхтел неизменной сигаретой.

— А как она туда попала?

— Кто-то перетянул ему ногу. Другого объяснения быть не может.

— Перетянул... Это зачем же?

— С кошками и не такое проделывают. Я про подобные случаи слышал, но сам столкнулся с ним впервые. Жестоких людей хватает.

— Кто-нибудь там во дворе. Больше никому.

— Почему же? Фред ведь и на улицу выходит?

— Почитай каждый день.

— Ну, так сделать это мог кто-угодно.

Наступило долгое молчание. Дюжий хозяин конторы сидел, нахмурившись, сощутив глаза. Уж не перебирал ли он в уме своих врагов? Если так, то список должен быть длинным.

— Как бы то ни было,— сказал я,— нога теперь заживет быстро. Что и требуется.

Уолт Барнетт протянул руку через стол, и толстый палец заерзал по боку кота. В прошлый раз я несколько раз наблюдал то же самое. Неуклюжая, угрюмая, но все-таки ласка. Или наибольшее к ней приближение, на какое был способен этот человек.

Домой я ехал, сгорбившись на сиденье. Страшно было даже подумать, что бы произошло, если бы я, пусть с опозданием, но не обнаружил резинку. Остановка кровообращения, гангрена, ампутация ноги, а то и гибель. Меня прошиб пот.

Три недели спустя снова позвонил Барнетт, и при звуке знакомого голоса меня кольнуло дурное предчувствие. Может быть, я слишком рано обрадовался?

— У него все еще неладно с ногой? — спросил я.

— Она-то зажила. Теперь у него с головой неполадок.

— С головой?

— Ну да. Все из стороны в сторону ее дергает. Приезжайте-ка.

Похоже было на экзему ушной раковины, и я, увидев, как Фред болезненно вертит головой, уже не сомневался в правильности своего диагноза. Но уши оказались совершенно чистыми.

Милейшему коту словно бы нравилось, что его осматривают, и,

пока я исследовал его зубы, небо, глаза и ноздри, басистое мурлыканье достигло раскатистого крещендо. Нигде ничего. Но ведь должна же быть какая-то причина!

Мои пальцы, прошупывая и прошупывая черную шерсть, спустились на шею, и тут мурлыканье перебилося пронзительным «мяу»!

— А! — сказал я и взял ножницы. На стол посыпались длинные прядки, обнажилась кожа — и мне чуть не стало дурно. Я устоял на узенький поперечный разрез, точной такой же, какой я видел три недели назад.

Господи! На шее!

Крючок, пинцет — и через две секунды над краем ранки приподнялась знакомая коричневая полоска. Щелкнули ножницы, я извлек ее наружу целиком и тупо пробормотал:

— Опять резинка...

— На шее!?

— Да. Боюсь, на этот раз кто-то решил свести с ним счеты.

Он провел пальцем-сосиской по пушистому боку, и Фред возмущенно об него потерся.

— Кто же бы это мог быть?

Я пожал плечами.

— Не угадаешь. Жестокое обращение с животными полиция всегда берет на заметку, но виновник должен быть пойман на месте преступления.

Возможно, он, как и я, прикидывал, когда ждать следующего покушения, но больше никто на Фреде резинок не затягивал. Шея зажила очень быстро, и почти год я его не видел. А потом, когда я возвращался с утренних вызовов, меня на пороге встретила Хелен.

— Джим, только что звонил мистер Барнетт. Просит тебя приехать немедленно. Он думает, что его кота отравили.

Новое покушение на этого милягу — но через столь долгий срок? Концы с концами не сходились. Я почти вбежал в контору Уолта Барнетта, не зная, что и предположить.

Фред был совсем не такой, каким он мне помнился. И не восседал среди бумаг на хозяйском столе, а скорчился на измятых газетах в углу. При моем появлении он даже не приподнял головы, но когда я нагнулся над ним, он кашлянул и из его рта на газету выплеснулась желтоватая жидкость. Вокруг подсыхали лужицы поноса, тоже желтоватые.

Уолт Барнетт, сдавленный креслом, буркнул, не выпуская изо рта сигарету.

— Отравили его? Подсыпали ему чего-то?

— Не исключено... — Я смотрел, как Фред медленно побрел к блюдцу с молоком и скорчился над ним в той же позе. Лакать он не стал и только смотрел на молоко неподвижными глазами. Все это было мне так мучительно знакомо. Нет, тут, пожалуй, не отравка, тут хуже...

— Так или не так? — сказал Уолт Барнетт. — Опять его убить хотели?

— Не знаю...

Я измерил температуру — нет, он не замурлыкал, как прежде, не потерся о мою руку. Слишком глубокой была его апатия. Термометр показал 40,5°. Я ощупал живот. Кишки, словно утолщенные шнуры, мышечный тонус отсутствует.

— А не отравили, так что это?

— Панлейкопения. Ошибка вряд ли возможна.

Он посмотрел на меня с недоумением.

— Ее еще называют кошачьей чумой. В Дарроуби сейчас настоящая вспышка. Я уже наблюдал несколько случаев, и симптомы Фреда очень типичны.

Уолт Барнетт взгромоздил могучее тело над столом, подошел к коту и провел указательным пальцем по его бесчувственной спине.

— Ну, пусть так. А вылечить вы его можете?

— Постараюсь, мистер Барнетт, но процент летальных исходов очень высок.

— Это что — почти все подышают?

— К сожалению.

— Как же так? А я думал, вы теперь обзавелись всякими замечательными лекарствами.

— Совершенно верно. Но возбудитель — вирус, а на вирусы антибиотики не действуют.

— Ну, ладно. — Он выпрямился, хрипло отдуваясь, и вернулся на свое место. — Лечить-то вы его будете?

— Сейчас и начну.

Я ввел ему физиологический раствор против обезвоживания организма, дал антибиотики против патогенных микроорганизмов и завершил снотворным, чтобы снять рвоту. Но я знал, что все это — лишь дополнительные меры. С панлейкопенией, инфекционным гастроэнтеритом кошек, мне всегда не везло.

Навещал я Фреда каждое утро, и при первом же взгляде на него меня охватывало уныние. Он всегда лежал — либо съевшись над блюдечком с молоком, либо в корзиночке на столе — и не замечал ничего вокруг.

На уколы он не реагировал. У меня возникло ощущение, что я делаю инъекции трупам. На четвертый день состояние его резко ухудшилось.

— Завтра заеду, — сказал я на прощание, и Уолт Барнетт молча кивнул. На протяжении всех моих визитов он хранил каменную невозмутимость.

На следующий день я увидел привычную картину: грузный человек в кресле, коричневая шляпа сдвинута на затылок, к нижней губе прилипла сигарета. Кот в корзиночке на столе.

Фред не шевелился, и, еще подходя, я с тупой покорностью судьбе обнаружил, что он не дышит. Конечно, я прижал к его сердцу стетоскоп, послушал несколько секунд и выпрямился.

— Боюсь, он умер, мистер Барнетт.

Хмурое лицо не изменило выражение, рука медленно протяну-

лась через стол и указательный палец привычным движением почесал черную шерсть. Затем плечи сгорбились, локти уперлись в стол, лицо спряталось в ладонях.

Не зная, что сказать, я беспомощно смотрел, как затряслись тяжелые плечи, а сквозь толстые пальцы поползли слезы.

Потом, не отнимая рук, Уолт Барнетт буркнул:

— Он мне другом был.

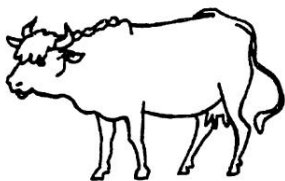
Что я мог ответить? В комнате повисла гнетущая тишина. Вдруг он поднял голову и поглядел на меня с вызовом.

— Знаю, чего вы думаете. Уолта Барнетта голыми руками не возьмешь, а он нюни из-задохлого кота распускает. Обхохочешься! Будете потом ржать до упаду.

Ему искренне казалось, что, проявив такую, по его убеждению, постыдную слабость, он должен неминуемо упасть в моих глазах.

И конечно, не поверил бы, что с этого дня у меня появилось к нему какое-то уважение.

32

9 августа 1963 года

После того как мы приземлились и подружились, куда требовалось, без новых происшествий, все сразу повеселели. Вслед за остальными я спустился на твердую землю и посмотрел по сторонам. Мы стояли посреди широкого бетонного пространства летного поля. Неподдалеку виднелся ангар, а вдали с противоположной стороны к самому морю спускалась полоса грубой травы, и на все лился благодатный солнечный свет. До аэровокзала было добрых четверть мили, а за ним в знойном колеблющемся мареве с трудом различались высокие городские здания. Было восемь часов утра. Сейчас выгрузим коров, и у меня останется почти весь день для знакомства со Стамбулом. От приятного волнения мне даже щежотно стало.

Оба фермера уже сбросили пиджаки и закатали рукава, готовясь приступить к делу. Нозль сгибал и разгибал руки, шевеля мышцами, чтобы разогреть их после ночной неподвижности. Он ухмыльнулся мне и спросил:

— А где фургоны?

Вопрос более чем уместный. Действительно, где же фургоны? Они ведь должны были ожидать нас на поле. Но я тщетно оглядывался по сторонам.

Карл отправился навести справки в аэровокзале и вернулся с весьма удрученным видом.

— Никто ничего не знает, — сказал он. — Будем ждать.

И мы ждали, а солнце накаляло бетон, и рубашки у нас малопомалу намокали от пота. Фургоны подкатили через час с небольшим.

Надо мной нависла высокая фигура капитана.

— Мистер Хэрриот! — Он смотрел на меня сверху вниз очень серьезным взглядом и поглаживал бороду. Вновь я ощутил всю силу его личности. — Мистер Хэрриот, мне необходимо заняться некоторыми делами. Обеспечить ремонт мотора и снять номера в отеле. Я ухажу и надеюсь, что вы за всем тут приглядите.

— Хорошо! — ответил я. — Не беспокойтесь. Я присмотрю, чтобы с коровами ничего не случилось.

Он неторопливо наклонил голову.

— Очень хорошо. — Его суровый взгляд обратился на фермеров. — Это, ребята, относится и к вам. Все оставайтесь здесь, пока не увезут последнюю корову. Вы меня поняли?

Мы покорно пробормотали, что поняли. Вряд ли отыскалось бы много охотников спорить с капитаном Берчем. Да и упоминание отеля сразу меня взбодрило: я ведь не забыл, с каким упоением Джон Крукс описывал свой роскошный номер. Вообще-то я не слишком тоскую без роскоши, но изредка — почему бы и не понаслаждаться? И тем более сейчас. Я уж испекся на солнце, рубашка на мне заскорузла, а мои внутренности терзал адский голод. Воспоминание о бутербродах в Гатуике отодвинулось далеко-далеко, но я уже видел в розовых мечтах, как принимаю ванну и сажусь за плотный завтрак. Нет, затягивать разгрузки я не стану!

Видимо, оба фермера думали то же самое: они уже поставили первую партию телок на подъемник. Щуплый Карл перевел рычаг, раздался долгий противный визг, и ничего не произошло. Он опять перевел рычаг — с точно таким же результатом.

— Подъемник заело, — сказал Карл и принялся нажимать на выключатели и крутить ручки. В конце концов он злобно пнул блестящий металл, пожал плечами и посмотрел на нас.

— Ничего не выходит. Пойду за электриком.

Он побрел к аэровокзалу, а мы с Джо и Ноэлем беспомощно переглянулись. С каждой минутой становилось все жарче.

Вернулся Карл только в половине одиннадцатого с человеком в белом халате, который словно бы вознамерился разобрать подъемник на все составные детали. Он что-то бурчал и восклицал по-турецки, меня же точила мысль: а вдруг это никакой не электрик? Никак не может обнаружить поломку! Но вот через полтора часа подъемник подчинился переключению рычага и пошел вниз. Одного времени мы потеряли уйму.

Правда, я черпал утешение в том, что рядом рой механиков уже довольно давно возился с поврежденным мотором. Авось, хоть они-то действительно механики!

Едва Джо и Ноэль распахнули дверцы подъемника, как прибыли турецкие ветеринары, весьма и весьма импозантные. Простой

английский ветеринар не шел ни в какое сравнение с этими смуглыми красавцами в элегантных летних костюмах. По-английски среди них объяснялся только один, зато почти без акцента.

— Чудесные экземпляры, мистер Хэрриот,— промурлыкал он, когда первые телки начали подниматься по мосткам в фургон. Его коллеги одобрительно прищелкивали языками, и я надулся гордостью: все-таки в этой области Англия по-прежнему занимает одно из первых мест в мире. Столько стран обращаются к нам, желая улучшить свои стада!

Мой собеседник сообщил, что они служат в министерстве сельского хозяйства и им поручено проверить здоровье животных, а также номера, вытатуированные на внутренней поверхности уха. При последних его словах мы дружно засмеялись. Оказывается, и в Турции номер в ухе обладает той же прямо-таки международной важностью, что и в Англии.

Выгрузка шла садистски медленно. Электрик, видимо, починил все на живую нитку, потому что подъемник нет-нет, да и застыл в воздухе на несколько гнетущих минут. Карл ругался, дергал рычаг, и подъемник приходил в движение. Солнце жгло нестерпимо, но к счастью, фугоны стояли в тени ангара. Внутри них рогатых пассажирок ждали сено и вода, так что они чувствовали себя недурно. Чего никак нельзя было сказать про фермеров и меня. Я был небрит, грязен, весь в поту с головы до ног и изнурен голодом, хотя всего лишь надзирал за разгрузкой, то забираясь в самолет, то спускаясь на землю. А что должны были испытывать Джо и Ноэль, уламывая заупрямившихся коров, не берусь даже вообразить. И все время близко-близко маячил Стамбул, оставаясь недостижимым.

Время шло, капитан не возвращался, молодые американцы Эд и Дейв часто подходили взглянуть, как продвигается ремонт мотора. Несколько раз они останавливались поболтать со мной и рассказывали про свою жизнь и работу. На редкость симпатичные ребята и такие беззаботные! Они расхаживали, засунув руки в карманы, которые, как мне довелось узнать позднее, содержали целую коллекцию монет десятка-другого стран. Песеты побрякивали о драхмы, гульдены, лиры, центы, кроны и шиллинги. Старый самолет переносил Эда и Дейва из одного уголка мира в другой. Вольные как птицы, они безмятежно встречали каждый новый день, каждую новую страну и, совсем еще мальчишки, успели повидать на своем коротком веку чуть ли не весь свет. Смелые искатели приключений на современный лад.

Последняя телка поднялась в фургон часов около четырех, и осмол быстро приближался к концу. Ко мне подошел Ноэль.

Рубашка мокрой тряпкой прилипла к его груди. Он сказал, утирая запястьем мокрое лицо:

— Джим, а мой желудок, небось, думает, что я себе глотку перерезал, не иначе.

— И мой тоже, Ноэль,— ответил я.— Меня от голода просто

мутит. В последний раз я ел почти сутки назад, и то бутерброды.

— А я бы и от пивка не отказался,— добавил Джо.— Пить хочу, просто смерть.

Но муки пока еще не кончились. Турецкие ветеринары осматривали каждое животное весьма обстоятельно, однако никаких претензий не предъявляли и были как будто вполне довольны тем, что видели.

И вдруг эта идиллия разом оборвалась. Прячась от солнца под крылом «Геракла», мы заметили, что среди ветеринаров возникло некоторое замешательство. Они по очереди заглядывали в ухо одной из последних телок и перебирали пачки листков, которые держали в руках. И невооруженным глазом было видно, что случилось что-то неладное. Сгрудившись, они совещались между собой и отчаянно жестикулировали. В конце концов старший крикнул:

— Мистер Хэрриот, будьте добры, подойдите сюда!

Я пошел к фургону, фермеры последовали за мной.

— Мистер Хэрриот,— продолжал турок,— мы обнаружили неправильный номер! — Смуглое лицо побледнело, губы подергивались. Его коллеги также явно пребывали в глубоком расстройстве.

Я мысленно застонал. Произошло немыслимое!

Какой-то особенно высокий ветеринар с сурово застывшим лицом эффектным взмахом руки указал мне на самозванку. Я поднялся в фургон и заглянул ей в ухо. Номер пятнадцатый. Столь же эффектным жестом он протянул мне пачку листков. В каждом указывались приметы, возраст и номер животного. И действительно, номер пятнадцатый в них не значился.

Губы у меня искривились в подобии улыбки. Откуда мне было знать, несу я ответственность за подобную промашку или нет. Вроде бы номера в нашем списке при погрузке все сошлись. Неужели я допустил какой-то страшный ляп? В чужой стране это казалось особенно жутким. Я обернулся к Джо.

— Список с Джерси у вас ведь с собой?

— Ага! — воинственным тоном отозвался Джо.— И там все точно. Он у меня в сумке.

— Вы его не принесете, Джо? — попросил я.— Надо же как-то разобраться, в чем тут дело.

Он неторопливо зашагал к «Гераклу», залез внутрь и вернулся со списком.

Дыхание замерло у меня в груди, глаза лихорадочно забегали по строчкам.

— Да вот же он! — воскликнул я с неистовым облегчением.— Племенной номер и номер пятнадцатый, порядковый.

Мы были спасены!

Турецкий ветеринар забрал наш список и вернулся к своим коллегам для дальнейшей консультации. Опять довольно долго сыпались непонятные слова, взлетали и опускались руки, но в конце концов они, видимо, пришли к какому-то единодушному решению.

Все дружно закивали, а некоторые скрестили руки на груди. Старший выступил вперед. Лицо его было неумолимым.

— Мистер Хэрриот, мы пришли к выводу, что выход есть только один. Вы же понимаете, что мы обязаны следовать собственному списку. Где гарантия, что мы купили именно это животное? А потому — с величайшим сожалением прошу вас увезти ее обратно. Обратно! Вот так-так!

— Но это же невозможно! — вскричал я. — Корова доставлена вам не из Англии, а с острова Джерси. Я не вижу, как я могу исполнить то, чего вы требуете.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Но наше решение бесповоротно. Не то животное мы принять не можем. А как и куда вы ее увезете, забота ваша, но увезти ее вы обязаны.

— Да... но... — залепетал я. — Почему вы убеждены, что животное не то? Дело скорее всего в ошибке вашей машинистки...

Он выпрямился во весь рост — весьма внушительный, не говоря уж о плотном его телосложении, пронизал меня взглядом и предостерегающе поднял ладонь.

— Мистер Хэрриот, повторяю: наше решение бесповоротно.

— Я... да... но... понимаете ли... — растерянно бормотал я, но тут мне на плечо легла тяжелая рука Джо. Он легонько отстранил меня, шагнул вперед, придвинул свое гранитное, лоснящееся потом лицо к самым усам турка, несколько секунд не мигая глядел ему в зрачки, а затем сказал с медлительной своей оттяжкой:

— Назад я ее не повезу, приятель. Я свою работу знаю и назад ее не повезу.

Говорил он мягко, неторопливо, но тон был категорическим и произвел удивительный эффект. Турок весь как-то съежился, лицо у него сморщилось, взгляд стал жалобным, рот открылся... Я ждал, что хлынут возражения. Однако он промолчал и поплелся к своим коллегам.

Они посоветовались вполголоса, пожимая плечами и скорбно поглядывая на Джо, затем наш собеседник сделал знак шоферам, и фургоны уехали. Битва была выиграна.

— Спасибо, Джо! — воскликнул я. — А мне казалось, нам уже не выкрутиться.

Мы, подчиняясь приказу капитана Берча, подождали, пока телки не покинут летное поле. Мне было приятно думать, что едут они навстречу привольной жизни. Всех их ждали образцовые животноводческие хозяйства, достойные аристократок таких голубых кроей.

Обрадовался я и тому, что мои турецкие коллеги попрощались с нами очень сердечно. Меня поначалу грызло опасение, что недоумение с номером испортит им весь день, но они цвели улыбками, словно по волшебству забыв о нем.

Я поглядел на часы. Пять! На раскаленной сковороде летного поля мы провели девять часов. А по турецкому времени было уже семь! Мой единственный бесценный день в Стамбуле стремительно

иссякал. Я провел ладонью по щетинистому подбородку. Надо немедленно вымыться и побриться.

Плечом к плечу мы зашагали к аэровокзалу. Там в мужском туалете разделись, долго пили из-под крана и совершили омовение. Какой-то толстячок усердно посыпал мне спину тальком. Я опасался, что он рассчитывает на чаевые, но, к счастью, ему требовалось одно из моих бритвенных лезвий, которое он и получил.

— Так-то лучше,— сказал Ноэль, когда мы вышли в зал ожидания.— А теперь перекусить бы. У меня совсем живот подвело.

Его состояние было мне понятно. Я изнывал от голода. Но уж теперь-то ждать осталось недолго!

Увы! К нам стремительным шагом приближался капитан Берч.

— А я вас ищу! — сказал он. — Мне надо вам кое-что сказать. Идемте сядем вон там. — Мы расположились в мягких креслах вокруг столика, капитан обвел нас сумрачным взглядом и продолжал: — Я не знаю, кто из вас главный, но обращаться буду к вам, мистер Хэрриот.

— Как вам угодно.

— К сожалению, мне приходится сообщить вам, что устранить течь в моторе не удалось.

— А!

— Следовательно, нам придется лететь для ремонта в Копенгаген. На трех моторах.

— Ах, так?

— И следовательно, вам троим с нами лететь нельзя.

— Как?!

Его лицо немного смягчилось.

— Мне очень жаль, но, откровенно говоря, самолет неисправен, и мы не имеем права брать с собой пассажиров. Никого, кроме членов экипажа.

— Но...— задал я напрашивающийся вопрос,— как же мы вернемся домой?

— Я уже об этом думал,— ответил капитан.— Вам надо позвонить в Лондон, в экспортную фирму. Вот их телефон. Они, несомненно, организуют ваше возвращение в Англию.

— Ну-у... Спасибо... Пожалуй, ничего другого нам не остается.— Тут мне в голову пришла совсем другая мысль.— Вы сказали, что самолет неисправен?

Величавая голова наклонилась.

— Совершенно верно.

— То есть вы можете...

— Вот именно. Это не исключено. Полет над горами в таких условиях чреват определенными сложностями.

— Но как же вы сами? Вы и остальные?

— А, да! — Он улыбнулся, и вдруг стало ясно, что он человек очень добрый.— Я тронут вашим интересом, но это наша работа. Мы должны лететь, разве вы не понимаете? Это же наша работа.

Я повернулся к фермерам.

— Нам придется последовать совету капитана.

Они молча кивнули. Вид у них был совершенно растерянный, как, наверное, и у меня. Но я понял намек. Раз один мотор этого поразительного самолета окончательно вышел из строя, то насколько надежны остальные три?

— Ну, так надо поскорее позвонить в Лондон. Как лучше это сделать? Отсюда или из отеля?

Капитан кашлянул.

— Да, я еще не успел вам сказать. Снять номера мне не удалось.

— Что?

— К сожалению. Я искал повсюду, но у них тут какой-то праздник и все отели переполнены.

Час от часу не легче! Чудесно, чудесно.

— Но не беспокойтесь,— продолжал капитан.— Меня заверили, что дальше по Босфору обязательно отыщется какая-нибудь маленькая гостиница, где есть свободные номера.

Какая-нибудь маленькая гостиница... Лопнул и радужный мыльный пузырь роскошного номера в роскошном отеле.

— Не сомневайтесь! — ободрил меня капитан.— Мини-автобус нас уже ждет. Поехали.

В автобусе нас широкими улыбками встретили Эд и Дейв, вольготно развалившиеся на сиденьях в своих легких костюмах.

— Эй! — весело приветствовали они нас.

— Эй! — маленький Карл помахал нам из глубины автобуса.

Подобные неурядицы для них, без сомнения, были делом привычным, и они только посмеивались. Я вдруг решил последовать их примеру. Конечно, все складывается не самым лучшим образом, но ведь я в Стамбуле, так надо не кукситься, а радоваться тому, что есть.

Я вытащил фотоаппарат. Кое-что я снял во время полета и разгрузки, а теперь запечатлею сказочный город, пусть мое знакомство с ним и окажется самым мимолетным.

Автобус лавировал в потоке машин по залитым вечерним солнцем улицам, и я шелкал, шелкал, шелкал, как безумный. Изящные мечети и минареты, неожиданно возникающие над современными зданиями, а рядом — пустыри с выгоревшей травой и пестрыми рекламными щитами. За стеклами возникали и тут же исчезали древние, поросшие кустами акведуки, гигантские развалины стен средневекового Константинополя... Даже сейчас я иногда разглядываю их на чуть нерезких снимках.

А уличные сцены? Продавцы разноцветных напитков, сладостей и фруктов, смуглые прохожие — женщины в ситцевых платьях, мужчины в рубашках и летних брюках, одетые настолько одинаково, что это смахивало на какую-то форму.

Вскоре мы уже катили по берегу Босфора, бесспорно, одного из самых красивых и романтических проливов в мире. Широкая полоса синей воды, обрамленная лесистыми холмами, где среди деревьев

белели изящные виллы и даже дворцы. А на воде — огромные современные суда, рыбацьи баркасы, а иногда и старинные, будоражащие воображение парусники.

Времени налюбоваться Босфором у меня было достаточно, потому что мы то и дело останавливались и наводили справки о ночлеге. В конце концов наши поиски увенчались успехом, и мы вылезли перед небольшим зданием. Не то чтобы «Гранд-отель», но и не блошиная ночлежка. Скромная небольшая гостиница на тихой улочке.

Встретили нас достаточно приветливо, но у меня сложилось впечатление, что управляющему было решительно все равно, останемся мы или отправимся дальше. Кое-как я объяснил ему, что хотел бы позвонить в Лондон. Он с улыбкой растолковал мне, что для этого надо поехать на почту — стоянка такси вот тут рядом.

На почте я сообщил, что мне требуется, и очень толстая низенькая дама закивала мне и улыбнулась. По-английски она говорила достаточно хорошо для того, чтобы заверить меня, что все будет в порядке. Переговорив по телефону, она обернулась ко мне и просияла:

— Ждать долго, может, час. Вы уезжайте, я пришлю такси.

Когда я вернулся в гостиницу, мои спутники уже водворились в номера. Портье там, видимо, не имелось, а коридорные только плечами пожимали, когда я спрашивал, где мой номер. В конце концов я отыскал управляющего, и он с явным удовольствием сказал, что для меня номера не хватило. Однако мое отчаяние как будто смягчило его сердце. Он проводил меня в подвал, где оставил в какой-то камерке, которая больше всего смахивала на тюремную камеру — незастланная железная кровать, кипа старых одеял на стуле в углу. И все. Но я был рад и этому.

Впрочем, проникавшие в камеру аппетитнейшие запахи тут же лишили меня способности мыслить, и я поспешил к их источнику. Вероятно, суточное голодание — ничтожная мелочь для поклонников всяких диет, но я-то был поклонником регулярного и обильного трехразового питания, и мои внутренности терзал неистовый голод.

В обеденном зале за столом уже сидели члены экипажа и фермеры. Едва я присоединился к ним, как официант принялся носить яства, одно аппетитнее другого. Пирамиды люля-кебаба на подстилке из риса с шафраном, исходящие паром миски с всевозможными овощами, горы грубого турецкого хлеба. Я обожаю хлеб и тут же впился зубами в огромный ломоть. Какой божественный кус!

Эд засмеялся, глядя на меня, и сказал:

— Отличный, а? Они добавляют в муку семена подсолнечника.

Может быть, и добавляют, но все равно чудеснее хлеба я не едал. Однако пора было приступить к чему-нибудь посерьезнее, и моя вилка воспарила над вертелом с шашлыком, как вдруг в зал вбежал шофер такси.

— Мистер Хэрриот, быстрее, быстрее! Телефон!

Из моих глаз чуть не брызнули слезы. У меня изо рта вырывали кусок, который я в него еще даже не положил! Но делать было нечего. Я бросил вилку и выбежал наружу. Такси с обычной в Турции бешеной скоростью примчало меня на почту, и толстуха, лущезарно улыбаясь, кивнула на телефон.

— Алло! Алло! Алло! — надрывался я почти минуту, а потом слабенький голос пискнул среди треска что-то вроде «миста Харьо, миста Харьо?»

— Да, да, Хэрриот слушает! — крикнул я, на чем все и кончилось.

Не стану докучать читателям подробностями моей борьбы с телефоном. Достаточно сказать, что длилась она почти час, что порой голосок пищал свое «миста Харьо?», но мои отчаянные вопли оставались без отклика. Лишь один раз, точно луч света, рассекающий тьму подземелья, очень английский голос отчеканил мне прямо в ухо: «О господи! Ничего не слышно!» Наконец-то Лондон! Я готов был разрыдаться в трубку, но вновь наступило потряскающее безмолвие.

Улица за окном померкла, надеяться больше было не на что, я поблагодарил толстуху и ушел.

На обратном пути в гостиницу меня грызла черная тоска: я застрял в Стамбуле без всякой надежды когда-нибудь вернуться к семейному очагу, развлекательная поездка на сказочный Восток обернулась полным фиаско, никогда в жизни я не томился таким голодом и в довершение всего остался без ужина.

А главное, что я скажу моим друзьям-фермерам? Вина, конечно, не моя, но ведь я взялся что-то устроить и полностью их подвел.

Джо с Ноэлем ждали меня в обеденном зале. Не успел я войти, как Ноэль вскочил на ноги:

— Мы попросили, Джим, оставить вам горячее! — крикнул он, выскочил за дверь и через минуту вернулся с тяжело нагруженным подносом. Меня очень тронуло, что они не только позаботились о моем желудке, но и ни о чем не спрашивали, пока я не съел все вплоть до последней крошки великолепного хлеба. Только тогда оба вопросительно посмотрели на меня.

— Извините, ребята. Ничего не вышло! — И я поведал о сорокапятиминутном треске в телефонной трубке. Они заметно приуныли.

— Так что же нам делать-то, Джим? — буркнул Джо, уставившись на свои колени.

Еще несколько минут назад я ответил бы: «Понятия не имею!», но, по-видимому, от сытости у меня прояснилось в голове.

— Наличных у меня маловато, — ответил я. — Но чековая книжка с собой. Завтра поеду на аэровокзал, оплачу чеком три билета до Лондона в кассе Британской авиакомпании, а дома экспортная фирма возместит мне этот расход. Так просто! Только зря время потерял на почте!

Мы сразу повеселели, а я, увидев, что мимо открытой двери прошел капитан Берч, выбежал к нему и сообщил о нашем решении.

— Пожалуй, так будет лучше всего, — согласился он и посмотрел на свои часы. — Можно было бы обратиться в английское консульство, но уже десятый час и вряд ли они сумеют что-нибудь устроить в такое время. А мы улетаем завтра в десять. Да, вы нашли наилучший выход из положения.

Он пошел дальше по коридору, а мы трое возликовали.

— Все в порядке, Джим, старина, — объявил Джо. — Значит, можно и душу отвести. Здешнего пивка мы ведь так и не попробовали!

Конечно, только наивные простаки-чужеземцы вроде нас могли отправиться на поиски питейного заведения в незнакомом мусульманском городе, но мы, полные приятных предвкушений, без промедления погрузились в такси.

Ночная жизнь Стамбула, казалось, еще только-только вступала в свои права, на улицах было полно прохожих, а машины неслись даже быстрее, чем днем, и я с большим облегчением открыл дверцу, когда такси доставило нас в центр города — так, во всяком случае, хотелось мне верить. Жаркая густая темнота, окончательно убедившая меня, что я все-таки нахожусь на Востоке, плотно окутала все достопримечательности, зато ярко горели витрины и воздух благоухал всякими таинственными ароматами, среди которых преобладал крепкий запах турецкого табака.

В небольших интереснейших лавочках покупателям предлагали ковры и бесчисленные местные сувениры, и меня поразило множество булочных, бойко торговавших всевозможными мучными изделиями, очень сладкими на вид.

Перейти улицу нечего было и думать, машины неслись нескончаемым потоком. Нет, местные жители ее все-таки переходили, но на моих глазах машина сшибла шуплого человечка, едва успевшего добраться до середины. Я ужаснулся. В Англии того, кто сидел за рулем, ожидал бы большой штраф и суровый выговор из уст судьи, здесь же к злополучному пешеходу в неизбежной рубашке и легких брюках, который стоял, дрожа и растирая ушибленную поясницу, приблизился грозный полицейский в шлеме, потряс у него над головой дубинкой и принял его отчитывать. В потоке непонятных звуков мне несколько раз послышалось слово, похожее на «идиот». На шофера блюститель порядка даже не взглянул.

— Джим, смотрите-ка! — Джо толкнул меня локтем, показывая на какую-то дверь. — Туда много народа заходит. Пошли, а?

Мы поднялись по длинной лестнице и вышли на террасу, которая при ближайшем рассмотрении оказалась плоской крышей, где десятки мужчин в рубашках с закатанными рукавами, сидя за маленькими столиками, курили и — к большому отвращению фермеров — смаковали кофе в крохотных чашечках.

Мы хотели было ретироваться, но в нас уже вцепился официант. Пришлось сесть и заказать кофе. Он оказался очень густым и очень сладким. Мои друзья скривились, но мне он скорее понравился. Да и приятно было спокойно посидеть тут над грохочущей улицей, наслаждаясь местным колоритом (как мне, во всяком случае, казалось).

После кофе мы продолжили наши странствования, но Джо с каждой минутой все больше мрачнел. Внезапно он сделал стойку.

— Ребята, глядите! Вот это больше похоже на дело!

За широким стеклом в ярко освещенном помещении сидели мужчины и женщины с высокими бокалами в руках. И нигде ни единой кофейной чашечки!

Джо уже исчез за вращающейся дверью. Мы сели за свободный столик и Джо знаком подозвал официанта.

— Пить! Пить! — потребовал он, а заметив, что официант его не понимает, поднес к губам воображаемый стакан.

Официант улыбнулся и тотчас подал нам на подносе три бокала с малиновой жидкостью. Я протянул ему деньги, он покачал головой, засмеялся и убежал.

— Что за черт? — Джо пригубил и скривился даже больше, чем от кофе. — Лимонад, чтоб ему!

Я последовал его примеру. Ну, нет! Вовсе не лимонад, а пронзительно сладкий, липкий сироп без малейшей примеси алкоголя. Впрочем, Ноэль, как мне показалось, не очень большой любитель спиртного, продолжал прихлебывать это пойло с явным удовольствием.

— А неплохо! — заметил он.

Джо поглядел на него с омерзением. Но тут вернулся официант и поставил перед нами блюдо, полное сладкого печенья. И снова отверг деньги.

Печенье оказалось более сухим вариантом кофе и малинового сиропа. Видимо, Стамбул был в основном населен сладкоежками. Действительно, вокруг нас нарядно одетые посетители — дамы все больше в белых вечерних туалетах — увлеченно грызли печенье, запивая его жидкостями всех цветов радуги. И ослепительно малиновыми, и столь же ослепительно синими, зелеными, золотистыми...

Мой взгляд задержался на группе играющих между столиками детей, и в душу закралось жуткое подозрение.

— Ребята, — сказал я, — знаете что? По-моему, мы пристроились к какому-то семейному празднику.

Они привскочили как ужаленные, а я добавил:

— Видите, дети играют, а взрослые бродят от столика к столику, болтают, словно все друг с другом хорошо знакомы!..

Я замолк, потому что в дальнем конце комнаты появилась красивая молодая пара: он — в темном костюме, она — в сверкающем блестящими белом платье.

— Это же свадьба! — ахнул я.

Так оно и оказалось. Новобрачные тем временем обходили

гостей, и, когда они приблизились к нашему столику, я почти не сомневался, что нас попросят выйти вон. Однако я ошибся. Видимо, наше появление было сочтено большой любезностью с нашей стороны. Они приветливо улыбнулись, пожали нам руки, а потом невеста подарила каждому из нас длинную серебряную нитку, сопроводив этот жест церемонным поклоном. Я решил, что таков местный обычай, знаменующий уважение к гостю, а нитка — выдернута из ее фаты. Так это было или не так, но нитку я хранил в своем бумажнике много лет, пока она совсем не рассыпалась.

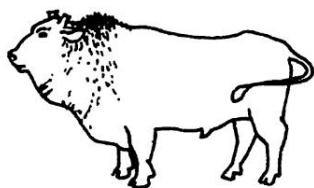
Мы еще не успели оправиться от изумления, когда на возвышении у дальней стены появилось двое мужчин в национальном турецком одеянии. Сначала они явно разыгрывали что-то вроде скетча, потому что вскоре вокруг послышался громкий смех. Затем один достал однострунную скрипку, а другой запел с теми протяжными переходами, которые всегда ассоциируются с восточными странами.

Не знаю, пел ли он любовную песню, про счастье или про горе, но я вдруг почувствовал, что нахожусь очень далеко от дома. И поймал себя на том, что у меня слипаются глаза. Поглядев на моих друзей, я обнаружил, что Джо клюет носом, а Нозль мирно посапывает, склонив голову на грудь.

Я тихонько встал и спросил, не пора ли нам вернуться в гостиницу. Уговаривать их долго не пришлось.

Спустившись в подвал, я соорудил себе постель из старых одеял, по-прежнему покоившихся на стуле, и мгновенно уснул. Столь же мгновенно меня разбудило протяжное подвывание, точно такое же, какое я слышал на свадьбе. Мне даже показалось, что оно мне снится. Но, увы, просто в номере надо мной кто-то что-то праздновал. Взрывы хохота, музыка, топот танцующих ног — кое-как уснуть мне удалось далеко за полночь.

33

Я стоял, опустив голову и положив руку на большую гильотину, высотой мне по грудь. Господи! Так ведь точно в такой же позе стоит, опираясь на топор, замаскированный палач в ожидании своей жертвы. Сколько таких картинок видел я в исторических книгах! Казнь сэра

Уолтера Рэли, казнь Томаса Мора, да мало ли еще кого! Впрочем, маски на мне не было, стоял я по колено в соломе посреди загона, а не на эшафоте, и предстояло мне не отрубить положенную на плаху голову какого-нибудь злополучного вельможи, но ампутировать рога у быка.

В пятидесятых годах рога коров и быков внезапно вышли из моды. Ветеринары, да и почти все фермеры стойко перенесли их утрату. Рога в лучшем случае были ненужной помехой, а в худшем грозили самыми большими неприятностями. Рога зацепляли пиджаки ветеринаров, вырывали пуговицы с мясом, обрывали карманы. Инъекция в шею всегда могла завершиться ударом рога по руке, плечу, а то и голове, когда животное резко дергало мордой. Ну, и конечно, если речь шла о по-настоящему агрессивной корове или быке, рога могли стать орудием смерти.

Представляли они опасность и для стада. Среди коров и особенно быков попадаются очень злобные экземпляры. Такие животные наводят ужас на кротких: в загонах яростно прогоняют их от кормушек и при малейшей попытке воспротивиться наносят тяжелейшие раны и травмы, начиная от огромных гематом на ребрах и кончая располосованным выменем. Как ни странно, воинственная корова всегда старается боднуть именно вымя, нередко с самыми плачевными результатами. С введением систематического обезроживания все это отошло в область предания.

Некоторые фермеры, особенно те, кто занимался разведением племенного скота, высоко ценили красивые рога, утверждая, что без такого украшения животное на выставке выглядит убого, и не желали уродовать своих призовых красавцев и красавиц, но их протестующие голоса тонули в общем одобрительном хоре. Как сказал мне в те дни владелец молочной фермы, склонный называть вещи своими именами:

— Как за чертовы рога ни дергай, молока много не надоишь!

Такого же мнения придерживалось подавляющее большинство.

Лично я лишился удобнейшего способа держать корову: одной рукой нажмешь на рог, а пальцы другой засунешь в ноздри. Но у комолой коровы нажимать было не на что. Упереться же носом в землю или отворачивать голову все коровы большие мастерицы. Но, конечно, в сравнении с выгодами обезроживания это было пустяком.

Таким образом, исчезновение столь опасных и в основном бесполезных украшений было делом благим. Но в этой бочке меда обнаружилась своя и весьма большая ложка дегтя. Рога ведь не исчезли сами собой по мановению волшебной палочки. Их должны были удалять ветеринары, и операция эта вписала в историю ветеринарии главу такую кровавую и тяжкую, что она живет в моей памяти как одна из самых черных ее страниц. Вероятно, мы с Зигфридом чувствовали то же, что и все наши коллеги. Когда вопрос встал ребром и мы мысленно поглядели окрест, нашему взору представился нескончаемый лес колышущихся рогов. С чего начать и как? Делать местную анестезию или общую? Обрубать их или спиливать?

Первое время верх явно взяла школа обрубания, потому что на страницах журналов замелькали рекламные изображения гильотин самого гнусного вида. Мы выписали себе такую, но, распаковав

ее, впали в прострацию. Как я упомянул, была она лишь чуть ниже мужчины среднего роста, а весила по меньшей мере десять тонн. Зигфрид, мучительно побряхывая, нажимал на длинные деревянные рычаги, пока огромные скользящие ножи не поднялись до уровня глаз, а потом быстро их отпустил и с судорожным вздохом привалился к стене.

— Черт, надо быть штангистом, чтобы хоть приподнять эти проклятые ножи! — Он помолчал. — Ну, наверное, для матерых быков такая штука в самый раз, но неужели мы не отыщем чего-нибудь поудобнее для всех остальных? — Его указательный палец ввинтился в воздух. — Джеймс! Вот именно! Я знаю, что нам требуется.

— Неужели?

— Ну да. Вчера в витрине Альберта Кеннинга я видел отличные легкие секаторы. Бьюсь об заклад, рога они будут отрезать, как масло. Вот что: давайте их и испробуем.

Когда Зигфрида осеняет, он времени зря не тратит, и через несколько минут мы уже шли, если не сказать, рысили, через рыночную толщуду к скобяной лавке. Первым в дверь ворвался, естественно, Зигфрид.

— Альберт! — крикнул он. — Вон те секаторы! Дайте-ка на них поглядеть.

Выглядели секаторы, и правда, очень заманчиво. Круглые блестящие ручки завершались небольшими изогнутыми лезвиями.

— Гм-м, да, — сказал я. — Но, по-вашему, рог они срезать способны?

— Сейчас узнаем! — воскликнул Зигфрид, взмахивая приобретенным оружием. — Альберт, подайте-ка мне вон ту бамбучину.

— Эту что ли? — спросил низенький лавочник, нагибаясь над связкой толстых бамбуковых палок, предназначенных для подвешивания вяющих растений.

— Совершенно верно. Побыстрее, пожалуйста.

Альберт извлек из связки одну палку и подошел к моему партнеру.

— Держите ее передо мной, — сказал Зигфрид. — Нет, нет, не так. Вертикально. Благодарю вас.

И с молниеносной быстротой мой партнер принялся откусывать дюймовые кусочки бамбука, которые разлетались во все стороны. Альберт только дергал головой, когда они проносились возле его уха. Впрочем, вскоре стало ясно, что он очень опасается за свои пальцы, к которым лезвия секатора опускались с неумолимой быстротой. Его руки сползали по палке все ниже, но вот Зигфрид торжествующе завершил экзекуцию в дюйме над большим пальцем бедняги, который, отчаянно вытянув руку с коротким обрубком бамбука в кулаке, глядел на моего партнера, как кролик на удава.

Но Зигфриду этого показалось мало. С видимым наслаждением пощелкав секатором в воздухе, он распорядился:

— Дайте еще одну, Альберт!

Несчастный лавочник покорно вытащил вторую палку, зажмурился и вытянул руку как мог дальше.

Зигфрид принялся за дело с таким ожесточением, что короткие цилиндрики свистели в воздухе, как пули. Переступивший порог покупатель в испуге попятился и укрылся за штабелем ведер.

К тому времени когда Зигфрид искромсал вторую палку и оставился в полудой: над пальцами Альберта, тот был белее мела.

— Прелестная штучка, Джеймс... — Зигфрид задумался, пощелкал секатором и скомандовал: — Альберт, пожалуйста, еще одну.

— Мистер Фарнон, да ведь...

— Не тяните, не тяните, у нас полно работы. Тащите ее сюда!

На этот раз у Альберта сразу же отвисла челюсть, и палка все время приплясывала. Зигфрид, видимо, решивший провести последнее испытание с максимальным эффектом, орудовал секатором столь неистово, что взгляд не успевал следить за его движениями. Смерч цилиндров — и в руке полубесчувственного Альберта остался жалкий обрубочек.

— Чудесно! — воскликнул Зигфрид. — Берем. Сколько с меня?

— Двенадцать шиллингов шесть пенсов, — просипел Альберт.

— А за бамбучины?

— А... э... еще шиллинг...

Мой партнер извлек из кармана пригоршню монет, купюры разного достоинства и мелкие хирургические инструменты.

— Тут где-то есть фунт, Альберт. Ну, вытаскивайте же!

Лавочник с дрожью извлек фунт из хаоса на ладони Зигфрида и, хрустя бамбуковыми обломками, пошел к кассе за сдачей.

Зигфрид ссыпал деньги в карман, зажал покупку под мышкой и направился к двери.

— До свидания, Альберт. Благодарю вас.

Догоняя Зигфрида, я увидел сквозь витрину, что лавочник смотрит ему вслед остекленевшими глазами.

Секаторы действительно прекрасно служили нам, но даже с небольшими животными хватало всяких других трудностей. Довольно долго мы применяли общую анестезию. Когда животное в наморднике с хлороформом опускалось на землю без сознания, рога мы удаляли быстро, но, как, к нашему вящему ужасу, показал опыт, операция редко обходилась без сильнейшего кровотечения. В воздух взметывались две красные струи, забрызгивая все и вся на десять шагов вокруг. В те дни можно было сразу определить, когда ветеринар занимался удалением рогов: его воротник и лицо были все в пятнах запекшейся крови. Правда, тут же изобрели хитроумный жгут из шпагата, наматывавшегося между рогами так, что он надежно прижимал артерии. Однако лезвия секатора нередко перекусывали шпагат, и начинала бить кровь.

Затем появились два полезных нововведения. Во-первых, выяснилось, что рога гораздо выгоднее спиливать, захватывая при этом около дюйма кожи — кровотечения тогда почти не возникало. А во-вторых, оказалось, что местная анестезия куда эффективнее и несравненно удобнее. Ввести несколько кубиков анестезирующего раствора в область височной кости и в обслуживающее рог ответвление пятой пары черепномозговых нервов — дело нехитрое, животное же не ощущало ровным счетом ничего: нередко корова мирно жевала жвачку все время, пока я спиливал ее рога.

Да, это был замечательный шаг вперед — жуткие гильотины, секаторы и веревочные жгуты мгновенно исчезли.

Теперь, естественно, рога стали большой редкостью, потому что телят обезроживают очень рано — и под той же местной анестезией. Однако, как я уже говорил, период удаления рогов у взрослых животных остался в моей памяти незаживающей раной, а Эндрю Брюс приехал навестить меня в самый разгар гильотинной эпопеи.

Несколько лет после войны люди продолжали восстанавливать прежние связи. После долгих катаклизмов можно было наконец передохнуть, обдумать, что произошло с тобой, узнать судьбу своих друзей.

Мы с Эндрю не виделись со дня окончания школы, и я с трудом сообразил, кто передо мной, когда открыл дверь солиднейшему человеку в темном костюме и котелке. Выяснилось, что он по-прежнему живет в Глазго, успешно служит в банке, едет по делам на юг, увидел указатель поворота на Дарроуби и решил нанести мне визит. Очень многие из моих школьных приятелей подвизались в банках, я же всю жизнь предпочитал считать на пальцах, а потому они внушали мне благоговейное уважение.

— Просто не представляю, как ты умудряешься справляться со всеми этими цифрами и расчетами, Энди,— заметил я в конце обеда.— Мне бы на твоей работе и двух дней не продержаться.

Он с улыбкой пожал плечами.

— Ну, для меня это проще простого! Ты же помнишь, в школе я всегда любил математику.

— Как же! — Меня пробрала дрожь.— Ты ведь все время схватывал призы за всякие ужасы вроде тригонометрии.

Мы еще немного поболтали за кофе, а потом я встал.

— Извини, но мне пора. В четверть третьего меня ждут на ферме.

— Ну, конечно, Джим...— Он что-то прикинул в уме.— Нельзя ли мне поехать с тобой? В жизни не видел, как работают сельские ветеринары, а в Бирмингеме мне все равно до завтра делать нечего.

Я засмеялся. Есть в ветеринарии что-то завлекательное, не то почему бы столько людей выражало желание сопровождать меня?

— Ну, конечно, Энди. Но вряд ли тебе будет интересно. У меня сегодня только обезроживание.

— А? Звучит интригующе. Нет, если ты не возражаешь, я бы поехал.

Я подобрал ему пару резиновых сапог, и мы отправились. Он с любопытством поглядывал на заднее сиденье, заставленное коробками с лекарствами и инструментами, на мой костюм, такой не похожий на его собственный. К тому времени я уже отказался от галфе и гетр, почти обязательных для сельских ветеринаров в середине тридцатых годов, и теперь носил коричневые вельветовые брюки и парусиновую куртку — творение немецкого военнопленного, которое многие годы украшало мою жизнь.

Брюки обтрепались, заскорузли от глины и навозной жижи, да и куртка, несмотря на то что я всегда надевал поверх нее еще что-нибудь, хранила многочисленные следы моей профессиональной деятельности.

Нос Энди сморщился, ноздри затрепетали, вдохнув полный букет ароматов, всегда веющих внутри моей машины, — благоухание навоза, собачьей шерсти и разнообразных химикалий. Однако через несколько минут он совсем освоился и как замороженный смотрел по сторонам, где озаренные октябрьским солнцем величавые холмы в мантиях сухого папоротника поднимались к бездонной синеве небес. Мы свернули под арки желтых и красных листьев, некоторое время ехали вдоль бегущего по белой гальке ручья, а затем покатали вверх по склону.

Энди молчал, но когда мы добрались до вершины, окунувшись в воздушную глубину, на мгновение приобшились к самой душе моего Йоркшира, он попросил:

— Джим, остановись на минутку!

Я затормозил и опустил стекло. Некоторое время Энди озирали мили и мили вересковых пустошей, пологие вызолоченные купола древних холмов, а потом произнес тихо, словно говоря с самим собой:

— Так вот, значит, где ты работаешь!

— Да, Энди.

Он вдохнул полной грудью. Еще и еще, словно не мог насыщаться.

— Знаешь, — сказал он, — я столько раз читал про воздух, пьянящий как вино, но только сейчас понял, что это такое. Да, тебе повезло, Джим, — добавил он с грустью. — Ты проводишь жизнь, купаясь во всей этой роскоши, а я сижу, как пришитый, в душном кабинете.

— Но ведь тебе нравится твоя работа?

Он провел рукой по волосам.

— Да, конечно. Пожалуй, лучше всего я умею играть с цифрами, но, черт подери, заниматься-то этим я должен в четырех стенах! Если на то пошло, — продолжал он, разгораясь, — я ведь не живу, а существую в проклятом ящике без окон, с центральным отоплением, где весь день шпарит электрический свет, и дышу не воздухом, а какими-то отработанными отходами из легких других

людей.— Он тоскливо сгорбился.— И что это меня дернуло поехать с тобой!

— Ну, прости, Энди.

Он виновато усмехнулся.

— Это я так. Но, честное слово, тут настоящий рай.

Вересковые просторы остались позади, и мы спустились в долину, где на сочных лугах пасся и жирел скот мистера Даннинга. Ферма эта была не молочной. Даннинги занимались разведением мясных пород, что в наших краях редкость. Дело они поставили на широкую ногу, и их стадо насчитывало свыше двухсот голов.

Удалял рога я здесь уже несколько дней и с радостью подумал, что это мой последний визит: оперировал я могучих трехлетних шортгорнов и совсем измучился. Теперь, когда домашние хозяйки предпочитают мясо попостнее и понежнее, бычков забивают примерно в полуторагодовом возрасте, и великаны-волы, с какими мне приходилось иметь дело на ферме мистера Даннинга, нынче почти не встречаются.

Но в тот день в загоне, к которому мы подъехали, расхаживало не меньше двадцати таких чудовищ.

— В малый загон будем перегонять их по одному, как всегда,— крикнул, подбегая ко мне, мистер Даннинг. Он был невысок ростом, весь кипел энергией, легко возбуждался, и голос его не уступал пронзительностью паровозному свистку. Его сыновья, дюжие молодцы, носившие типичнейшие йоркширские имена Томас, Джеймс и Уильям, следовали за ним более степенным шагом.

Я познакомил их с Энди, который с любопытством рассматривал огромные сапоги, изношенную одежду, всклокоченные волосы, буйно выбивающиеся из-под кепок. Фермеры с таким же любопытством уставились на костюм моего друга в тончайшую полоску, сверкающий белизной воротничок и со вкусом выбранный галстук.

Затем мы перешли к делу и мистер Даннинг дал полную волю своей энергии: он тыкал в могучие зады палкой и душераздирающе вопил:

— Э-ге-гей! Тпрусь, тпрусь! Ну-ка, ну-ка!

В конце концов один из моих пациентов выскочил в ворота и братья загнали его в стойло. Я передал им намордник с хлороформом и оперся на мою громоздкую гильотину, размышляя, насколько легче стала моя жизнь в последние дни.

Когда я только приступил к удалению рогов этого стада, каждый жгут я накладывал собственноручно и сам пристегивал намордник. Но фермеры — народ переимчивый, и младшие Даннинги скоро придали процедуре куда большую эффективность.

Уже на второй день Томас, старший, вежливо предложил:

— Веревки эти и намордник мы и сами на них накрутим, мистер Хэрриот. А вы бы постояли снаружи.

Я ухватился за эту идею. Грубый шпагат приходилось затягивать в жгутах очень туго, и он стер мне всю кожу на ладонях, но мозолистые лапищи младших Даннингов не порезала бы и прово-

лока. А я уже не буду летать по стойлу мячиком, накладывая жгут.

И вот, опираясь на гильотину в позе палача, я обратил мысли к моему другу.

— Энди,— сказал я,— будет лучше, если ты заберешься вон туда! — и пнул одну из квадратных деревянных кормушек, расставленных длинным рядом в глубокой соломе посередине загона, фермеры называли их «стопки». Над стопками покачивалась на цепях люлька с сеном.

Энди снисходительно улыбнулся.

— О, мне и здесь отлично.— Он привалился плечом к столбу напротив стойла и закурил сигарету.— Я не хочу упустить ни малейшей подробности. Даже слушать все это очень интересно.

И действительно, из-за двери стойла доносились разные интригующие звуки. Как всегда. Сердитые крики «ох!», «да стой ты смирно, чучело!», «ноги мне оттоптать вздумал!» мешались с гулкими ударами гигантского тела о стенки.

Наконец, раздался неизбежный залп предупреждений:

— Э-эй! Выпускаем!

Я весь подобрался, дверь распахнулась, и из нее, как пушечное ядро, вырвался мой пациент: фестоны шпагата, намордник, точно противопогазная маска, на веревке висят двое из братьев.

Ноги вола ушли по колено в солому, он на мгновение остановился, покосился по сторонам, а затем, едва глаза над верхним краем намордника узрели элегантную фигуру моего друга у столба, он опустил голову и ринулся в атаку.

Энди мешкать не стал. Едва на него устремились полторы тонны будущей говядины, он вспорхнул на стопку, ухватился за верхнюю перекладину люльки и одним рывком вознесся на недосягаемую высоту. Секунду спустя тяжелая стопка под ним полетела кувырком, опрокинутая бешеным ударом рогов. Я вдруг вспомнил, что в гимнастическом зале Энди всегда отличался в упражнениях на шведской стенке. Видимо, ему удалось сохранить всю былую ловкость и быстроту. Он поглядел на меня со своего ложа из душистого клевера, которое мягко покачивалось на цепях.

— На твоём месте я бы там и остался,— сказал я.

Энди кивнул. Я понял, что особенно уговаривать его не придется. Лицо его приобрело несколько мучнистый оттенок, а брови застыли где-то у линии волос.

Потребовались объединенные усилия всех трех братьев, чтобы остановить вола. Теперь они тяжело отдувались, туго натягивая веревку, и ждали, чтобы я приступил к началу операции.

Настал решающий момент. Я прислонил гильотину к стопке и медленно подошел к волу. Отстегнул клапан намордника и налил на губку хлороформ. Что произойдет дальше, предугадать было невозможно. Одни животные тут же погружались в сон, но в других непонятный запах возбуждал внезапную ненависть ко мне, и они наставляли на меня рога, увернуться от которых в глубокой соломе бывало не так просто.

К большому моему облегчению, этот буйан принадлежал к первому типу. После атаки на Энди, потаскав братьев Даннингов на веревке, он запыхался и вдохнул хлороформ полной грудью. Его глаза сразу же остекленели, он пошатнулся, сделал несколько неуверенных шажков, осел набок и заснул.

Времени терять было нельзя. Утопая в соломе по колено, я подтащил гильотину, наложил лезвия на рог, ухватил ручки и нажал. Для рогов молодых животных бывало достаточно одного нажима, но у этих основания рогов были настолько широки, что лезвия сошлись под громкий треск лишь через несколько мучительных секунд. Я принялся за второй рог, который потребовал от меня еще больших усилий.

— Все! — просипел я. — Снимайте намордник!

Я взмок, а этот вол был первым из девятнадцати.

Братья тотчас отстегнули намордник и кинулись к большому загону, где их отец уже вопил и тыкал палкой.

Я обезрожил второго, потом третьего, потратив лишь немного большие пота. Но четвертый оказался мне не по зубам. Рога у него были такими огромными, что я раздвигал и раздвигал ручки, пока они практически не вытянулись в одну прямую линию. Как я ни пытался, как ни напрягался, мне не удавалось свести их вместе хотя бы на одну десятую дюйма. За спиной у меня раздался голос Томаса, сложением не уступавшего любому чемпиону-тяжеловесу.

— Подвиньтесь-ка, мистер Хэрриот, — сказал он.

Я перехватил ручки ближе к середине. Томас взялся за концы, но и наши совместные усилия возымели действие не сразу. Затем рог отвалился с громким треском, а я взвизгнул — я ведь был «человеком посредине» и сходящиеся ручки врезались мне в ребра. То же повторилось и со вторым рогом: Томас вновь пришел мне на помощь и мои ребра пострадали вторично.

Братья пустились трусцой за следующим волом, а я прилег на солому и постанывал, потирая бока.

— Джим, как ты? — донесся сверху встревоженный голос, и, подняв глаза, я встретил сочувственный взгляд Энди. Как мне смутно вспомнилось, все это время он вертелся и раскачивал люльку в упрямом стремлении ничего не упустить.

Я криво ему улыбнулся.

— Все в порядке, Энди. Ну, заработал пару синяков.

— Еще бы! Ну и детина же зажал тебя в ручках! Не хотел бы я очутиться на твоём месте!

Вид у моего друга был ошеломленный. И стал совсем уж ошарашенным, когда следующий вол, едва нюхнув хлороформа, рванулся вперед и опрокинул меня на спину. Но и чего было ждать, когда энергичный мистер Даннинг доводил животных до иступления своими воплями и тычками?

Видимо, Томас пришел к тому же выводу.

— За ради бога, папаша, — произнес он с обычной своей размеренностью, — брось ты свою дурацкую палку и заткнись.

Говорил он без малейшей злости, потому что любил отца, да и мне маленький мистер Даннинг был симпатичен. Человек ведь он был очень хороший. Теперь он на миг присмирел, но его энергия искала выхода, и вскоре вопли и тычки возобновились с прежней силой.

С десятым животным случилось то, чего я опасался больше всего. Лезвие перерезало жгут на роге.

— Быстрее! Давайте шпагат! — кричал я, пробираясь к спящему волу, к красной струе, бьющей над его лбом. Пока я затягивал новый жгут, мое лицо щедро орошали теплые брызги. Но что было делать? Я затянул последний узел и обернулся к мистеру Даннингу.

— Принесите, пожалуйста, ведро теплой воды, мыло и полотенце! — Я с трудом раздвигал слипающиеся веки — слипающиеся в буквальном смысле слова, так как ресницы склеивала быстро свертывающаяся кровь.

Маленький фермер зарылся к дому и тотчас вернулся с ведром, над которым поднимался пар. Я жадно окунул руки в воду и в следующую минуту уже плясал в соломе, трясая ошпаренными пальцами.

— Так это же кипяток, черт подери!

Братья смотрели на меня с каменными лицами, но мистер Даннинг просто покатывался со смеху.

— Хи-хи-хи! Хи-хи-хи! — Он захлебывался визгливым хихиканьем: в жизни ему не доводилось видеть ничего смешнее.

Пока он приходил в себя, Уильям принес холодной воды и подлил в ведро. Я ополоснул руки и кое-как промыл глаза.

Дальше все шло, как во сне. Во мне нарастало тоскливое утомление. Одно и то же, одно и то же. Животное загоняют в стойло, из-за дверей доносятся удары в стенки и ругань, заключительный вопль «Э-эй! Выпускаем!», хлороформ, напряжение, треск отлетающего рога, а мозг сверлит неизбежный вопрос, который, несомненно, задают себе все ветеринары: «Пять лет учиться в колледже — ради вот этого?!»

Внезапно я с облегчением обнаружил, что настала очередь самого последнего. У меня уже почти не осталось сил. Томасу пришлось еще несколько раз придавить мне ребра, и все мышцы протестующие ныли. И когда мистер Даннинг погнал к воротам загоняемого волка, у меня вырвался благодарный вздох. Однако понукания и палка подействовали на эту скотину далеко не так, как на прочих. Мне даже пришлось в голову, что кастрационные щипцы в свое время толком не сработали, — такая ярость ощущалась в каждом движении заупрямившегося животного.

Косматая голова упрямо надвигалась на мистера Даннинга, и удар палкой по морде не заставил ее отдернуться. Маленький фермер благоразумно решил ретироваться.

Он повернулся и зашагал прочь по соломе. Вол зашагал следом. Мистер Даннинг перешел на рысь. И вол тоже. Рысь сменилась неуклюжим галопом. Заскакал и вол. Никаких признаков, что

животное намерено перейти в нападение вроде бы не было, но мистер Даннинг, видимо, придерживался иного мнения. Он не сбавлял скорости, а в глазах у него нарастал испуг. Хотя бежать по колено в соломе не легче, чем по колено в воде, для шестидесятилетнего человека он показывал недурное время.

Никто не пришел ему на помощь. Возможно, нас всех немножко утомила суматоха, которую он упрямо поднимал в загоне весь день, но как бы то ни было, мы стояли и смеялись. У меня от хохота даже заныли искалеченные ребра. Мистер Даннинг резво прогалопировал вдоль ряда стопок, а вол отставал от него лишь на шаг. Энди, наблюдая за погоней сверху, чуть не вывалился из люльки.

Но долго так продолжаться не могло. Когда мистер Даннинг обежал стопки во второй раз, с него слетела кепка, он споткнулся раз, другой и растянулся ничком на соломе. Вол небрежно перешагнул через него, почти сразу же замедлил бег и дал себя поймать, словно все предыдущее просто было легкой разминкой. Мистер Даннинг вскочил целый и невредимый. Пострадало лишь его самолюбие. Смерив нас свирепым взглядом, он подобрал кепку, а я с помощью его сыновей удалил последние два рога, и дневные мои труды завершились.

Мы помогли Энди спуститься на землю; потребовалось много времени и усилий, чтобы стряхнуть с его элегантного костюма сухие стебли и семена. Он невозмутимо следил, как я очищал и протирали гильотину, прежде чем кое-как водворил ее в багажник. Затем особой щеткой я счистил слой навоза с моих сапог и переобулся.

Когда мы отправились в обратный путь, уже смеркалось. Энди закурил сигарету и украдкой поглядывал на мое потное, забрызганное кровью лицо, на мою ладонь, нежно поглаживающую ребра под курткой.

— Джим,— сказал он, наконец.— Никогда не следует спешить с выводами. Пожалуй, у моей работы есть свои хорошие стороны.

34

«Какая жуткая опухоль!» — подумал я, когда в полумраке коридора появилась собака с уродливым выростом на морде, но тут же обнаружил, что это всего лишь жестянка из-под сгущенного молока.

Разумеется, жестянкам вовсе не положено торчать из собачьих пастей, но у меня отлегло от сердца: просто Бренди вновь слишком увлекся.

Я поднял крупного лабрадора на стол.

— Ну, что, Бренди, опять навестил мусорный бак?

Пес виновато ухмыльнулся и попытался лизнуть мою щеку, но тщетно: его язык намертво застрял в жестянке. Впрочем, он компенсировал свою неудачу, отчаянно завиляв хвостом и всей задней частью туловища.

— Мистер Хэрриот, извините, что я снова вас беспокою! — Миссис Уэстби, милостивая молодая женщина, грустно мне улыбнулась. — Но отвадить его от мусорных баков невозможно, как мы ни стараемся. Обычно я и дети справляемся с жестянками сами. Но с этой у нас ничего не вышло. Ему защемило язык крышкой.

— Мм... мм... — Я осторожно провел пальцем по зазубренному краю. — Да, дело не так просто. Ведь мы не хотим изрезать ему рот.

Выбирая щипцы, я прикидывал, сколько раз мне уже довелось вызывать Бренди из такой же беды. Он был давним моим пациентом — огромный, добродушный псинка с неумной энергией. Однако упорные налеты на мусорные баки приобретали маниакальный оттенок.

Он со смаком выискивал очередную жестянку и принимался так рьяно ее вылизывать, что запускал язык излишне глубоко и защемилял его. Семейство Уэстби и я без конца освобождали запойного лакомку от жестянок из-под компота, тушонки, фасоли в томатном соусе, всевозможных супов — ну, словом, была бы жестянка, а уж он непременно в нее залезал.

Я зажал щипцами край крышки, осторожно отогнул ее по всей длине, защемиленный язык обрел свободу и тут же радостно зарзал по моему лицу. Как еще мог Бренди выразить свой восторг и благодарность?

— Хватит, хватит, глупая ты собака, — сказал я, смеясь и отстраняя ухмыляющуюся пасть.

— Да, Бренди, достаточно! — Миссис Уэстби сняла его со стола и добавила еще строже: — Чем теперь подлизываться, ты бы лучше избавился от этой гадкой привычки. Пора за тебя взяться.

Нотация нотацией, а хвост продолжал отчаянно вилять. Как и я, Бренди не преминул заметить, что его хозяйка улыбается. Сердиться на него ни у кого не достало бы духа, такая солнечная это была натура.

Мне доводилось видеть, как юные хозяева (детей в семье Уэстби было четверо: три девочки и мальчик) хватали его за все четыре лапы и раскачивали, точно гамак, или возили в детской коляске, предварительно запеленав, или придумывали еще какое-нибудь развлечение, а он терпел все это с полным добродушием. Да нет, ему, видимо, нравилось быть участником таких игр.

Странности Бренди не исчерпывались страстью к мусорным бакам. Как-то днем я приехал к Уэстби посмотреть их кошку и устроился с ней на каминном коврике. Старшая девочка держала голову моей пациентки, а миссис Уэстби вязала, сидя в глубоком

кресле. Я шарил по карманам в поисках термометра и вдруг заметил, что в комнату как-то странно, боком, вошел Бренди, подобрался к хозяйке и сел спиной к ней с весьма небрежным видом. Затем он начал потихоньку вползать задом на ее колени. Она, не отрывая глаз от вязания, столкнула его, но он тут же повторил свой маневр. Зрелище было удивительное: задняя часть его туловища медленно-медленно приподнималась, а золотистая морда хрипала невиннейшее выражение, словно его вообще здесь не было.

Забыв про термометр, я следил за Бренди как замороженный. Миссис Уэстби сосредоточенно считала петли и словно не замечала, что зад Бренди уже воздвигся на ее красивые, обтянутые синими джинсами колени. Пес на секунду замер, точно закрепляя успех первого этапа операции, а потом еще медленнее принялся окончательно утверждать свою позицию, перебирая передними лапами и почти встав на голову. Но тут, когда завершающее усилие водворило бы большого пса на колени хозяйки, миссис Уэстби кончила считать петли и с возгласом «Какой же ты дурачок, Бренди!» столкнула его на ковер, где он и распростерся, глядя на нее томным взором.

— Что это он? — спросил я с любопытством.

— Все мои старые джинсы! — улыбнувшись, ответила миссис Уэстби. — Когда Бренди был щеночком, я его часами держала на коленях, а тогда я обычно ходила в джинсах. Ну и стоит ему их увидеть даже теперь, как он старается забраться ко мне на колени.

— Не проще ли было сразу вспрыгнуть?

— Он и это пробовал, но тут же летел на пол. Ну и сообразил, что я не стану держать на коленях громадину-лабрадора.

— И выбрал окольный путь?

Миссис Уэстби засмеялась.

— Совершенно верно. Когда я чем-то поглощена — вяжу или читаю; — он иногда умудряется почти добиться своего, а если успел перед этим извозиться в грязи, мне остается только пойти переодеться. И уж тогда он получает заслуженную нахлобучку.

Пациент вроде Бренди всегда вносит живописность в рабочие будни. Выгуливая собственную собаку, я часто наблюдал, как он играет на лугу у реки. Помню очень жаркий день, когда другие собаки то и дело принимались плавать — за палками или просто желая прохладиться. Прodelывали они это без особого ажиотажа — все, кроме Бренди.

Вот он помчался к берегу, вопреки моим ожиданиям не задержался ни на секунду, взмыл в воздух, растопырил все четыре ноги и на мгновение повис в пустоте, точно белка-летяга, а потом плюхнулся в воду с оглушительным плеском и в туче брызг. Да, привлечь к себе внимание он обожал!

На следующий день на том же лугу мне довелось увидеть нечто еще более поразительное. Я проходил мимо детской площадки, где ребятишки качались на качелях, вертелись на карусели и скачивались с горки. В очереди к горке стоял Бренди — непривычно

солидный и чинный. Вот он поднялся по лесенке, с тихим достоинством съехал по металлическому желобу, неторопливо обошел горку и опять встал в очередь. Детишки относились к его присутствию совершенно спокойно, как к чему-то привычному, а я просто не мог оторваться от этого зрелища. Так бы и простоял там весь день.

Да, о Бренди трудно было думать без улыбки. Но мне сразу расхотелось улыбаться, когда несколько месяцев спустя миссис Уэстби привела его в приемную. Куда девалась буйная жизнерадостность? Он плелся по коридору, еле волооча ноги. Поднимая его на стол, я заметил, что он стал заметно легче.

— Что с ним такое, миссис Уэстби? — спросил я.

Она взглянула на меня с тревогой.

— Он последние дни стал каким-то вялым, кашлял, плохо ел, а сегодня утром совсем разболелся и дышит с трудом. Вы заметили?

— Да... да... — Я поставил термометр и смотрел, как вздымается и опускается грудная клетка. Пасть была полуоткрыта, в глазах прятался испуг. — Вид у него действительно скверный.

Температура оказалась 40°. Я взял стетоскоп и прослушал легкие. Мне вспомнилось, как старый шотландский врач сказал про тяжело больного пациента: «У него в груди шарманка играет». Каждый затрудненный вздох сопровождался хрипами, влажными шорохами, побулькиванием — ну, словом, весь набор.

Я убрал стетоскоп в карман.

— У него пневмония.

— Господи! — Миссис Уэстби легонько погладила вздымающуюся золотистую грудь. — Это очень плохо?

— Боюсь, что да.

— Но ведь... — Она умоляюще посмотрела на меня. — С тех пор, как появились все эти новые лекарства, мне казалось, что пневмония перестала быть такой уж опасной?

— Вообще-то вы правы, — ответил я после паузы. — Сульфаниламиды, а теперь еще и пенициллин заметно изменили картину для людей и большинства животных, но у собак она по-прежнему поддается лечению очень туго.

Тридцать лет спустя ситуация практически не изменилась. Хотя в нашем распоряжении есть богатейший арсенал антибиотиков, добавившихся к пенициллину, — стрептомицин, тетрациклин и прочие, — а также новейшие препараты, помимо антибиотиков, и стероиды, меня все равно берет дрожь, когда я обнаруживаю пневмонию у собаки.

— Но ведь он не безнадежен? — робко спросила миссис Уэстби.

— Нет-нет, что вы! Просто я хотел предупредить вас, что на многих собак лекарства почти не действуют. Но Бренди молод и в отличной форме. У него есть все шансы выкарабкаться. Но как он ее подхватил?

— Это я вам могу объяснить, мистер Хэрриот. Неделю назад

он искупался в реке. Я стараюсь не подпускать его к воде, пока стоят холода, но стоит ему увидеть плывущую палку, как он сразу прыгает в самую середину. Вы же его видели? Любимая его штука.

— Я знаю. А потом у него начался озноб?

— Да. Я сразу отвела его домой, но очень уж было холодно. Вытираю его и чувствую, как он весь дрожит.

Я кивнул.

— Конечно, тогда он и простудился. Сейчас я сделаю ему инъекцию пенициллина, а завтра заеду к вам и повторю ее. Водить его в таком состоянии сюда не следует.

— Хорошо, мистер Хэрриот. Что-нибудь еще?

— Да. Ему нужен легочный жилет, как мы их называем. Прорежьте в старом одеяле две дырки для передних ног, а края сшейте на спине. Вместо одеяла можно взять старый свитер. Главное, чтобы грудь у него была в тепле. Гулять не выводите — только в сад для отправления естественных надобностей.

Утром я заехал и сделал вторую инъекцию и нашел Бренди в прежнем состоянии. Не действовали и следующие четыре инъекции. На пятый день мне оставалось только с грустью признать, что он принадлежит к подавляющему большинству собак, которым антибиотики не помогают. Температура, правда, немного понизилась, но он почти ничего не ел и заметно похудел. Я прописал ему таблетки сульфамида, но и они никакой пользы не принесли.

Дни шли, а Бренди по-прежнему кашлял, тяжело дышал и все больше погружался в тяжелую апатию. Мне уже не удавалось отогнать мысль, что этот веселый, полный буйной энергии пес вот-вот погибнет.

Однако смерть прошла стороной, Бренди кое-как выкарабкался, но и только. Температура стала нормальной, он начал понемногу есть, однако этим все и ограничилось. Он не жил, а только существовал в какой-то серой мгле.

— Это уже не Бренди, — сказала миссис Уэстби недели три спустя, и на глаза у нее навернулись слезы.

— Боюсь, вы правы, — грустно согласился я. — Рыбий жир вы ему даете?

— Каждый день. Но толку ни малейшего. Что с ним такое, мистер Хэрриот?

— Видите ли, тяжелую пневмонию он одолел. Но не ее последствия — хронический плеврит, спайки и, возможно, еще что-нибудь. Процесс выздоровления словно бы на этом и оборвался.

Миссис Уэстби вытерла глаза платком.

— Просто сердце надрывается смотреть на него. Ведь ему только пять лет, но кажется он совсем дряхлым. — Она всхлинула и высморкалась. — А я еще ругала его за то, что он залезал в банки и пачкал мне джинсы! Если бы он начал сейчас опять безобразничать, как я обрадовалась бы!

Я засунул руки поглубже в карманы.

— И ничего такого он больше не вытворяет?

— Ах, где там! Бродит по комнатам и все. Даже гулять не хочет.

Пока мы разговаривали, Бренди поднялся с подстилки в углу, медленно просеменил к топящемуся камину, постоял немножко — тощий, пустоглазый. Словно бы только теперь обнаружив мое присутствие, он чуть вильнул кончиком хвоста, потом закашлялся, застался и тяжело опустился на коврик.

Да, миссис Уэстби не преувеличила: передо мной, казалось, была очень старая собака.

— Вы думаете, он навсегда таким и останется? — спросила она.

Я пожал плечами.

— Будем надеяться, что нет.

Но, садясь за руль, я не повторил про себя этих слов. Слишком уж часто мне приходилось видеть телят, перенесших пневмонию. Фермеры называли их «заморышами», потому что они навсегда оставались худыми и вялыми.

Проходили недели, месяцы. Бренди я видел изредка, когда миссис Уэстби выводила его на поводке погулять. Брел он за ней с большой неохотой, и ей все время приходилось замедлять шаг. А у меня сжималось сердце: неужели это — Бренди? Ну, что же, во всяком случае, жизнь я ему спас. А раз сделать больше не могу, то лучше поменьше о нем думать.

И я отгонял всякую мысль о лабрадоре, что мне более или менее удавалось.

Как-то в феврале у меня выпал очень тяжелый день. Почти всю ночь я провозился с лошастью, у которой были сильные колики, и спать лег в пятом часу, утешаясь сознанием, что все-таки снял боль и животное чувствует себя лучше. Но тут меня потребовали к телящейся молодой корове с узким тазом. Мне удалось спасти теленка — очень крупного, но домой я вернулся совсем без сил, а ложиться спать уже не имело смысла.

После утренних вызовов у меня осталось ощущение, будто я совершенно выпотрошен, и за обедом Хелен раза два с испугом будила меня, когда мой лоб начинал склоняться в тарелку. В два часа в приемной сидело несколько собак. Осматривал я их, словно сквозь кисею, с трудом расклеивая веки. Когда дошла очередь до последнего пациента, я еле держался на ногах и совершенно не знал, на каком я свете.

— Следующий, пожалуйста, — промямлил я, открывая дверь приемной.

Вот сейчас появится собака на поводке... И действительно, вошел мужчина с маленьким пуделем. Но что это? Я даже глаза протер. Да, действительно, собака, гордо выпрямившись, идет ко мне на двух ногах.

Нет, я, конечно, сознавал, что сплю стоя. Но неужто дело дошло до галлюцинаций? Я еще раз вытаращился на пуделя. Да, шагает

себе, выпятив грудь, держа голову прямо, как солдат на смотрю.

— Будьте добры, идите за мной, — хрипло сказал я и поплелся к смотровой, но на полдороге не выдержал и оглянулся. Нет, пудель, знай себе, шагает рядом с хозяином, передние лапы по швам.

Однако хозяин, видимо, перехватил мой недоуменный взгляд, потому что расхохотался и объяснил:

— Да вы не беспокойтесь, мистер Хэрриот. Он прежде в цирке выступал. Ну, я и люблю похвастать его трюками. А от этого его фокуса люди даже пугаются.

— Надо думать! — пробурчал я. — У меня прямо сердце оборвалось.

Пудель был здоров — ему требовалось только подстричь когти. Я поднял его на стол, взял щипчики и улыбнулся.

— На задних лапах он, наверное, все когти сам сточил, — сказал я и обрадовался, что еще не утратил способности шутить.

Но уже через несколько минут усталость навалилась на меня с прежней силой, и я с трудом проводил их до входной двери.

Пуделек затрусил по улице на всех четырех ногах, как и положено собаке, а мне вдруг пришло в голову, что я уже очень давно не видел, чтобы собака проделывала что-нибудь забавное. Ну, как Бренди. Вот он мне и вспомнился! Я устало прислонился к косяку и закрыл глаза. А когда открыл, то увидел, что из-за угла выходит Бренди, таща на поводке миссис Уэстби. Его морду по самые глаза закрывала жестянка из-под томатного супа. Заметив меня, он бешено завилжал хвостом и натянул поводок еще туже.

Нет, уж это действительно галлюцинация, куда не денешься. Видение из прошлого. Надо немедленно лечь... Но я не успел отклеиться от косяка, как лабрадор взлетел по ступенькам и не лизнул меня в нос только потому, что его язык находился внутри жестянки, а удовлетворился тем, что бодро задрал ногу у стены.

Я уставился на сияющее лицо миссис Уэстби.

— Как?... Что?..

Веселые искры в глазах и улыбка во весь рот придавали ей особое очарование.

— Видите, мистер Хэрриот? Ему лучше! Лучше!

Сон с меня как рукой сняло.

— А я... Вы привели его снять жестянку?

— Да, да, пожалуйста!

Я даже крикнул, поднимая Бренди на стол. Он стал тяжелее, чем был до болезни. Нужные щипцы я схватил, почти не глядя, и принялся отгибать зазубренные края наружу. По-видимому, к томатному супу он питал особую слабость — во всяком случае, сидела жестянка очень плотно, и мне пришлось с ней повозиться довольно долго. Но вот Бренди освободился, и я еле успел увернуться от его слюнявых поцелуев.

— Опять навешает мусорные баки, как я погляжу?

— Да. Чуть не каждый день. Несколько жестянок я сумела

сама с него снять. И с горки опять катается! — Она блаженно засмеялась.

Я вытащил из кармана стетоскоп и прослушал его легкие. Кое-где легкие хрипы, но шарманка умолкла.

Присев на край стола, я оглядывал могучего пса и не мог до конца поверить в свершившееся чудо. К нему вернулась вся прежняя жизнерадостность, пасть расползалась в задорной усмешке, а в окно вливались солнечные лучи, золотя и без того золотую шерсть.

— Но почему, мистер Хэрриот? — спросила миссис Уэстби. — Что произошло? Отчего ему стало лучше?

— *Vis medicatrix naturae*, — ответил я с благоговением.

— Простите?

— Целительная сила природы. Никакой ветеринар не может с ней соперничать, если уж она вступает в действие.

— Ах, так. И предсказать заранее вы не можете?

— Нет.

Мы помолчали, поглаживая Бренди по голове, ушам и спине.

— Да, кстати, — заговорил я, — интерес к синим джинсам тоже вернулся?

— Еще как! Они сейчас ждут в стиральной машине. Выпачканы в глине сверху донизу. Такое счастье!

35

10 августа 1963 года

Не успел я смежить вежды в гостинице над Босфором, как меня разбудил коридорный. Сквозь оконце на уровне тротуара прямо мне в глаза били солнечные лучи.

После завтрака тот же мини-автобус промчал нас по берегу пролива и через город, так что мне удалось еще раз мельком взглянуть на его чудеса. А я-то надеялся посвятить долгие часы неторопливому знакомству с такими жемчужинами Стамбула, как Святая София, Голубая мечеть, и еще многими-многими... Но, быть может, в другой раз...

В аэропорту царила обычная суета. Один за другим взлетали самолеты и тонули в голубой небесной дали, но наш «Геракл» стоял в одиночестве, огромный, выдавший виды, с закопченным крылом, с бесполезным мотором. Мне почудилось в нем что-то злое. Однако Эд, Дейв и Карл направились к нему, сунув руки в карманы и весело насвистывая.

Я бросился в кассу английской авиалинии, увидел за столом

молодого румяного англичанина в знакомой форме, и у меня гора с плеч свалилась.

— Чем могу служить, сэр? — осведомился он с любезной улыбкой.

Я взмахнул чековой книжкой.

— Мне нужны три билета до Лондона. Если можно, на ближайший рейс.

— Вы хотите оплатить чеком?

— Да, пожалуйста.

— Извините, но чеков частных лиц мы не принимаем.

— Как?!

— Мне очень жаль, но таковы правила. — Он все еще любезно улыбался.

— Но... мы в безвыходном положении! — И я коротко обрисовал ему ситуацию.

Он сочувственно покивал.

— Я был бы рад помочь, но не имею права.

Он остался тверд, несмотря на все мои уговоры. Когда он на минуту отлучился, я обратился к другому кассиру, но получил тот же ответ.

Я уныло побрел к моим друзьям в зал ожидания. Они разговаривали с капитаном и дурную новость приняли на удивление спокойно, а если и подумали, что я абсолютная бестолочь, то сумели прекрасно замаскировать свои чувства.

Мы все посмотрели на капитана.

— На вашем месте, — сказал он, — я бы обратился к английскому консулу.

— Вы когда-нибудь имели дело с консулами? — спросил я у фермеров.

Оба помотали головой.

— Ну и я — нет. И не представляю себе, как в консульстве отнесутся к нашим затруднениям. Обязательно ли нас отправят домой?

— Ну, конечно! — Капитан ободряюще мне улыбнулся. — Я практически уверен, что все будет улажено.

— Практически, но не абсолютно?

Капитан погладил бороду.

— Видите ли, мистер Хэрриот, я, как и вы, сам никогда с консулами дела не имел.

— Когда вы вылетаете?

— Через полчаса.

Я с дрожью представил себе, как мы трое возвращаемся в аэропорт, бесславно изгнанные из консульства, без гроша в кармане, а «Геракла» давно и след простыл.

— Послушайте, капитан, — сказал я умоляюще, — вы ведь единственная наша связь с родиной. А из Копенгагена вы могли бы отправить нас в Лондон?

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ну, разумеется. Там ведь наша центральная контора. Но стоит ли вам так рисковать?

— А, пустяки! Как по-вашему, ребята?

Оба энергично закивали.

— Летим,— сказал Джо.— Меня дела дома ждут.

— Но вы отдаете себе отчет, что опасность довольно велика?

— Уж вы-то нас туда доставите, капитан,— ухмыльнулся Джо.— Тут и думать нечего.

Он выразил вслух мои собственные мысли. Капитан Берч внушал доверие.

— Ну, хорошо, раз уж вы так решили. Но, боюсь, вам придется подписать документ, который я оставлю здесь, в Стамбуле. Сейчас я его составлю. Как я вам уже объяснил, самолет находится в аварийном состоянии. Ваша подпись подтвердит, что вы об этом знали и, следовательно, отказались от права на какую бы то ни было компенсацию, если произойдет худшее.— Он еще раз обвел нас внимательным взглядом.— Подчеркиваю: если вы сегодня погибнете, ваши близкие не получат ничего, даже страховки.

Мне кажется, мы все поперхнулись, и наступило длительное молчание. Прервал его против обыкновения Ноэль, повторив слова своего друга:

— А вы нас туда доставите, капитан!

Теперь задним числом я понимаю, что вели мы себя, как кретины. Ведь опасность-то была вовсе не воображаемой.

И капитан дал нам здравый совет. Лучше бы мы обратились к английскому консулу! Сколько раз за последние десятилетия читал я в газетах, как консул благополучно отправлял домой футбольных болельщиков, которые, напившись после игры с радостями или горя, опаздывали на зафрахтованный самолет. А ведь мы оказались в нашем безвыходном положении не по своей вине! Да, мы свалили порядочного дурака, особенно я. Оправдание у меня есть только одно: мы все трое были замучены вереницей мелких неудач, провели ночь почти без сна и утратили способность ясно соображать. Перед нами была соломинка, пусть гнилая, и мы за нее уцепились.

Забравшись в самолет, я увидел, что там все чисто выметено, а боковая дверь снята, чтобы отсек получше проветривался. Джо решил сесть впереди, а мы с Ноэлем забрались в хвост, откинули два сиденья, пристегнулись и уставились на зияющую пустоту перед нами.

О том, что происходит вокруг, у нас не было ни малейшего представления, и мы оба вздрогнули, когда внезапно взревели моторы. Открытая дверь словно утраивала и без того невыносимый грохот. Я вытащил из своего чемоданчика клочок ваты, сунул половину Ноэлю, и мы заткнули себе уши. Невыносимый шум сразу стих, но у меня возникло ощущение, что я повис в пустоте, отрезанный от остального мира.

Вибрация и толчки сказали мне, что мы вырुливаем на взлет-

ную полосу. Потом мы остановились, рев моторов достиг такого крещендо, что даже вата не помогала, и у меня отчаянно зазвенело в голове. Губы Нозля беззвучно произнесли: «Взлетели?», и я ободряюще закивал. Мы сидели, моторы надрывались, все вокруг содрогалось и вибрировало. Так взлетели мы все-таки или нет? Нозль недоуменно развел руками, и я понял, что его интригует тот же вопрос.

Прошло еще пять минут. Ну, уж теперь-то мы, конечно, летим! Меня невыносимо потянуло удостовериться. Я отстегнул ремень, на четвереньках подполз к дверному проему... Тьфу! Мой взгляд уперся в серый бетон. Змеей проскользнув назад к Нозлю, я пристегнулся и покачал головой. Да что же это такое? Или капитан перед взлетом решил хорошенько проверить три работающих мотора?

Видимо, так оно и было, потому что внезапно мы двинулись вперед: не распознать причины такого толчка было невозможно. Несколько секунд вибрация продолжала нарастать, а затем она разом прекратилась. Летим! Еще один толчок сказал мне, что Карл, Дейв и Эд благополучно водворили шасси на место. Я откинулся, переводя дух. Ну, хотя бы это позади!

И оглянулся на Нозля. Повиснув на ремне, он крепко спал. Но мое извечное любопытство оказалось сильнее усталости, и я вновь отправился к проему любоваться панорамой, разворачивающейся внизу. Это ведь был не современный реактивный лайнер, из которого ничего, кроме облаков, не увидишь. А я видел горы и море, золотистые полосы пляжей, сухие равнины, скученные здания больших городов и крохотных деревушек. Иногда, рискованно наклоняясь над куском мешковины — единственным барьером между мной и сверкающей морской синевой далеко внизу, я щелкал фотокамерой.

Оторвался я от этих завораживающих картин всего один раз, когда вскрыл белую картонку со съестными припасами — капитан торжественно вручил каждому из нас по такой картонке, перед тем как мы поднялись в самолет. Там оказался кусок мяса неясного происхождения, неизбежное липко-сладкое печенье, треугольник сыра и, к большому моему удовольствию, несколько ломтей восхитительного турецкого хлеба.

Щелкнул я и бездействующий мотор, и уныло-неподвижные лопасти его пропеллера, с радостью убедившись, что остальные три мотора работают со спокойной деловитостью.

Когда я вернулся к проему, впереди маячила огромная темная стена. Альпы! Наступала решающая минута. Мы набрали высоту, и все равно до проплывающих внизу скалистых вершин, казалось, рукой подать. Я различал изъеденные ветрами уступы и в беспорядке валяющиеся каменные глыбы. Но, как и мои приятели-фермеры, не сомневался, что наш бородатый капитан доставит нас по назначению без особых происшествий.

Круг над Копенгагеном мы сделали в сумерках, но я все-таки

увидел бронзовую русалочку в заливе, и вскоре Джо уже жадно припал к кружке настоящего пива у стойки бара в аэровокзале.

Когда я вновь вошел в обычную колею, стамбульские мытарства, пусть они весьма мало походили на блаженный отдых, который посулил мне мой друг Джон, ожили у меня в памяти как увлекательное приключение, хотя и несколько перенасыщенное неожиданностями. А вот опасности обратного полета, казалось мне, я сильно преувеличил.

Но они предстали передо мной во всей беспощадной истинности, когда спустя год я услышал, что через несколько месяцев после возвращения из Стамбула «Геракл» со всем экипажем рухнул в Средиземное море. Правда, узнал я об этом из четвертых рук, а времени прошло много, и в душе у меня теплится робкая надежда, что тут вкралась какая-то ошибка, что капитан Берч, два молодых американца и Карл живут не только в моих воспоминаниях.

36

Какие мерзкие собаченции!

Я сам себе удивлялся: обычно мне удается обнаружить симпатичные черты почти во всех моих пациентах, принадлежащих к собачьему племени.

Но Дусик и Пусик Уитхорнов упорно оставались исключением, как я ни старался отыскать в них хотя бы одно достоинство: Сплошные недостатки — отвратительные привычки, отвратительные манеры. Например, встреча, которую они мне неизменно устраивали.

— Лежать! Лежать! — взывал я, как всегда, но два уэст-хайленд-уайт-терьера продолжали, стоя на задних лапах, передними яростно царапать мои голени. (Выше они не дотягивались.) Возможно, кожа у меня на голених особенно нежная, судить не берусь, но ощущение было мучительнейшим.

Когда я попятился на пуантах, комнату огласил заливистый смех мистера и миссис Уитхорн. Сцена эта им никогда не приедалась.

— Ну какие же они лапочки! — пролепетал мистер Уитхорн, даваясь хохотом. — Как мило они с вами здороваются, утютюлечки мои!

Согласиться с ним мне было трудновато. Ведь гнусная парочка не просто пыталась меня, нанося некоторый ущерб и тонкой материи брюк, но вперяла в меня свирепые взгляды, весьма недвусмыслен-

но скалясь, подергивая губами и пощелкивая зубами. Да, рычать они не рычали, но я бы все-таки не назвал это таким уж дружеским приветствием.

— Идите к папочке, лапусеньки! — Хозяин подхватил их на руки и нежно расцеловал, все еще похихикивая. — Нет, согласитесь, мистер Хэрриот, это же просто чудо, с какой любовью они вас встречают, а потом не хотят, чтобы вы уходили?

Я ничего не ответил и принял молча отряхивать брюки. Да, действительно, едва я входил, как эти твари принимались царапать мне ноги, а когда я уходил, всячески старались тяпнуть меня за щиколотки. А в промежутке допекали, как могли. И ведь оба были стариками — Дусику шел пятнадцатый год, а Пусику — тринадцатый. Казалось бы, возраст и опыт могли бы приучить их к сдержанности, но где там!

— Ну, — сказал я, убедившись, что ни ноги, ни брюки серьезно го ушиба не понесли, — насколько я понял, Дусик прихрамывает?

— Да, на левую переднюю лапочку. — Миссис Уитхорн поставила страдальца на стол, предварительно застеленный газетой. — С самого утра. Бедняжка так страдает!

Я осторожно приподнял лапу и тут же отдернул руку: зубы Дусика лязгнули в дюйме от моих пальцев.

— Поосторожней, мистер Хэрриот! — вскрикнула миссис Уитхорн. — Ему же больно! Прелесть ты моя! Он ведь страдает, мистер Хэрриот, а вы так грубо!..

Я только зубы стиснул. Конечно, для начала следовало бы обмотать ему морду пластырем, но я еще не забыл, какой негодующий ужас обуял супругов, едва я посмел заикнуться о своей идее. Ну, ничего, справимся. Игра эта мне знакома, и Дусику не поймать меня врасплох. Видывали мы кусак и попроворней.

Я обвил больную ногу указательным пальцем и успел увидеть все, что требовалось, прежде, чем Дусик завершил второе покушение. Красноватое вздутие между пальцами. Из-за такой пустячной кисты ветеринара вызывают на дом! Но Уитхорны раз и навсегда отказались возить своих любимцев в приемную. Бедняжки так нервничают!

Я выпрямился.

— Вполне безобидная киста, но боль она, безусловно, причинять может, а потому рекомендую промывать ее горячей водой, пока она не вскрыется. Тогда боль пройдет. Многие собаки сами их вскрывают, покусывая между пальцами. Но вы можете ускорить этот процесс. — Я набрал в шприц раствор антибиотика. — Происхождение таких кист точно не установлено. Возбудители не найдены. Но на случай заражения я сделаю ему укол.

Держа Дусика за шкурку, я благополучно справился с инъекцией, но тут мистер Уитхорн водворил на стол Пусика.

— Раз уж вы здесь, так осмотрите и его.

Такая просьба входила в обычный ритуал моих визитов, и я покорно прошупал и прослушал огрызающийся комок белой шер-

сти, а потом измерил температуру. Естественно, он страдал всеми недомоганиями собачьей старости — артрит, нефрит и прочее, включая шумы в сердце, которые бывало трудноато различить в зломном ворчании, эхом отдававшимся в грудной клетке.

Кончив осмотр, я пополнил запас лекарств, предназначенный для обоих, и попрощался. Оставалось уйти. Мистер и миссис Уитхорн замерли в сладком предвкушении.

Из раза в раз повторялось одно и то же: под злорадное хихиканье хозяев собачонки заняли пост у порога, не давая мне пройти. Они скалились с какой-то ядовитой злостью. Чтобы прорваться, я сделал отвлекающий маневр вправо, а потом подскочил к двери и ухватил ручку. Однако мне пришлось обернуться, чтобы избежать зубов, жадно шелкнувших у самых моих лодыжек. Я запрыгал, но уже не на пуантах, как прима-балерина, а словно отплясывая лихую джигу.

Два-три умелых выпада правой ногой, и я вылетел на свежий воздух, со смаком захлопнув за собой дверь.

Пока я стоял, переводя дух, возле меня затормозил голубой фургончик Дуга Уотсона, молочника.

— Доброго утра, мистер Хэрриот! — Он махнул рукой на дверь, из которой я только что высочил. — Этих псин навещали?

— Да.

— Вот гаденыши, а?

Я засмеялся.

— Характеры у них не из самых приветливых!

— Во-во! Привезу молоко, а сам так под ноги и смотрю. Чуть дверь открывается, они сразу на меня набрасываются.

— Естественно.

Его глаза расширились.

— Так сразу за ноги и цапают! Ну, и прыгаешь, как полоумный, а все на тебя пялятся.

Я кивнул.

— Мне это по опыту известно.

— Если не остережешься — все! Вот поглядите! — Он высунул ногу из дверцы и указал на резиновый сапог. По бокам каблука я увидел две аккуратные дырочки. — Цапнул-таки, подлюга. До крови прокусил.

— Боже мой! А который из них?

— Да не разобрал я. Как их кличут-то?

— Дусик и Пусик, — ответил я.

— Вот те на! — Дуг уставился на меня, выпучив глаза. Его собаку звали Черныш. Он наморщил лоб, а потом нагнулся ко мне. — Может, вы мне не поверите, только вот что: они ведь очень ласковые были!

— Как!

— Точно вам говорю. Когда только-только тут поселились, знай, хвостами виляли. Еще до вашего времени, конечно. Вот как оно было.

— Поразительно! — сказал я. — Но тогда отчего же?..

— Кто его знает! — Дуг пожал плечами. — Только и полгода не прошло, как они озлились. А потом все злее да злее делались.

Я продолжал ломать голову над этим преобразованием и когда вернулся в Скелдейл-Хаус. Ведь уэст-хайленд-уайт-терьеры вообще-то очень дружелюбны и покладисты... В аптеке Зигфрид писал инструкцию на ярлыке бутылки с микстурой против колик, и, не удержавшись, я выложил ему свои недоумения.

— Да-да, — сказал он. — Мне тоже про это рассказывали. Я раза два побывал у Уитхорнов и знаю, почему их собаки так невыносимы.

— Неужели? Так почему же?

— Во всем виноваты хозяева. Они их не только не воспитывали, но все время тетешкали да еще сюсюкали.

— Пожалуй, — задумчиво протянул я. — Конечно, я тоже немножко пляшу вокруг своих собак, но до тисканья и поцелуев дело, слава богу, не доходит.

— Вот именно. Избыток слащавых ласк собакам очень вреден. И еще одно: эта парочка верховодит в доме. А собаки любят подчиняться. Тогда они чувствуют себя увереннее и безопаснее. Можете мне поверить: Дусик и Пусик остались бы очень милыми песиками, если бы их с самого начала держали в определенной строгости.

— Ну, а теперь всем командуют они.

— Бесспорно. И им это страшно не нравится. Если бы только Уитхорны были способны снять розовые очки и трезво взглянуть на истинное положение вещей! Но, боюсь, теперь уже слишком поздно. — Мой партнер сунул бутылку в карман и вышел.

Уитхорны продолжали меня часто вызывать, и я вновь и вновь проделывал балетные па и отплясывал джигу. А потом Дусик и Пусик издохли почти одновременно. Причем оба скончались очень мирно: Дусика нашли утром бездыханным в его корзинке, а Пусик устроился в саду подремать под яблоней и больше не проснулся.

И хорошо, что так. Конечно, они обращались со мной не слишком по-дружески, но мне было приятно, что их миновали испытания, которые делают тягостной работу с мелкими животными — они не угодили под машину, не таяли от долгой мучительной болезни, их не пришлось усыплять. Казалось, кончилась одна глава моей жизни.

Однако вскоре мне позвонил мистер Уитхорн.

— Мистер Хэрриот, — сказал он. — Мы приобрели двух щенков той же породы. Вы не приехали бы сделать им прививку от чумы?

До чего же приятно было войти в комнату, где приветливо завиляли хвостами два милых щенка! Им обоим было по три месяца, и они глядели на меня умильными глазенками.

— Какая прелесть! — сказал я. — А как вы их называли?

— Дусик и Пусик, — ответил мистер Уитхорн. — Нам хочется сохранить живой память о наших незабвенных милашках. — Он подхватил щенят на руки и осыпал их поцелуями.

Я сделал прививки, а потом у меня долго не было причин навещать очаровательную парочку. Видимо, оба отличались завидным здоровьем. Во всяком случае, миновал без малого год, прежде чем меня пригласили осмотреть их для профилактики.

Когда я вошел, Дусик и Пусик номер два сидели бок о бок на диване в странно застывшей позе. Я направился к ним, оба сме-рили меня ледяным взглядом и, словно по команде, оскалились с легким рычанием.

У меня по спине побежали мурашки. Неужели — опять? Едва мистер Уитхорн поставил Дусика на стол и я достал из футляра ауроскоп, как мне стало окончательно ясно, что судьба перевела стрелки часов назад: белая шерсть поднялась дыбом, еще недавно дружелюбные глаза смотрели на меня со злобным недоверием.

— Придержите ему, пожалуйста, голову, — сказал я. — Начнем с ушей.

Я нежно зажал ухо между большим и указательным пальцами, осторожно вставил ауроскоп, приложил глаз к окуляру, начал осмотр внешнего слухового прохода — и тут собаченция показала себя. Я услышал злобное рычание, невольно отдернул голову, и острые зубы сомкнулись где-то рядом с моим носом.

Мистер Уитхорн откинулся и захохотал.

— Ах, шалунишка! Не терпит никаких с собой вольностей! Ха-ха-ха! — Он ухватился за край стола, еле держась на ногах, потом смахнул с глаз слезы. — Боже мой, боже мой! Вот проказник!

Я был потрясен. Его словно забавляло, что он мог бы сейчас любоваться безносом ветеринаром. Я покосился на его жену: она заливалась восхищенным смехом. Какой был смысл что-то толковать подобным людям? Если они видят только то, что хотят видеть? Мне оставалось лишь продолжить осмотр.

— Мистер Уитхорн, — сказал я сквозь стиснутые зубы, — будьте добры, подержите его опять. Только возьмите покрепче за шею справа и слева.

Он опасливо поглядел на меня.

— А я не сделаю бо-бо моему лапусику?

— Конечно, нет.

— Ну, хорошо! — Он прижался щекой к собачьей морде и нежно зашептал:

— Папусик обещает быть остороженьким, ангел мой. Не бойся, мой миленький!

Он ухватил складки кожи на шее, как я просил, и ауроскоп водворился в ухо. Осматривая слуховой проход, слушая сладкое сюсюканье мистера Уитхорна, я с напряжением ждал следующей атаки. Но когда мой пациент с рычанием сделал выпад, я обнаружил, что боялся совершенно напрасно: он нашел себе другой объект.

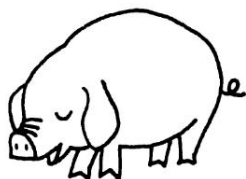
Бросив ауроскоп, я отскочил и увидел, что Дусик погрузил зубы в основание большого пальца своего хозяина. И не просто тяпнул, а повис у него на руке, все крепче смыкая челюсти.

Мистер Уитхорн испустил пронзительный вопль и кое-как вывободился.

— АХ ТЫ ПАРШИВЕЦ! — визжал он, прыгая по комнате и страдальчески трясая кистью. Потом взглянул на две алые струйки, льющиеся из двух глубоких проколов, и вперил в Дусика свирепый взгляд. — АХ ТЫ МЕРЗКАЯ ТВАРЬ!

Мне вспомнился наш разговор с Зигфридом. Ну, может быть, теперь Уитхорны все-таки снимут розовые очки!

37

— Все в порядке, мистер Хэрриот? — Лайонел Браф озабоченно следил, как я на четвереньках проползаю через дыру в проволочной сетке.

— Угу, — пропыхтел я.

Тощий Лайонел змеей проскользнул сквозь отверстие, но я несколько плотноват для подобных упражнений.

Некоторые наши клиенты содержали своих животных в довольно странных помещениях — например, в старых товарных вагонах, но пальму первенства я безоговорочно присудил бы Лайонелу.

Нет, этот дорожный рабочий не был исключением: в те времена многие люди, жившие на скромное жалование, обзаводились кое-какой живностью — и не только ради пополнения бюджета, но просто из удовольствия. Одни держали трех-четыре коров, другие — десяток свиней, но Лайонел не стал себя ограничивать.

Разместил он свой скотный двор в большом сарае рядом с домом, разделив сарай на множество закутков с помощью всевозможных подручных материалов. Это был настоящий лабиринт, плод вдохновенной импровизации, где перегородками служили кровати, сетки, листы фанеры и кровельного железа, а также ярды и ярды железной сетки. Ни дверей, ни проходов.

Слегка отдуваясь, я поднялся на ноги.

— Так где же теленок?

— Уже недалеко, мистер Хэрриот.

Мы пробрались мимо его единственной коровы, а в соседнем закутке, пока Лайонел развязывал веревки, чтобы открыть нам доступ в следующий, бойкие поросята порядком погрызли мои сапоги. Затем нас с полнейшим равнодушием оглядели две козы.

— Удойные обе, лучше некуда, — объявил Лайонел. — Моя хозяйка такой сыр из их молока делает, пальчики оближешь. И оно ведь для здоровья полезное, верно?

— Совершенно верно.

В те дни туберкулез оставался еще вполне реальной угрозой,

и относительно безопасное в этом отношении козье молоко весьма ценилось.

Следующим препятствием на нашем пути оказался положенный на бок большой обеденный стол красного дерева, и я опасливо обошел обращенные внутрь ножки с колесиками, которые не раз оставляли синяки на моих голенях, и только потом перелез через него, наконец добравшись до телят. Их было трое, и узнать, кто из них болен, труда не составляло — у черного малыша в ноздрах запеклась гнойная слизь. Я нагнулся, чтобы смерить ему температуру и отогнал двух квохчущих кур. Жирная утка удалилась вперевалку сама. У пернатых обитателей сарая собственного помещения вроде бы не было, они перепархивали и пробирались из закутка в закуток, как им хотелось, а то и выходили погулять на свежем воздухе. Выпрямившись, я полюбовался десятком кошек на подоконниках и перегородках, а из глубины сарая внезапно донеслось рычание — между тремя собаками Лайонела завязалась дружеская драка. За открытой дверью на лужке мирно паслись две овцы.

Я вытащил термометр — тридцать девять и пять — и прослушал грудь.

— Небольшой бронхит, Лайонел, но вы вовремя меня вызвали: в легких довольно сильные хрипы — так и до пневмонии недалеко. Но сейчас две-три инъекции его живо приведут в порядок.

Дорожник удовлетворенно кивнул. Он был рассеянный, но добрый человек, и всем его животным, несмотря на оригинальность их обиталища, жилось сытно и удобно, — пол всегда густо устлан соломой, кормушки и корытца полны.

Я ощупал карманы, которые перед тем, как нырнуть в лабиринт, битком набил флаконами, шприцами и прочим, что вдруг могло мне понадобиться. Не возвращаться же на четвереньках к машине за какой-нибудь непредусмотренной мелочью!

Сделав инъекцию, я сказал:

— Загляну завтра утром. Вы ведь в воскресенье не работаете?

— Ага. Спасибо, мистер Хэрриот. — Он повернулся и повел меня назад тем же тернистым путем.

На следующее утро теленок заметно повеселел.

— Температура нормальная, Лайонел, — сообщил я. — И он сам встал. Видимо, все обойдется.

Дорожник рассеянно кивнул. Его мысли витали где-то далеко.

— Вот и хорошо... Вот и отлично... — Несколько секунд он продолжал смотреть на меня пустым взглядом, а затем внезапно вернулся с облаков на землю.

— Мистер Хэрриот! — В его голосе появилась непривычная настойчивость. — Мне бы с вами посоветоваться надо.

— Да?

— Ага. Такое, значит, дело. Я думаю на одних свиней перейти.

— А? Завести побольше свиней?

— Во-во! Только их и держать. Чтоб все, как полагается.

— Но ведь придется построить свинарник.

Он ударил кулаком по ладони.

— Так я ж про то и толкую. Свиньи мне всегда нравились, вот и охота устроить все по-настоящему. Хлев построю тут на лужке.

Я посмотрел на него с удивлением.

— Лайонел, но это же все недешево стоит. Потребуются большие...

— Деньги? Так они у меня есть. Помните, я недавно дядю схоронил? Старик у нас не один год прожил, ну и оставил мне кое-что. Не сказать, чтоб богатство, а все-таки дело можно на настоящую ногу поставить.

— Конечно, решать вам,— ответил я.— Но вы уверены, что действительно этого хотите? Мне казалось, у вас и так все обстоит прекрасно, а к тому же вы немолоды, верно? Вам ведь за пятьдесят перевалило?

— Угу. Пятьдесят шесть стукнуло, но, как говорится, новому делу старость не помеха.

Я улыбнулся.

— Мне и самому так всегда казалось. И я только порадуюсь за вас... при условии, что вы будете счастливы.

Дорожник задумался и раза два почесал щеку. По-моему, счастливые люди далеко не всегда сознают, что счастливы, и Лайонел не составлял исключения.

— Пошла, пошла отсюда, косолапая! — буркнул он и носком сапога оттолкнул утку, вознамерившуюся прошесть у него между ног. Все в той же задумчивости он наклонился, извлек из вороха соломы в углу куриное яйцо и положил его в карман.

— Нет, я сейчас опять прикинул, что и как, и мое решение твердо. Надо будет попробовать.

— Ну и прекрасно, Лайонел. Желаю удачи!

С быстротой, необычной для йоркширских холмов, на лужке вырос свинарник — ряды бетонных загонов, выходящих в крытый двор. В загоны незамедлительно водворились свиноматки с хряком, и скоро во дворе шуршало соломой и хрюкало порядочное стадо.

На фоне древних каменных стен, огораживающих луг, и могучего склона, уходящего к вересковой вершине, это современное сооружение резало взгляд, но я от души надеялся, что Лайонел обретет то, что ищет.

Починкой дорог он занимался по-прежнему, и, чтобы задать свиньям корм и вычистить загоны, ему приходилось вставать до света, но он был очень крепок и, казалось, получал от новых забот большое удовольствие.

Естественно, ему пришлось чаще прибегать к моим услугам, но поводы оказывались не слишком серьезными, и все мои пациенты быстро выздоравливали. Легкий мастит, затрудненный

опорос, воспаление суставов у поросенка. Конечно, итоговая цифра в счете теперь была больше, но Лайонел не жаловался, потому что хорошо знал старинное присловье: «Скотину завести, мошну растрясти».

Огорчало меня лишь одно: прежде он любил постоять, опираясь на одну из многочисленных перегородок в сарае, и со вкусом покурить, а теперь же у него не оставалось на это времени: то он катил тачку, то накладывал корм в корыто, то убирал навоз, и во мне росло убеждение, что все это внутренне ему чуждо.

Во всяком случае, от него уже не веяло тихим спокойствием. Нет, ухаживать за своими новыми подопечными ему нравилось, но выражение его лица стало непривычно серьезным, даже тревожным.

Тревога послышалась и в его голосе, когда он позвонил мне как-то вечером.

— Мистер Хэрриот, я с работы вернулся, а с поросятами что-то неладно.

— Что с ними такое, Лайонел?

— Они уже несколько дней квелими были, тело набирали хуже остальных. Но ели вроде бы ничего, вот я и не хотел вас беспокоить.

— Но теперь-то что?

Он ответил, помолчав.

— Вид у них какой-то другой. Задние ноги вроде как отнимаются, ну, и несет их... А один издох. Так вот мне и тревожно стало.

Как и мне. Невыносимо тревожно. Слишком уж это было похоже на чуму свиней. В первые годы моей практики эти два слова жгли меня огнем, хотя для нынешних выпускников ветеринарных колледжей они — звук пустой.

Примерно двадцать лет чума свиней была моим пугалом. Всякий раз, вскрывая издохшую свинью, я трепетал при мысли, что вот сейчас наткнусь на роковые кровоизлияния и «бутоны». Но еще больший трепет вызывала мысль, что я не сумею распознать болезнь и из-за моей небрежности вспыхнет эпидемия.

Правда, в этом смысле чума свиней была легче ящура, но принципы действовали те же. Если я провороню симптомы, больные свиньи могут пойти в продажу и с рынка попасть на разные фермы, разделенные десятками миль. И каждая такая носительница инфекции перезаразит неизлечимой болезнью своих здоровых соседей. Тогда вмешается министерство сельского хозяйства и его специалисты добросовестно проследят источник эпидемии до Хэрриота, ветеринара, который положил ей начало, допустив простительную небрежность.

Кошмарный страх охватывал меня снова и снова, потому что в отличие от ящура чума свиней была тогда очень распространенной болезнью и подстерегала нас буквально за каждым углом. Иной раз я принимался мечтать, какой безоблачно счастливой стала бы моя жизнь, если бы эта проклятая хворь вдруг исчезла.

И вспоминая, сколько из-за нее натерпелись все мои ровесники, я чувствую, что нынешним ветеринарам, пожалуй, следовало бы каждое утро вскакивать с постели и пускаться в ликующий пляс, распевая во все горло: «Ура! Ура! Ура! Нет более чумы свиней!!!»

Лайонел повел меня в дальний конец двора и угрюмо указал на последний загон.

— Они там.

Я перегнулся через перегородку и меня обдала волна ледяного отчаяния. Десяток четырехмесячных поросят — и практически у всех одинаковые роковые симптомы.

Все худые, словно бы облезлые, уши снаружи багровые, походка шаткая, а по обвисшим хвостикам стекает жидкая струйка поноса. Я измерил температуру у трех-четырех. Около сорока одного градуса!

Классическая картина, прямо-таки из учебника, но Лайонелу я ничего не сказал. Собственно говоря, это запрещалось правилами: сначала мне предписывалось проделать самый сложный ритуал.

— Откуда они у вас?

— В Хавертоне купил, на рынке. Упитанные все были, бойкие, как на подбор. — Он подтолкнул носком резинового сапога трупик в углу. — Один вот уже сдох...

— Да... Лайонел, я должен его вскрыть, посмотреть, что там у него внутри. — Голос у меня стал устало-надтреснутым: опять мне предстояло мучительно вертеться на бессмысленной карусели. — Только схожу к машине за ножом.

Вернувшись со специальным скальпелем, я перевернул мертвого поросенка на спину и вскрыл брюшную полость. Сколько-раз я уже проделывал это в таком же напряжении?

Руководства рекомендуют начинать поиски от места перехода подвздошной кишки в слепую. Но, вскрывая кишку, соскребая слизь с ее стенок, я не находил ничего, кроме кровоизлияний и небольших некротических пятен, темно-красных или желтоватых.

Иногда неопровержимые доказательства обнаруживаются только в прямой кишке, и я все резал и резал ножницами петлю за петлей, но без особых результатов.

Ну, вот опять! Я не сомневался, что поросенок погиб от чумы, но сказать об этом фермеру не имел права: прерогатива заключительного диагноза принадлежала министерству, и я обязан был ждать подтверждения оттуда.

В почках и мочевом пузыре тоже были кровоизлияния, но нигде ни единой типичной язвы.

Я откинулся, не вставая с корточек.

— Мне очень жаль, Лайонел, но я обязан сообщить об этом, как о возможном случае чумы.

— Эх, черт, скверная штука, верно?

— Да... очень. Но пока министерство это не подтвердит, нам остается только ждать. Я возьму материал для анализа и отправлю в Суррей, в лабораторию.

— И подлечить их вы не можете?

— Боюсь, что нет. Болезнь вирусная. И лечения от нее не существует.

— Ну, а остальные-то как? Она прилипчивая?

До чего мне не хотелось отвечать! Но умалять опасность не имело смысла.

— Да, и очень. Вам нужно будет принять все меры предосторожности. Перед загоном поставьте ящик с дезинфицирующим средством и, выходя оттуда, непременно наступайте в него. Но лучше будет воду и корм давать им снаружи — обязательно после всех остальных, а к ним не входить вовсе.

— Что, если и другие перезаразились? Сколько их подохнет?

Еще один страшный вопрос. Справочники указывают на смертность от 80 до 100 %, но мой собственный опыт, говорил — все, сколько есть.

Я глубоко вздохнул.

— Лайонел, выздоравливают они очень редко.

Он медленно обвел взглядом новые бетонные загоны, поросят, сосущих матерей, привольно бродящих по двору боровков. Я почувствовал, что должен сказать хоть что-то.

— Впрочем, может быть, я и ошибся. Подождем ответа из лаборатории. А пока давайте им вот эти порошки. Подмешивайте в корм или растворите и вливайте.

Я уложил петли кишки в багажник, потом обошел свинарник, записывая его обитателей по категориям. Ибо меня поджидало еще одно тяжелое испытание — предстояло заполнить анкеты. Анкеты — мой вечный крест, чумная же анкета являла собой жуткое розовое полотнище с тесными строчками вопросов с обеих сторон — общее число маток, хряков, молочных поросят, боровков... И да смилуется небо над тем, кто напутает в счете!

Дома я весь вечер мучился над розовым ужасом, а потом занялся совсем уж кошмарным делом — упаковкой кишки для отправки на анализ. Министерство снабжало нас на этот случай особой тарой. На первый взгляд она состояла из куса волнистого картона, нескольких кусков пергамента, моточков мохнатой веревочки и листа оберточной бумаги. Однако, приглядевшись повнимательней, вы обнаруживали, что картон складывается в небольшую квадратную коробку. Инструкция категорически требовала уложить кусок кишки длиной в три фута во всю длину на пергамент, затем завернуть края пергамента внутрь и обмотать веревочкой.

Однако тут была одна загвоздка. К упаковке прилагались две черно-красные карточки с надписью: «Материал для анализа. Срочно!», а под ней — пунктиры для адреса фермы, где обнаружена болезнь, и еще много для чего. По краям обеих карточек имелись отверстия, через которые предлагалось продернуть концы веревочки, обвивавшей кишку, и только после этого закрыть коробку. Вторая карточка прикреплялась снаружи.

Я добросовестно произвел все требуемые операции, в заключение продел веревочку сквозь дырки в наружной карточке, обернул коробку в бумагу, завязал ее, и почувствовал, что у меня не осталось никаких сил. Подобные процедуры всегда выматывали меня куда больше самого сложного отела.

И вот тут-то, глядя остекленевшими глазами на два конверта, адресованные в министерство и в его филиал, а также на готовую к отправке картонку, я обнаружил, что первая карточка безмятежно покоем на столе.

— Сто тысяч чертей! — взвыл я не своим голосом. — Всякий раз так! Всякий раз я про нее забываю!

Хелен, видимо, решила, что со мной припадок — во всяком случае, она опрометью вбежала в аптеку, где я готовил посылку.

— Что с тобой? — испуганно спросила она.

Я виновато повесил голову.

— Извини, пожалуйста. Опять эта чертова чума свиней.

— Только успокойся, Джим! — Она посмотрела на меня с некоторым сомнением. — И если можно, не кричи так, детей разбудишь.

В мрачном молчании я распаковал коробку, вддел веревочку в карточку, снова запаковал... Сколько раз я проделывал это, и с какой ненавистью! Да, подумал я со злостью, для тихого вечера нет занятия приятней!

Я отвез посылку на вокзал, отправил ее, вернулся домой и попробовал найти утешение в одной из моих ветеринарных Библий — «Практической ветеринарии» Юдолла. Но даже она не принесла мне утешения. Выводы этого светила только подкрепляли мои собственные подозрения. Правда, будучи американцем, болезнь он называл «свиной холерой», но в остальном описывал именно ту картину, которую я наблюдал у поросят Лайонела. Он рекомендовал инъекции сыворотки здоровым свиньям в качестве превентивной меры, но я уже прибегал к этому средству — и безрезультатно. Не хватает мне еще впустую тратить деньги Лайонела именно тогда, когда они будут ему особенно нужны.

Ответ я получил через два-три дня: министерство не подтверждало наличия чумы свиней на указанной ферме. В тот же день мне позвонил Лайонел.

— Им все хуже. От ваших порошков пользы никакой, и еще один сдох.

Вновь я кинулся туда, произвел вскрытие и, разрезая кишку вдоль, решил, что на этот раз ошибки быть не может: ведь все язвочки чуть приподняты и концентричны. Уж теперь министерство даст подтверждение, и нам хотя бы станет ясно, что делать.

Еще один вечер ушел на заполнение анкеты и возню с упаковкой, но я твердо надеялся, что в ближайшие дни мои сомнения разрешатся. Когда из министерства пришел ответ, что установить чуму свиней не удалось, я готов был разрыдаться. И воззвал к Зигфриду:

— В какие игры они играют, черт побери? Может, вы знаете, как в лаборатории устанавливают наличие или отсутствие чумы?

— Разумеется! — Мой партнер окинул меня невозмутимым взглядом. — Кишку извлекают из обертки и швыряют в потолок. Прилипнет — реакция положительная, не прилипнет — отрицательная.

Я горько засмеялся.

— Это я уже слышал. И склонен поверить.

— Ну, не будьте так строги к министерским мальчикам, — советовал Зигфрид. — Вспомните, подтверждение они могут дать, только если уверены на все сто процентов. Ведь ошибка поставит их в идиотское положение. А такая картина возникает по самым разным причинам. Некротические язвы, например, появляются и при гельминтозах.

Я застонал.

— Да знаю, знаю! Я их и не виню. Но бедняга Лайонел Браф сидит на краю пропасти, а я ничем не могу ему помочь.

— Конечно, Джеймс, положение отвратительное. Как мне известно по горькому опыту.

Два дня спустя Лайонел позвонил и сказал, что сдох еще один поросенок. Язвы оказались более типичными, и, хотя я не мог предсказать, какое заключение даст министерство, мне уже было абсолютно ясно, что требуется от меня. Видимо, мой мозг работал и во сне, так как теперь я не задумался ни на секунду.

— Лайонел, вы должны немедленно забить всех ваших здоровых свиней!

Он посмотрел на меня с глубоким недоумением.

— Так они же еще тела не нагуляли. А супоросые матки как же?

— Я знаю, но если бы болезнь получила официальное подтверждение, я был бы обязан рекомендовать вам избавиться от них. Отправить их на рынок вы права не имеете. Однако я могу дать вам справки для продажи всех здоровых свиней на консервную фабрику.

— Так-то так, да...

— Я хорошо понимаю, Лайонел, что вы чувствуете. Это огромная беда. Но если болезнь распространится на других ваших свиней, про справки придется забыть и вам останется только наблюдать, как они издыхают. А так вы все-таки вернете около двух тысяч фунтов.

— Но те, которые на откорме... Еще бы два месяца... Я бы куда больше выручил.

— Да, но сейчас вы за них пусть меньше, но что-то получите, а если они заболеют, вам уже не на что будет надеяться. Да и помимо денег, все-таки лучше, если их забьют без лишних страданий и им не придется чахнуть у вас на глазах, как вот этим, верно?

Говоря это, я вновь остро ощутил трагичную сторону деревенской ветеринарной практики: очень большое число наших пациен-

тов кончало жизнь на бойне, а какими бы симпатичными ни были обитатели скотного двора, подоплека нашей работы с ними оставалась чисто коммерческой.

— Право уж, и не знаю... Это ведь не пустяк какой-нибудь.— Он опять обвел взглядом новый свинарник и его обитателей, которых так лелеял и холил, а потом повернулся и посмотрел мне прямо в глаза.— Ну а что, если у них не чума?

Действительно — что? Но солгать ему прямо в глаза я не мог.

— В таком случае, Лайонел, я не сберегу вам тысячи, а разорю вас на тысячи.

— Да... это я понимаю. Но вы-то сами уверены?

— Я вам уже объяснил, что поставить окончательный диагноз не имею права, но сомнений у меня никаких нет.

Он кивнул.

— Ладно, мистер Хэрриот. Садитесь, пишите ваши справки. Я вам как-никак доверяю.

«Как-никак доверяю» в устах простого йоркширца было большим комплиментом, мне оставалось лишь уповать, что я его доверия не обману. Достав голубые бланки, я принялся их заполнять.

Очень скоро новый свинарник опустел. Оставшиеся больные поросята гибли один за другим. Как ни страшна чума свиней, я был убежден, что особых страданий она не причиняет, и единственным проблеском света в этой черной беде была мысль, что больные животные тихо истаяли, а остальные тоже встретили легкую смерть. Никто из них не мучился.

Под конец пришло извещение из министерства, что болезнь подтвердилась. Я заехал с ним к Лайонелу, и, водрузив на нос очки, дорожник внимательно прочел его с начала и до конца.

— Значит, ваша правда была,— сказал он.— И хорошо, что мы сделали то, что сделали.— Сложив извещение, он вернул его мне.— Фабрика мне прилично заплатила, а стали бы мы тянуть, я бы вовсе ни при чем остался. Так что очень я вам благодарен.

Вот что мне сказал этот простодушный дорожный рабочий, после того как у него на глазах рухнул и рассеялся его воздушный замок. Ни стенаний, ни упреков — только благодарность.

Разные люди реагировали по-разному, когда чума поражала их свиней, но, слава богу, все это давно в прошлом. Сначала была найдена действенная вакцина, а затем министерство сельского хозяйства ввело обязательный забой, как при ящуре, и чуме свиней пришел конец. В течение уже почти тридцати лет мне не доводилось ни сталкиваться с подозрительными случаями, ни заполнять простыни анкет, ни возиться с картонными коробками и пергаментной бумагой. Но память о них все еще свежа.

А пока я спрашивал себя, как думает Лайонел использовать свою новую постройку. Он тщательно вычистил и продезинфицировал свинарник, но ничего объяснять не стал. Прошло четыре месяца, и я решил, что коммерческое животноводство его больше не манит, но ошибся.

Как-то вечером, осмотрев несколько собак и кошек, я снова заглянул в приемную и увидел, что в углу сидит Лайонел.

— Мистер Хэрриот,— объявил он с места в карьер,— я хочу опять за то же взяться.

— Завести свиней?

— Ну да. Чтобы хлев пустым не стоял. А то глядеть на него больно.

— Но вы абсолютно уверены? — спросил я, помолчав. — После такой беды? Я думал, у вас всякая охота пропала.

— Да нет, куда ей пропадать? Свиньи самое для меня милое дело. Одна только зацепка, почему я к вам и приехал. Могли с того раза там микробы остаться?

Не люблю я таких вопросов. Теоретически говоря, никакой инфекции в свинарнике к этому времени остаться не могло, но мне приходилось слышать, что от чумы свиней избавиться не так-то просто. Правда, четыре месяца... Конечно, свинарник должен быть уже вполне безопасным.

Но что толку, если ветеринар говорит «не знаю»? Лайонелу был нужен конкретный ответ.

— Я уверен, что поместить туда свиней можно без всяких опасений... если вы твердо решили.

— Чего уж. Значит, пора за дело браться. — Он вскочил и вышел из приемной, словно не хотел терять ни минуты.

И действительно, очень скоро свинарник огласился хрюканьем, фырканием и визгом. Не замедлила и судьба с новым ударом.

Когда Лайонел позвонил, мне показалось, что я еще ни разу не слышал в его голосе такой тревоги.

— Я только с работы вернулся, а со свинками худо: валяются по всему двору.

Мое сердце мячиком отскочило от ребер.

— То есть как — валяются?

— Ну, вроде в припадке.

— В припадке?

— Ну да. Лежат на боку, ногами дрыгают, рыло все в пене, а и встанут, так трех шагов не сделают, снова валятся.

— Еду!

Трубка ударилась о рычаг. У меня подгибались ноги. Я ведь заверил беднягу, что он может спокойно завести новое стадо, а чума свиней иногда дает и такие нервные симптомы. Я схватил Юдолла и лихорадочно перелистнул страницы. Черт, вот оно! «В начале возможны моторные расстройства — движение кругами, мышечные подергивания и даже судороги».

Я гнал машину по узкой дороге, ничего не видя по сторонам — ни мелькающих мимо деревьев, ни зеленых вершин за ними. Перед глазами маячила жуткая картина, которую мне предстояло увидеть.

Но она оказалась даже хуже, чем я ожидал. Много хуже. Двор был буквально устлан свиньями всех возрастов и размеров, от по-

росят до огромных супоросых маток. Некоторые еще пошатывались, падали на солому, снова поднимались, но остальные лежали на боку, дрожа, отчаянно дергая задранными ногами, а в пастях у них клубилась пена. Юдолл упомянул судороги, а уж таких судорог я в жизни не видывал.

Лайонел, землисто-бледный, молча вел меня от загона к загону. Кормящие матки лежали, вытянувшись, содрагаясь всем телом, а поросята отталкивали друг друга и дрались, пытаясь добраться до сосков. Хряк кружил по загону, словно слепой, натыкался на стены, оглушенно присаживался на задние ноги, точно собака. И ни единого здорового животного! Во всяком случае, такое создавалось впечатление.

Лайонел повернулся ко мне, стараясь улыбнуться.

— На этот раз вам ни единой справки писать не придется. Все полегли.

Я мог только уныло покачать головой в полном недоумении. Наконец, ко мне вернулась способность говорить:

— Когда это началось?

— Утром все были здоровы. Визжали, как всегда, чтобы я им скорее корм задал. Я вернулся — они уже в таком виде.

— Но, черт подери, Лайонел! — Мне с трудом удалось удерживать истошный вопль. — Так сразу не бывает! Тут что-то не то!

— Угу, водопроводчик это самое и сказал, чуть их увидел. Его прямо как дубиной оглушило.

— Водопроводчик?

— Ага. Хозяйка в обед заметила, что вода в поилку не идет, и вызвала Фреда Буллера. Он часа через два приехал. Сказал, что трубу засорило, ну и наладил все.

— Следовательно, они почти весь день не пили?..

— Выходит так.

Слава богу! Все встало на свое место. Не то, чтобы я очень ободрился, но, во всяком случае, бремя вины спало с моих плеч. Чем бы это ни кончилось, мне себя упрекнуть не в чем.

— Вот оно что! — прохрипел я.

Лайонел растерянно посмотрел на меня.

— Вы о чем? Что воды не было? Ну, конечно, пить им хотелось, так что?

— Это у них не от жажды. Они отравились солью.

— Как так? Соли они и в рот не брали. Откуда ей тут взяться?

— Корм для свиней всегда подсаливается... — Мои мысли неслись бешеным вихрем. С чего начать? Я ухватил Лайонела за локоть и потащил его во двор. — Быстрее! Надо поднять их на ноги!

— Они же всегда одинаковый корм получали. Что сегодня-то стряслось? — бормотал он, пробираясь по соломе.

Я подскочил к большой свинье, которая затихла между припадками судорог, и уперся ей в плечо.

— Они остались без воды. Вот, что стряслось. Из-за этого в мозгу образовалась большая концентрация соли и начались при-

падки. Толкайте, Лайонел, толкайте! Надо дотащить ее до поилки. Воды там теперь достаточно.

По-моему, он решил, что я брежу, но покорно помог мне поднять свинью и продолжал поддерживать ее со своего бока, пока она, пошатываясь, брела к длинному металлическому желобу у стены. Выпив несколько глотков, она рухнула на пол.

Лайонел тяжело перевел дух.

— Так она же выпила всего ничего.

— Да. И это хорошо. От лишней воды им становится хуже. А теперь возьмемся вон за ту. Очень уж смирно она лежит.

— Хуже? — Он наклонился над свиньей. — Это как же?

— Неважно, — пропыхтел я. — Главное, что лишняя вода им вредна.

Не мог же я признаться ему, что и сам не знаю, что это первое отравление поваренной солью в моей практике и руководствуюсь я только тем, что когда-то вычитал в учебнике.

Мы потащили вторую свинью к поилке, и Лайонел простонал:

— Господи, помилуй! Ну и чертова же штука. В жизни такого видеть не доводилось!

«И мне тоже», — подумал я. Оставалось надеяться, что в колледже меня учили тому, чему нужно.

Целый час мы без передышки подтаскивали свиней к желобу, а тем, которые не могли встать, вливали в глотку тщательно отмеренную дозу воды. Для этого мы разрезали носок у резинового сапога и, засунув его им в пасть, лили воду в голенище из стеклянной бутылки. Взрослая свинья сразу бы отгрызла горлышко.

Тем, у кого припадки были особенно тяжелыми, я сделал инъекцию снотворного, чтобы ослабить конвульсии.

Когда мы кончили, я оглядел свинарник. Все животные выпили немного воды и лежали возле поилки. Пока я смотрел, три-четыре свиньи поднялись, сделали несколько глотков и снова легли. Именно то, что нужно!

— Ну, что же, — произнес я устало. — Больше от нас ничего не зависит.

Лайонел пожал плечами.

— Ладно. Идемте в дом, выпьете чашку чая.

Его сгорбившаяся спина сказала мне, что он потерял всякую надежду. Но как я мог его винить? Мои объяснения и поступки должны показаться ему сумасшедшими. Я и сам склонялся к такому же мнению.

Когда в семь утра на тумбочке у кровати затрезвонил телефон, я потянулся за трубкой, не открывая глаз. Отел или послеродовый парез? Но звонил Лайонел.

— Мне на работу пора, мистер Хэрриот, так я подумал, может, вы захотите про свиней сразу узнать?

Меня словно холодной водой обдало.

— Конечно. Что они?

— Да хорошо.

— Как хорошо? Все живы?

— Все до единой.

— Но чувствуют они себя как? Еле на ногах держатся? Не едят?

— Да нет. Визжат вовсю, как вчера, завтрака требуют.

Я откинулся на подушку, не выпуская трубки из рук, и мой вздох облегчения, видимо, раздался в ней достаточно громко, потому что Лайонел весело усмехнулся.

— Вот и я тоже, мистер Хэрриот. Черт, ну просто чудо! Вчера-то мне помстилось, что вы свихнулись — соль-то, думаю, тут при чем? А вышло по-вашему.

Я засмеялся.

— Пожалуй. И не только в одном смысле.

За сорок лет практики мне пришлось столкнуться не более чем с пятью-шестью случаями отравления поваренной солью или обезвоживания — называйте, как хотите. Видимо, они — порядочная редкость. Но ни один из них по ужасу и по радости не идет ни в какое сравнение с тем, что мне довелось испытать в свинарнике Лайонела.

Я решил, что такая победа укрепит дорожника в роли свиноводы, но опять ошибся. Снова я навестил его месяца через два, и уже прощался, когда к нам подъехал на велосипеде улыбающийся молодой человек лет двадцати двух.

— Это Билли Фодергилл, мистер Хэрриот, — сказал Лайонел, знакомя нас, и мы обменялись рукопожатием. — С первого числа хозяйничать тут будет Билли.

— Что?

— Так он у меня купил свиней, а хлев берет в аренду. Он и за свиньями теперь ухаживает.

— Честно говоря, я этого не ждал, Лайонел. Мне казалось, что вы нашли себе занятие по душе.

Он посмотрел на меня с легкой усмешкой.

— Вот и мне так казалось. Только эта штука с солью здорово меня потряхнула. Я уж решил, что совсем ни при чем остался. В мои-то годы! А Билли три года прослужил свинарем у сэра Томаса Роу, и на днях женился. Вот и хочет вроде как свое хозяйство завести.

Я поглядел на молодого человека. Он был невысок ростом, но круглая голова, широкие плечи и чуть согнутые ноги создавали впечатление большой силы. Казалось, ему ничего не стоит прошибить кирпичную стену.

— Оно и к лучшему, — продолжал Лайонел. — Свинья штука хорошая, только меня все время что-то грызло. Тревога какая-то. А Билли справится. У него дело куда лучше пойдет, чем у меня.

Я снова взглянул на Билли, на курносое загорелое лицо, безмятежные глаза, спокойную улыбку.

— Да, конечно, он справится, — сказал я.

Лайонел пошел проводить меня к машине. Я потрогал его за плечо и спросил:

— Но ведь, Лайонел, вам скучно будет без ваших свиней. Вы всегда любили ухаживать за животными, верно?

— Оно так. И любил, и люблю. Без живности я никак не могу. И сарай у меня опять не пустой стоит. Вот, сами поглядите.

Мы пошли к сараю, открыли дверь, и время словно повернуло вспять. Корова, три теленка, две козы, две свиньи, куры, утки в прихотливо выгороженных закутках. Кроватные рамы, металлическая сетка, завязанные узлами веревки... Только обеденный стол занял место прямо у двери, а стойло коровы гордо отгораживала крышка концертного рояля.

Лайонел кивал на одно животное за другим и кратко сообщал мне историю каждого, а лицо его сияло тихой радостью, какой я на нем давно не видел.

— Но свиней-то всего две, э, Лайонел? — засмеялся я.

Он задумчиво кивнул.

— Ага. Больше и не надо.

Я попрощался с ним и пошел один к машине. Открывая дверцу, я посмотрел назад, повернувшись так, чтобы не видеть слишком уж нового свинарника, а только осененный деревьями старинный каменный домик и сарай. Лайонел, облокотившись о верхний край столешницы, погрузился в созерцание своей разнообразной живности; и дымок его трубки тянулся вверх на фоне зеленого склона. Все слагалось в удивительную гармонию, и я улыбнулся про себя.

Именно такое хозяйство и требовалось Лайонелу.

Воскресное июньское утро, и я мою руки на кухне Мэтта Кларка. Сияет солнце, порывистый ветер гуляет по склонам, и мне в окно четко видны все лощины, все складки на них, все скользящие по ним тени облаков.

Я оглянулся через плечо на белоснежную голову бабушки Кларк, склоненную над вязанием. Радио на комодке было настроено на утреннюю церковную службу, и старушка вдруг оторвалась от своего занятия и несколько мгновений внимательно слушала проповедь, а потом снова деловито защелкала спицами.

Бабушка Кларк приближалась к своему девяностолетию и всегда носила черные платья, а шею закутывала черным шарфиком. Она вступала в жизнь, когда фермерам приходилось очень туго, и весь свой долгий век без усталости трудилась не только в доме, но и на полях.

Я потянулся за полотенцем, и тут в кухню вошел фермер с Розы.

— Папочка, а мистер Кларк мне показал цыпляток! — сообщила она.

Старушка снова оторвалась от вязания.

— Это ваша дочка, мистер Хэрриот?

— Да, миссис Кларк, это Роза.

— Да, конечно же! Я ведь ее уже видела и не один раз. — Она отложила работу, тяжело поднялась с кресла, прошаркала к буфету, достала яркую жестянку и извлекла из нее шоколадку.

— Сколько же тебе теперь лет, Роза? — спросила она, вручая шоколадку.

— Спасибо! Мне шесть лет, — ответила моя дочка.

Старушка посмотрела сверху вниз на улыбающееся личико, на крепкие ножки в сандалиях и погладила натруженной рукой румяную щечку.

— Умница, деточка, — сказала она и заковыляла к своему креслу. Йоркширские старики не склонны к излишним чувствам, и эта мимолетная ласка показалась мне благословением. Старушка тем временем снова зашелкала спицами.

— А как ваш сынок? Как Джимми? — спросила она.

— Спасибо, хорошо. Ему уже десять, и сегодня он ушел гулять с приятелями.

— Десять, э? Десять и шесть... Десять и шесть... — На секунду ее мысли словно унеслись куда-то далеко, но потом она снова поглядела на меня. — Может, вы этого и не знаете, мистер Хэрриот, да только сейчас — лучшее время в вашей жизни.

— Вы так думаете?

— Чего же тут думать? Если кругом тебя твои дети, и ты видишь, как они растут, лучше в жизни ничего не бывает. Оно так для всех. Да только одни про это вовсе не знают, а другие спохватываются, когда уже поздно. Время-то не ждет.

— По-моему, миссис Кларк, я это всегда понимал, хотя особенно и не задумывался.

— Верно, верно, молодой человек. — Она одарила меня лукавой улыбкой. — Ведь вы никогда без сына или дочки не приезжаете!

На обратном пути слова старушки продолжали звучать в моих ушах. Вспоминаются они мне и теперь, когда мы с Хелен собираемся отпраздновать рубиновую свадьбу — сорокалетие нашего брака. Жизнь нам улыбалась и продолжает улыбаться. Нам очень повезло, и мы прожили много счастливых лет, но думаю, самыми счастливыми были те, которые назвала бабушка Кларк, и Хелен со мной согласна.

А в то июньское утро, вернувшись в Скелдейл-Хаус, я застал там Зигфрида, пополнявшего запас медикаментов в багажнике своей машины. Ему помогали его дети, Алан и Дженет, которых он, как и я, обычно брал с собой.

— Ну, на ближайшие дни хватит, — объявил он, захлопывая крышку багажника и улыбаясь мне. — Пока нет вызовов, Джеймс, давайте прогуляемся по саду.

Дети помчались вперед, а мы неторопливо вышли следом за

ними в длинный сад позади дома, где солнечные лучи попадали в плен старинной высокой кирпичной ограды и ветер, разбиваясь о нее, только шелестел верхушками яблонь.

На лужайке Зигфрид улегся в траву, опершись на локоть, а я сел рядом. Мой партнер сорвал стебелек и задумчиво его пожевал.

— А акации все-таки жаль, — пробормотал он.

Я взглянул на него с удивлением. Сколько лет прошло с тех пор, как буря повалила красивое дерево, осенявшее лужайку!

— Да, конечно. Она была такой чудесной... А помните, — продолжал я, — как я заснул под ней в тот день, когда приехал сюда по вашему объявлению? Собственно, мы познакомились на этом самом месте.

Зигфрид засмеялся.

— Конечно, помню! — Он поглядел вокруг на ограду, кирпичу и каменной облицовке которой время давно уже придало благородный цвет, на альпийскую горку и розовые кусты, на детей, играющих у старого курятника в глубине. Честное слово, Джеймс, нам с того дня немало довелось пережить вместе! Как говорится, с тех пор много воды утекло...

Мы помолчали, а в моей памяти воскресли невзгоды и радости тех лет. Сам того не заметив, я откинулся в траву и закрыл глаза. Лицо мне щекотали солнечные лучи, среди цветов гудели пчелы, грачи горланили на вершинах вязов, окаймлявших двор...

Откуда-то издалека донесся голос моего партнера:

— Э-эй! Опять вы за старое? Ждете чтобы я вас снова разбудил?

Я присел, сонно мигая.

— Черт! Извините, Зигфрид. Но мне в пять утра пришлось поехать на опорос, вот меня и разморило.

— Ну, что же, — заметил он с улыбкой. — Значит, нынче вечером обойдетесь без своей снотворной книги.

— Да, конечно, — засмеялся я. — Сегодня она мне не понадобится.

Ни Зигфрид, ни я бессонницей особенно не страдали. Но на тот редкий случай, когда сон никак не приходил, мы обзавелись каждый своей книгой. Моей были «Братья Карамазовы», великий роман, но усыплявший меня именами действующих лиц. Не успевал я открыть его, как эти имена начинали меня убаюкивать. «Алексей Федорович Карамазов был третьим сыном Федора Павловича Карамазова». А к тому времени, когда я добирался до Григория Кутузова, Ефима Петровича Поленова, Степаниды Бедрягиной и прочих, сон уже уносил меня прочь на легких крыльях.

Зигфрид держал у себя на тумбочке монографию по физиологии глаза. Один абзац неизменно погружал его в дремоту. Как-то он показал его мне. «Первая ресничная мышца соединена с ресничным телом и, сокращаясь, тянет ресничное тело вперед, тем самым вызывая ослабление связки хрусталика, тогда как вторая ресничная мышца, представляющая собой кольцевую мыш-

цу, вросшую в ресничное тело, сокращаясь, приближает ресничное тело к хрусталику». Дальше этого ему пробраться не удавалось.

— Нет,— ответил я, протирая глаза и переворачиваясь на бок.— Нынче мне снотворное не понадобится! Да, кстати, сегодня я был у Мэтта Кларка...— И я рассказал про свой разговор с бабушкой Кларк.

Зигфрид сорвал травинку и сунул ее между зубов.

— Она мудрая старушка и видела на своем веку все. Если она права, нам с вами в будущем ни о чем не придется жалеть, потому что мы оба не расставались с нашими детьми, пока они росли.

Мною вновь овладела дремота, но Зигфрид разбудил меня, объявив:

— Знаете, Джеймс, ведь то же самое относится и к нашей работе. И тут мы опять-таки живем в счастливое время.

— Вы так думаете?

— Безусловно! Вспомните о всех послевоенных новшествах! Медикаменты и методики, которые нам и не грезились. У нас появилась возможность лечить животных куда лучше, и фермеры это отлично понимают. Вы заметили, как в базарные дни они набиваются в приемную, чтобы попросить совета. Они теперь куда больше уважают науку и знают, что обратившись к ветеринару, много выгадывают.

— Правда,— согласился я.— Бесспорно, мы сейчас нарасхват. Ну и министерской работы хватает.

— Да, все кипит. Хотите держать пари, Джеймс, что именно сейчас наша профессия переживает свой расцвет?

Я помолчал, а потом ответил:

— Возможно, вы правы. Но в таком случае нас ожидает увядание?

— Да, нет, конечно! Просто одно новое будет сменяться другим. Мне часто кажется, что мы только-только начинаем. Например, работу с мелкими животными.— Зигфрид погрозил мне изжеванным стебельком. В его глазах вспыхнул энтузиазм, всегда заражавший и меня.— Поверьте, Джеймс, впереди нас ждут замечательные дни!

Джеймс Хэрриот

И ВСЕ ОНИ — СОЗДАНИЯ ПРИРОДЫ

Заведующий редакцией В. С. Власенков
Научный редактор Р. В. Дубровская
Младший редактор И. Б. Ильченко
Художник А. И. Чаузов
Художественный редактор Н. М. Иванов
Технический редактор Л. П. Бирюкова
Корректор Т. И. Стифеева

ИБ № 6933

Сдано в набор 14.09.88. Подписано к печати 24.08.90. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офс. № 2. Печать офсетная. Гарнитура литературная. Объем 8,25 бум. л. Усл. печ. л. 16,50. Усл. кр.-отт. 16,75. Уч.-изд. л. 18,66. Изд. № 9/6423. Тираж 400 000 экз. (4 завод — 300 001—400 000). Зак. 145. Цена 3 р. 50 к.

Издательство «Мир»

В/О «Совэксспорткнига»

Государственного комитета СССР по печати.
129820, ГСП, Москва И-110, 1-й Рижский пер., 2.

Отпечатано в типографии № 6 ордена Трудового
Красного Знамени издательства «Машиностроение»
Государственного комитета СССР по печати, 193144,
г. Ленинград, ул. Моисеенко, 10, с диапозитивов
Ленинградской типографии № 2 головного предприятия
ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского
объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой
Государственного комитета СССР по печати.
198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский пр., 29.

Вниманию читателей!

Книгой

«И ВСЕ ОНИ — СОЗДАНИЯ ПРИРОДЫ»

редакция научно-популярной и
научно-фантастической литературы
издательства «Мир»
заканчивает выпуск серии очерков
Джеймса Хэрриота.

Ранее были опубликованы

«О ВСЕХ СОЗДАНИЯХ — БОЛЬШИХ И МАЛЫХ» (1985)

и

«О ВСЕХ СОЗДАНИЯХ — ПРЕКРАСНЫХ И УДИВИТЕЛЬНЫХ» (1987)

В 1989 году
в издательстве «Мир»
выйдет книга:

А. Ньюмен «Легкие нашей планеты»,
перевод с английского.

Яркая, информативная, взволнованная книга Ньюмена о тропических лесах, которые по праву называют «легкими планеты», будет ценным пособием для пропагандистов охраны окружающей среды, преподавателей, студентов и многочисленных любителей природы.

8/10

